ЛЮБИТЕЛЯМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КЛУБ "ЗОЛОТОЕ ПЕРО"

ГУСТАВ ЭМАР

Золотая Кастилия

КЛУБ
"ЗОЛОТОЕ
ПЕРО"

ЛЮБИТЕЛЯМ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГУСТАВ ЭМАР

Золотая Кастилия
Медвежонок
Железная Голова

ББК 84.4
Э59

Оформление серии
ВЛАДИМИРА КАТИНА

Иллюстрации
АЛЕКСАНДРА ЯЦКЕВИЧА

Эмар Г.
Э59 Золотая Кастилия: Романы/Пер. с фр.— М.: Топикал, 1993.— 448 с., ил.— (Клуб «Золотое перо»: Любителям прикл.).

В серии «Клуб «Золотое перо» публикуются историко-приключенческие романы известного французского писателя «Золотая Кастилия» и «Медвежонок Железная Голова». Первый из них завершает трилогию, два романа которой «Флибустьеры» и «Морские цыгане» опубликованы в предыдущем выпуске. В увлекательном, насыщенном приключениями романе «Медвежонок Железная Голова» встречаются знакомые читателю герои, но действие происходит спустя многие годы.

Издатели старались сохранить стиль автора, так как его собрание сочинений на русском языке было издано много лет назад.

ISBN 5-85256-007-3 ББК 84.4

© Художественное оформление серии, иллюстрации, составление. «Топикал» ● 1993

Золотая Кастилия

I

ЛОДКА

Сентября 25-го 16.. г., в ту самую минуту, когда солнце обильно проливало свои лучи на землю, томившуюся от зноя, легкая лодка, в которой сидели три человека, обогнула мыс Коквибакоа, проехала вдоль западного берега бухты Венецуэла и остановилась на песке у самого устья реки, не имеющей названия, проложив себе путь сквозь высохшие деревья и растения всех сортов, которые в этом месте почти совершенно загромождали течение этой мелкой реки.

Люди эти советовались шепотом несколько минут, тревожно рассматривая оба берега, довольно близкие в этом месте. Один из этих людей, более недоверчивый, а может быть, более благоразумный, чем его товарищи, вынул из кармана зрительную трубу, инструмент очень редкий в то время, и, направив ее на один пункт, стал рассматривать чащу леса, потом сказал:

— Мы можем сойти на землю; на целую милю вокруг нас нет ни одного человеческого существа.

Тогда все трое выпрыгнули на берег, крепко привязали свою лодку, нос которой уже твердо воткнулся в песок, и сели в тени деревьев, густые ветки которых представляли восхитительное убежище от знойных лучей солнца.

Мы сказали, что в лодке приехали три человека. Испанский часовой, стоявший на башне Гвет, возвышавшейся над входом в бухту Венецуэла, следил презрительным взором за легкой лодкой, которая прошла на ружейный выстрел от занимаемого им поста; сонный солдат, обманутый жалким видом лодки, принял ее за пирогу, которую употребляют индейцы для рыбной ловли, и не заботился о ней более. Однако, если бы внимательнее рассмотрел ее, он задрожал бы от страха и призвал бы к оружию, узнав в мнимых индейцах не только Береговых Братьев, но главных их начальников: Монбара-Истребителя и Тихого Ветерка. Действительно, это они въехали так смело в бухту Венецуэла. Товарищ их был человек лет тридцати пяти, роста огромного, геркулесовской наружности; гигант этот, как это часто случается, имел открытое, свежее и румяное, как у молодой девушки, лицо, толстые, красные и чувствительные губы, великолепные белокурые волосы, падавшие шелковистыми кудрями на его плечи,— словом, наружность его имела вид очаровательного добродушия, вовсе не походившего на простодушие и нравящегося с первого взгляда.

Костюм его состоял из фуражки с козырьком, из рубах, надетых одна на другую, панталон, казакина из грубого полотна. Его сильные и мохнатые, как у медведя, ноги были голы; только сандалии из свиной кожи предохраняли подошвы от укуса змей или камней на дороге. На нем был пояс из бычьей кожи, на котором висели с одной стороны пороховница и мешочек с пулями, а с другой — футляр из крокодиловой кожи с четырьмя длинными и широкими ножами и штыком; свернутая палатка из тонкого полотна была переброшена через плечо и дополняла его костюм. При нем еще было ружье.

Этот человек был работник Монбара и назывался Данник. Он был вполне предан своему господину, которому

принадлежал уже два года. Монбар всегда выбирал его предпочтительно в опасных рекогносцировках, обыкновенно предшествовавших его экспедициям.

Мы забыли упомянуть о великолепной испанской собаке, белой с рыжим, с длинными, широкими и висячими ушами, глаза которой сверкали умом. Она также выпрыгнула из лодки и по знаку работника легла у его ног. Эта последняя носила гармоническое имя Монако.

По какому стечению обстоятельств эти три человека и эта собака очутились так далеко от берегов, на которых они жили, в бухте Венецуэла, то есть на испанской земле и, следовательно, среди самых непримиримых своих врагов? Это мы, без сомнения, узнаем, прислушавшись к их разговору.

Тихий Ветерок, как только сел, начал искать во всех своих карманах, выворачивая их один за другим и, по всей вероятности, отыскивая что-то, чего не мог найти; наконец, отказавшись от дальнейших поисков, он ударил себя по боку и вскричал с досадой:

— Конечно, только этого недоставало!

Монбар повернул к нему голову.

— Что с тобою?— спросил он.

— Я потерял трубку и табак,— ответил флибустьер,— понимаешь ты это? Что теперь буду я делать?

— Обойдешься и без этого,— сказал Монбар,— до тех пор, пока достанешь другую.

— Обойтись без табаку!— вскричал флибустьер с глубоким удивлением.

— Я не вижу другого способа; ты знаешь, что я не курю.

— Это правда,— сказал он с унынием,— надо признаться, что с некоторых пор нам удачи нет.

— Ты находишь?— спросил Монбар со странной улыбкой.— Я с тобою не согласен.

— Тогда другое дело,— пробормотал флибустьер, потупив голову,— положим, что я не сказал ничего.

— У меня есть табак,— смиренно сказал работник,— правда, немного, но достаточно, если вы желаете.

— Как! Если я желаю?— вскричал он с радостью.— Дай, любезный Данник, дай! Ты, сам того не подозревая, мой милый, спасаешь мне жизнь в эту минуту.

— Вот как!— возразил работник тихим голосом.— Вы думаете?

— То есть, я это знаю наверно, поэтому поторопись.

— Я схожу в лодку; я там оставил под скамейкой, чтобы табак был посвежее.

— Какой драгоценный человек! Он думает обо всем,— сказал смеясь Тихий Ветерок.

Данник встал и пошел к лодке, но на половине дороги остановился и поспешно наклонился, вскрикнув от удивления.

— Зачем ты кричишь?— спросил Тихий Ветерок.— Разве ты нечаянно наступил на змею?

— Нет,— отвечал тот,— но я нашел ваш табак и вашу трубку; посмотрите-ка.

Он показал ему на карман, сшитый из пузыря вепря, и трубку из красной глины с черешневым чубуком, которые он поднял в траве.

— Это мои,— обрадовался Тихий Ветерок,— я, должно быть, нечаянно выронил дорогой. Ну, по милости Божией, беда не так велика, как я думал.

Он начал набивать трубку, которую ему принес Данник, и закурил ее с наслаждением, отличающим записных курильщиков. Работник лег в тень.

— Итак, старик,— сказал Монбар, улыбаясь,— ты теперь не находишь себя несчастным?

— Да, признаюсь; однако, не во гнев тебе будь сказано, до сих пор мы не можем похвалиться удачею.

— Ты слишком требователен, при первой неудаче теряешь голову и считаешь себя погибшим.

— Я не считаю себя погибшим, Монбар, особенно, когда я с тобою; но...

— Но,— перебил знаменитый флибустьер,— ты считаешь себя в опасности, не так ли?

— Почему же мне не сознаться в этом, если это справедливо?

— Хорошо, у нас еще есть время, так как мы хотим пропустить жару, прежде чем опять пустимся в путь. Говори; я слушаю тебя.

— Ты все еще намерен отправляться туда?— с удивлением спросил Тихий Ветерок.

— Ты знаешь,— с живостью сказал Монбар,— что я никогда не переменю раз принятого намерения.

— Это правда; окончательно я становлюсь идиотом.

— Я не стану об этом спорить с тобою, ты должен знать это лучше меня, но не об этом идет речь.

— А о чем же?

— О неудачах, как ты говоришь.

— Это другое дело; не нужно быть колдуном, чтобы видеть это.

— Объяснись.

— Если ты требуешь.

— Конечно, я непрочь узнать, что должен думать об этом; говори без опасения.

— О! то, что я скажу, будет кратким. Мы уехали из гавани Марго на хорошем корабле; нас было сорок человек, решительных и готовых пуститься на всякое предприятие, какое ты вздумаешь нам предложить; мы едем две недели, не примечая белого крыла чайки на поверхности моря; нам наскучило это уединение, и мы приближаемся к берегам в надежде на хорошую поживу. Северо-западный ветер заставляет нас убираться подобру-поздорову, и мало того, в ту минуту, когда мы менее всего этого ожидаем, наша бедная шхуна прямо попадает на проклятую подводную скалу, которую мы не видим, и раскалывается надвое, так что через час идет ко дну, и наши бедные товарищи вместе с нею; к счастью,...

— А!— перебил Монбар,— ты веришь; к счастью, замечаю твое противоречие; стало быть, не все же нас преследовали беды.

— Замечай, что хочешь, наш корабль все-таки пошел ко дну и потопил наших товарищей.

— Что могли мы сделать? Разве это была моя вина?

— Я не говорю этого, конечно, не наша.

— Ну что же случилось? Мы случайно взяли пирогу, брошенную на берегу; но по какому-то предчувствию я велел Даннику положить туда съестные припасы, порох, оружие. В минуту несчастья он перерезал канат, связывающий пирогу со шхуной, отъехал подальше, чтобы не быть опрокинутым тонущей шхуной, и принял нас в ту минуту, когда, истощенные усталостью, мы чуть не пошли ко дну; а через шесть часов после этого мы вошли в бухту Венецуэла, где теперь нам нечего опасаться бури, и заметь, только одни остались живы из всего нашего экипажа.

— Да это правда; я с этим согласен; но мы находимся вдали от всех наших братьев, предоставленные нашим собственным силам в такой стране, где и звери, и люди, все нам враждебно. Согласись, что ничего не может быть неприятнее; а теперь, если ты хочешь, не будем больше об этом говорить.

— Послушай, Тихий Ветерок,— сказал Монбар,— пора узнать тебе мои мысли.

— Как ты хочешь,— равнодушно ответил Тихий Ветерок,— мне все равно, умереть здесь или в другом месте, только бы погребение мое было хорошее.

— Будь спокоен, друг; если мы останемся здесь, то исчезнем не иначе, как среди грома и молнии.

— Ну и прекрасно! А теперь к черту печаль! От забот и кот издохнет, как говорит пословица; я не хочу ничего больше знать.

— Может быть; но я хочу сообщить тебе мои намерения, чтобы ты помог мне их исполнить.

— Хорошо. Говори, если хочешь.

— Слушай меня с вниманием; дело стоит того. Шесть недель тому назад я получил на Черепахе, где находился в то время, известие чрезвычайно важное.

Тихий Ветерок несколько раз покачал головой.

— Хорошо,— прошептал он,— далее.

— Я вооружил шхуну нарочно для того, чтобы приехать сюда; я имел намерение спрятать ее в какой-нибудь бухте, потом взять с собою в лодку пять-шесть, самых решительных, приехать сюда...

— Стало быть, все как следует, только вместо шестерых нас трое, а это все равно. Так и надо было сказать сейчас; хорошо; теперь, когда я знаю, что мы должны были приехать сюда, я уже не тревожусь.

— Да, но мы не здесь должны остановиться,— сказал Монбар с улыбкой.

— Мы едем дальше?

— Да, немножко,— ответил флибустьер,— мы едем в Маракаибо.

— Что?— вскричал Тихий Ветерок с удивлением.— В Маракаибо?

— Да.

— Но ты знаешь, что в этом городе по крайней мере тысяч двенадцать жителей.

— Что мне до этого?

— Там гарнизона шесть тысяч человек.

— Большая мне нужда!

— Пушки...

— Еще что?

— Уж не имеешь ли ты намерения взять Маракаибо?— закричал Тихий Ветерок не только с изумлением, но почти с испугом, до того казалось ему странным хладнокровие Монбара.

— Может быть,— ответил Монбар с тем насмешливым спокойствием, которое не оставляло его с начала разговора.

— Я видел много отважных твоих экспедиций, но если эта удастся, она будет самая невероятная. Итак, ты, я, Данник и Монако будем атаковать Маракаибо,— прибавил Тихий Ветерок смеясь.— Мысль оригинальная; вероятно, нам не удастся, но это все равно; все-таки хорошо будет это предпринять. Мысль достойная тебя, и, что ни случилось бы, я присоединяюсь к ней от всего сердца.

— Когда ты перестанешь насмехаться,— сухо сказал Монбар,— я буду продолжать.

— Я не насмехаюсь, друг мой, но эта мысль — прости за выражение — кажется мне до того шутовскою...

— Что, по твоему мнению, я помешался, не так ли?— с живостью перебил Монбар.— Успокойся, я нахожусь в полном рассудке; я никогда не был так спокоен, как в эту минуту; я не имел намерения даже с помощью Монако атаковать Маракаибо; после мы увидим, что будет. А теперь просто надо только войти в город.

— Гм! это просто кажется мне очень трудным; признаюсь в моем неумении, и если ты не придумаешь способа...

— Я придумаю, когда настанет время.

— Но прежде чем вступить в город, надо добраться до него, а это, кажется мне, не очень легко.

— Нам осталось только двенадцать лье, не более.

— Со мною случались такие минуты, когда и четверть лье трудно было пройти. Однако, что же хочешь ты делать?

— Друг мой, в такой отважной экспедиции, как наша, когда всякая вероятность на успех против нас, составлять планы было бы глупостью; лучше руководствоваться случаем. Случай всегда был покровителем Береговых Братьев. Он нам не изменит.

— Я вижу, что, если это продолжится, очень весело нам будет.

— Ты раскаиваешься, что поехал со мною?

— Черт побери! Только мне хотелось бы, чтоб Мишель Бискаец и Олонец тоже были с нами, а их нет.

— Как же быть? Милый друг, надо обойтись без них.

— Досадно будет, особенно Мишелю, когда они узнают, что мы сделали без них.

— Теперь, если ты немножко отдохнул, так как жара уже не так сильна, мы будем продолжать путь.

— А долго нам придется грести, как караибам?

— Нет, только до завтра.

— Ну и слава Богу! А все-таки мы поступаем очень оригинально. Стало быть, полученное тобою сведение было серьезно на этот раз?

— Да,— отвечал Монбар,— кажется, я теперь напал на след; горе тем, кто попытается обмануть меня и сделать жертвою засады! Испанцы еще меня не знают,

если считают настолько тупым, чтобы я решился попасть в ловушку! Как ни велик и силен Маракаибо, я сожгу его дотла.

— Непременно хочет,— пробормотал Тихий Ветерок,— но кто знает? Странно будет, если он найдет его после двадцати лет,— прибавил он.

В ту минуту, когда флибустьеры выдвинули лодку на воду, они услышали довольно отдаленный крик и почти тотчас двойной выстрел.

— Здесь дерутся,— сказал Тихий Ветерок.

— Какое нам дело?— ответил Монбар, пожимая плечами.— Поедем!

Они взяли весла и стали пролагать своей лодке путь сквозь заросли и стволы деревьев, грозившие каждую минуту опрокинуть их утлый челнок.

II

ТРИ ЧЕЛОВЕКА И ПЯТЬСОТ АЛЛИГАТОРОВ

Берега реки, на которой находились авантюристы, были самые живописные; к пяти часам пополудни озеро средней величины предстало их глазам.

На восточном берегу находились обширные болота, на западе — большие леса и померанцевые деревья; потом они проехали мимо бухты, окаймленной кипарисами. Оба берега сближались тут таким образом, что составляли род узкого канала, который вел к другой реке, называемой Транидад.

Приближался вечер; пора была подумать, как устроиться на ночлег; в этих тропических странах мрак без перехода заменяет свет; едва закатится солнце, настает густая темнота.

Флибустьеры в этих совершенно неизвестных для них местах не знали, где остановиться, когда на повороте реки

приметили небольшой мыс, почти полуостров, где земля была совершенно покрыта померанцевыми деревьями, молодыми дубами, магнолиями и пальмами.

— Поедем туда,— сказал Монбар,— лучше не найдем.

— Поедем,— ответил Тихий Ветерок.

Они обогнули реку и пристали к избранному ими месту, которое действительно было так удобно, как они только могли пожелать.

Это была кругообразная пристань, имевшая в этом месте около двенадцати футов вышины. За этим пригорком находилось большое кипарисовое болото, а за ним виднелись зеленые равнины с маленькими пригорками, заросшими магнолиями и пальмами; эти пригорки были не что иное, как груды раковин, накопившихся на берегу ручьев, извивающихся по этим огромным равнинам и получающих воду, которой эти равнины орошаются во время зимы.

Флибустьеры раскинули свой стан на открытом месте в нескольких шагах от лодки, которую они крепко привязали у большого дуба, без сомнения, старейшего в этих диких областях, который рос одиноко на самой возвышенной части, как будто хотел царить над грандиозным пейзажем, окружавшим его. Поместившись таким образом, флибустьеры могли видеть все, что происходит на реке.

Когда Данник собрал достаточное количество дров, чтоб развести огонь на ночь, он хотел заняться ужином; было поздно, день был утомительный, и эти три человека имели хороший аппетит; но, рассматривая провизию, работник приметил, что почти не осталось ничего. Это было очень важно; флибустьеры посоветовались. Все трое были люди, привыкшие к жизни американских степей, и без всякого беспокойства осмотрели окрестности своего временного жилища, чтоб удостовериться, какие ресурсы они могут им предложить.

За пятьдесят шагов от их лагеря начиналась бухта, очень узкая, но расширявшаяся и составлявшая небольшое озеро, оканчивавшееся болотом. На берегах озера росли

разные морские растения, близость которых любит форель; по всей вероятности, тут можно было наудить этой рыбы. Следовательно, часть ужина была почти найдена. Сверх того, берега и островки лагуны были усыпаны растениями и кустами в цвету; стаи бакланов с распростертыми крыльями бегали и прятались, играя под муравой; на воде плавали молоденькие чирки; они спокойно следовали за своими матерями, и часто некоторых выхватывали огромные форели, делавшиеся в свое время добычею какого-нибудь жадного крокодила. Следовательно, к ужину было все: и рыба, и дичь, и вкусные плоды; оставалось только наудить форели, убить бакланов и чирков и нарвать плодов.

Работу разделили. Монбар взял на себя охоту, Тихий Ветерок — рыбную ловлю, Данник пошел собирать плоды, а Монако караулил стан, с интересом следя за движениями своих хозяев.

Погода была тихая и довольно свежая; крокодилы начинали реветь и показываться в большом количестве вдоль берегов. Вдруг аллигатор вышел из-под листьев и тростника, среди которых до тех пор скрывался. Страшное животное раздуло свое огромное тело, время от времени приподнимая свой шероховатый хвост. Вода лилась из его полуоткрытой пасти, и из ноздрей вырывался пар. От рева его задрожал берег.

Три флибустьера остановились среди своего занятия и, несмотря на свою храбрость, задрожали от ужаса. На крик аллигатора ответил другой такой же крик с противоположного берега, и показался другой аллигатор. Два чудовища бросились друг на друга, вспенивая воду на своем пути.

Тогда началась страшная битва, или лучше сказать, поединок. Сцепившись друг с другом, они сначала исчезли в воде, из глубины которой тотчас поднялась густая тина, взмутившая воду на большом расстоянии. Они скоро появились опять, все сцепившись; наполняя воздух беспрестанным шумом своих тяжелых челюстей, они снова погрузились в воду, и битва кончилась в глубине озера.

Побежденный, пользуясь, вероятно, мутной водой, спрятался в отдаленном болоте. Победитель явился на поле битвы; он ревел от радости. Многочисленные аллигаторы — свидетели поединка завыли, приветствуя его; эхо повторило эти страшные крики, отдавшиеся вдали, в испуганных лесах.

Это страшное зрелище, при котором флибустьеры присутствовали невольно, внушило им серьезные опасения; они чувствовали, что каждая минута увеличивает их затруднения и опасность. Солнце закатывалось; крокодилы прибывали со всех сторон к той пристани, на которой буканьеры раскинулись станом на ночлег. Соображения эти принудили их кончить как можно скорее ловлю в реке рыбы и чирков. Монбар и Тихий Ветерок позвали Данника и уехали с ним в лодке, оставив лагерь под караулом Монако. Они оставили свои ружья, которые сделались для них бесполезными, и вооружились тяжелыми копьями, более удобными для защиты против аллигаторов, если б те вздумали на них напасть.

Когда они добрались до первой линии аллигаторов, те расступились; однако так как самые большие поплыли за ними, то флибустьеры, остерегаясь, стали сильно грести ко входу в лагуну, в надежде, что там они будут в безопасности от нападающих. Но на половине дороги на флибустьеров двинулись аллигаторы — вдруг, со всех сторон. Некоторые старались даже опрокинуть лодку; четыре самых больших вдруг напали на нее, они ревели страшным образом и изрыгали пену на флибустьеров, положение которых становилось критическим; флибустьеры каждую минуту ожидали, что будут сброшены в реку и сожраны. Им удалось, однако, с чрезвычайными затруднениями стать у берега, вдоль которого они могли подвигать лодку, не подвергаясь такой большой опасности. Пока Монбар и Тихий Ветерок гребли, Данник, вооруженный огромным копьем, держал аллигаторов поодаль. Воспользовавшись этою отсрочкою, флибустьеры наловили форели и набили чирков, потом поспешили как можно скорее воротиться в свой стан. Хотя аллигаторы столпились перед

входом в пристань, однако отважные флибустьеры сумели добраться до своего стана.

Первым старанием их было вытащить на берег лодку, чтобы чудовища не опрокинули ее и не потопили. Взяв из нее все, что в ней лежало, флибустьеры расчистили землю около себя, чтобы на пути их не было никакого препятствия, в случае ночного нападения с реки или же с земли. Действительно, они приметили, что перешеек, выбранный ими по причине своего уединенного положения и изобилия, посещается волками и медведями, следы которых были хорошо видны.

Осмотрев окрестности стана, флибустьеры занялись приготовлением ужина и развели костер.

Было уже темно; крокодилы прекратили свой рев, и только флибустьеры начали есть с аппетитом, когда страшный шум, вдруг поднявшийся с реки недалеко от их стана, снова возбудил их внимание. Тут они стали свидетелями странного зрелища, наполнившего их удивлением и восторгом. Шум, услышанный ими, происходил от бесчисленного множества аллигаторов, скопившихся у входа в пристань. Река по всей поверхности от одного берега до другого была сплошь покрыта рыбами разного сорта, которые теснились в этом узком канале, чтобы пройти из реки в озеро. Крокодилы, ожидавшие их, были так многочисленны и так плотны друг к другу, что реку, казалось, можно было пройти по их головам.

Пером невозможно описать страшное истребление, когда густая колонна рыб силилась проложить себе путь; миллионы были поглощены голодными чудовищами. Крокодилы выбрасывали из воды по нескольку рыб сразу, схватывали их на лету и раздирали зубами, хвосты форели висели у их губ и закрывали им глаза, пока они проглатывали головы; челюсти их стучали со страшным шумом. Потоки крови и воды выходили из их пасти, из ноздрей изрыгались клубы пара. Это страшное убийство длилось, пока не были истреблены все рыбы, стремившиеся пройти, то есть всю ночь.

Как ни было ужасно это зрелище, однако оно способ-

ствовало успокоению флибустьеров: причиною этого собрания крокодилов было периодическое возвращение рыб, и крокодилы были слишком заняты в своей собственной стихии, насыщая себя, чтобы напасть на стан.

Итак, флибустьеры принялись ужинать, потом подбросили дров в огонь, чтобы он не погас, и скоро заснули с тою беззаботностью, которую может дать лишь одна привычка к опасности.

Было около двух часов утра, когда Данника вдруг разбудил Монако, который лизал ему лицо и тихо ворчал.

— Что с тобою, моя добрая собака?— сказал великан, протирая глаза и удивленно-настороженно озираясь. Все было спокойно и тихо, в чем Даннику легко было удостовериться по милости света, изобильно проливаемого лучами луны и миллионами звезд, усыпавших небо. Однако работник, убежденный в понятливости собаки и в том, что она разбудила его недаром, схватил ружье и стал внимательно прислушиваться.

Через минуту послышался почти неприметный шум с земли; собака все ворчала. Данник осторожно встал и снова прислушался; скоро он ясно услышал шум какого-то животного, которое шло по воде. Работник не счел нужным будить своих товарищей; но так как он с нетерпением желал узнать причину шума, становившегося все сильнее, и так как этот шум мог возвещать опасность, он вышел из стана и осторожно направился к входу в гавань.

Когда он сделал шагов сто, он остановился и спрятался за померанцевыми деревьями. Монако не оставлял его ни на минуту, но против своей привычки, вместо того, чтобы броситься вперед, он шел, опустив хвост, позади своего хозяина. Это заставило призадуматься работника. Неприятель, шаги которого он слышал, вероятно, был страшен; поэтому он приготовился хорошенько его принять.

Впрочем, ожидание его было непродолжительно. Через несколько минут Данник приметил в пятидесяти шагах от себя двух больших черных медведей, которые, пройдя через воду, вошли в лес и тихо стали двигаться к нему. Медведи, вероятно, еще не почувствовали работника, потому что

продолжали идти медленно, не обнаруживая никаких признаков беспокойства; но, остановившись почти в пятнадцати шагах от флибустьера, они почуяли его и взглянули в ту сторону, где он находился.

Данник понял, что они увидели его, выстрелил из ружья, и один из медведей, самый большой, повалился наземь; второй повернулся и убежал, бросившись в болото, где и исчез через минуту. Работник вышел из-за дерева и бросился к медведю, чтобы добить его в случае, если он не совсем мертв. Когда он подошел к нему, он увидел, что медведь убит наповал: пуля вошла ему в глаз.

Монбар и Тихий Ветерок, пробудившись от ружейного выстрела и думая, что на них напали, прибежали на помощь к Даннику. В ту же минуту Монако, до сих пор осторожно державшийся позади своего хозяина, бросился вперед и бешено залаял.

— Еще что-то такое,— сказал работник, поспешно заряжая опять свое ружье.— Смешная страна, где ни одной минуты нельзя оставаться в покое!

— Поздравляю тебя,— сказал Монбар.— Какой удачный выстрел! Счастливая была у тебя охота!

— Она еще не кончилась,— ответил великан,— слышите, как лает Монако?

— Это правда,— ответил Тихий Ветерок,— он что-то почуял; но меня удивляет, что его лай скорее походит на радостный, чем на сердитый.

— В самом деле, это странно,— ответил Данник.

— Посмотрим,— сказал Монбар и, взведя курок ружья для того, чтобы быть готовым на всякий случай, решительно пошел за собакой.

Товарищи последовали за ним. Они прошли лес, укрываясь за каждым деревом, и в несколько минут добрались до края леса. Тогда они увидели на ружейный выстрел от того места, где находились, двух человек, которые с ружьями на плече большими шагами направлялись к ним. Монако прыгал и скакал с радостным лаем.

— Это становится все интереснее,— сказал Монбар.—

Монако как будто узнал знакомых. Как это возможно, черт побери! Уж нет ли у него друзей между испанцами, я хочу это узнать.

Говоря таким образом, флибустьер сделал несколько шагов вперед и закричал громким голосом:

— Кто идет?

— Друзья!— тотчас ответил по-французски один из подходивших.

— Друзья, пусть так,— ответил Монбар,— хотя мне кажется, что голос мне незнаком, однако, товарищи, прежде чем подойти, скажите ваше имя.

— Очень охотно, Монбар,— ответил тот,— я Филипп.

— Филипп!— вскричали флибустьеры с удивлением.— Какая приятная встреча!

Выйдя из-за деревьев, они бросились навстречу к подходившим, которые со своей стороны ускорили шаги.

Это действительно были Филипп и Питриан.

Горячо приветствуя друг друга, флибустьеры весело воротились в свой стан, куда не забыли перенести медведя, которого данник убил так ловко и который был невольною причиною встречи флибустьеров.

III

ФЛИБУСТЬЕРЫ

Когда все уселись около огня, в который Данник подбросил вязанку сухих дров, Монбар спросил Филиппа, по какому случаю находится он так далеко от мест, посещаемых флибустьерами.

— Я мог бы задать вам тот же вопрос, любезный Монбар,— улыбаясь, ответил Филипп,— случай этот странен и для вас, и для меня.

— Это правда, друг мой,— сказал Монбар,— но меня привел сюда не случай.

— А что же такое?

— Буря, друг мой; я лишился моей шхуны и пристал сюда, не зная, где я нахожусь; спешу прибавить, что, как только осмотрелся, я обрадовался, что попал в бухту Венецуэла, которую так давно желал осмотреть.

— А ваша команда?

— Кроме этих двух товарищей, все другие умерли.

— Как это печально!— сказал Филипп, качая головой.— А я откровенно скажу вам, любезный Монбар, что я уехал с острова Черепахи с решительным намерением приехать сюда.

— Не случилось ли и с вами несчастья, как со мной?

— Нет, слава Богу! Мое судно спрятано среди деревьев, которые составляют густую завесу и где испанцы уже никаким образом не приметят его.

— Браво, товарищ, это известие тем для меня приятнее, что, признаюсь, я не знал, как мне выбраться из этой засады.

— Я в вашем распоряжении, как вам известно.

— Благодарю. Когда вы приехали?

— Вчера в восьмом часу вечера; сегодня утром, прежде чем выйти на берег, пока я осматривал горизонт, я приметил вашу лодку, огибавшую маяк; не зная положительно, кто находится в этой пироге, я, однако, узнал с первого взгляда, что это лодка Береговых Братьев; я немедленно высадился на берег и пошел вас отыскивать, чтобы, если вам нужно, предложить мои услуги.

— Благодарю еще раз, друг мой, за меня и моих товарищей, потому что мы находились в положении довольно затруднительном; я вижу действительно, что случай, о котором я говорил, ничего не значит во всем этом деле; но позвольте мне задать вам еще один вопрос.

— Я к вашим услугам.

— Каким образом, отыскивая нас с утра, вы нашли нас только ночью?

— Позвольте мне сказать, что вы сами в этом виноваты.

— Каким образом?

— Вы разве не слыхали наших сигналов?

— Постойте,— сказал Тихий Ветерок,— кажется, я слышал выстрел незадолго до заката солнца.

— Да, рискуя быть услышанными индейцами — ведь вы знаете, что мы здесь на индейской земле,— мы с Питрианом не переставали стрелять целый день.

— Мы слышали выстрелы только один раз.

— Да,— прибавил Монбар,— и не хотели отвечать, боясь иметь дело с испанскими буканьерами.

— Испанцы не смеют показываться сюда; здешние жители людоеды и ведут с ними ожесточенную войну.

— Это знать хорошо.

— Словом, мы отчаивались найти вас и готовились воротиться к нашему судну, когда ружейный выстрел, сделанный Данником в медведя, показал нам то место, где вы находитесь; видите ли, любезный Монбар, все это очень просто.

— Это правда, любезный друг, но вы мне не сказали, какая причина привела вас на этот берег; впрочем, если эта причина должна остаться тайною, извините меня, будем говорить о другом.

— Я не имею никакой причины, друг мой, скрывать, особенно от вас, обстоятельства, которые привели меня на этот берег. Я приехал осмотреть эту местность, чтобы предпринять экспедицию против Маракаибо, в котором, если слухи не лгут, заключаются огромные богатства.

— Правду ли говорите вы, друг мой?— с живостью вскричал Монбар.— Неужели вы для этого приехали сюда?

— А для чего же другого?

— Правда, и платя откровенностью за откровенность, любезный Филипп, я скажу вам, что у меня одна цель с вами: я также хочу предпринять экспедицию против Маракаибо.

— Вот как!— радостно вскричал молодой человек.— Как это кстати; тогда я вам охотно уступаю начальство над экспедицией. На это начальство вам дают неоспоримые права ваша опытность и ваша слава, с условием, чтобы мне быть вашим помощником.

— Это решено?— спросил Монбар, протягивая руку.

— Ей-Богу!— ответил молодой человек, энергически пожимая руку знаменитому флибустьеру.— Так решено, друг мой, что, если вы хотите, с этой же минуты я отдаю себя в полное ваше распоряжение и предоставляю вам начальство над моим судном.

— Принимаю ваше предложение так же чистосердечно, как вы сделали его мне; но только относительно экспедиции, то есть рекогносцировки, которую мы предполагаем предпринять, вы сделаете мне одолжение, если сохраните начальство над вашим судном; надеюсь скоро дать вам другое начальство, поважнее, когда мы воротимся сюда.

— Как вам угодно, любезный Монбар.

Во время этого разговора, в котором Данник не участвовал, он деятельно занимался медведем. Сначала он отрубил ему четыре лапы, которые зарыл под золу, потом снял с него шкуру с необыкновенным проворством, разрезал на куски мясо, которое изжарил вместе с двумя великолепными форелями и чирком, нанизанными на ружье, как на вертел. Потом он нарвал апельсинов, лимонов и других плодов, положил листья вместо тарелок и, кончив все эти приготовления, приблизился к костру.

В эту минуту солнце показалось на горизонте.

— Завтрак готов,— сказал Данник.

— Будем же есть,— сказал Тихий Ветерок.

— Мы поговорим за завтраком,— заметил Монбар.

— Тем более, что я умираю с голода,— прибавил Питриан, еще не раскрывавший рта.

Весело сели за стол, то есть каждый уселся на траве перед листом, который служил ему вместо блюда, и завтрак начался. Охотники никогда не едят долго, и завтрак этот продолжался только полчаса, и то еще, если он длился так долго, то по причине количества, а особенно необыкновенного качества кушаний, которые подавал Данник.

Достойный великан не помнил себя от радости из-за похвал, которыми осыпал его Монбар за его поваренное искусство. Когда завтрак был кончен и трубки раскурены, Монбар заговорил:

— Теперь будем рассуждать.

— Я очень этого желаю,— ответил Филипп.

— Откройте мне планы, любезный друг, и объясните, каким образом намерены вы произвести рекогносцировку города Маракаибо и крепости Гибралтар, потому что для успеха наших планов необходимо знать пункт, который мы хотим атаковать, чтобы не сделать ошибки.

— Я думаю,— сказал Тихий Ветерок,— что было бы хорошо производить рекогносцировку отдельно.

— Объяснись,— сказал Монбар.

— Я хочу сказать, чтобы одному из нас было особенно поручено осмотреть берег, другому — окрестности, третьему — город, а четвертому — крепость.

— Не считая пятого, который должен измерить глубину залива, а это очень важно, по моему мнению, потому что в заливе этом находится много песчаных отмелей,— сказал Питриан,— и на этих отмелях наши суда могут потерпеть крушение.

— Питриан говорит дело,— заметил Монбар.— Что вы думаете обо всех этих мнениях, любезный Филипп?

— Я нахожу их очень справедливыми, Монбар, — все эти сведения действительно нам необходимы, и мы должны во что бы то ни стало собрать их.

— Хорошо, нам надо только сговориться и разделить роли.

— Это право принадлежит вам одному, Монбар.

— Хорошо; вот, по моему мнению, как мы будем действовать. Тихий Ветерок, как старый, опытный моряк, возьмет на себя осмотреть берег.

— Хорошо, я ничего лучшего не желаю.

— Данник измерит бухту. Это самое опасное поручение и требующее большой ловкости; я надеюсь, что ему удастся.

— Удастся,— отвечал великан, польщенный доверием к нему Монбара, горя нетерпением оправдать его.

— Остается осмотреть окрестности города, город и крепость. Питриан долго был таможенным, это его дело; он возьмет с собою двух товарищей для защиты от

индейцев, и Данник отдаст ему Монако, в котором он не имеет нужды.

— Хорошо,— ответил Питриан,— я прошу только два дня, чтобы узнать всю местность как свои пять пальцев.

— Теперь,— сказал Монбар,— дело идет только о городе и крепости; кажется, здесь надо слегка изменить наш первый план по причине могущих встретиться препятствий; вы говорите по-испански, как уроженец старой Кастилии, любезный Филипп; со своей стороны я тоже хорошо говорю на этом языке; вот что сделаем мы оба: мы отправимся вместе в Маракаибо; попав в этот город, мы будем руководствоваться обстоятельствами и действовать, соображаясь с ними. Что вы думаете об этом?

— Я совершенно разделяю ваше мнение и готов смело следовать за вами повсюду, куда вы поведете меня.

— Это решено, только нам недостает нескольких необходимых вещей, чтобы пробраться в город, не возбуждая подозрения, а я боюсь, что нам невозможно будет их достать.

Филипп лукаво улыбнулся.

— Какие же это необходимые вещи, любезный Монбар?— спросил он.

— Во-первых и прежде всего, друг мой, одежда.

— У меня три полных сундука на моем судне.

— Прекрасно; потом золото, много золота; признаюсь, я не спас ни одного пиастра во время кораблекрушения.

— Я могу предложить вам пятьдесят тысяч пиастров; достаточно этого?

— Конечно, друг мой, даже гораздо более, чем требуется.

— Очень хорошо. Видите, до сих пор я отвечал на все ваши вопросы.

— Превосходно отвечали, друг мой. Мне остается сделать вам еще один вопрос; к несчастью, я боюсь, что на этот вопрос вы не можете дать такого благоприятного ответа, как на другие.

— Почем знать? Посмотрим, каков вопрос, друг мой.

— Вы знаете, не правда ли, как испанцы подозрительны и какие предосторожности принимают они, чтобы не допустить чужестранцев в их колонии на материке.

— Я это знаю, друг мой, потом?

— Вот и все, друг мой. Я спрашиваю себя, каким образом нам удастся войти в город.

— О, очень легко!

— Я в этом сомневаюсь.

— Маловерный!— сказал смеясь молодой человек.— Не только я даю им золото, вещи и необходимую одежду, чтобы хорошенько разыграть роль гидальго, даже испанского гранда, если вы желаете, но сверх того обязуюсь доставить бумаги, по которым все городские власти не только предоставят вам полную свободу, но сверх того отдадут себя в полное ваше распоряжение.

— Если вы это сделаете, любезный друг, я скажу, что вы колдун.

— Черт побери!— смеясь сказал Филипп.— Пожалуйста, не говорите этого в Маракаибо. Я ужасно боюсь инквизиции и не хочу быть сожженным на костре.

— Вы приводите меня в глубочайшее изумление, друг мой. Каким образом вы приготовили все это?

— Ведь я вам сказал, что нарочно приехал на этот берег.

— Действительно, вы мне это говорили.

— Ну, друг мой, вот уже три месяца, как я приготавливаюсь.

Монбар несколько раз покачал головой.

— Для чего вы качаете головой таким образом?— спросил его Филипп.

— Друг мой,— ответил Монбар с задумчивым видом,— я самый старый и самый близкий друг д'Ожерона, вашего дяди. Я вас видел вот таким; я знаю ваш характер, будто вы мой родной сын. Ваше сердце великодушно, ваша душа благородна. Во всех ваших экспедициях вы ищете прежде всего славы. Я несколько раз видел, как вы отказывались от экспедиций очень прибыльных, потому что, по вашему мнению, в них можно было только

приобрести деньги, а не славу; правду ли я говорю, Филипп?

— Правду, любезный Монбар. Но что вы заключаете из этого?

— Ничего, друг мой, я знаю все, что желал узнать.

— Я вас не понимаю, Монбар, объяснитесь, пожалуйста.

— К чему, друг мой?

— Пожалуйста.

— Если так, я вам скажу, что вы никогда не убедите меня, любезный друг, в том, будто вы хотите предпринять эту опасную экспедицию в надежде ограбить город, как бы ни был он богат.

— Извините, друг мой.

Монбар не ответил.

— Вы теперь улыбаетесь и опять качаете головой, что же вы предполагаете?

— Я ничего не предполагаю, Филипп; сохрани меня Бог предполагать что-нибудь. Вы молоды, вот и все, а страсти молодости не похожи на страсти зрелого возраста; скупость есть порок стариков.

Филипп слегка покраснел и потупил голову в замешательстве, что его разгадали; но, тотчас оправившись, сказал:

— Ничто не мешает, любезный Монбар, обратить против вас самих ваши собственные слова.

— Как это, друг мой?

— Вы любите деньги еще менее меня, потому что, если б хотели, вы давно были бы первым богачом между флибустьерами.

— Вы правы, друг мой, я деньги не люблю.

— Хорошо; вы меня не убедите также, что вас побуждает к этой экспедиции надежда на грабеж.

— Я и не стану уверять вас в этом.

— А! а!— сказал Филипп смеясь.— Стало быть, вы имеете другую цель?

— Не отпираюсь.

— Какая же эта цель?

— Мщение!— сказал Монбар глухим голосом.

Филипп с минуту молчал.

— Может быть, и я также имею эту цель,— сказал Филипп.

— Нет, Филипп, у вас нет ненависти к испанцам.

— Ах, что вы...

Монбар перебил его, улыбаясь:

— Я вам скажу эту цель, если вы не имеете ко мне доверия, чтобы самому признаться в этом; вы отыскиваете женщину, вы влюблены.

— Я!— вскричал Филипп, сделав отрицательное движение.

— Я не требую от вас признания в вашей тайне. Напротив, сохраните ее, закопайте в самую глубину вашего сердца. Вспомните только, что я ваш друг и что в тот день, когда вы будете иметь надобность во мне, я буду готов служить вам, что бы ни случилось.

— О, друг мой!— вскричал Филипп в порыве радости.

— Ни слова более об этом, друг мой; прекратим об этом разговор. В эту минуту мы должны заняться делами гораздо более серьезными, чем то, о котором вы, без сомнения, хотели бы говорить со мной теперь, когда узнали, что я прочел в глубине вашей души; всему есть время. Подумаем о самом нужном, а теперь для нас нужнее всего вернуться на наше судно самою кратчайшею дорогою.

— Вы правы, друг мой, пойдем немедленно.

— Мы не очень далеко, кажется, вы сказали?

— Моя шхуна только в двух лье отсюда. Если мы поедем по воде, то путь продолжится около часа.

— Я предпочитаю, если вам все равно, сделать более продолжительный путь по берегу; наша лодка очень мала, и притом вчера нас до того теснили аллигаторы, что мне не хотелось бы опять иметь дело с ними, не потому, чтобы я боялся смерти; по моему мнению, человек, предписавший себе задачу, не имеет права глупо терять жизнь, прежде чем исполнить эту задачу.

Флибустьеры, старательно спрятав лодку в кусты, чтобы иметь возможность найти ее, если она понадобится, пошли

за Филиппом и Питрианом по тропинке, едва проложенной хищными зверями, которая должна была привести их к тому месту, где стояла шхуна.

IV

ПЛАН КАМПАНИИ

Тропинка, по которой шли авантюристы, вилась вдоль берега.

Из бесчисленного множества аллигаторов, загромождавших прошлую ночь вход в озеро, осталось только несколько; многие заснули на берегу, где грелись на солнце и валялись в грязи; другие небрежно плавали, без определенного направления.

Флибустьеры заметили, между прочим, огромного аллигатора, который плыл по течению и страшно выл и кричал; по крайней мере, сотня молодых аллигаторов следовала за этим чудовищем, которое, вероятно, было их матерью или покровительницей. Они плыли все вместе, составляя длинную колонну, не уклоняясь ни вправо, ни влево. Все эти молодые аллигаторы казались одного возраста; они были около пятнадцати дюймов длины, с черными полосами или желтыми пятнами, и по цвету походили на гремучих змей. При угрожающих криках матери аллигаторы, забавлявшиеся в реке, спешили дать ей дорогу, по-видимому, не желая вступать с нею в борьбу.

Подвигаясь по берегу, флибустьеры приметили на повороте большое множество пригорков или маленьких пирамид, похожих на стога сена и раскинутых, как палатки, на берегу реки. Они находились на болотистой почве, возвышавшейся на четыре фута над водой. Многие большие аллигаторы плавали поблизости.

Эти пригорки были не что иное, как гнезда аллигаторов;

многие были брошены, и около них на земле виднелась большая белая скорлупа от разбитых яиц.

Хотя флибустьеры спешили дойти до шхуны, однако любопытство было так велико, что они решили осмотреть эти гнезда, потому что хотя они часто слыхали о них, однако до сих пор никто не видал их.

Вот каков был результат их осмотра. Эти гнезда имеют форму усеченных конусов, четырех футов вышины и пяти футов в диаметре. Они сложены из травы и тины. Вот каким образом крокодилы строят свои гнезда: они кладут сначала на землю слой травы и тины, а на него ряд яиц, который покрывают другим таким же слоем дюймов в восемь толщины, потом другой ряд яиц, и продолжают таким образом до вершины; в каждом гнезде заключается от ста до двухсот яиц. Вероятно, детеныши вылупляются от солнечного жара; может быть, также растительные вещества, примешенные к земле в постройке этих мест, нагретые солнцем, подчиняются какому-нибудь брожению, которое увеличивает жар в этих гнездах; я предоставляю людям ученее меня решить этот интересный вопрос.

Земля на пространстве нескольких десятин около этих гнезд носила очевидные следы присутствия этих крокодилов. Земля везде была взрыта; не оставалось почти ни одного растения, между тем как далее трава была очень густа и имела футов шесть вышины.

Очевидно, самка старательно смотрит за своим гнездом до тех пор, пока все дети вылупятся, и, может быть, в то время, как она караулит свои яйца, она берет под свое покровительство всех детенышей, вылупляющихся в то же время из других гнезд, потому что детеныши никогда не предоставляются самим себе. Мы упомянем здесь, что любовь самок к своим детенышам удивительна и похожа во всех отношениях на любовь кур к цыплятам; она так же внимательно и горячо защищает своих детенышей, заботится о пище их, и когда лежит на солнце, то слышно, как своими криками зовет их к себе.

Шестая часть, а часто и менее, достигает зрелого возраста; большие крокодилы, нисколько не стесняясь, пожирают маленьких, пока те не в состоянии защищаться.

Американские аллигаторы ныне так известны, что мы описывать их не станем; мы скажем только, что когда аллигатор достигает своего полного развития, то это большое и страшное животное значительной силы, легкость и скорость которого в воде изумительны; хотя его средняя величина футов двадцать, не более, некоторые достигают двадцати двух и даже двадцати трех футов. Рев их ужасен; звук этот страшен; особенно весною он похож на отдаленные раскаты грома.

Какой-нибудь старый крокодил обыкновенно бывает тираном небольшого озера или лагуны. Пятьдесят других менее сильных смеют реветь только в соседних бухтах. Когда он выходит из-под тростника, служащего ему убежищем, он весь показывается на поверхности воды и прямо подвигается к середине. Скорость его сначала чрезвычайна, но она уменьшается постепенно, когда он достигает средины озера: там он останавливается и сначала раздувается, глотая ртом воздух и воду, что производит в его груди громкий свист, продолжающийся около минуты; но вода эта скоро шумно выходит из его рта и ноздрей, составляя пар такой густой, как дым. Чудовище в то же время поднимает свой хвост и вертит им над водой. В другой раз, когда он раздуется до такой степени, что готов лопнуть, он поднимает сразу и голову, и хвост и начинает вертеться на воде.

В этих обстоятельствах аллигатор, царь лагуны, играет роль индейского начальника, делающего репетицию своим битвам. Потом он удаляется, тихо плывя и уступая место тем, которые осмеливаются показываться и стараются превзойти друг друга, чтобы привлечь ту самку, которая им нравится и которая почти всегда присутствует на этих играх, по-видимому, нисколько ими не интересуясь.

Вот главные черты нравов этих страшных земноводных.

Флибустьеры, удовлетворив свое любопытство относительно гнезд крокодилов, продолжали идти по берегу, потом

дошли до рубежа великолепного леса лавровых и померанцевых деревьев; они остановились на час, чтобы несколько отдохнуть в самый жгучий зной. В этот час дня господствовала величественная тишина; слышалось только постоянное жужжание комаров, которые спиралями кружились над болотами.

Отдохнув и освежившись под восхитительной тенью, флибустьеры, по знаку Филиппа, встали и продолжили путь. На этот раз они бросили реку и углубились в лес по прямой линии.

— Скоро ли мы придем?— спросил Монбар после часа ходьбы.— День уходит, и я боюсь, не заблудились ли вы, друг мой.

— Этого нечего опасаться; мы прямо направляемся к берегу; не пройдет и часа, как мы будем на шхуне.

— Я очень буду этому рад; я всегда был плохим пешеходом; этот путь по тропинкам, едва проложенным, страшно меня утомляет.

— Взгляните на Монако,— сказал Филипп,— он почуял наших часовых; мы гораздо ближе, чем я думал.

Очевидно, собака начала выказывать признаки беспокойства; она бегала взад и вперед, вертя хвостом с тихим радостным визгом.

— Кто идет?— вдруг закричал громкий голос человека, еще невидимого за деревьями, скрывавшими его. Послышался звук взводимого курка.

— Друг,— поспешил ответить Филипп,— Береговые Братья!

В ту же минуту ветви раздвинулись и показалось несколько флибустьеров. Увидев Монбара, столь любимого и уважаемого всеми Береговыми Братьями, они бросились к нему и окружили его с радостными криками и приветствиями. По знаку Филиппа восстановилась тишина, и все направились к шхуне, которую скоро приметили в узкой и неглубокой бухте; густая заросль корнепусков не давала видеть шхуну с реки.

Это было очаровательное судно в триста тонн, легкое, гибкое, которое, когда ветер надувал его паруса, должно

было лететь по воде с неимоверной быстротой. Монбар, его спутники и Филипп отправились в лодке на шхуну.

Знаменитый флибустьер, войдя на судно, заметил с улыбкой удовольствия, что оно одновременно было готово и сражаться, и бежать по мере того, как предпишут обстоятельства. Филипп соблюдал строгую дисциплину на своем судне; все было в порядке, все опрятно, что было редкостью на флибустьерских судах. Оба флибустьера спустились в каюту и сели друг возле друга на складных стульях. По приказанию Филиппа прелестный маленький юнга лет десяти, с лукавыми чертами, с хитрой рожицей, поставил перед ними прохладительные напитки и ушел.

— Вы взяли с собою сына Марселя?— заметил Монбар, приготовляя оранжад.

— Да; бедняжка после смерти отца остался один; он почти умирал с голода; я взял его к себе.

— Это доброе дело. Притом этот мальчик очень мил; он кажется проворен и гибок, как шелковинка.

— Мы так его и назвали, и это прозвание идет к нему во всех отношениях.

— Я тоже так думаю,— ответил Монбар.

Он выпил, щелкнул языком, шумно поставил стакан на стол и взглянул своему собеседнику прямо в лицо.

— Конечно, все это очень трогательно,— сказал он,— но не поговорить ли нам о другом?

— Я очень этого желаю, но о чем?

— О том, как мы проберемся в Маракаибо и как там будем себя держать; разве вы не находите, что этот предмет интересен для нас?

— Напротив, но я не смею приступить к нему без вашего согласия.

— Очень хорошо; говорите, друг мой, я вас слушаю.

— Признаюсь вам, любезный Монбар, что при моем необразованном уме и недостатке воображения я предпочел бы, чтоб вы потрудились составить план, который вы мне бы объяснили и который я буду исполнять; это очень упростило бы для меня вопрос.

— Вы клевещете на себя, друг мой,— ответил Монбар с тонкой улыбкой,— но если вы желаете и чтобы не терять драгоценного времени на смешные комплименты, я охотно представлю вам задуманный мною план, который, разумеется, мы обдумаем вместе.

— За ваше здоровье!

Флибустьеры чокнулись стаканами, опорожнили их, и Монбар заговорил.

— Могу я говорить откровенно и без всякой сдержанности?— сказал он, вопросительно взглянув на Филиппа.

— Сделайте одолжение.

— Точно могу?

— Клянусь вам, Монбар,— дружески сказал молодой человек и протянул ему руку, которую флибустьер тотчас пожал.

— Хорошо!— сказал он.— Надеюсь, мы поймем друг друга.

— Я в этом убежден.

— Сначала упомянем о фактах.

— Конечно.

— Какие причины ни заставили бы действовать вас и меня, мы стремимся к одной цели — захватить Маракаибо.

— Так.

— Мы хотим достигнуть этой цели во что бы то ни стало.

— Во что бы то ни стало.

— Очень хорошо; таким образом, вопрос значительно упрощается. Я обещал вам говорить откровенно, слушайте же меня внимательно. Вы не сказали мне ничего, следовательно, я не поверенный ваш и не сообщник, и сохраняю относительно вас свободу действия; вы это признаете?

— Вполне.

— Единственная пружина, которая может, по моему мнению, заставлять вас действовать в этих обстоятельствах, это желание отыскать женщину и похитить ее; не прерывайте меня,— сказал он, протягивая к нему руку,— следовательно, пружина — это любовь, то есть страсть, а

страсть не рассчитывает, она увлекает и часто составляет погибель тех, кем овладела. Вы видите, что я рассуждаю холодно и логично, потому что дело это серьезное и требует всех ресурсов нашего ума и воображения.

— Продолжайте, продолжайте, друг мой; я не пропускаю ни слова из того, что вы говорите.

— Итак, я заключаю таким образом: управление экспедицией должно быть предоставлено одному мне; я должен иметь право действовать всегда и во всем по моему усмотрению; вы должны поклясться честью повиноваться мне; рассудите, удобно ли вам дать мне эту клятву? Говорите, я вас слушаю.

— Монбар,— серьезно ответил Филипп,— я признаю истину всего сказанного вами; клятву, которую вы требуете от меня, я дам вам, не колеблясь; честью клянусь повиноваться вам во всем, не требуя даже от вас отчета в ваших поступках.

— Я вижу, что не ошибся на ваш счет, Филипп, и что вы именно таков, каким мне приятно было вас предполагать; будьте спокойны, друг мой, я не употреблю во зло власть, которую вы мне даете, а напротив, употреблю ее к нашей взаимной выгоде, потому что, может быть, даже болсе вас я желаю, чтобы успех увенчал наши усилия. Итак, вот что мы сделаем. Вы говорите, что у вас есть необходимые бумаги?

— Есть.

— Поищите, не найдется ли в этих бумагах такой, которая давала бы высокое положение.

Филипп встал, отпер ключом, висевшим у него на шее на стальной цепочке, сундук, стоявший в углу каюты, и вынул оттуда кучу бумаг, которые и начал внимательно перелистывать.

— Кажется, я напал именно на то, что мы ищем,— сказал он через минуту, подавая Монбару несколько пожелтевших пергаментов,— вот все фамильные бумаги какого-то графа де л'Аталайи; этот граф две недели назад был взят на испанском корабле в Ямайке.

— Откуда он ехал?

— Из Испании.

— Прекрасно; а что с ним сделалось?

— Он умер от ран, которые получил во время абордажа; он защищался как лев, по словам Пьера Леграна, начальствовавшего над флибустьерским судном, которое завладело испанским кораблем.

— Тем лучше. Посмотрим эти бумаги.

Он начал быстро пробегать их глазами.

— Очень хорошо,— прибавил он,— этот граф дон Пачеко де л'Аталайя был послан в Мексику от испанского правительства с поручением проверить счеты интендантов и был уполномочен, в случае надобности, арестовать виновных и отослать в Испанию. Вот его назначение; сверх того, вот связка писем, связанных лентою, с королевскими повелениями, адресованными ко всем вице-королям и интендантам. Вы не могли выбрать лучше, любезный друг; это именно, как вы сказали, то, что нам нужно; бесполезно отыскивать что-нибудь другое. Слушайте же: я — граф дон Пачеко де л'Аталайя, посланный его величеством королем Филиппом IV, вы дон Кардениo Фигероа, его домашний секретарь; это имя и это звание упомянуты в бумагах, которые у меня перед глазами; не знаете ли вы, что случилось с этим доном Карденио?

— Пьер Легран продал его Красивой Голове.

— Тогда мы можем быть спокойны; если он не умер, то наверно чуть жив; мы с вами знаем, как наш приятель Красивая Голова обращается со своими работниками. Шелковинка говорит по-испански?

— Как кастильянец.

— Хорошо. Он мой паж, и зовут его Лопес Карденас. Сверх того, нам нужно трое слуг; человек такой важный, как я, не может иметь меньше. Эти трое слуг будут Данник, Питриан и Тихий Ветерок; вы замените их людьми надежными и разумными. Эти три человека хорошо знают по-испански, они решительны и могут быть полезны нам.

— Сверх того, нам не нужно будет нанимать посторонних слуг, и тайна наша останется между нами.

— Это решено. Теперь только надо одеться в наши костюмы, взять золото и...

— Извините,— перебил Филипп,— а нашу поклажу кто перевезет?

Монбар расхохотался.

— Какое ребячество прерывать меня из-за такой безделицы! Прикажите сниматься с якоря; в десяти лье к востоку находится жалкое селение, колония, основанная когда-то Фердинандом Кортесом, но нынче почти брошенная; там мы найдем все, чего нам недостает; теперь вы понимаете меня?

— Еще бы!

— Как только мы высадимся, наша шхуна воротится сюда и встанет на якоре, для того чтоб всегда быть у нас под рукою.

V

ШХУНА «МАДОННА»

На другой день после разговора Монбара с Филиппом щегольская испанская шхуна обогнула мыс Коквибакоа и направилась ко входу в озеро Маракаибо, разменявшись сигналами с островом Сторожевая Башня и ответив выстрелами из шести бронзовых пушек, находившихся на ней, на салют крепости на островке Вяхиревом.

Опытному взгляду моряка невозможно было ошибиться в достоинстве этого судна; по парусам, по окраске и по форме легко можно было узнать испанское военное судно. С островка Вяхиревого легкая лодка с двумя гребцами направилась к шхуне, которая остановилась, чтоб подождать. В этой лодке сидел лоцман. Он закричал, не нужны ли шхуне его услуги. После утвердительного ответа командира он взошел на судно по сброшенному для него трапу; лодку шхуна взяла на буксир и продолжала путь.

Прежде чем пойдем далее, мы опишем в нескольких словах страну, где будут происходить самые важные сцены этой истории. Между мысом Грациас и рекою Ориноко простирается длинный ряд берегов, занимающих огромное пространство. Первыми открывшими эти берега были дон Алоизо Охеда, Васко Нуньес, открывший Тихий океан, Хуан де ла Коза и Америго Веспуччи. Этот длинный ряд берегов был назван испанцами по причине неисчислимых богатств Золотой Кастилией.

Мы займемся только частью этих земель, находящейся между Магдаленой и Ориноко, в которой расположен залив Венецуэла. Испанцы назвали этот залив Венецуэла, потому что берег очень низкий, защищен против наводнения песчаными дюнами, и оттого что во время открытия этих земель они нашли жителей в хижинах, построенных на вершинах деревьев и сообщавшихся между собою только посредством лодок. Залив этот начинается у мыса Сен-Ромен между 9 и 10 градусом северной широты и кончается у мыса Коквибакоа под 9 градусом той же широты. Флибустьеры назвали его заливом Маракаибским. Напротив этого залива находятся острова Оруба и Лос-Монхес. Маракаибский залив от устья до глубины может иметь около двенадцати или четырнадцати лье; на глубине находятся два островка в одно лье в окружности; между этими островками протекает вода большого озера Венецуэла и впадает в море. Течение это составляет между островами канал средней величины и разбивается о песчаную отмель, называемую Бар. Через препятствие это могут проходить только легкие суда. Первый из островков, названных нами, носил название Сторожевой Башни; второй, называемый Вяхиревым островом, имел крепость. Проехав ущелье, составляющее вход в озеро, въезжаешь в широкий бассейн, получающий воду из шестидесяти шести рек.

Весь восточный берег озера низок и почти постоянно затоплен; с этой-то стороны в восьмидесяти километрах от устья озера жили индейцы, о которых мы говорили, на магнолиях, словно в гнездах.

Город Маракаибо, цель флибустьеров, возвышался амфитеатром на берегу озера. Красивые дома, украшенные балконами и резьбой, выходили на небольшую гавань, покрытую во всякое время торговыми судами; город этот, улицы которого прямы и широки, заключал в себе пять тысяч жителей, четыре монастыря, несколько церквей и богатую больницу. Гарнизон, очень важный в этой стране, состоял из восьмисот отборных солдат.

Несколько далее, по другую сторону озера, возвышался очаровательный городок Гибралтар, где богатые негоцианты из Маракаибо и Мериды, города, находившегося по другую сторону гор, все имели свои дачи.

Мерида, один из самых прекрасных городов Нового Света, была резиденцией правительства и генерал-губернатора.

Лоцмана принял очень любезно командир шхуны, тотчас передавший ему начальство над судном. Ветер, до сих пор довольно сильный, спал при входе в канал; но шхуна, несмотря на это, довольно легко обошла песчаную отмель, загромождающую вход в озеро.

— Какое прекрасное у вас судно!— заметил капитану лоцман.— Я его не знаю; вероятно, оно в первый раз в этих краях?

— Действительно, в первый раз,— ответил капитан,— впрочем, оно построено в Корувне, верфь которой, как вам известно, славится в целом свете.

— Да, да; что ни говори,— продолжал лоцман с горделивым убеждением,— испанский флот первый в мире, и нигде вы не найдете таких искусных строителей судов. Вы не заходили ни в какую гавань, прежде чем прибыли сюда?

— Я пробыл две недели в Сан-Доминго.

— А! а! Ваш путь был благополучен?

— Очень. Мы встретили только два подозрительных судна, но легко опередили их.

— Да, ваша шхуна может выдержать погоню. Эти суда, вероятно, принадлежали флибустьерам сан-кристобальским; вы знаете, что они опять взяли остров Черепаху?

— Я этого не знал; как же это случилось?

— Никто этого не понимает. Эти воплощенные демоны забрались неизвестно каким образом на остров и захватили в плен гарнизон, прежде чем те положительно узнали, с какими врагами имеют они дело.

— Жаль.

— Очень жаль; вице-король Новой Испании взбешен; он поклялся заставить флибустьеров дорого заплатить за этот новый грабеж; кажется, даже он начал приводить угрозу в исполнение и страшный флот вышел из Веракруса.

— Дай Бог, чтобы им удалось наказать этих демонов, как они заслуживают того.

— Теперь, капитан, если позволите, мы выйдем в открытое пространство, пройдем между островом Ворика и берегом и войдем в гавань.

— В Маракаибо должно быть много судов?

— В это время года очень мало, только семь или восемь прибрежных судов. Но через месяц придут суда из Европы, и тогда гавань примет совершенно иной вид.

Все было исполнено, как говорил лоцман, и шхуна бросила якорь несколько впереди купеческих судов, на месте, назначенном для военных кораблей.

Лоцману заплатили и отпустили его; шхуна подобрала паруса с быстротою и правильностью военного судна, потом команда, по приказанию боцмана, стала спускать шлюпки в море.

Командир прохаживался на штирборте, разговаривая с человеком уже пожилым, должно быть пассажиром, когда юнга почтительно приблизился к вахтенному офицеру и доложил ему, что несколько человек в шлюпке быстро приближаются от пристани к шхуне. Вахтенный тотчас доложил командиру. Тот остановился, внимательно рассматривая шлюпку минуты две, потом наклонился к вахтенному офицеру, шепнул ему на ухо несколько слов и сделал знак пассажиру, с которым разговаривал, следовать за ним, и оба сошли в каюту.

В этой каюте два других человека курили сигары, попивая оранжад из стаканов богемского хрусталя.

— Ну что?— спросил по-французски один из них, как только командир показался на пороге.

— Ну,— ответил командир, весело потирая руки,— до сих пор все идет прекрасно; лоцман убежден, что мы чистокровные испанцы; «Мадонна» делает чудеса; она имеет все ухватки частной кастильской шхуны; лоцман в восторге от нас, вероятно, в эту минуту он воспевает нам хвалу во всех городских кабаках.

— Надо признаться, Пьер Легран,— ответил первый собеседник, который был не кто иной, как Филипп,— что ты много сделал для нашего успеха; ты прекрасно играешь свою роль; тебя нельзя не принять за настоящего сеньора.

— Экая хитрость!— смеясь возразил Пьер Легран:— ведь я из Байонны; но будьте внимательны, братья, шлюпка приближается; в ней, верно, едут городские власти; теперь-то надо не ударить лицом в грязь и не сплоховать.

— Будь спокоен,— смеясь, сказал Филипп,— твой успех подстрекнул ваше соревнование; мы будем достойны тебя; какому офицеру поручил ты принять гостей?

— Бискайцу.

— Хорошо; стало быть, все к лучшему. Он по крайней мере такой же кастильянец, как и мы.

Это мнимое испанское судно действительно была шхуна Филиппа. Флибустьеры с той безумной отвагой, которая отличала их, не колеблясь, решились на это сумасбродное предприятие, в убеждении, что если они будут иметь успех, что, впрочем, было возможно, то они легче и скорее добьются сведений, необходимых для смелой экспедиции, замышляемой ими, и решились также, если им не удастся и они будут узнаны, скорее взорвать себя, чем сдаться испанцам. Впрочем, мы должны сказать, что все меры, требуемые благоразумием, были приняты очень внимательно.

Испанская шхуна, которую Пьер Легран и Филипп захватили несколько времени тому назад и сделали флибустьерским судном, опять приняла наружность испан-

ского судна, даже свое прежнее название «Мадонна», которое Филипп заменил было названием «Кокетка»; оснащение было сделано заново, команда надела костюмы матросов кастильского флота; словом, никогда более сумасбродная экспедиция не была придумана и исполнена благоразумнее.

Эти демоны флибустьеры, не заботясь об опасностях, висевших над их головами, хохотали как сумасшедшие над шуткой, которую они играли со своими неумолимыми врагами. Эта шалость была совершенно в их характере и привычках и радовала их невыразимо. Каждый старался всеми силами хорошо разыграть роль, назначенную ему в этой трагикомедии, которая могла с минуты на минуту, вследствие непредвиденной случайности, превратиться в убийство и резню. Но это соображение не входило в расчет флибустьеров; они хотели позабавиться на счет испанцев, и больше ничего, и употребляли все силы, чтобы иметь успех.

Между тем шлюпка с сильными гребцами быстро приближалась к шхуне. Мишель Бискаец, узнавший по мундиру высшего офицера в шлюпке, поставил несколько матросов возле трапа, и когда испанский офицер взошел на шхуну, ему были отданы все почести, должные его званию.

Как только этот офицер, который был не кто иной, как дон Фернандо д'Авила, бывший губернатор Черепахи, ступил на палубу шхуны, он нашел перед собою Мишеля Бискайца. Оба поклонились церемонно друг другу.

— С кем я имею честь говорить, кабальеро?— вежливо спросил Мишель.

— Сеньор офицер,— ответил дон Фернандо с такой же вежливостью,— я дон Фернандо д'Авила, губернатор города Маракаибо.

— Добро пожаловать, сеньор губернатор,— сказал Мишель с почтительным поклоном.

— Сеньор,— продолжал губернатор,— я узнал шхуну Его Величества «Мадонна», которая вошла в Сан-Доминго в тот самый день, когда я выезжал из этого города,

чтобы отправиться сюда по приказанию Его Величества.

— Вы не ошиблись, кабальеро, это шхуна действительно называется «Мадонна».

— Это мне сказал лоцман, который вел вас и у которого я осведомлялся; я поспешил приехать, потому что, если не ошибаюсь, у вас на шхуне должен быть сеньор дон Пачеко де л'Аталайя, и я первый хочу приветствовать его по приезде.

— Имеем честь считать в числе наших пассажиров графа де л'Аталайю, кабальеро; он сел на нашу шхуну в Сан-Доминго.

— Да, мне сообщили, что он должен был воспользоваться вашим судном, чтобы приехать сюда; угодно вам, сеньор, представить меня его сиятельству?

— Вот наш капитан, сеньор,— сказал Мишель, кланяясь Пьеру Леграну, который в эту минуту показался на палубе,— он будет иметь честь сам представить вас сеньору графу.

Дон Фернандо д'Авила подошел к Пьеру Леграну, обменялся с ним поклоном и обратился с такою же просьбою, как к Мишелю.

— Господин губернатор,— ответил Пьер Легран:— его сиятельство только что хотел отправляться на берег; я не сомневаюсь, что он будет очень рад увидеться с вами здесь и будет благодарен вам за ту поспешность, с какою вы явились сюда; не угодно ли вам следовать за мною?

Пройдя вперед, чтобы показывать дону Фернандо дорогу, Пьер Легран спустился в каюту. Она была пуста. Указав губернатору на стул, Пьер Легран позвонил. Явился юнга.

— Доложите его сиятельству графу де л'Аталайе,— сказал Пьер Легран,— что сеньор губернатор ждет его приказаний.

Юнга поклонился и вышел; через минуту он явился опять и доложил о сеньоре доне Пачеко графе де л'Аталайе.

Вошел Монбар. Дон Фернандо поспешно встал и поклонился ему.

— Кажется, вы капитан дон Фернандо д'Авила,— сказал

Монбар, с достоинством отвечая на его поклон,— я много слышал о вас очень лестного и рад познакомиться с вами, сеньор.

— Ваше сиятельство приводит меня в смущение,— ответил губернатор, снова кланяясь,— я не заслуживаю...

— Извините,— с живостью перебил Монбар,— вы честный слуга Его Величества и в этом отношении имеете право на мое уважение; позвольте мне поблагодарить вас за поспешность, с какою вы захотели представиться мне. Впрочем, я собирался сделать вам визит.

— Я должен был сделать первый шаг, ваше сиятельство; я был обязан явиться за вашими приказаниями и имею честь сообщить вам, что я приготовил для вашего сиятельства и вашей свиты приличное помещение в занимаемом мною дворце.

— Вот этого я не допущу, любезный губернатор; искренно благодаря вас за это вежливое предложение, я решительно отказываюсь; я не хочу быть вам в тягость; притом, я скажу вам между нами, что для надлежащего выполнения данного мне поручения я должен пользоваться величайшею свободою. Вы меня понимаете, не так ли?

— Ваше сиятельство...

— Это решено,— перебил Монбар,— возвращайтесь на берег и наймите мне все равно где бы то ни было дом очень простой и очень скромный.

— Однако...

— Молчите,— перебил Монбар, слегка дотронувшись до его руки,— я имею важные причины, которые я скоро вам объясню, чтобы действовать таким образом.

— Если, ваше сиятельство, требуете, я буду повиноваться.

— Благодарю; поверьте, любезный губернатор, что я чрезвычайно ценю вашу любезность.

— Я прощусь с вашим сиятельством, чтобы как можно скорее исполнить ваши желания.

— И как только найдете такой дом, какой я желаю, пришлите мне сказать.

— Если, ваше сиятельство, мне позволите, я сам вас отвезу.

— С величайшим удовольствием.

Оба обменялись еще несколькими фразами, потом дон Фернандо уехал, очарованный благосклонным приемом, которого его удостоил граф де л'Аталайя.

VI

ПОМЕЩЕНИЕ

Когда дон Фернандо д'Авила уехал, начальники флибустьеров, оставшись одни на шхуне, без принуждения предались радости, которую внушал им такой большой и неожиданный успех их смелого обмана. Их отважная хитрость превосходила все, что значилось до сих пор в летописях Береговых Братьев, летописях, однако, наполненных достославными подвигами.

Действительно, флибустьеры, несмотря на свою храбрость, вошедшую в пословицу, никогда не покушались на такое смелое предприятие, чтобы узнать тайны своих врагов. Ни Морган, ни Олонец — словом, ни один из героев буканьерства не осмеливался играть такую смелую партию.

Однако, когда прошла первая минута восторга, настало размышление, и они начали пугаться такого полного и непредвиденного успеха. Им казалось невозможным долго поддерживать роли, которые они роздали друг другу, и продолжать эту отважную комедию, не подвергаясь опасности быть узнанными. Пылко устремив глаза на город, белые дома которого возвышались амфитеатром, они спрашивали себя, не лучше ли, пока еще есть время, воспользоваться наступающей ночью, поднять паруса и выйти из засады, в которую они так безумно бросились. Испанцы так часто имели дело с

флибустьерами, что в городе с пятью тысячами жителей или в гарнизоне из восьмисот солдат очень возможно было, что найдется какой-нибудь человек, который узнает одного из начальников или одного из матросов на шхуне.

Размышления эти, конечно, несколько поздние, омрачили лица всех; благоразумие вдруг одержало верх, и эти люди, такие храбрые, почувствовали невольно непреодолимый ужас при мысли о страшном возмездии, на которое решатся испанцы, узнав обман, которого они были жертвою. Ужас этот сделался скоро так силен, что шхуна чуть было не распустила паруса.

Только два человека остались тверды и непоколебимы в своем намерении поехать на берег и выполнить до конца план, для которого они приехали в Маракаибо. Эти два человека были Монбар и Филипп. Причины, руководившие ими, были так серьезны, что всякие соображения должны были изгладиться перед желанием успеть во что бы то ни стало в их предприятии. Хладнокровно подвергнув опасности жизнь свою и своих товарищей, чтобы пробраться в город, который находился перед ними, и будучи готовы получить награду за свои усилия, они не могли согласиться постыдно удалиться из страха, недостойного их львиных сердец. Монбар энергично восстал против намерений своих товарищей; он доказывал им, как обаяние, окружавшее флибустьеров, охраняет их против предприятий испанцев, даже в том невероятном случае, если они будут узнаны. Самое худшее, что могло с ними случиться, была битва, но ни в бухте, ни на озере не было ни одного испанского судна, следовательно, флибустьеры были властелинами моря и могли без большой опасности выполнить ретираду, достославную, когда приходится бороться с силами во сто раз многочисленнее; но в эту минуту ретирада была постыдна, потому что ничто не принуждало их к ней.

Эти возражения, горячо поддерживаемые Филиппом, получили успех, которого ожидал Монбар; флибустьеры скоро забыли страх, овладевший ими, и поклялись Монбару

оставаться ему верными и лучше умереть до последнего, чем бросить его.

Как только Филипп приметил дона Фернандо д'Авилу, он тотчас узнал в нем бывшего губернатора Черепахи и опекуна донны Хуаны. Он тотчас решил скорее остаться одному в Маракаибо, чем отказаться от надежды увидеть ту, которую он любил, тем более что только с этой целью устроил он экспедицию и снарядил шхуну.

Когда волнение, возбужденное рассуждением, переданным нами, утихло и все пришло в порядок, решили, что ночью шхуна приблизится к берегу, чтобы иметь постоянные сношения с городом, что Пьер Легран и Мишель Бискаец будут измерять глубину и производить рекогносцировку, будучи наготове сняться с якоря при первом сигнале. Кроме того, условились, что ни один человек из экипажа не может съезжать на берег, кроме командира, и они не должны никогда ездить вместе из опасения неожиданного нападения. Юнге Шелковинке было поручено передавать распоряжения Монбара шхуне. Самая строгая дисциплина должна была поддерживаться на шхуне, и так как малейшее непослушание могло причинить погибель всем, виновному немедленно прострелят голову из пистолета; кроме того, для устранения всяких непредвиденных случайностей доступ к шхуне будет строго воспрещен городским жителям.

Меры эти были обсуждены на общем совете и приняты флибустьерами, которые торжественно поклялись привести их в исполнение.

Решив этот пункт, занялись поездкой на берег. Ехали туда шестеро: Монбар под именем дона Пачеко графа де л'Аталайи, чрезвычайного ревизора, Филипп под именем дона Карденио Фигероа, его домашнего секретаря. Данник, Питриан и Тихий Ветерок под именами Хозе, Пардо и Пико, слуги графа, и, наконец, Шелковинка, или Лопес Карденас, его паж.

Монбар собрал пятерых товарищей в каюту и дал им последние инструкции. Роли, которые они должны были играть, тем были труднее, что они не должны были их

забывать ни на одну минуту, поэтому Монбар целый час растолковывал им, как важно ежеминутно остерегаться. Когда Монбар удостоверился, что они в совершенстве исполнят его инструкции, он велел спустить на воду две шлюпки.

В первую вошел он с Филиппом и юнгой, три других флибустьера сели во вторую с поклажей. Потом, бросив вокруг взгляд со странным выражением, Монбар приподнялся в шлюпке, сняв шляпу, улыбаясь поклонился флибустьерам и громким голосом обратился к своим гребцам:

— Гребите, ребята, и помните, что с этой минуты ни одного французского слова не должно быть произнесено вами.

Шлюпка быстро направилась к пристани, на которой собралась значительная толпа, по-видимому, ждавшая с нетерпением приезда знатной особы, находившейся на шхуне «Мадонна».

Дойдя до этого места в нашем рассказе, мы смиренно признаемся, что не решались бы продолжать его, если б в наших руках не было подлинных доказательств событий почти фантастических, которые мы взялись рассказать. Действительно, не превосходит ли всякое вероятие смелость людей, которые дурачат неимоверной комедией население, и легковерие, с каким это население, с властями во главе, позволяет этим ужасным насмешникам обманывать себя, не подозревая, несмотря на многочисленные проделки со стороны флибустьеров, жертвою которых они были, что и на этот раз они сделались их игрушкой? Правда, в то время сообщение было труднее, чем ныне; только в определенное время суда приходили из Европы; испанские колонии оставались почти всегда в полном неведении не только о событиях, совершавшихся в отчизне, но и о том, что происходило в соседних колониях. Это неведение помогало планам флибустьеров, которые, постоянно крейсируя перед самыми важными гаванями на берегу и на островах, знали очень хорошо все события, могущие их интересовать, через корабли,

которые они захватывали у испанцев, от пленников, попадавшихся им депеш, находившихся на судах, прибывавших из Европы и возвращавшихся туда. Прибавим еще, что после окончательного устройства флибустьерства авантюристы содержали в самых богатых пунктах шпионов, предупреждавших их посредством сигналов, установленных вдоль берегов, о том, что им интересно было знать.

Обе шлюпки гребли к пристани и остановились у лестницы. Дон Фернандо д'Авила в нарядном мундире полковника испанской армии — чин, недавно им полученный, — ждал путешественников вместе с главным штабом гарнизона и главными властями города.

После первых приветствий и обычных представлений дон Фернандо велел привести лошадей для Монбара и Филиппа. Вся свита села на лошадей и среди громких криков толпы, пушечных выстрелов и звуков военной музыки направилась шагом к главной площади.

Дом, который дон Фернандо велел приготовить для Монбара, находился на самой площади, недалеко от собора, как раз напротив губернаторского дворца. Почетная стража стояла у дверей. Дон Фернандо сошел с коня, приглашая флибустьеров следовать за ним в дом, расположение которого он показал им очень любезно. Потом губернатор простился, чтобы предоставить графу де л'Аталайе расположиться на свободе; но он ушел не иначе, как заставив его обещать присутствовать в тот же вечер с его секретарем на пиршестве, которое для него давали городские власти.

Как только двери дома закрылись за испанцами, флибустьеры перевели дух; продолжительное принуждение, которое они должны были наложить на себя, начинало их утомлять, они имели потребность почувствовать себя на свободе.

Прежде всего они пошли осматривать дом. Несмотря на короткое время, губернатор устроил все прекрасно. Дом был велик, комнаты обширны, великолепный сад сзади дома; флибустьеров особенно восхитило то, что этот дом,

настоящий дворец, имел три различных совершенно отдельных выхода: первый, главный, выходил на площадь; второй, сделанный в тени сада, вел в улицу Бодегон, а третий из людских выходил на улицу Платерос. Это обрадовало флибустьеров чрезвычайно, таким образом они могли входить и выходить неприметно и не подвергались опасности быть заключенными в своем доме как в тюрьме. Сверх того, сад, наполненный очень редкими тропическими растениями, где находились тенистые боскеты, с трудом пропускал солнечные лучи и давал возможность принимать посетителей и разговаривать, не боясь шпионов.

По милости медленности, с какою торжественный поезд подвигался, поклажа авантюристов прибыла прежде них, так что все было приведено в порядок, прежде чем они вошли в дом. Монбар ушел наконец в свою комнату, чтобы отдохнуть несколько минут, предоставив Филиппу заботу принимать слуг, которые являлись, и помещать их.

Филипп исполнил это щекотливое поручение как умный человек. Прежде всего он отправился к офицеру, начальствовавшему над почетной стражей, поставленной у дверей, горячо поблагодарил его и отпустил вместе с солдатами, отдав от имени его сиятельства кошелек, полный золота, для раздела между солдатами, которые ушли с радостными криками. Филипп нанял потом повара, дворецкого, шесть лакеев, двух помощников для повара и четырех конюхов. Эти люди не должны были входить в комнаты, где служили только доверенные слуги графа, то есть Данник, Тихий Ветерок и Питриан. Они, впрочем, оставались в распоряжении Пардо, или Питриана, названного управителем его сиятельства. Устроив таким образом прислугу, Филипп велел привести лошадей, выбрал двенадцать, которых тотчас поставил в конюшню. Молодой человек, думавший обо всем, размыслил, что, может быть, в данную минуту хорошо иметь под рукою лошадей. Питриан, Тихий Ветерок, Данник и Шелковинка были помещены в комнатах возле комнат Монбара и Филиппа, для того чтобы могли и днем, и ночью, ежечасно иметь сообщение со своими мнимыми господами и поспешить к ним на помощь в случае

надобности. Питриан получил приказание никогда не ложиться спать, прежде чем осмотрит в доме все уголки и закоулки и запрет на ключ в людских всю испанскую прислугу.

Все это потребовало довольно продолжительного времени и было около пяти часов вечера, когда Филипп сделался наконец свободен и отправился к Монбару, которому отдал отчет в том, что сделал. Монбар одобрил его распоряжения, и оба с помощью Данника, переодевшегося камердинером, отправились на пиршество, на которое были приглашены.

— Мы только покажемся на этом пиршестве,— сказал Монбар.— Если бы я не боялся рассердить губернатора, расположение которого важно для нас сохранить, я отказался бы; но так как мы не можем не присутствовать, нам надо воспользоваться этим случаем, чтоб прямо войти в нашу роль.

— То есть?— спросил Филипп, который не понимал.

— То есть с завтрашнего дня мы вступим в нашу должность, не будем забывать, что мы присланы рассматривать отчеты интендантов. Работа наша продолжительна, потому что мы должны объехать самые важные города каждой колонии; вы понимаете мою мысль, друг мой?

— Вполне. Итак, мы поедем в Гибралтар и в Мериду?

— Повсюду, где должно соблюдать строгий контроль,— перебил Монбар, улыбаясь.

— Бедные испанцы!— прошептал Филипп.

— Вы сожалеете о них?

— Да, признаюсь, они так хорошо принимают нас.

— Не забудьте, однако, спрятать кинжал под полукафтаном.

— Будьте спокойны. Черт побери! Не знаешь, что может случиться.

— Данник, вели оседлать лошадей; ты поедешь с нами в губернаторский дворец; мне не нужно предписывать тебе не зевать, не так ли?

Работник лукаво улыбнулся, поклонился и вышел.

Через несколько минут граф де л'Аталайя со своим

секретарем и в сопровождении лакея и пажа ехал верхом по Главной площади к губернаторскому дворцу, где караул отдавал ему честь.

VII

ДУЭНЬЯ

Прошло несколько дней. Флибустьеры играли с редким совершенством и не забывая ни на минуту двойную роль, которую они наложили на себя. Притворяясь, будто контролирует с мнимой строгостью отчеты интендантов, Монбар сумел приобрести их уважение по милости некоторых добровольных пропусков. Расквитавшись дешевле, чем предполагали сначала, интенданты превозносили до облаков мудрость, честность, а в особенности высокие способности ревизора.

Флибустьер под тем предлогом, что хочет видеть все собственными глазами — действительно, такова была его цель, хотя не с тем намерением, которое в нем предполагали,— не давал себе ни минуты покоя и беспрестанно ездил из Маракаибо в Гибралтар, из Гибралтара в Маракаибо, осматривая берег и собирая сведения, нужные для него, разговаривая с губернатором и делая вид, будто не приписывает этому ни малейшей важности.

Со своей стороны Мишель Бискаец занимался измерениями и гидрографическими расчетами, которые приводили испанцев в восторг, потому что они основывали на этих работах самые лестные надежды для коммерческой будущности колонии.

Филипп, не признаваясь положительно Монбару в причинах, удерживающих его в Маракаибо, просил у него позволения остаться в городе наблюдать за властями, чтобы иметь возможность при первой туче сразу уведомить своих товарищей. Флибустьер улыбнулся этой просьбе и, не

требуя более подробных объяснений, предоставил молодому человеку свободу действовать по его усмотрению, советуя ему соблюдать чрезвычайную осторожность и замечая, что малейшего фальшивого шага с его стороны будет достаточно при естественном недоверии испанцев, недоверии, еще увеличившемся от всех засад, которых флибустьеры сделали их жертвами, для того чтобы безвозвратно погубить успех предприятия.

Однако положение молодого человека было чрезвычайно трудно. Дон Фернандо д'Авила, правда, принимал его очень любезно каждый раз, как он делал ему визит; но достойный губернатор, хотя нисколько не подозревал, кто был секретарь графа де л'Аталайи, однако с чутьем, свойственным ревнивцам и опекунам, угадал в нем влюбленного и, обращаясь с ним с самой очаровательной непринужденностью, с самым полным доверием, держал себя до того церемонно, ограничивался вниманием таким холодным и сохранял всегда такую надменную чисто кастильскую спесь, что всякая короткость становилась невозможной, останавливаемая непреодолимым этикетом.

Филипп бесился; каждый раз, возвращаясь домой после безуспешного визита к губернатору, он предавался припадкам бешеного гнева, которые были бы смешны, если б молодой человек, действительно влюбленный, не страдал так ужасно.

Дон Фернандо не представил свою питомицу флибустьерам по приезде в Маракаибо; он держал ее взаперти в ее комнатах, из которых она выезжала один раз в паланкине, герметически закрытом, и окруженная толпою слуг, занимавших всю ширину улицы и делавших всякое сообщение невозможным; сверх того, она входила в церковь в особенную дверь и становилась в галерее с решеткой, где была совершенно невидима. Напрасно молодой человек, понимавший испанские обычаи, отправлялся прежде всех в церковь и становился возле чаши со святой водой; он предлагал святую воду очаровательным женщинам, из которых многие улыбались ему, кокетливо приоткрывая мантильи, но улыбки и задорные взгляды были потеряны

для него; та, которую он ждал, не являлась, и он удалялся со смертью в сердце, в сильном отчаянии и, как все влюбленные, обманувшиеся в ожидании, составлял в голове самые безумные и наименее удобоисполнимые планы.

Ломая себе голову, молодой человек наконец убедил себя, что донна Хуана не приехала в Маракаибо с доном Фернандо, а что он отвез ее в Сан-Доминго; эта мысль до того утвердилась в его голове, что он решился, каковы бы ни были последствия, расспросить губернатора в этот же вечер на прогулке в Аламеде, где он думал его встретить.

Было около четырех часов пополудни; на прогулке не могло быть никого до семи часов вечера; следовательно, у Филиппа было три часа, чтобы приготовиться к допросу, с которым он намеревался приступить к дону Фернандо; но чем более приближался этот час, тем казалось ему труднее привести в исполнение свой план. Действительно, какой употребить способ, чтобы спросить у человека, которого знаешь только четыре дня, о девушке, существование которой по-настоящему не должно быть известно? Каким образом дон Фернандо примет нескромный вопрос Филиппа? По какому праву молодой человек задает ему эти вопросы? Обстоятельство было важное, до того важное, что молодой человек с унынием опустился на стул, скрестил руки на груди и был принужден признаться в своем бессилии. Пробило семь часов; Филипп вскочил, как будто от электрического тока, схватил шляпу и надел ее.

— Я все-таки пойду,— прошептал он,— кто знает, что может случиться!

В эту минуту в дверь той комнаты, где находился молодой человек, постучались два раза.

— Кто там?— спросил он, вздрогнув.

— Я,— ответил хриплый голос Данника.

— Черт тебя побери!— с досадой вскричал молодой человек.— Я ждал совсем не тебя.

Конечно, Филиппу было бы трудно ответить, если б Данник спросил его, кого он ждал; но ему это не пришло в голову.

— Так-то вы меня принимаете!— сказал он смеясь.— Благодарю, вы очень любезны.

— Что тебе нужно от меня?

— Ничего.

— Для чего же ты меня беспокоишь?

— Вас спрашивают.

— Кто?

— Право, не знаю, но сквозь мантилью, в которую она закутана, мне показалось, что это старуха.

— Ну ее к черту!— сказал Филипп.

— Должно быть, сегодня вы расположены всех посылать к черту,— заметил Данник.

— Ты мне надоел с твоей старухой, я не хочу ее знать.

— Как вам угодно,— сказал Данник, качая головой,— но может быть, напрасно. За старухой в Испании всегда является молодая, а мы ведь на чистой кастильской земле, будьте осторожны.

Эти слова поразили Филиппа.

— Ты, может быть, прав,— сказал он.— Безобразна твоя старуха?

— Отвратительна; настоящая ведьма, явившаяся с шабаша.

Молодой человек подумал с минуту. Данник рассматривал его украдкой с лукавым видом.

— Ну,— сказал Филипп наконец,— зови ее; надо узнать, что ей нужно, и отвязаться от нее.

Выражаясь таким образом, Филипп не говорил, что думал, потому что, напротив, его любопытство было сильно возбуждено, и он с плохо скрываемым нетерпением, устремив глаза на дверь, ждал старуху, о которой доложил ему Данник.

Наконец она вошла. Филипп вскрикнул от радости и удивления и бросился к ней.

— Чигала!— воскликнул он.

Ничего не отвечая, дуэнья указала ему на Данника, неподвижно стоявшего в дверях.

— Уйди!— сказал Филипп Даннику.

Тот тотчас ушел, заперев за собою дверь. Дуэнья подошла тогда к Филиппу и внимательно рассматривала его несколько минут.

— Итак, это точно вы?— сказала она.

— Я,— ответил он,— а вы в этом сомневались?

— Как же можно предполагать, что вы здесь, особенно занимая такую должность у графа де л'Аталайи, когда он питает неумолимую ненависть к флибустьерам?

— Это правда,— отвечал Филипп с невольной улыбкой,— однако вы видите, что, несмотря на эту ненависть, граф удостоил взять меня к себе домашним секретарем; но это все равно; главное было успеть пробраться сюда, и я успел. Средства, употребленные мною, касаются только меня; будем говорить о донне Хуане.

— О донне Хуане!— прошептала дуэнья со вздохом.

— Уж не случилось ли с ней какого-нибудь несчастья?— вскричал молодой человек.

— Несчастья? Нет,— ответила она, крестясь,— бедная сеньорита!

— Но когда так, для чего вы пугаете меня, заставляя предполагать горесть еще больше той, которую я терплю?

Дуэнья с минуту молчала, бросая вокруг подозрительные взгляды.

— Никто не может нас слышать, Чигала,— возразил молодой человек, приметив ее взгляды,— говорите без опасения. Садитесь, пожалуйста; так вам будет удобнее исполнить поручение, которое вам дали ко мне.

— Ах!— сказала Чигала, садясь на стул, который подвинул ей молодой человек,— позвольте мне говорить с вами откровенно, сеньор дон Филиппе, мне хотелось бы говорить, но я не смею, потому что боюсь вас раздражать.

— Милая моя,— ответил он, с трудом сдерживая свое нетерпение,— говорите, заклинаю вас, будьте откровенны; я обещаю вам не раздражаться; что ни сообщили бы вы мне, я готов выслушать, и уверяю вас, буду страдать менее, чем в эту минуту. Ваша постоянная сдержанность терзает меня.

— Как нетерпеливы эти молодые люди, Святая Дева!— заворчала старуха.

— Прежде всего отвечайте на два вопроса, пожалуйста, а потом говорите, что хотите.

— Посмотрим эти два вопроса.

— Здорова ли донна Хуана?

— Слава Богу, она совершенно оправилась от усталости путешествия и теперь здоровье ее превосходно.

— Благодарю; по-прежнему ли она любит меня?

— Если б нет, была ли бы я здесь?— заворчала старуха.

— Хорошо!— вскричал он весело.— Если здоровье ее превосходно и она по-прежнему любит меня, мне нечего больше желать; говорите, любезная Чигала, все, что придет вам на ум; вы дали мне противоядие, которое заставит меня терпеливо выслушать все, что вы мне скажете; можете начать, я слушаю вас.

С улыбкой на губах молодой человек откинулся на спинку своего кресла, в котором расположился как можно удобнее.

Дуэнья несколько раз печально покачала головой, устремив на молодого человека взгляд с непроницаемым выражением, и, глубоко вздохнув, как делают те, которые принимают наконец важное решение, начала опять разговор в следующих выражениях:

— Сеньор кабальеро, вы найдете, без сомнения, очень странным, что я, будучи не что иное, как служанка в ваших глазах, осмелюсь вмешиваться в дела, касающиеся особ, которые по своему происхождению гораздо выше меня.

— Вы ошибаетесь, Чигала,— кротко ответил молодой человек,— я знаю глубокую дружбу донны Хуаны к вам и нахожу, напротив, очень естественным, что вы интересуетесь ее делами.

— Я для донны Хуаны не обыкновенная слуга, сеньор; она только что не родилась при мне; я кормила ее своим молоком; я никогда с ней не расставалась; чтобы последовать за ней в Америку, я бросила мужа, детей, родных; я люблю ее как дочь, а может быть и более.

— Я знал уже все, что вы сказали мне, кроме того, что относится к вашему путешествию в Америку. Разве донна Хуана родилась в Испании?

— Кто знает?— пролепетала Чигала, подняв глаза к небу.

— Как кто знает? Что вы хотите сказать, Чигала?

— Выслушайте меня, кабальеро,— продолжала она,— я сообщу вам то немногое, что сама знаю об этом.

— Говорите, говорите Чигала!— с живостью вскричал молодой человек.

— Подумайте, кабальеро, что я вверяюсь вашей дворянской чести и что об этой тайне вы говорить не должны.

— Даю вам честное слово, кормилица.

— Я была замужем три года. Прошел месяц, как родился мой второй ребенок; я с мужем жила в хижине в нескольких лье от По.

— Как!— вскричал с удивлением молодой человек.— Вы не испанка?

— Нет, я беарнка.

— Продолжайте, продолжайте, кормилица!— вскричал Филипп с живостью.

— Муж мой охотился на медведя в горах, занимался контрабандою, а в свободное время служил проводником путешественникам, проезжавшим из Франции в Испанию или из Испании во Францию. Несмотря на свое разнообразное ремесло, а может быть и по причине этого, муж мой был очень беден, так беден, что часто даже не было хлеба в нашей жалкой лачуге. Хуан приходил в отчаяние. Горе преследовало нас, однако мы были честны. Однажды, после продолжительного отсутствия, мой муж воротился с каким-то господином. Возвращение мужа несказанно обрадовало меня, уже пятьдесят часов я ничего не ела. Хуан принес провизию.

— Не теряй мужества, жена,— сказал он мне,— поешь и порадуйся, вот этот достойный господин сжалился над нами!

Я стала рассматривать тогда незнакомца, на которого до сих пор не обращала внимания и который остался возле

двери закутанным в плащ; этот незнакомец был уже пожилой; его красивые, но суровые черты имели надменное выражение, которое против моей воли заставило меня задрожать; одет он был как дворянин. Я почтительно поклонилась ему, благодаря за добро, которое он хотел нам сделать; он раскрыл плащ и подал мне ребенка одного возраста с моим.

«Не благодарите меня, добрая женщина,— сказал он,— это будет между нами взаимною разменою услугами. Вот слабое существо, которому я вас прошу заменить мать». Я после того схватила ребенка и, не думая об еде, хотя была очень голодна, тотчас дала ему грудь.

— Это было Хуана?— вскричал молодой человек.

— Действительно, кабальеро. Незнакомец как будто с удовольствием смотрел на мои заботы об этом бедном херувиме, потом подошел ко мне и поцеловал в лоб милую малютку, которая заснула, улыбаясь.

«Вот это хорошо,— сказал он,— вы будете матерью Хуане; так ее зовут, она сирота. Возьмите этот кошелек; в нем шестьдесят унций золота[1]; через год вы получите столько же от банкиров Изагвирра и Зумала из По, и это будет продолжаться все время, пока ребенок останется на вашем попечении; вам стоит только показать этот перстень,— сказал он, сняв с мизинца левой руки перстень с одним бледным рубином.— Вы поняли, чего я жду от вас; будьте скромны — и вы не пожалуетесь на меня. Теперь прощайте». Он закутался в плащ, надвинул шляпу на глаза, сделал знак моему мужу следовать за ним и вышел из хижины. Он не возвращался никогда; однако, хотя видела его только не более одного часа, я уверена, что если б встретилась с ним, я узнала бы его: до того его лицо поразило меня и черты остались запечатлены в моей памяти.

— Кто мог быть этот человек?— прошептал Филипп,— Вероятно, ее отец.

— Не думаю. Прошло три года. Каждый год я ездила

---

1 Около пяти тысяч франков на французские деньги

в По, показывала перстень, и, не делая мне никаких вопросов, мне отдавали шестьдесят унций золота. В одно утро в дверь нашей хижины постучались; я вздрогнула; мы жили в таком уединении, что у нас никогда никто не бывал, кроме контрабандистов, приятелей моего мужа, которые отворяли дверь без церемоний и входили как к себе домой. Я отворила дверь; показался какой-то незнакомец; это был один из служащих банка Изагвирра; я видела его, когда ходила за деньгами. Поздоровавшись со мною, он спросил, дома ли мой муж; я ответила, что его нет дома, но что я жду его каждую минуту.

«Хорошо,— сказал он,— у меня есть время». Он сел на скамью возле огня; это было весной и в горах было холодно. Через час пришел мой муж; незнакомец отвел его в сторону и довольно долго говорил с ним; я не знаю, что он ему говорил, но вдруг Хуан обратился ко мне.

«Жена,— сказал он мне,— оденься; этот господин приехал за Хуаной, поезжай с нею». Я хотела сделать несколько возражений.

«Делайте, что говорит ваш муж,— сказал незнакомец,— вы останетесь довольны». Я повиновалась со слезами. Через час, сидя в карете возле незнакомца и держа Хуану на коленях, я проехала Пиренеи и направилась к Испании. Мы останавливались только пообедать и переменить мулов. Через четыре дня карета остановилась у дома довольно красивой наружности, выстроенного поодаль от деревни, которая, как я впоследствии узнала, называлась Оканна. Незнакомец сделал мне знак выйти и следовать за ним. Он вошел в дом, дверь которого отворили, когда подъехала карета; перед нами неподвижно стояла служанка. Незнакомец показал мне весь дом, комнаты которого были меблированы довольно хорошо, но не роскошно.

«Вы здесь у себя дома,— сказал он мне,— оставайтесь тут до новых распоряжений; ни в чем не будет у вас недостатка. Каждый месяц вы будете получать сумму, необходимую для ваших потребностей. Я исполнил данное мне поручение; прощайте».

«А мой муж?»— спросила я.

«Вот прочтите письмо, которое он мне отдал к вам. Не забудьте, что вы не должны принимать никого, кроме человека, который покажет вам перстень точно такой, как у вас. Прощайте». Он вышел; я слышала, как карета уехала; я осталась одна с Хуаной, которая, не тревожась ни о чем, бегала смеясь по всем комнатам.

— Какое странное приключение,— сказал молодой человек,— чем все это кончилось?

— Очень просто, сеньор. В письме, отданном мне, муж мой приказывал мне повиноваться, уверяя меня, что все будет к нашей пользе. Я покорилась и скоро стала почти счастлива в моем новом доме. Все оставалось в таком положении несколько месяцев. Наконец однажды перед домом остановилась карета, из которой вышел какой-то человек и подал мне перстень. Этот человек был дон Фернандо д'Авила. Он сказал, что он опекун Хуаны и приехал отвезти ее в Мадрид; он спросил, согласна ли я ехать с ним; я любила бедного ребенка, которому заменила мать; сердце мое разрывалось при мысли расстаться с нею, я согласилась. Нас поместили в Мадриде в великолепном доме. Каждый день в один и тот же час дон Фернандо приезжал за Хуаной и привозил ее ко мне после прогулки, которая иногда продолжалась до заката солнца. Я не выходила, мне это было запрещено; но вооружалась терпением; муж мне писал часто и во всех своих письмах приказывал мне безусловно повиноваться всему, чего потребуют от меня. Дон Фернандо объявил мне однажды, что он уезжает из Испании в Америку, и опять предложил мне ехать с ним. Что мне было делать? Я была одна, вдали от моих друзей, в чужой земле. Кто знает, какие последствия мог иметь для меня отказ? Я согласилась. Дон Фернандо всегда был добр и почтителен к своей питомице, которую, кажется, любит и окружает самыми деликатными попечениями.

— А разве вы ничего не знаете о рождении донны Хуаны, кроме того, что мне сказали?— с нетерпением перебил Филипп.

— Ничего. Кто мог бы мне сказать?

— Это правда. Какая странная история!

— Очень печальная, может быть.

— Бедная девушка!— прошептал молодой человек.— Кстати,— вдруг спросил он,— вы сохранили перстень?

— Да, он спрятан у меня.

— Вы согласитесь мне показать его?

— Когда хотите.

— Кто знает, может быть, он наведет нас на путь?

Кормилица покачала головой.

VIII

ПРОГУЛКА ПО МОРЮ

Наступило молчание между собеседниками. Филипп заговорил первый.

— Чигала,— сказал он,— благодарю вас за ваше доверие ко мне; однако, признаюсь, я отчасти знал эту тайну; донна Хуана уже давно рассказала мне все, что знала. Теперь позвольте мне сделать вам один вопрос.

— Говорите, сеньор,— сказала дуэнья,— если могу, то буду отвечать.

— Это будет для вас нелегко. Вы, вероятно, имели цель, рассказывая мне эту печальную историю, не так ли? Эту-то цель я желаю знать.

— Я и намерена это сделать, кабальеро.

— Когда так, говорите пожалуйста.

— Донна Хуана вас увидала, каким образом, не знаю; дело в том, что она вас тотчас узнала. Я ни в чем не могу ей отказать; я так люблю ее, что не могу не исполнить ее просьбы. Она просила меня пойти сказать вам, что она будет вас ждать сегодня вечером в одном месте, куда я должна вас отвести. Я и пришла. Только дорогою от дома дона Фернандо до вашего я размышляла, и эти-то размышления хочу вам сообщить.

— Хорошо, Чигала; скажите же мне, в чем состояли эти размышления; я буду вам отвечать, как я думаю, удовлетворительным для вас образом.

— Дай Бог, сеньор. Честь донны Хуаны дороже мне своей; я надеялась, оставляя Испаньолу, что никогда более не увижусь с вами и что донна Хуана наконец забудет вас. Вы видите, как я откровенна.

— Да, слишком, может быть.

— Нет, безнадежная любовь непременно пройдет; это закон природы. Итак, я рассчитывала на разлуку, чтобы излечить мое бедное дитя от любви к вам; к несчастью, ваш неожиданный приезд разрушил все мои планы, расстроил все расчеты; вы молоды, дон Филиппе, вы хороши собой, богаты и хорошего происхождения; по крайней мере я предполагаю это. Но умоляю вас именем вашей матери, будьте так откровенны, как была я, отвечайте так, как должен отвечать дворянин. Истинно ли вы любите донну Хуану? Словом, любите ли вы ее настолько, чтобы жениться на ней, несмотря на неизвестность и тайну, окружающие ее происхождение? Или вы чувствуете к ней только одну из тех мимолетных привязанностей, в которых гордость играет главную роль и которые исчезают, как только бывают удовлетворены? Видите, дон Филиппе, я прямо ставлю вам вопрос, отвечайте мне также не колеблясь, как должен ответить дворянин.

— Я и буду так отвечать, Чигала!— вскричал Филипп с жаром.— Я люблю донну Хуану самой истинной и самой глубокой любовью, любовью, чистота которой заставила бы ангелов улыбнуться от радости. Мы поклялись быть супругами, принадлежать только друг другу; эту клятву я со своей стороны сдержу во что бы то ни стало. Мне все равно, благородного ли происхождения донна Хуана; она добра, хороша, благородна, этого для меня достаточно. Благородство женщины заключается в ее сердце, и в этом отношении донна Хуана хорошо одарена. Я достаточно богат и достаточно благороден и за себя и за нее; я уже давно считаю ее своей женой, а она со своей стороны видит

во мне своего мужа. Препятствия к нашему союзу я преодолею, каковы бы они ни были. Я пренебрегал опасностями гораздо большими, чтобы увидеться с нею; ничто не может остановить меня ни в настоящем, ни в будущем; моя любовь довольно сильна для того, чтобы победить врагов, которые вздумали бы похитить ее у меня. Словом, эта любовь — моя жизнь и кончится вместе с нею. Вот мой ответ, Чигала; я считаю его честным и достойным и меня, и женщины, которую я люблю; теперь скажите, что вы хотите делать, я в вашем распоряжении.

— Хорошо, дон Филиппе,— ответила дуэнья,— я знаю то, что хотела знать; я теперь на вашей стороне, и как ни ничтожно мое влияние, так как я более ничего, как бедная служанка, я отдаю его вам; я буду способствовать всеми силами, чтобы вам удалось жениться на моей питомице и быть счастливым.

— Да услышит вас Господь, Чигала! У меня недостает слов, чтобы выразить вам мою признательность.

— Настал час свидания, дон Филиппе; закутайтесь в плащ темного цвета, надвиньте на глаза поля вашей шляпы, наденьте вашу шпагу и следуйте за мною; донна Хуана вас ждет.

Молодой человек повиновался с послушанием ребенка; в одну минуту он был готов.

— Теперь что делать?— спросил он.

— Следовать за мною непринужденно; не удивляться ничему; войти туда, куда войду я.

— Ступайте, я следую за вами.

Они вышли. Настала ночь, но ночь американская, ясная, звездная, свежая, благовонная, такая ночь, каких мы не знаем в нашем мрачном северном климате. Улицы, почти пустые днем по причине удушливого жара, были наполнены гуляющими, которые ходили взад и вперед, весело разговаривая; перед каждой дверью стояли группы, которые хохотали, плясали и играли на гитаре.

Филипп, выказывавший по наружности равнодушие, ловко пробирался между группами, следуя за дуэньей, которую не терял из вида. Они шли таким образом около

получаса, все более углубляясь в непроходимый лабиринт узких улиц нижнего города; наконец они вышли к пристани. В этом месте толпа была не так тесна, но многие пришли подышать морским воздухом. Молодой человек несколько замедлил шаг, боясь, чтобы его не заметили. Дуэнья, напротив, продолжала идти, не смотря ни направо, ни налево, как женщина, которая спешит домой. Но, дойдя до деревянной пристани, на которую выгружали товары, она смело пошла по ней. Когда дошла до половины пристани, она остановилась, осмотрелась вокруг, потом, наклонившись вперед, кашлянула два раза и спустилась по ступеням, которые вели к морю.

Внизу лестницы ждала лодка с одним гребцом; дуэнья села в эту лодку, Филипп возле нее, лодочник отчалил, и лодка поплыла. Дуэнья села у руля и правила, а лодочник, наклонившись над веслами, заставлял лететь легкую лодку по волнам.

Не смея заговорить со своей спутницей, молодой человек с любопытством осматривался вокруг; скоро вдали показалась черная точка, быстро увеличивавшаяся и приближавшаяся. Эта черная точка делалась все виднее и скоро превратилась в лодку, управляемую одним гребцом, на корме сидела женщина.

Молодой человек вздрогнул; сердце его забилось так, что готово было вырваться из груди. В этой женщине он узнал донну Хуану. Через несколько минут обе лодки стали рядом. По знаку дуэньи Филипп перешел во вторую лодку, откуда гребец перешел в первую. Обе лодки разъехались, и молодой человек остался один с тою, которую любил. Все это произошло так быстро, события сменялись одно за другим так непредвиденно, что молодой человек, разбитый внутренним волнением, не имел сил произнести ни слова.

— Так-то вы приветствуете меня, дон Филипп, после такого продолжительного отсутствия?— шепнул ему на ухо очаровательный голос насмешливым тоном.

— О! Простите меня, Хуана,— вскричал молодой человек, задрожав от счастья.— Сильная радость сводит меня с ума. Ах! Я почти отчаивался увидеться с вами!

— Я только сегодня утром узнала о вашем присутствии в Маракаибо, любезный дон Филипп; я узнала вас случайно в ту минуту, когда вы проходили мимо нашего дома.

— Каким образом я не мог добраться до вас, хотя нахожусь здесь уже десять дней?

— Ах, друг мой, я не так свободна, как в маленьком домике в Сан-Хуан-де-Гуаява,— ответила она со вздохом.

— Разве дон Фернандо уже не так к вам добр, как прежде?

— Напротив, друг мой, его расположение ко мне как будто еще увеличилось, однако вот уже несколько дней как он озабочен; иногда он смотрит на меня с необыкновенной грустью, причина которой неизвестна мне.

— Боже мой! Неужели вам угрожает несчастье?

— Не думаю, друг мой, однако меня невольно мучит какое-то необъяснимое предчувствие, которое предупреждает меня, что скоро в моем положении совершится перемена.

— Вы заставляете меня дрожать, Хуана!— вскричал Филипп, бледнея.— Объяснитесь ради Бога, что может внушать вам эту мысль?

— Не умею вам сказать, друг, потому что сама этого не знаю; вот все, что я заметила. Перемена в расположении духа дона Фернандо началась две недели назад; в это время он получил с кораблем, прибывшим с материка, письмо, содержание которого сильно его озаботило; он тотчас отдал приказание приготовить великолепный дом в нескольких милях от города в восхитительном местоположении.

— Близ Мериды, не так ли?

— Да, друг мой.

— Я его видел, даже осматривал; он действительно великолепен; дон Фернандо сказал мне, что он приготовлен для какого-то знатного человека, которого он ждет.

— Он и мне дал тот же ответ, только прибавил шепотом эти два слова, которые я скорее угадала, чем услышала: «Бедное дитя!» Несмотря на мои усилия узнать более, дон Фернандо остался непроницаем, и я ничего не могла узнать

более, вот и все, друг мой; но довольно заниматься мною, поговорим о вас. Как вам удалось пробраться сюда; я дрожу при одной мысли об этом. Неужели вы не знаете, что всякий иностранец, захваченный в испанских колониях, немедленно подвергается смерти? Закон неумолим на этот счет.

— Знаю, друг мой, но что мне за нужда! Я хотел опять увидеть вас, опять сказать вам, что я вас люблю.

— А я, милый Филипп, разве не люблю вас?

— О! Не столько, сколько я.

— Может быть, но я умираю от страха за вас; что, если вас узнают!

— Успокойтесь, моя возлюбленная, я слыву испанцем; никто не подозревает моей национальности. Я служу у графа де л'Аталайи, очень знатного вельможи.

— Это несколько успокаивает меня; но малейшей неосторожности достаточно, чтобы вас погубить.

Филипп лукаво улыбнулся.

— Но каким образом добились вы покровительства графа де л'Аталайи?

— Слишком долго будет рассказывать, моя возлюбленная; скажите лучше, каким образом вы назначили мне свидание на море?

— За мною строго наблюдают, друг мой; вот уже несколько дней, я не понимаю почему, все мои поступки подстерегают, и я боялась, чтобы нас не увидели в доме или на прогулке.

— Но матросы, провожающие вас?

— Они мне преданы.

— Гм!— произнес молодой человек, качая головой,— но вы знаете их лучше меня, и я спорить не стану. Могу я видеться с вами опять?

— Это будет очень трудно.

Молодой человек вздохнул.

— Хуана,— сказал он кротким голосом, нежно пожимая руку молодой девушки,— имеете вы доверие ко мне?

— Да, друг мой, я имею к вам доверие, потому что люблю вас и убеждена, что вы также любите меня.

— Уверены ли вы в том, что я делаю все с единственной целью соединиться с вами и сделать вас счастливою?

— Я твердо этому верю, любезный Филипп.

— Хорошо, Хуана, благодарю! Вы хорошо поняли меня. Обратите хорошенько внимание на мои слова, милая моя Хуана, дело идет о нашем счастье, о моей жизни.

— Говорите, друг мой; я сделаю все, чего вы потребуете от меня.

— Без нерешительности?

— Да.

— Может быть, через три дня я должен буду уехать отсюда.

— О, Филипп!— вскричала она с горестью.

— Но я даю вам клятву, что скоро вернусь.

— Ах! Мы опять будем разлучены.

— Это будет в последний раз; мое отсутствие продолжится месяц, может быть два, не более. Я возвращусь с тем, чтобы не расставаться с вами более.

— В самом деле?

— Честное слово!— вскричал он с жаром.— Только, Хуана, во время моего отсутствия будьте мужественны; пусть воспоминания служат вам охраною против всего, что станут предпринимать против вас. Словом, сохраните для меня вашу любовь.

— Уезжайте спокойно, друг мой; что ни случилось бы, вы найдете меня достойной вас; разве я не жена ваша перед Богом? Но как я узнаю о вашем возвращении?

— Постоянно устремляйте на море ваши нежные взоры, когда прибудут корабли; тот, на котором приеду я, будет иметь клетчатое знамя, черное с белым.

— Черное с белым, буду помнить, друг мой.

— Теперь, милая Хуана, обратите внимание на то, что несмотря на все, что будут говорить вам обо мне и что будет происходить в городе, закройте глаза и уши и ждите, чтобы я приехал оправдаться.

— Вы меня пугаете, друг мой, что намерены вы делать?

— Сам еще не знаю, моя возлюбленная, но будьте уверены, что мне удастся. В особенности не выходите из

ваших комнат; как ни уговаривали бы вас, сопротивляйтесь всеми возможными способами; если роковая судьба удержит меня слишком долго вдали от вас, я пришлю к вам одного или нескольких послов; вы легко узнаете их: правая рука их будет обвязана таким же платком, как мое знамя. К ним вы можете иметь полное доверие; сделайте все, что они вам скажут. Хорошо ли вы поняли меня, милая Хуана?

— Да, друг мой, вы пугаете меня; какие зловещие планы замышляете вы, ради Бога?

— Я не замышляю никаких планов, кроме одного — навсегда соединиться с вами; от вас зависит, чтобы этот план имел успех.

— О! Если зависит от меня, то он будет иметь успех.

— Но это еще не все. Надо поклясться следовать во всем инструкциям, которые я вам даю.

— Буду им следовать, клянусь вам нашей любовью, друг мой.

— Вы ангел, моя возлюбленная, вы верите мне; а я клянусь вам в свою очередь, что вы будете счастливы, или я умру.

— О! Не говорите о смерти, мой возлюбленный; если вы умрете, неужели вы думаете, что я вас переживу?

— Вы мне сейчас сказали, что у вас есть предчувствие, Хуана, и у меня также есть, что скоро наши мучения кончатся.

— Да услышит вас небо, друг мой!

— Молитесь ему, чтобы оно защитило нас, Хуана, потому что, клянусь моей душой, для обладания вами я сделаю то, на что никогда не решался ни один человек.

— Боже мой! Боже мой! Я дрожу...

— Дитя, лучше надейтесь.

В эту минуту послышался шум весел на недалеком расстоянии, и лодка, в которой сидела дуэнья, выехала из темноты.

— Надо нам расстаться, друг мой,— сказала молодая девушка.

— Уже?— прошептал он.

— Более продолжительное отсутствие может возбудить подозрение, притом мы имеем надежду скоро увидеться.

— Это правда, друг мой, и тогда мы уже не расстанемся. Помните все, о чем я вас просил.

— Я не забуду ничего.

Обе лодки пристали борт о борт.

— До свидания, Филипп!— шепнула молодая девушка на ухо своему жениху.

— О, да,— ответил он,— до свидания, моя обожаемая Хуана!

Запечатлев долгий поцелуй на руке, протянутой к нему молодой девушкой, он сделал усилие над собою и спрыгнул в лодку. Молодые люди переглянулись в последний раз, и лодки разъехались в разные стороны.

Выйдя на берег, молодой человек наклонился к дуэнье и сказал ей на ухо:

— Благодарю, Чигала; я не забуду того, что вы сделали для меня сегодня; а перстень?

— Вы получите его завтра; прощайте, сеньор,— сказала она улыбаясь.

Воротясь домой, Филипп нашел Монбара, который ждал его, расхаживая большими шагами по его спальной.

— Откуда вы так поздно?— спрашивал он его.

— С прогулки по морю,— ответил Филипп с чистосердечным видом.

Монбар до того был поражен этим ответом, что молодой человек громко расхохотался.

IX

ОТЪЕЗД

Филипп бросил на стул свою шляпу и свой плащ, отстегнул портупею и придвинул Монбару кресло.

— Вы меня ждали?— спросил он.

— Да, друг мой,— ответил Монбар, садясь,— уже более часа хожу я взад и вперед по вашей спальне.

— Разве Данник вам не сказал?

— Напротив, любезный Филипп,— перебил Монбар.— Данник все мне сообщил. Он сказал мне, что у вас была какая-то дуэнья, что вы вышли вместе с нею, я и заключил из этого, что вы, без сомнения, отправились на любовное свидание и что, без сомнения, долго не вернетесь; но так как мне нужно было с вами говорить, то я и остался. Вы этим недовольны?

— Вовсе нет, любезный Монбар; дела прежде всего, особенно в нашем положении, когда мы каждую минуту подвергаемся опасности быть узнанными и убитыми как собаки; я даже примечаю, что на нас как будто начинают коситься.

— Именно.

— Стало быть, случилось что-нибудь?

— Нет еще, но может случиться с минуты на минуту; недурно бы принять меры.

— Так что...

— Так что... но я боюсь вас огорчить, особенно после вашей прогулки по морю,— прибавил Монбар с кроткой насмешкой.— Мне не хотелось бы нарушать удовольствия, которые, вероятно, возбуждают в вас некоторые дела.

— Все равно, друг мой,— весело сказал Филипп,— говорите.

— Вы хотите?

— Еще бы!

— Я думаю, что мы уже довольно долго оставались в этих местах и что более продолжительное пребывание сделалось бы опасным.

— Я вполне разделяю ваше мнение,— с живостью ответил Филипп.

— Вы точно это думаете?— с удивлением спросил Монбар.

— Конечно.

— Если я отдам приказание сняться с якоря завтра?

— Я всеми силами буду одобрять это намерение.

— Объяснитесь, пожалуйста,— сказал Монбар, все более и более удивляясь,— я совсем ничего не понимаю.

— Почему?

— Я думаю, что вы влюблены.

— Вы не ошиблись, я действительно влюблен до безумия в очаровательную женщину.

— Так как же?

— Уедем как можно скорее.

— Хорошо, хорошо, я начинаю понимать,— сказал Монбар, улыбаясь.

— Напротив, вы ничего не понимаете, друг мой,— ответил Филипп лукаво,— я чувствую пылкую, беспредельную любовь, которая кончится только с моей жизнью, к небесному созданию, которому я не успел расцеловать и пальчиков; вы видите, что я далек от пресыщения, как вы предполагаете.

— Что же это?— смеясь спросил флибустьер.— Вы обожаете вашу красавицу и хотите от нее бежать?

— Бежать — нет, а оставить ее.

— Мне кажется это все равно.

— Не совсем; оставляешь с тем, чтобы вернуться, тогда как бежишь навсегда.

— Итак?

— Я готов ехать, когда вы хотите.

— Я не стану долее рассуждать с вами; эта поспешность, вероятно, скрывает какие-то планы, которые мне бесполезно знать, поэтому я не настаиваю.

— Благодарю за эту сдержанность, друг мой.

— Воротимся к нашим делам; наши товарищи кончили гидравлические работы. Тихий Ветерок теперь знает бухту так же хорошо, как самые лучшие лоцманы; планы Маракаибо, Мериды, Гибралтара составлены; мы знаем силы наших врагов и можем действовать, когда сочтем нужным, с уверенностью в успехе; более ничего нам не нужно, не правда ли?

— Я думаю.

— С другой стороны, дон Фернандо д'Авила ждет с минуты на минуту приезда какого-то знатного лица, с

которым нам не следует встречаться; до сих пор случай так благоприятствовал нам, что мы не можем долее употреблять во зло его благосклонности; дела наши кончены, уедем.

— С тем, чтобы вскоре появиться?

— Конечно, это моя мысль.

— Не можем же мы, однако, уехать ни с того ни с сего.

— Конечно, нет; предлог придуман. Здесь проверка счетов интендантов кончена; я продолжаю мою ревизию в других местах.

— Это правда,— сказал молодой человек, смеясь,— губернатору покажется это в порядке вещей.

— Я уже намекнул ему на это сегодня, и должен признаться, что он очень любезно принял мои слова. Между нами, друг мой, не знаю почему, но, кажется, дон Фернандо д'Авила будет рад нашему отъезду.

— Я сам так думаю,— насмешливо сказал Филипп.

— Что заставляет вас это думать?— спросил Монбар.

— Ничего, но я в этом уверен.

— Опять загадки, черт вас побери совсем! Не хочу удерживать вас долее; вы, должно быть, нуждаетесь в отдохновении; я ухожу. Спокойной ночи, любезный Филипп. Хотите, я вам скажу кое-что?

— Скажите.

— Я убежден, что все мы вытаскивали для вас каштаны из огня и что вы лучше всех нас устроили свои дела. Угадал я?

Филипп расхохотался, пожал руку своему товарищу, и они расстались.

— Что за беда, если он угадал?— прошептал Филипп, оставшись один,— разве я не уверен в его дружбе и преданности?

Он лег в постель и предался золотым грезам до утра.

В десять часов граф де л'Аталайя призвал своего секретаря. Когда Данник вошел в комнату Филиппа, тот еще спал со счастливой беззаботностью молодости, для которой существует одно настоящее и которая не заботится

ни о прошедшем, ни о будущем. Данник с трудом разбудил молодого человека.

— Черт тебя побери! Надоел!— вскричал Филипп, приподнимаясь на постели и протирая заспанные глаза.— Мне снился такой хороший сон!

— Ба!— философически ответил работник.— Самый лучший сон не стоит действительности.

— Это ты, Данник? Чего ты от меня хочешь?

— Во-первых, отдать вот этот футляр, который сегодня утром вам принесли.

— Подай!— вскричал Филипп, вырвав из рук Данника футляр и спрятав его под изголовье.— Еще что?

— Как вы нетерпеливы! Монбар ждет вас в гостиной; там человек двадцать болтают наперерыв — кто кого перещеголяет; кажется, вы там нужны.

— Кто это?

— Наши товарищи, губернатор и с ним еще какие-то в мундирах.

— Ах! Черт побери, я не хочу заставлять себя ждать.

— Поспешите же.

— Через пять минут я буду готов. Скажи, что я сейчас выйду.

— Хорошо.

Данник вышел. Молодой человек соскочил с постели и начал одеваться, но вдруг остановился и вынул из-под изголовья футляр, спрятанный там. Он раскрыл его и увидал перстень, очень простой, но с бледным рубином дорогой цены.

— Странно!— прошептал он, внимательно рассматривая перстень, который вертел в руках.

Ему послышался шум; тогда он положил перстень в футляр, спрятал на груди и опять начал одеваться.

Через десять минут он вошел в гостиную, где собралось многочисленное общество, как сказал Данник.

Монбар в восемь часов утра поехал к губернатору с намерением сообщить ему о своем отъезде и проститься с ним. Дон Фернандо д'Авила прекрасно принял графа де л'Аталайю, любезно сетовал на то, что он так скоро

оставляет колонию, и настаивал, правда слабо, чтобы он продолжил свое пребывание в Маракаибо; потом, когда убедился, что намерение графа непоколебимо, пожелал ему благополучного пути, и оба расстались, по наружности в восторге друг от друга.

Воротившись домой, Монбар послал Данника к Мишелю передать ему быть готовым сняться с якоря и съехать на берег со всеми офицерами проститься с начальниками колонии.

Мишель и другие флибустьеры, постоянно остававшиеся на шхуне и подчиненные строгой дисциплине, с живейшей радостью приняли известие об отъезде; продолжительное пребывание у этих берегов начинало сильно их тяготить; во-первых, оттого, что они должны были примерно себя вести, а потом, они боялись каждую минуту быть узнанными. Мишель, не теряя ни минуты, запасся водой, купил свежую провизию и отозвал на шхуну шесть матросов, которые, под предлогом охоты, разузнавали окрестности города. Шхуна в несколько минут была готова выйти в открытое море. Мишель надел парадный мундир и в сопровождении своих офицеров съехал на берег, сделал визиты и простился с начальниками колонии.

Губернатора не было дома; он отправился к графу со своими главными чиновниками, чтобы проститься с ним и проводить до шлюпки, которая должна была довезти его до шхуны.

Свидание было самое дружеское. Уверенный, что граф не останется в Маракаибо, дон Фернандо снова стал любезно удерживать его; чиновники тоже присоединили свои просьбы к его убеждениям; но, разумеется, все было бесполезно. Монбар любезно поблагодарил этих господ за их вежливость, но отказался, ссылаясь на вверенное ему поручение. В эту минуту Филипп вошел в гостиную, где все столпились около него.

— Сеньор граф,— сказал губернатор,— если, несмотря на наше сильное желание удержать вас еще на несколько дней, вам невозможно оказать нам эту честь, примите искреннее выражение наших сожалений; поверьте, что мы

долго сохраним воспоминание о коротком посещении, которым вы нас удостоили.

— Эти сожаления, сеньор, наполняют меня радостью и гордостью; будьте уверены, что я их разделяю.

— Вы, вероятно, скоро воротитесь в Европу, сеньор; вероятно, мы вас видим в последний раз.

— Кто знает?— ответил Монбар с неприметной насмешкой.— Случай занимает такое большое место в жизни человека, что, может быть, мы увидимся гораздо скорее, чем вы предполагаете.

— Дай-то Бог! Будьте уверены, что если это случится, мы будем очень рады; но мы не смеем ожидать такого большого счастья.

— Судьба решит, сеньор.

— Теперь, сеньор граф, позвольте мне сделать вам вопрос.

— Я к вашим услугам, сеньор; неужели я буду иметь счастье оказать вам услугу и отблагодарить таким образом за ваше очаровательное гостеприимство?

— Может быть, сеньор граф, вы имеете намерение побывать в Шагресе, прежде чем отправитесь в Веракрус?

— Могу я узнать, почему вы делаете мне этот вопрос, сеньор?

— О! Конечно, кабальеро; у меня теперь в руках полтораста тысяч пиастров, которые я давно уже должен был отправить в Панаму; но вы знаете, сеньор граф, мы живем почти в захолустье и до сих пор у меня не было случая отослать эти деньги.

— Стало быть...— сказал Монбар со странным выражением.

— Признаюсь вам откровенно, что, если б вы могли избавить меня от этой суммы и передать ее, вы оказали бы мне истинную услугу.

— Я в отчаянии, сеньор,— ответил Монбар несколько сухо,— что не могу исполнить вашего желания, но это невозможно.

— Почему же, сеньор граф?

— По очень простой причине, кабальеро: я не знаю наверно, буду ли в Шагресе.

— Итак, вы отказываете мне?

— Против воли, поверьте, сеньор; но я думаю, что этим деньгам лучше остаться в ваших руках, тем более, что через несколько дней к вам, вероятно, придут корабли из Европы и тогда легко будет отослать эти деньги.

— Не будем более говорить об этом, кабальеро, и простите мне эту нескромную просьбу.

— Напротив, я прошу вас принять мои извинения. Я был бы рад сделать вам угодное, если б мог, но теперь мы должны расстаться, сеньор.

Оседланные лошади ждали на дворе; все вышли из комнат и сели на лошадей. Нарядный конвой стоял под ружьем. Монбар поехал рядом с доном Фернандо и, разговаривая с ним, направлялся к пристани. Улицы, несмотря на ранний час, были наполнены толпою любопытных, которые кричали ура и махали шляпами, шарфами, платками. Монбар любезно кланялся направо и налево.

Филипп напрасно старался распознать в толпе восхитительный профиль донны Хуаны; он не увидел ее, подавил вздох и сделался печален.

Доехали до пристани, где матросы перевозили на шхуну вещи на баржах, сошли с лошадей и начали прощаться. Испанцы расточительны на приветствия, но Монбар счел благоразумным прекратить все это, и как только увидал все свои вещи на барже, сделал знак своим офицерам следовать за ним и сел в свою шлюпку.

— Черт побери!— сказал Мишель, как только шлюпка пристала к шхуне.— Какая странная мысль пришла вам в голову, командир!

— О какой мысли говоришь ты, старый товарищ?— спросил Монбар, улыбаясь.

— Отказаться от денег, которые предлагал вам достойный губернатор.

— Глуп же ты!— ответил Монбар, тихонько ударив его по плечу.— Мы не воры, а храбрые флибустьеры.

— Это правда, но полтораста тысяч пиастров!..

— Будь спокоен, Мишель; мы ничего не потеряем, если подождем, мы найдем те деньги, которые я не хотел взять; это я обещаю тебе. Притом, почему ты знаешь, может быть, губернатор расставлял нам ловушку?

— Очень может быть; вы правы.

Через четверть часа шхуна скользила, как чайка, по волнам при восторженных восклицаниях толпы, собравшейся на берегу.

Юнга Шелковинка исчез. Когда об этом сказали Монбару, он начал тихо посмеиваться, как это делал всегда, когда не хотел отвечать иначе.

X

РОДСТВЕННИКИ

В одно прекрасное утро в конце сентября, в ту минуту как солнце начало подниматься над горизонтом и бросать во все стороны свои блестящие и знойные лучи, два человека выехали из густого леса мастиковых, гуявовых и померанцевых деревьев, опускавших свои ветви в прозрачную и холодную воду Артибонита, в трех лье от города Порт-де-Пэ, одного из страшных убежищ страшных хищных птиц, называемых флибустьерами, которые, насмехаясь над могуществом испанцев и как бы поддразнивая их, смело построили свои гнезда на берегах самой богатой их колонии, изнеженной и сладострастной Испаньолы.

Эти два человека, бросив вокруг проницательные взоры и удостоверившись, что никто не подсматривает за ними, спустились с крутого берега реки, отвязали легкую пирогу из древесной коры, спрятанную под тростником, и, вынув из нее весла и мачты, понесли на плечах до откоса, где поставили так, чтобы защитить себя от солнечных лучей и нескромных взоров, укрепили ее кольями, потом легли в тень и начали приготовлять завтрак.

Мы воспользуемся этой минутой, чтобы познакомить читателя с ними.

На обоих были костюмы французских буканьеров: холстинные панталоны, стянутые поясом из крокодиловой кожи, две рубашки, надетые одна на другую и запачканные кровью и грязью, фуражка. Палатка из тонкого полотна свернута и перекинута через плечо. Оружие их состояло из трех штыков и ножа в футляре из буйволовой кожи за поясом, возле пороховницы и мешочка с дробью, и длинного ружья, какие делались в Дьеппе и назывались флибустьерскими ружьями. Вооруженные таким образом, люди эти могли сопротивляться тем, которые на свое несчастье вздумали бы поссориться с ними; причем их резкие черты, отмеченные неукротимой энергией, лица, загорелые от ветра, солнца и дождя, их широкие кости, необыкновенная толщина рук с мускулами жесткими, как веревки, показывали силу, способную заставить призадуматься самых смелых противников.

Эти люди были еще молоды, и, насколько можно было судить, изображая опустошения, сделанные на их лицах страстями и оргиями, они не дожили еще и до сорока лет.

Однако, несмотря на их грозную наружность, может быть, если мы прислушаемся с разговору этих людей, мы узнаем, что они не таковы, как кажутся, распознаем лисиц в львиных шкурах и будем принуждены сознаться, что они переодеты буканьерами; правда, переодеты они так хорошо, что самый проницательный человек был бы обманут даже после серьезного и подробного осмотра.

Приготовления к завтраку были непродолжительны, и наши два незнакомца, голод которых, без сомнения, был возбужден утомительным путешествием в стране, где нет проложенных дорог, начали есть с хорошим аппетитом, разговаривая между собою по-испански тихим и сдержанным голосом, как если бы, несмотря на окружавшее их одиночество, они боялись, чтоб слова их, уносимые на крыльях утреннего ветерка, не дошли до ушей каких-нибудь притаившихся шпионов.

— На каком расстоянии находимся мы от Порт-де-Пэ?— спросил первый.

— Напрямик,— ответил второй, набив полон рот,— около одного лье, а по дороге — по крайней мере три лье.

— Мы, кажется, далеко зашли вперед?

— Слишком, может быть, но если бы мы не пришли сюда, то могли не увидеться с тем, кого мы хотели видеть.

— Не боишься ли ты неприятной встречи так близко к городу?

— Это невероятно, и вот почему: равнина, на которой мы находимся, теперь совершенно оставлена дичью; вы не найдете быка за десять лье в окружности; буканьеры это знают, поэтому они совсем бросили эти места, где в целый месяц им не пришлось бы сделать ни одного выстрела.

— Соглашаюсь со справедливостью твоих слов, Бирбомоно,— продолжал первый незнакомец,— но флибустьеры не единственные враги, которых нам следует опасаться.

— О каких врагах говорите вы?— спросил Бирбомоно — это действительно был майордом.— Признаюсь вам смиренно, что я не понимаю.

— О ком мне говорить, как не о караибах, этих страшных мародерах, которые еще свирепее буканьеров, если возможно.

Бирбомоно расхохотался.

— Вы забыли, в каком вы костюме,— сказал он,— правда, караибы непримиримые враги испанцев, но зато верные и преданные друзья Береговых Братьев, и если неравно эти дикари нападут на наш след, вместо того, чтобы повредить нам, они, напротив, будут готовы нам служить.

— Очень может быть,— ответил тот с неубежденным видом,— однако, признаюсь, я почти сожалею, что зашел так далеко, хотя мы не одни и полтораста человек, оставленные мною в лесу, прибегут к нам на помощь по первому сигналу.

— Вы знаете мое мнение о ваших людях,— ответил Бирбомоно с презрением,— мы с вами видели их на деле; я больше полагаюсь на себя, чем на них.

— Однако время проходит, а его все нет, Бирбомоно!

— Придет, имейте терпение.

— Вы в этом уверены?

— Судите сами. Вы знаете, что госпожа моя, оставив домик, в котором скрывалась столько лет, поехала поселиться в Порт-де-Пэ. Там, по моим советам, чтобы не возбуждать подозрений о себе, она открыла гостиницу, где живут самые знаменитые начальники флибустьеров.

— Я знаю все это, но не понимаю, как Береговые Братья, такие хитрецы, не узнали в ней испанку.

— Флибустьеры не так подозрительны, как вы думаете; притом мы приехали на голландском судне, будто бы из Европы; мы выдали себя за фламандцев; бумаги наши были в порядке; чего более можно было требовать от нас?

— Действительно ничего, так как на кастильском наречии говорят во всей Фландрии, принадлежащей испанскому королю.

— Притом, какое опасение может внушать женщина пожилая и сопровождаемая только одним слугой людям, не боящимся ничего на свете? Нас, напротив, приняли очень дружелюбно и помогли нам устроить гостиницу.

— Да, флибустьеры любят, когда у них поселяются иностранцы.

— Это доставляет им население оседлое, честное и трудолюбивое, посредством которого они надеятся очистить свое общество.

— Продолжай; эти сведения драгоценны для меня.

— Мне нечего прибавлять, кроме того, что Франкер, как называется этот человек между Береговыми Братьями, поселился в нашей гостинице, и я отдал ему письмо, пересланное вами.

— Он ничего не сказал, получив его?

— Он смутился, побледнел, потом сказал мне отрывисто: «Хорошо, я приду».

— Он сдержит слово. Счастлива ли твоя гопожа?

— Насколько может, бедная женщина; только вы знаете, что я довольно наблюдателен.

— Ну, что же ты заметил?

— Странное обстоятельство. Донна Клара, такая мрачная и безмолвная обыкновенно, по целым неделям не произносящая ни слова, выказывает к этому молодому человеку необыкновенную привязанность.

— Что ты говоришь, Бирбомоно?

— Правду, ваше сиятельство. Когда она увидит этого молодого человека, лицо ее проясняется, глаза бросают молнии; когда он заговорит с нею, звук его голоса заставляет ее вздрагивать; если иногда он садится в общей зале, она следует за ним глазами, подстерегает все его движения, а когда он уходит, она вздыхает и с унынием опускает голову на грудь; она сама убирает его комнату и чинит белье; она никому не хотела предоставить это попечение; она находит удовольствие заботиться о том, чтобы этот молодой человек ни в чем не терпел недостатка; не находите ли вы, что это очень странно?

— Ты не делал ей замечаний на этот счет?

— Один раз, но она прервала меня с первого слова, приложила палец к губам с ангельской улыбкой и сказала голосом таким кротким, что я готов был расплакаться: «Бирбомоно, мой верный друг, дай мне обманывать мою горесть; я люблю этого молодого человека, как мать. Господь свел меня с ним, вероятно, для того, чтобы утешить в моей потере». Что мог я сказать? Я замолчал.

— Да, да, тут виден перст Божий,— прошептал первый собеседник, проводя рукою по своему лбу, орошенному потом,— да будет Его воля. А что об этом думает молодой человек?

— Я полагаю, что он не думает ничего по той причине, что он этого даже не примечает; характер этого человека не имеет ничего общего с характерами его товарищей; он угрюм, сдержан, не играет и не пьет; у него нет, по-видимому, никакой интриги; я спрашиваю себя, что такой человек может делать между флибустьерами.

— Он должен, однако, иметь друзей.

— Только двух, Пьера Леграна и Филиппа д'Ожерона; но они давно в экспедиции и он живет один.

— Монбар его знает?

— Не думаю; когда мы приехали в Порт-де-Пэ, Монбара не было уже с месяц и он еще не вернулся.

— Все равно, Бирбомоно, продолжай, как я тебя просил, наблюдать за этим странным молодым человеком; я имею на это серьезные причины, которые ты узнаешь со временем.

— Для меня достаточно вашего приказания, остальное меня не касается; но я слышу шум,— прибавил Бирбомоно, вставая,— это, должно быть, он.

— Узнай, друг мой, и если это он, приведи его сюда.

Майордом скоро исчез в высокой траве. Не сделал он и ста шагов, как очутился лицом к лицу с человеком, который шел поспешными шагами. Это был флибустьер Франкер.

— Я опоздал, Бирбомоно?— сказал он, вытирая носовым платком пот, струившийся по его лицу.

— Нет,— ответил майордом,— только восемь часов, а свидание назначено, кажется, в половине девятого.

— Это правда; тем лучше; я не хотел бы заставлять себя ждать. Где тот человек, который пригласил меня сюда?

— Пожалуйте за мною; он вас ждет в нескольких шагах отсюда.

— Показывай мне дорогу; мне хочется поскорее увидеть его.

Но, приметив буканьера, молодой человек сделал движение, выражавшее обманутое ожидание, и остановился, говоря Бирбомоно:

— Что это значит? Чего хочет от меня этот человек? Где же...

— Молчите,— с живостью перебил его буканьер.— Оставь нас одних, друг мой,— обратился он к майордому,— и посмотри, чтобы никто нам не помешал; при первом подозрительном движении в степи предупреди нас.

Бирбомоно поклонился, взял ружье и ушел, не говоря ни слова. Буканьер следил за ним глазами, потом, когда майордом совсем исчез из вида, обернулся к молодому человеку и сказал, протягивая ему руку:

— Добро пожаловать, я рад видеть вас.

— Как!— с удивлением вскричал Франкер,— вы...

— Дон Санчо Пеннафлор к вашим услугам.

— Но этот костюм...

— Очень хорошо придуман для настоящих обстоятельств, как вы думаете? Мне кажется, он защитил бы губернатора Сан-Доминго лучше генеральского мундира.

— Извините, но вы так хорошо переоделись, что я с трудом вас узнаю и теперь.

Оба обнялись и сели рядом.

— Теперь поговорим о делах,— начал дон Санчо,— мы сошлись здесь для этого.

— Я к вашим услугам; но как вы узнали, где я?

— Я осведомился. Неужели вы думаете, мой милый, что у нас нет шпионов? Выдьте из заблуждения, когда так, потому что у нас много шпионов, и очень искусных, которым, сказать мимоходом, мы платим очень дорого. Но приступим к делу. Помните ли наш последний разговор в Веракрусе?

— Ни слова не забыл.

— И конечно исполнили то, о чем я вам говорил тогда?

— Извините, я не понимаю того, на что вы намекаете.

— Я объяснюсь. Конечно, вы воздержались, как я вас просил, от переписки с герцогом Пеннафлором, моим отцом, и ожидали от меня обещанных мною объяснений.

— Любезный дон Санчо, я буду откровенен с вами,— ответил молодой человек с некоторой нерешительностью в голосе,— потом, когда я все вам расскажу, вы рассудите сами.

— Хорошо,— сказал маркиз, слегка нахмурив брови,— говорите, я вас слушаю.

— Несколько месяцев прошло после нашей разлуки и после опасного поручения, которое мне дал герцог Пеннафлор; с того времени совершилось много событий, а я ничего не слыхал о вас. Несколько раз, но напрасно, старался я видеться с вами; я должен был предположить, что или вы забыли обещание, данное мне, или передумали.

С другой стороны, герцог Пеннафлор, неутомимая деятельность которого вам известна, посылал ко мне письмо за письмом, поощряя следовать без нерешительности и без уныния начертанным им мне путем и исполнить достославный подвиг, который должен освободить Испанию от самых страшных ее врагов на море. Что мог я сделать? Повиноваться; тем более что, повинуясь полученным приказаниям, я трудился не только для пользы отечества, но и моего мщения. Притом я дал слово, а вы знаете, дядя, что в нашей фамилии никто не изменял данному слову.

— О!— вскричал дон Санчо, сжав губы от гнева.— Я узнаю адское могущество отца и его неумолимую ненависть! Как всегда, он все предвидел, все рассчитал!

— Что вы хотите сказать? Вы меня пугаете; что значат эти слова?

— Продолжайте, продолжайте, дон Гусман; может быть, теперь уже слишком поздно объяснять вам. Кто знает, может быть, зло поправить нельзя.

— О! Дон Санчо, вы объясните мне ваши слова, не правда ли?— вскричал молодой человек с трепетом горести.

— Прежде кончите ваш рассказ, а потом, может быть, я смогу исполнить ваше желание.

— Мне остается прибавить только несколько слов. Я исполнил в точности данное мне поручение. Герцог Пеннафлор знал все действия флибустьеров; еще вчера я послал к нему гонца с уведомлением, что приготовляется большая экспедиция против одной крепости на материке и что, по всей вероятности, этой экспедицией будет командовать Монбар, которого с минуты на минуту ждут на Черепаху, и главные начальники Береговых Братьев. Теперь говорите вы, я слушаю вас.

Дон Санчо встал, взглянул на молодого человека с горестным выражением и, положив ему руку на плечо, отвечал кротко:

— Теперь мне нечего вам говорить; вы находитесь в руках человека, который разобьет вам сердце так, что вам невозможно будет защититься. Вы не мстите за себя, а

служите его ненависти; вы, бедный юноша, более ничего как орудие в его руках.

— Но что же делать, ради Бога?

Дон Санчо колебался с минуту.

— Дон Гусман,— сказал он наконец мрачным голосом,— я объясниться не могу. Только умейте меня понять.

— Как я могу? У меня голова не на месте!— прошептал молодой человек с судорожным трепетом.

— Я вам повторю слова святого Реми Кловису: «Сожги то, что ты обожал; обожай то, что ты сжег...».

— То есть?— с беспокойством спросил дон Гусман.

— То есть,— ответил мрачным голосом маркиз,— герцог Пеннафлор — мой отец, я обязан повиноваться ему и уважать его — словом, обязан молчать; но как ваш друг и родственник, я вас предупреждаю — теперь я не могу объясниться подробнее — остерегайтесь, дон Гусман, остерегайтесь.

Он сделал шаг, чтобы уйти.

— Одно слово, только одно, которое бросило бы свет в окружающий меня мрак.

— Я не могу сказать более.

— О, я проклят!— вскричал с унынием дон Гусман.

— Может быть,— ответил дон Санчо с состраданием,— но надейтесь и старайтесь угадать ваших настоящих врагов. Прощайте!

— Увижусь ли я с вами?

— Да.

— Когда?

— Не знаю; вероятно, слишком поздно для того, чтобы предупредить ужасную катастрофу, если вы не поняли моих слов; прощайте еще раз, помните слова святого Реми.

Пожав дону Гусману руку, он ушел.

— Ах, Боже мой!— с унынием вскричал молодой человек.— Кто будет моим руководителем в этом непроходимом лабиринте?

Он услыхал шум шагов и с живостью поднял голову, надеясь, что, может быть, его родственник, тронутый его

горестью, вернулся к нему; но он скоро узнал свою ошибку. К нему подошел Бирбомоно.

— Воротимся в Порт-де-Пэ, сеньор,— сказал ему майордом.

— Пойдемте!— ответил дон Гусман глухим голосом.

Не прибавляя более ни слова, он отправился в путь. Бирбомоно шел вперед, прокладывая дорогу.

XI

ПРИБЫТИЕ

Пока Марсьяль Франкер, или дон Гусман Тудела, как читателю угодно его называть, спешил на свидание, назначенное ему доном Санчо Пеннафлором, необыкновенное волнение господствовало в Порт-де-Пэ. Известие, очень интересное для жителей, распространилось с быстротою молнии, и жители, бросив свои дома, хлынули к гавани с радостными криками, стараясь наперегонки первыми прибежать на берег.

Правда, что для Береговых Братьев дело было чрезвычайно важно. Часовой, поставленный на мыс Мориго, дал знать о приближении шхуны, на которой находились самые знаменитые флибустьеры, шхуны, ушедшей уже так давно, что ее считали погибшей или захваченной испанцами и не надеялись уже видеть ее возвращение; поэтому, повторяем, радость была велика и восторг дошел до крайней степени.

Шхуна при свежем утреннем ветре вошла в гавань с распущенными парусами, и уже легко было узнать Береговых Братьев, собравшихся на палубе и весело махавших шляпами в знак благополучного возвращения.

Наконец бросили якорь, подобрали паруса, и граф д'Ожерон, стоявший со своими офицерами на конце пристани и нетерпеливо ожидавший этой минуты, не мог воздержаться долее, сел в лодку и поехал к шхуне.

Его принял Монбар и протянул ему руку, чтобы помочь войти на шхуну. Губернатор ухватился за фалрены и, несмотря на свою полноту, проворно вскочил на палубу.

— Добро пожаловать, господин д'Ожерон,— сказал ему Монбар с дружелюбным поклоном.

— Добро пожаловать вы сами,— весело ответил губернатор.— Черт побери, если я вас не считал всех на дне моря, потому что я не предполагал ни минуты, чтобы вы находились в плену у испанцев; поэтому признаюсь вам, любезный Монбар, что вы освобождаете меня от жестокого беспокойства.

— Я искренно вас благодарю, милостивый государь; я вдвойне счастлив буду видеть вас, потому что мне крайне необходимо поговорить с вами, так что если б вы не приехали ко мне на шхуну, мой первый визит был бы к вам.

— Гм! гм!— весело сказал д'Ожерон,— кажется, есть какие-то новости?

— Да.

— Стало быть, вы сделали благополучное путешествие?

— Превосходное.

— Сколько вы привезли?

— Ничего.

— И это вы называете благополучным путешествием?

— Да.

— Когда так, я ничего не понимаю. Надеюсь, вы объяснитесь?

— И даже сейчас, если вы хотите.

— Как же не хотеть? Я приехал нарочно услыхать от вас рассказ о вашей экспедиции.

— Стало быть, все к лучшему. Угодно вам сойти в мою каюту?

— Для чего же? Кажется, нам здесь очень хорошо.

— Да, для того чтобы разговаривать о посторонних предметах, но для того, что я имею вам сказать, лучше нам быть одним.

— Черт побери!— сказал д'Ожерон, потирая себе руки.— Вы выражаетесь таинственно; стоит ли это по крайней мере?

— Будете судить сами, если согласитесь сойти в каюту.

— Я ничего лучше не желаю, но скажите, каким образом, отправившись на бриге, вы возвращаетесь на шхуне?

— А! Вы это заметили,— ответил Монбар смеясь.

— Кажется, это не трудно.

— Мой бриг был стар, сделалась течь, он пошел ко дну, и я был принужден с некоторыми товарищами искать убежища на материке.

— Как! На материке? Среди испанцев? Но вы просто бросились в волчью пасть.

— Это правда, но, как видите, я оттуда вышел.

— Надо было бы посмотреть, как могло быть иначе.

— Хорошо,— ответил Монбар с оттенком меланхолии,— но когда-нибудь я останусь там.

— Полноте, вы этого не думаете.

— Кто знает, но пока я воротился здрав и невредим. Теперь, если вы позволите, я поведу вас в мою каюту.

— Сделайте одолжение, если вы находите это необходимым.

Он пошел за Монбаром, который отвел его в свою каюту, где посадил за стол, на котором находились ром, лимоны, вода, сахар и мускатные орехи.

Привыкнув к гостеприимству флибустьеров, д'Ожерон без всяких церемоний приготовил себе грог по-буканьерски, между тем Монбар отвел Филиппа в сторону и приказал ему в двух словах никого не подпускать к каюте. Молодой человек поклонился дяде, разменялся с ним приветствиями и поспешил выйти на палубу, где первою заботою его было поставить часового у спуска в каюту со строгим приказанием не пропускать никого.

Д'Ожерон и Монбар были уверены, что им никто не помешает и что их никто не подслушает, следовательно, они могли говорить безопасно о своих делах.

Монбар начал разговор, смочив губы в стакане.

— Любезный граф,— сказал он,— вы по-прежнему имеете ко мне доверие?

— Самое неограниченное доверие, друг мой,— ответил

не колеблясь губернатор,— для чего, позвольте спросить, вы делаете мне этот странный вопрос?

— Потому что, хотя уверен в вашем ответе, я чувствовал потребность услышать его.

— Когда так, вы должны быть довольны?

— Совершенно.

— За ваше здоровье!

— За ваше!

Они чокнулись стаканами.

— У меня была еще другая причина,— продолжал Монбар.

— Неужели вы думаете, что я об этом не догадался? Какая же это причина?

— Вот она: я хочу предложить вам невозможное дело.

— Для вас нет ничего невозможного, Монбар.

— Вы думаете?

— Это мое убеждение.

— Благодарю; тогда дело устроится само собою.

— Однако вы считаете его невозможным?

— Позвольте мне прежде напомнить вам разговор, который мы имели вместе до взятия Черепахи.

— Напомните, мы имеем время.

— Я сказал вам тогда, если вы помните, что наше общество, имеющее прочное основание, могло заставить дрожать испанское правительство и что, если мы захотим, мы будем так сильны, что уменьшим, если не уничтожим совершенно его испанскую торговлю в американских колониях.

— Вы действительно говорили мне это, и я так хорошо понял важность ваших слов, что настоял как можно скорее овладеть Черепахой, превосходным стратегическим пунктом, чтобы держать неприятеля в страхе.

— Именно. Мы и взяли Черепаху.

— Да, и испанцы у нас не отнимут ее, клянусь вам, по крайней мере пока я буду иметь честь быть вашим губернатором.

— Я в этом убежден. Но теперь, кажется, настала минута нанести сильный удар.

— Посмотрим,— сказал д'Ожерон, попивая грог,— судя по вашим намекам, дело должно быть серьезное.

Монбар расхохотался.

— От вас ничего нельзя скрыть,— сказал он.

— Говорите же и не тревожьтесь.

— Говорить все откровенно?

— Разумеется!

— Вы не обвините меня в сумасшествии или в грезах наяву?

— Ни в том, ни в другом. Напротив, я считаю вас человеком очень серьезным, который, прежде чем решиться на какую бы то ни было экспедицию, рассчитывает старательно все последствия.

— Хорошо, если так, выслушайте меня.

— Я весь превратился в слух.

— Я вам сказал, что, лишившись моего брига, я укрылся на твердую землю. Знаете ли, в каком месте случай заставил меня высадиться?

— Нет, не знаю.

— В двух лье от Маракаибо.

— Я знаю эти берега; кроме испанцев, их посещают дикари. Вам, верно, много было затруднений, любезный Монбар?

— Нет; только что я приехал, я встретился с вашим племянником Филиппом, который спрятал свою шхуну где-то у берега.

— Что он мог делать там?

— Не знаю, и признаюсь, я даже не спрашивал.

— А я его спрошу.

— Это ваше дело; тогда мне пришла в голову одна мысль.

— Это не удивляет меня с вашей стороны,— сказал губернатор, весело кланяясь Монбару,— посмотрим вашу мысль; она должна быть очень энергична, или я очень ошибаюсь.

Монбар отвечал поклоном на его поклон.

— О, Боже мой!— сказал Монбар небрежно.— Мысль очень простая: надо просто овладеть Маракаибо.

— Что?— закричал д'Ожерон, привскочив на стуле.— Овладеть Маракаибо?

— Что вы думаете об этом?

— Я ничего не думаю, вы так удивили меня.

— Это вас удивляет?

— Мне нравится ваше хладнокровие; стало быть, вы говорите серьезно?

— Еще бы! Ведь я уже целый месяц обдумываю этот план.

— Вы просто сошли с ума! Овладеть Маракаибо!

— Почему же и нет?

— Вот человек-то! Не сомневается ни в чем!

— Это средство успеть. Притом дело зашло далее, чем вы предполагаете.

Тогда Монбар вошел в подробности обо всем, что он сделал во время своего пребывания на твердой земле: как он прибыл в город, как его приняли и пр., и пр.

Губернатор слушал его разинув рот; он не мог поверить своим ушам; однако д'Ожерон был человек сильный; он несколько лет был также флибустьером; он дал доказательства своей храбрости. И какие доказательства! Но в его время никогда не предпринималось такой страшной экспедиции; она превосходила по своей отважности все, что воображение могло придумать самого невероятного. Поэтому, как он признавался Монбару, он совершенно стал в тупик.

Монбар улыбался и, прихлебывая грог маленькими глотками, холодно продолжал объяснять ему свой план и какие средства намерен он употребить для успеха этого плана.

Как часто случается, когда два энергичных человека сидят друг против друга, зная один другого давно и ценя друг друга по достоинству, самый твердый мог наконец убедить другого и заставить его принять свой план, с тем чтобы после сделать в этом плане необходимые изменения. Д'Ожерон мало-помалу вошел в мысль Монбара, рассуждая о его плане, и окончательно одобрил его.

— Идея грандиозна и достойна вас,— сказал он,— но исполнение трудно.

— Менее чем вы предполагаете; в сущности, о чем идет речь? О неожиданном нападении, больше ни о чем,— ответил Монбар с жаром.— Заметьте, что этот край удален от всякой помощи, почти предоставлен самому себе; жителей немного, и они рассыпаны по деревням, гарнизоны слабы, укрепления почти ничтожны; мы нападем с быстротою молнии на колонию, прежде чем колонисты узнают, кто мы, и прежде чем, опомнившись от ужаса, который внушит им наше присутствие, они успеют собраться, так что мы успеем сделать свое дело и уехать, а они не будут знать, кто на них напал.

— Но если вы встретите испанскую эскадру?

— Мы с нею сразимся, черт побери! И притом кто ничем не рискует, тот не получит ничего, говорит пословица; мы награбим огромную добычу; вы не можете себе представить, какие сокровища заключаются в том краю.

— Подозреваю,— сказал смеясь д'Ожерон,— кажется, мы никогда там не были?

— Никогда; поэтому Маракаибо служит, так сказать, складом других колоний; жители считают себя в безопасности от нападения.

— Бедные испанцы, они не подозревают, что готовит для них будущее!

— Вот вы теперь сожалеете об участи испанцев.

— Увы! Я думаю о страшной резне, которую вы замышляете.

— Никогда я достаточно не убью этих проклятых испанцев,— сказал Монбар со сверкающим взором.

— Стало быть, вы очень их ненавидите?

— Мне хотелось бы иметь возможность, как Перон, изобретать пытки для того, чтобы заставить их больше страдать. Но воротимся к нашему делу. Сколько у вас здесь кораблей?

— В Порт-де-Пэ?

— В Порт-де-Пэ, Марго, в Леогане, на Черепахе, повсюду наконец.

— Не очень много, кораблей тридцать, из которых не

более двенадцати или четырнадцати в состоянии держаться на плаву.

— Более нам не нужно. Только бы они были скоры на ходу, я покупаю их.

— Стало быть, вы богаты?

— Я владею казною Двенадцати,— ответил он улыбаясь.

— Вот уже несколько раз слышу я об обществе Двенадцати,— сказал д'Ожерон, нахмурив брови.

— Не тревожьтесь, я начальник этого общества; оно не имеет другой цели, кроме славы и богатства флибустьерства.

— Хорошо, теперь я не настаиваю, но если вы согласны, мы после воротимся к этому предмету.

— Когда вам будет угодно; итак, вы согласны продать корабли, которые мне нужны?

— С этой же минуты передаю их вам.

— Благодарю; теперь надо найти людей.

— О! В людях недостатка нет.

— Извините, я понимаю, что говорю; мне нужны люди решительные, которые не колеблясь последуют за мною в ад, если я потребую.

— Думаю, что вы легко найдете таких людей.

— Браво! Мне остается только просить вас об одном.

— О чем это?

— Хранить мою тайну; вы знаете, что испанские шпионы кишат около нас; одно неосторожное слово погубит все.

— Вы, к несчастью, правы, любезный Монбар; я не знаю, каким это образом, и говорю вам для того, чтобы вы приняли предосторожности; с некоторого времени будто какой-то злой гений преследует нас; ни одно наше решение не остается в тайне, испанцы тотчас о нем узнают, принимают предосторожности, и наши планы не удаются.

— Это очень важно; между нами должен быть изменник.

— Я так и предполагал.

— Что же вы сделали?

— То, что вы сами сделали бы без сомнения; я созвал самых знаменитых Береговых Братьев: де Граммона, Дрэка, Франкера и еще нескольких других, сообщил им мои подозрения и просил наблюдать за их товарищами, жителями и работниками.

— И что же?

— Я ничего не узнал.

— Ей-Богу, я найду изменника, клянусь вам!— сказал Монбар мрачным голосом.— И тогда горе ему, кто бы он ни был!

— Вот, например, вы ведь недавно приехали в Порт-де-Пэ?

— Только час тому назад, как вам известно.

— Да. Ну, уже три дня слухи о вашем приезде ходят по городу; прибавляют даже, что вы приехали с формальным намерением приготовить важную экспедицию. Кто мог это сказать, спрашиваю вас?

— Конечно, это странно и превосходит всякое вероятие, тем более, что только три человека положительно знали мою тайну; остальная команда шхуны подозревает, может быть, но смутно, не смея верить их действительности.

— Кто эти трое?

— Ваш племянник Филипп, за скромность которого я ручаюсь головой, вы и я; но будьте спокойны, я обязуюсь повести дело так, чтобы изменник, кто бы он ни был, не мог ничего узнать.

— Дай Бог! Я сейчас еду на берег с вами, если вы хотите.

— Очень рад; есть у вас дом, где вы намерены остановиться?

— Для чего вы спрашиваете об этом?

— Для того, что на случай, если вы не выбрали, я предложил бы вам комнату у меня.

— Благодарю, но не могу принять этого любезного предложения; я сегодня же хочу заняться моим делом, нужна полная свобода действий, притом я должен условиться с моими товарищами.

— По крайней мере вы будете обедать у меня сегодня?

— С удовольствием, если только вы не будете обедать слишком поздно, потому что я хочу быть свободен рано.

— В пять часов, если это для вас удобно.

— Прекрасно.

Они вышли на палубу, где д'Ожерона приветствовала команда шхуны знаками самого искреннего и почтительного уважения.

Мы говорили прежде, что д'Ожерона обожали флибустьеры, которых он по большей части знал лично и которым умел потакать, заставляя, однако, уважать себя, а иногда и бояться.

Перед отъездом губернатор захотел осмотреть все судно, что чрезвычайно было лестно экипажу, потом, пригласив обедать своего племянника и главных офицеров на шхуне, он сел в сопровождении Монбара в шлюпку, приготовленную для него по приказанию Филиппа.

Выйдя на берег, д'Ожерон возобновил свое приглашение Монбару, прося его не опоздать, потом оба дружелюбно простились и разошлись в разные стороны. Монбар с чрезвычайным трудом отклонился от овации, приготовленной ему Береговыми Братьями, которые непременно хотели нести его на руках с триумфом; наконец ему удалось войти в гостиницу, попавшуюся ему на дороге, и толпа, дожидавшаяся его довольно долго перед дверью, видя, что он не выходит, наконец разошлась.

XII

ГОСТИНИЦА

Гостиница, в которой Монбар укрылся, чтобы избавиться от овации, которую Береговые Братья, обрадовавшись его приезду, намеревались ему сделать, была домом скромной наружности и находилась у входа на пристань на углу двух улиц; почти как все дома в городе, она была

построена с плоской крышей в виде террасы, с кругообразным балконом в первом этаже и с перестилом из древесных стволов, поддерживающих широкую галерею над дверью; ветка лимонного дерева была привязана к железному треугольнику, на конце которого качалась большая доска, на которой красовалось огромными буквами желтого цвета: «Для моряков хорошие квартиры».

Монбар, войдя, запер за собою дверь, так что с минуту находился почти в совершенной темноте, но мало-помалу глаза его привыкли к полусвету, и он легко стал различать окружавшие его предметы. Зала, в которую привел его случай, была среднего размера; столы, скамьи и стулья составляли мебель; весла, мачты, снасти и сети стояли у стены, прилавок, на котором стояло несколько бутылок с напитками, занимал глубину залы. Флибустьер осмотрелся вокруг; он был один; он сел на скамью и ударил эфесом кинжала по столу, чтобы позвать работника, прислуживавшего посетителям, и, опираясь локтем о стол и опустив голову на руку, предался размышлениям.

Через минуту легкий шум заставил его приподнять голову; перед ним неподвижно стояла женщина, спиной к свету; черты ее в темноте, господствовавшей в зале, терялись в неопределенных линиях; она устремила на флибустьера взгляд с таким странным выражением, что он невольно вздрогнул.

— Вы звали,— сказала она тихим и дрожащим голосом.— Чего вы желаете?

При мелодическом звуке этого голоса флибустьер почувствовал волнение, в котором он не мог дать себе отчета; он задрожал, и холодный пот выступил на его висках.

— Да, я звал,— ответил он, сам не зная что говорит.— Вы, без сомнения, хозяйка этой гостиницы?

— Да,— отвечала она, потупив голову.

Монбар, все более и более озабоченный, старался, но напрасно, рассмотреть лицо своей собеседницы; та, без сомнения, не доверяясь темноте и желая остаться неизвестной, закрыла лицо плотной тканью своей мантильи.

— Я моряк,— продолжал авантюрист,— и...

— Я вас знаю,— перебила она кротко.

— А!— сказал он.— Вы знаете меня?

— Да, вы неумолимый начальник флибустьеров, которого испанцы прозвали Истребителем.

— Это правда,— сказал он с невыразимой ненавистью.— Я никогда не даю пощады испанцам.

Она поклонилась и не отвечала ничего.

— Можете вы дать мне комнату в этой гостинице?

— Почему же, если вы желаете; однако у вас есть собственный дом.

— Что вам за дело?

— Это правда,— ответила она кротко,— это меня не касается.

— Есть у вас другие флибустьеры?

— Трое.

— Кто такие?

— Франкер, кавалер де Граммон и капитан Дрэк.

— Хорошо. Можете вы дать мне отдельное помещение?

— Что вы называете отдельным? Я не совсем понимаю вас, извините меня; я испанка, французский язык мало мне знаком.

— А! Вы испанка?— сказал Монбар резко.

— То есть,— ответила она с живостью,— я родилась в испанской Фландрии.

— А...— произнес Монбар, бросая на нее долгий взгляд; потом, как бы не приписывая никакой важности этому объяснению, он продолжал:— Я разумею под отдельным помещением комнаты, не имеющие никакого сообщения с другими, где бы я был свободен выходить и входить, не встречаясь с посторонними, а в случае надобности и не будучи видим никем.

— У меня есть такое помещение, какое вы желаете.

— Я беру его, вот задаток.

Он бросил на стол несколько монет.

— Я никогда не беру вперед,— ответила она, отталкивая деньги лихорадочным движением.

— Тем хуже, потому что эти деньги пропадут; я никогда не беру назад того, что раз отдал.

Она колебалась с минуту, потом, подобрав золотые монеты, сказал:

— По краней мере вам надо знать цену этой квартиры.

— Вы знаете, что я богат; для меня цена ничего не значит.

— Хотите посмотреть по крайней мере?

— К чему? Если квартира такова, как вы говорите, я уверен, что она будет для меня удобна.

— Когда вы желаете переехать?

— Сегодня, сейчас.

Он встал; разговор тяготил его; ему было неловко с этой женщиной, хотя он не мог отдать себе отчет в том, что он чувствовал.

— Извините,— сказала она, удерживая его,— еще одно слово.

— Говорите,— ответил он, садясь.

— Мне хотелось бы попросить у вас одолжения.

— Одолжения у меня?

— Да,— сказала она смиренно.

— Вы меня знаете, вы испанка, а просите у меня одолжения!— сказал он пожимая плечами.

— Я знаю, что поступаю нехорошо, но я прошу у вас это одолжение, потому что вы один можете оказать его мне.

— Если так, говорите; я слушаю вас, но не распространяйтесь.

— Я прошу у вас только пять минут.

— Хорошо, пусть будет пять минут.

В эту минуту дверь отворилась и вошли два человека. Она отступила и, сделав флибустьеру знак, чтобы он следовал за нею, сказала:

— Пойдемте, я отведу вас в ваши комнаты.

— Но о чем же вы хотите меня просить?

— После, в другой раз,— ответила она голосом, прерывавшимся от внутреннего волнения.

— Как вам угодно, но этот господин мне знаком и я желаю с ним поговорить.

— Вы знаете Франкера?— вскричала она, вздрогнув.

— Почему же мне не знать его и с какой стати это касается вас?

— Меня? Это не касается меня нисколько.

— Когда так, пожалуйста, оставьте нас.

— Я ухожу. Человек, пришедший с господином Франкером, мой работник; он останется здесь, чтобы вам служить.

— Хорошо, хорошо!— сказал Монбар с нетерпением.— Странная женщина!— прошептал он, следуя за ней глазами, пока она выходила из залы.— Я не знаю, почему она интересует меня; мне кажется, будто я уже встречался с нею, но где и когда, этого не знаю.

Он подошел к Франкеру, который опустился на стул и казался сильно озабоченным; однако, услышав, что Монбар приближается к нему, он поднял голову и протянул ему руку.

— Добро пожаловать в Порт-де-Пэ,— сказал он.

— Благодарю,— ответил Монбар, отвечая на его пожатие.— Но что с вами? Вы бледны, расстроены, не случилось ли с вами какого-нибудь серьезного несчастья?

— Нет, ничего, не обращайте на это внимание; я сам стыжусь своего расстройства. У меня перемежающаяся лихорадка и больше ничего; очевидно, здешний воздух не хорош для меня.

— Вы смеетесь, здешний климат самый здоровый в целом свете.

— Так это, вероятно, следствие простуды, полученной мною в Леогане.

— Пусть будет все, что вам угодно, друг мой,— ответил флибустьер, понимая, что молодой человек не хотел по какой-либо причине объясниться яснее.— Во всяком случае надеюсь, что эта болезнь, какова бы она ни была, не помешает вам участвовать в экспедиции, которую я приготовляю.

— Конечно, я очень желаю сопровождать вас.

— Итак, это решено.

— Экспедиция будет серьезная на этот раз?

— Вы сами будете судить об этом,— ответил Монбар, улыбаясь.

Во время разговора обоих флибустьеров человек, которого трактирщица назвала своим работником и который был никто иной, как Бирбомоно, ходил взад и вперед по зале, переставляя с места на место столы и скамьи.

— Послушайте, мой милый,— сказал ему Монбар,— я сейчас нанял в этом доме квартиру, пожалуйста, покажите мне ее.

— Я к вашим услугам.

— Вы уходите?— спросил Франкер, вставая с живостью.

— Да, на несколько минут; я чувствую потребность отдохнуть.

— Это жаль,— сказал молодой человек с волнением,— потому что, если случай свел нас, я желал бы иметь с вами объяснение.

— Объяснение со мною?— с удивлением вскричал Монбар.

— Да, если, впрочем, вы согласны.

— Вы очень торопитесь?

— Очень, клянусь вам.

— Как это странно! Стало быть, дело серьезное?

— Дело идет для меня о жизни и смерти,— сказал Франкер прерывающимся голосом.

Монбар рассматривал его несколько минут с величайшим изумлением.

— Вы чрезвычайно удивляете меня,— сказал он наконец,— мы очень мало знаем друг друга, никогда не жили вместе, что вы можете сообщить мне такого важного?

— Вы согласны меня выслушать?

— Конечно, когда вы хотите.

— Сейчас?

— Я слушаю вас.

— Не здесь, вы один должны слышать то, что я вам скажу.

— Хорошо; пойдемте в мои комнаты или, может быть, вы предпочитаете говорить со мною у вас?

— Мне все равно где, только бы мы были одни.

Монбар движением руки приказал Бирбомоно проводить их в его квартиру. Все трое вышли из залы.

— О, кабальеро!— шепнул на ухо майордом молодому человеку.— Что вы хотите сделать?

— Хочу кончить так или иначе,— ответил он с расстроенным видом,— мое положение нестерпимо.

Бирбомоно опустил голову и не отвечал. Поднявшись на несколько ступеней, майордом отворил дверь и ввел Монбара и Франкера в комнату, меблированную довольно хорошо.

— Вот ваши комнаты,— сказал он Монбару.

— Хорошо, теперь уйдите.

Майордом вышел, затворив за собою дверь.

Первая комната была передняя. Флибустьеры не остались там, а прошли во вторую комнату, которая оказалась гостиной. Монбар сел на кресло, знаком прося молодого человека последовать его примеру; но тот покачал головою в знак отказа и не сел. Наступило довольно продолжительное молчание, Монбар первый прервал его.

— Я жду,— сказал он.

Молодой человек вздрогнул и, с живостью приподняв голову, которую опустил было на грудь, сказал медленно и мрачным голосом:

— Милостивый государь, вы пользуетесь репутацией человека беспримерной неустрашимости.

— Что?— произнес Монбар, удивляясь этому странному вступлению.

— Да,— продолжал Франкер,— вы слывете человеком свирепой храбрости, словом, таким человеком, которого не только ничто не может заставить затрепетать, но даже удивить.

— Очень может быть,— ответил флибустьер,— но какое отношение может иметь моя храбрость к объяснению, которое вы желаете иметь со мною?

— Вы это узнаете. Часто вы дрались на дуэли, как

говорили мне, а дуэль между флибустьерами почти всегда смертельна.

— Прошу вас, приступите к делу,— перебил Монбар, чувствуя, что им овладевает гнев, и делая напрасные усилия преодолеть его.

— Случай всегда вам благоприятствовал, и вы здравы и невредимы выходили из этих поединков; правда ли это?

— Уж не хотите ли вы оскорбить меня?— запальчиво вскричал Монбар.

— Нет,— ответил Франкер, почти печально,— я прошу вас только отвечать мне.

— Ну да, Господь постоянно защищал меня, потому что я поддерживал всегда правое дело.

— Вы говорите о Боге?— вскричал Франкер вне себя от удивления.

— Почему же мне не говорить, молодой человек?— ответил Монбар.— Но оставим это и приступим к делу.

— Хорошо; я желаю драться с вами, и так как я также буду защищать дело святое и справедливое, я надеюсь в свою очередь, что Бог защитит меня и что я вас убью.

Монбар с трепетом отодвинулся.

— Что значит эта комедия?— сказал он надменно.— Вы помешались, милостивый государь?

— Я не помешался и не играю комедии,— ответил Франкер спокойно.

— Так вы действительно вызываете меня на дуэль?

— Действительно.

— Вы хотите меня убить?

— Надеюсь.

— Это ни на что не похоже!— вскричал Монбар, вскочив и расхаживая большими шагами по комнате.— Вы меня не знаете, я никогда не делал вам ни зла, ни вреда.

— Вы это думаете?

— Как! Думаю? Я в этом уверен!

— Вы ошибаетесь; вы сделали мне много зла, вы сделали мне невосполнимый вред.

— Я?

— Да, вы, сеньор!

— Вы уверяете меня в этом?

— Я даю вам честное слово.

Монбар молчал несколько минут; он размышлял.

— Послушайте,— сказал он наконец,— как ни странно ваше предложение, я принимаю его.

— Благодарю вас.

— Подождите. Я принимаю, сказал я, но с условием.

— Какое же это условие?

— Вы мне скажете сначала, кто вы, и потом какие причины руководят вами и какие люди заставляют вас действовать.

— Милостивый государь!

— Не настаивайте, мое решение неизменно.

— Однако...

— Это очень мило, честное слово! Вы ни с того ни с сего вызываете меня на дуэль, говорите, что хотите меня убить, и воображаете, будто я соглашусь. Да вы просто бредите, мой милый! Неужели вы предполагаете, что я так и соглашусь на вызов первого встречного, которому вздумается оскорбить меня ни с того ни с сего? Нет, сделайте одолжение, так не может быть. Не старайтесь принудить меня, бросив мне в лицо одно из тех оскорблений, которые требуют крови. Предупреждаю вас, что при первом слове, при первом движении я прострелю вам голову, как бешеной собаке. Теперь вы предупреждены; говорите или не говорите, я умываю руки.

— Хорошо. Если вы требуете, я буду говорить, но поверьте мне, для вас гораздо лучше будет, если я промолчу; по крайней мере ваша честь не пострадает.

— Я лучше могу судить, милостивый государь, о тех вопросах, где заинтересована моя честь. Говорите же без опасения и без всякой сдержанности.

— Я это и сделаю; но пеняйте на самого себя за последствия, которые могут иметь мои слова.

— Говорю вам в последний раз, что я требую откровенного и полного объяснения, и прибавляю, что вовсе не опасаюсь последствий.

— Я исполню ваше желание и надеюсь отнять у вас таким образом всякий предлог отказать мне в удовлетворении.

— Будьте спокойны на этот счет, я даю вам слово дворянина. Говорите без обиняков, прошу вас, потому что, признаюсь, это начинает мне надоедать.

Молодой человек поклонился и, поставив стул напротив кресла, на которое сел Монбар, приготовился говорить.

XIII

ОБЪЯСНЕНИЕ

Несмотря на предыдущую сцену, Монбар не чувствовал никакого враждебного чувства к своему собеседнику; он сам с удивлением находил себя спокойным и не рассерженным; облокотившись на подлокотник, подпирая подбородок рукою, он смотрел с грустью и состраданием на этого молодого человека с такими красивыми и благородными чертами, с таким гордым взглядом, к которому с первой минуты, как он увидал его, он почувствовал непреодолимую симпатию и которого, может быть, через несколько часов, по странной и роковой судьбе, он будет принужден убить, если не хочет быть безжалостно убитым им; целый мир мыслей поднимался у него из сердца к мозгу, и он спрашивал себя, неужели действительно у него достанет печального мужества прекратить эту юную жизнь и не лучше ли ему самому пасть в этой дуэли.

Подумав несколько минут, как бы собирая свои воспоминания, молодой человек заговорил голосом, слегка дрожавшим, но который сделался тверже мало-помалу и скоро принял под усилием волновавшего его чувства металлический звук страсти.

— Милостивый государь,— сказал он,— судьба непре-

менно хочет сделать нас врагами, между тем как мне, напротив, было бы так приятно быть любимым вами, потому что я должен вам признаться, что, несмотря на все мои усилия, чтобы возненавидеть вас, меня привлекает к вам непреодолимая сила; пускай кто хочет объясняет это чувство, которое я не стараюсь анализировать, но оно существует во мне, одолевает меня и заставило до этой минуты отдалять объяснение, которое должно кончиться смертью одного из нас.

— Я также чувствую, что я вас полюбил бы,— ответил Монбар кротким голосом,— я уже начинал вас любить и даже в эту минуту не могу вас ненавидеть.

— К несчастью, мы должны подавить в нашем сердце это благородное чувство,— продолжал молодой человек,— и слушаться только голоса долга, голоса неумолимого, который приказывает мне потребовать от вас страшного отчета. Я не француз, милостивый государь, как вы предполагали по той легкости, с какой я говорю на вашем языке, я испанец или по крайней мере считаю себя испанцем.

— Вы испанец?— с горестью вскричал Монбар.

— Да; простите, если я расскажу вам мою жизнь, но это необходимо для того, чтобы вы поняли меня; но я не стану распространяться, а расскажу вам только то, что вам необходимо знать; я никогда не знал ни отца, ни матери.

— Бедный юноша!— прошептал Монбар.

— Я был воспитан дядей, братом моей матери,— продолжал молодой человек.— Этот родственник имел обо мне величайшее попечение; он внимательно наблюдал за моим воспитанием и отдал меня во флот.

— И вы сделались превосходным моряком, несмотря на вашу молодость; я могу засвидетельствовать это.

— Я имею честь служить офицером во флоте его величества испанского короля.

— Но каким же образом?..

— Имейте терпение,— перебил Франкер,— ведь я вам сказал, что вы узнаете все.

— Это правда, продолжайте же и простите, что я перебил вас так некстати.

— Около шести месяцев тому назад я был в Веракрусе, где отдыхал от продолжительного путешествия в Европу. Однажды дядя позвал меня, говоря, что он хочет открыть мне нечно важное. Я явился по его приказанию; присутствовал только его сын; тогда я услыхал страшную историю моей фамилии.

Молодой человек остановился; рыдание вырвалось из груди его, он опустил голову на обе руки и заплакал. Монбар уважил эту горесть, которой сочувствовал, может быть, более, чем желал.

Наконец, после нескольких минут, печальное безмолвие которых нарушалось только подавляемыми вздохами Франкера, тот вдруг поднял голову и, устремив на флибустьера глаза, горевшие лихорадкой, с выражением смертельной ненависти и гнева сказал:

— К чему продолжать эту страшную историю? Разве вы не знаете ее так же хорошо, как и я? Вы обольститель моей матери, умершей от отчаяния, проклиная вас; вы низкий убийца моего отца!!!

При этом страшном обвинении, при этом ужасном обвинении Монбар вдруг вскочил, как будто змея ужалила его в сердце; лицо его покрылось смертельною бледностью, кровавое облако омрачило глаза, рев, как у хищного зверя, сорвался с его губ, яростно сжатых; он прыгнул, как тигр, на молодого человека и с силою, увеличившеюся от гнева, опрокинул его на пол и, став коленом на грудь, левою рукою сжал горло своего врага, а правою поднял над головой его кинжал со свирепым хохотом.

— Ты умрешь, злодей!— вскричал он хриплым голосом.

Молодой человек, удивленный этим внезапным нападением, которого он вовсе не ожидал, не старался избавиться от сильной руки, державшей его; он понял, что все его усилия будут бесполезны; с выражением сарказма, которое невозможно передать, он решительно устремил свой взор на сверкающие глаза врага, презрительная улыбка сжала

его губы, побледневшие от волнения, и голосом твердым он три раза бросил ему в лицо одно это слово:

— Злодей! Злодей! Злодей!

Несчастный молодой человек должен был погибнуть; зловещий блеск стали ослепил его глаза; никакая человеческая помощь не могла бы его спасти, когда вдруг тонкая и нежная рука, рука женская, схватила за руку Монбара и в то же время нежный голос вскричал тоном мольбы и горя:

— Неужели Монбар убьет ребенка, беззащитно лежащего у его ног?

Флибустьер обернулся, не снимая, однако, своего колена с груди врага. Хозяйка гостиницы стояла возле него, бледная, дрожащая, испуганная, как статуя Горести, прекрасная в своих слезах как древняя Ниобея и смотря на него с таким выражением мольбы, нежности и безропотности, которого ни один живописец не сумел бы передать. Флибустьер потупил глаза от взгляда этой женщины: до того в нем было много магнетической силы.

— О!— прошептал он тихим и прерывающимся голосом.

Как бы подчиняясь неведомой силе, он медленно приподнялся, заткнул кинжал за пояс, отступил на два шага, чтобы дать своему врагу возможность приподняться, и скрестив руки на своей сильной груди, подняв высоко голову, нахмурив брови, с мрачным взором, с потом на лбу, ждал спокойно и с достоинством, как отдыхающий лев.

Почувствовав себя свободным, молодой человек вскочил и в одну секунду очутился на ногах; но, подчиняясь величественному виду этой женщины, он остался неподвижен, дрожа от гнева, но не делая ни малейшего движения, чтобы обнажить свою шпагу или выхватить свой кинжал.

Женщина, так кстати воспротивившаяся убийству, которое без ее неожиданного вмешательства совершилось бы в ее доме, рассматривала с минуту обоих с чрезвычайным вниманием, потом, сделав два шага вперед,

стала между ними — она как бы хотела помешать новой борьбе.

— Милостивый государь,— обратилась она к Монбару,— ваша безумная ярость чуть было не заставила вас сделать ужасное преступление.

— Это правда,— ответил флибустьер с кротостью, которая изумила его врага,— и я вечно сожалел бы об этом, поэтому я благодарю вас за ваше вмешательство.

— После вы будете благодарить меня еще более,— сказала она тихим, едва внятным голосом.

— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего,— ответила она.— Милостивый государь,— обратилась она к молодому человеку,— оскорбления бесславят гораздо более того, кто их произносит, чем того, к кому они обращаются; вместо того, чтобы увлекаться гневом, который вы считаете справедливым, продолжайте холодно, тоном, достойным вас и того, кто вас слушает, рассказ, начатый вами, и, может быть, эта таинственная история разъяснится и вы узнаете, что вы не жертва, а орудие чужой ненависти.

Слова эти, произнесенные очень сдержанно, заставили призадуматься молодого человека, тем более, что в этот самый день его родственник говорил ему то же почти в таких же выражениях; однако гордость его возмущалась от полученного им урока; он был унижен нравственным принуждением, которое налагали на него, и старался избавиться от подчинения, право которого не признавал.

— Милостивая государыня,— ответил он с необыкновенной вежливостью, но с неприметным оттенком насмешки,— по милости вашего великодушного вмешательства этот человек не убил меня; следовательно, я обязан вам жизнью; смиренно благодарю вас, не потому что я дорожу жизнью, но потому, что задача, возложенная на меня, не достигнута. Моя мать и мой отец еще не отмщены, но эта услуга, за которую я сохраню к вам вечную признательность, не дает вам права, я полагаю, вмешиваться в дела, которые, позвольте мне заметить вам, касаются меня одного и в которые вы не имеете никакого права вмешиваться.

Холодная, презрительная улыбка сжала губы трактирщицы.

— Вы почему знаете?— сказала она.— Взгляните на «этого человека», как вы его называете; он меня узнал, я в этом убеждена, и право, которое вы у меня оспариваете, он признает.

— Это правда, хотя много прошло медленных и печальных лет после нашей последней встречи,— ответил Монбар.— Я вас узнал и убежден, что ваше вмешательство правильно и законно.

— Пусть так; я не стану оспаривать этого,— холодно ответил молодой человек,— притом что мне за дело, сохранится или нет эта тайна. По остатку уважения к этому человеку мне не хотелось бы разглашать его бесчестие; но вы требуете, и я буду говорить.

— Да, говорите. Итак, как сказала сейчас сеньора, мы, может быть, узнаем, на кого должно пасть бесчестие, о котором вы говорите так громко.

— Когда ваш мнимый дядя кончил свой страшный рассказ,— продолжала трактирщица,— что он вам приказал?

— Мнимый, сеньора!— запальчиво вскричал молодой человек.

— Да, мнимый, по крайней мере до положительных доказательств.

— Но вы каким образом знаете эту историю, когда я никогда не говорил о ней ни слова?

— Сейчас за этой дверью я подслушивала вас.

— О! Такое шпионство...

— Оно спасло вам жизнь.

Он наклонил голову, еще раз он был побежден; он признавал бесполезность бороться долее.

— Я вам уже сказал, что я офицер испанского флота,— продолжал Франкер.— По приказанию дяди я подал в отставку и в матросском платье нанялся на флибустьерский корабль.

Монбар вздрогнул.

— С какой целью?— спросил он.

— С целью узнать ваши силы, ваши средства, вашу организацию, обширность вашего могущества, для того чтоб вас победить и уничтожить навсегда ваши разбойничьи вертепы, которые служат поношением человечеству.

— Словом,— сказал Монбар тоном едкой насмешки,— ваш дядя, под благовидным предлогом какого-то мщения сделал из вас шпиона; роль, достойная кастильского дворянина.

— Милостивый государь!— вскричал Франкер запальчиво, но тотчас преодолев себя, он продолжал.— Пусть так, шпион, но по крайней мере цель, которую я задал себе, облагораживала в моих глазах эту роль.

— Софизм не ответ,— сказал Монбар сухим тоном,— но цель, о которой вы говорите, была не единственной вашей целью.

— Нет, у меня была цель еще священнее — узнать обольстителя моей матери, убийцу моего отца и отмстить ему.

— Убив его, без сомнения?— иронически сказал Монбар.

— Нет, а захватив и заставив повесить его как вора и убийцу.

— Негодяй!— вскричал Монбар.— И так ты признаешься в вероломстве?

— Я признаюсь в том, что я сделал, и горжусь этим.

— Это ты уже несколько месяцев передаешь планы наших экспедиций испанцам?

— Да, я.

— Знаешь ли ты, несчастный, что ожидающие тебя наказания ужасны?

— Знаю,— просто ответил Франкер.

— И ты не дрожишь?

— Зачем мне дрожать? Приняв данное мне поручение, я знал, чему подвергаюсь, если меня узнают; я рассчитал заранее все шансы за и против. Я начал против вас страшную партию, поставив на ставку мою голову; и я надеялся, что Господь будет со мною, потому что защищаемое мною дело справедливо. Господь оставил меня, я

покоряюсь Его всемогущей воле без ропота и без слабости. Я в ваших руках; делайте со мною что хотите. Я проиграл, я сумею заплатить.

— Да,— возразил Монбар с холодным гневом,— сегодня же вы получите заслуженное вами наказание.

— Молчите!— сказала трактирщица, протянув руку, как бы для того, чтоб остановить Монбара.— Молчите и ждите несколько минут. Этот человек не все еще сказал.

— Как! Не все сказал?

— Нет, потому что он забыл сказать нам свое имя, и мы должны знать, действительно ли он дворянин, как хвалится, или, напротив, пошлый шпион, негодяй низкого сорта на жаловании у наших врагов.

Произнося эти слова, трактирщица разменялась с Монбаром взглядом, имевшим странное выражение; флибустьер сделал знак согласия.

— А!— сказал молодой человек с хохотом торжества.— Я этого ожидал. Ну, ваше ожидание будет обмануто, я умру, но вы не узнаете, кого вы убили.

Монбар сделал движение, выражавшее досаду.

— Вы ошибаетесь,— возразила трактирщица,— если мы не знаем вашего имени, то нет ничего легче его узнать.

— Я в этом сомневаюсь,— иронически ответил Франкер.

— Дитя,— возразила она с кротким состраданием,— ребенок, считающий себя сильным, потому что вы решительны и честны, а между тем вы только игрушка окружающих вас.

— Милостивая государыня!— вскричал он.

— Как!— продолжала она, не обращая внимания на его слова,— мой работник Бирбомоно отдал вам письмо, назначающее свидание; сегодня утром вы отправляетесь на это свидание; на берегу Аргонито в трех лье отсюда человек в костюме буканьера разговаривает с вами больше часа, обнимает вас, называет родственником, а вы предполагаете, будто мы, имеющие такой сильный интерес узнать все происходящее, не знаем этого человека!

— Нет, потому что если б вы его знали, он был бы

задержан или по крайней мере вы постарались бы его захватить.

— Вы ошибаетесь; мы знаем очень хорошо этого человека, однако он свободен, потому что этот человек, хотя и испанец, не хочет нам зла, а иногда даже оказывает нам услуги.

— Но как его зовут?

— Как его зовут? Если вы хотите, чтоб я вам сказала, извольте: его зовут дон Санчо Пеннафлор, он губернатор острова Испаньола.

— Дон Санчо Пеннафлор!— вскричал Монбар с изумлением.— О, теперь мне все понятно!

— Может быть,— сказала трактирщица,— начинает показываться свет, подождем, пока он ярче засияет, прежде чем будем радоваться.

Молодой человек смутился.

— Ах, Боже мой!— вскричал он с огорчением.

— Дон Санчо здесь,— сказал Монбар.— Вы это знали, донна Клара?

— Как же мне не знать?— ответила она просто.

— Это правда,— заметил Монбар,— каковы бы ни были для меня последствия, я увижусь с ним.

Донна Клара приблизилась к молодому человеку.

— Вы любите дона Санчо,— сказала она ему,— он также вас любит; может быть, если б вы последовали его советам, вы не находились бы теперь в таком положении; что сделано, то сделано, бесполезно возвращаться к этому; выслушайте меня: герцог Пеннафлор сказал вам, неправда ли, что Монбар обольстил вашу мать и убил вашего отца?

— Да,— прошептал Франкер, разбитый волнением.

— О, я узнаю этого неумолимого человека!— вскричал Монбар.— Как ваше имя, молодой человек?— спросил он повелительно.

— Дон Гусман де Тудела,— ответил Франкер, не сопротивляясь более.

— Ну, дон Гусман де Тудела, дайте мне ваше честное слово, что вы не будете стараться бежать.

— Даю,— ответил Франкер откровенно.

— Хорошо. Бирбомоно поедет с вами в Сан-Доминго, у вас должны быть способы безопасно вступить в столицу острова.

— Есть.

— Хорошо; расскажите дону Санчо страшную сцену, происшедшую между нами.

— Расскажу.

— Заклинайте дона Санчо именем всего священного сказать вам, виновен ли я в преступлении, в котором его отец, герцог Пеннафлор, обвинил меня перед вами. Если он ответит вам утвердительно, вы найдете меня здесь готовым дать вам всевозможное удовлетворение, какое вы потребуете от меня.

— Вы это сделаете?— вскричал Франкер с радостным движением.

— Клянусь вам честью,— отржественно ответил Монбар,— но если, напротив, он вам скажет, что я не только невинен в этих преступлениях, но еще более двадцати лет преследуем неумолимой и несправедливой ненавистью, что сделаете вы? Отвечайте.

— Что я сделаю?

— Да, я спрашиваю вас.

— Я в свою очередь даю вам слово, что если он скажет мне это, я предам себя в ваши руки, чтобы вы располагали мною как хотите.

— Я принимаю ваше слово; ступайте, друг мой; позвольте мне назвать вас таким образом; теперь только три часа; отправившись сейчас, вы можете завтра на рассвете быть в Сан-Доминго. Этого вы желаете?— обратился он к донне Кларе, и в голосе его слышалась невыразимая доброта.

— О, вы великодушны и благородны, как всегда!— вскричала она, падая на колени и заливаясь слезами.

Монбар приподнял ее с кроткой улыбкой.

— Надейтесь, бедная женщина, бедная мать,— сказал он кротко.

Через час дон Гусман в сопровождении Бирбомоно скакал галопом по дороге в Сан-Доминго.

XIV

ОБЕД У Д'ОЖЕРОНА

После продолжительного разговора с донной Кларой, разговора, предмет которого остался тайною даже для Бирбомоно, так давно верного наперсника своей госпожи, Монбар вышел из гостиницы и отправился к д'Ожерону, у которого обещал обедать.

Мы сказали, что губернатора очень уважали все Береговые Братья; они очень любили его и сильно боялись. Его дом считался самым приятным в колонии; обеды у него были великолепны и общество избранное.

Д'Ожерон, дворянин старого рода, принимал гостей, умея с необыкновенным тактом собирать за своим столом людей, любивших и уважавших друг друга; а это было нелегко в таком краю, где население состояло по большей части из людей, выкинутых из европейской цивилизации, мятежные натуры которых неохотно сгибались под самым легким игом.

Притом состояние д'Ожерона было самое странное среди всех этих непокорных людей, которые не совсем охотно покорялись его званию королевского наместника и которые каждую минуту готовы были возмутиться против самой простой его воли; потребна была вся энергия этого человека и его глубокое знание нравов флибустьеров, с которыми он долго жил и отважную экспедицию которых разделял, чтоб удержаться в Порт-де-Пэ и не компрометировать важных интересов, вверенных ему королем.

Монбар был принят с чрезвычайной вежливостью д'Ожероном и нашел у него главных начальников, которые, все очень желая увидеться с Монбаром, поспешили явиться на зов губернатора.

Несмотря на тайну, строго соблюдаемую, старые флибустьеры, товарищи Монбара, так хорошо знали его высокие способности и закоренелую ненависть к испанцам, что все предполагали, что его продолжительное отсутствие на Черепахе должно скрывать серьезные намерения и что

экспедиция, какую только один этот знаменитый начальник умел устраивать, скоро будет организована.

А уже давно экспедиции флибустьеров не были удачны; все их планы не удавались, хотя нельзя было узнать причины; они всегда находили настороже врагов, на которых думали напасть врасплох, и возвращались из своих набегов с испорченными судами и без команды, уничтоженной испанской картечью.

Флибустьеры, привыкшие тратить не считая деньги, добытые грабежом, начали чувствовать большой недостаток в деньгах; им нужно было захватить какую-нибудь выгодную добычу, поэтому они приняли Монбара с громкими радостными восклицаниями и все поспешно протягивали ему руки.

Обед прошел очень прилично в дружеских разговорах д'Ожерона с гостями, однако против обыкновения губернатор не подстрекал флибустьеров пить. Монбар был очень сдержан, отвечал уклончиво на вопросы, казался озабочен, ел мало и забывал каждую минуту, что перед ним стоит полный стакан.

Береговые Братья заметили это и угадали по этим верным признакам, что какое-то важное намерение занимает мысль их товарища; они внутренне порадовались этому, но их нетерпение послушать его объяснение удвоилось.

Когда десерт поставили на стол, д'Ожерон сделал знак, и слуги тихо вышли, заперев за собою дверь. Гости остались одни. Их было девять человек, считая губернатора: Монбар, племянник губернатора Филипп д'Ожерон, Пьер Легран, кавалер де Граммон, Олонец, бывший работник Монбара, который, как тот предсказывал, сделался одним из самых страшных флибустьеров Черепахи, капитан Дрэк, Польтэ и англичанин Морган, недавно приехавший с Ямайки, где он долго оставался.

— Господа,— сказал тогда д'Ожерон,— вот ликер, трубки, табак и сигары; прошу вас.

Все протянули руки и взяли трубки и сигары, кто что хотел. Губернатор встал, сделал два-три шага по зале,

потом отворил двери, и все увидали за десять шагов в коридоре Тихого Ветерка, Данника, Мишеля и Питриана, которые сидели на стульях и курили.

— Вы видите, что нас хорошо караулят,— сказал губернатор, опять садясь за стол,— и на этот раз по крайней мере мы можем говорить о наших делах, не боясь, что наши слова дойдут до нескромных ушей.

Флибустьеры одобрили эту предосторожность, которая предсказывала рассуждение серьезное и, следовательно, интересное для них.

— Однако,— продолжал губернатор,— я советую вам не слишком повышать голос; стены не толсты, а кто знает, сколько шпионов подслушивают нас.

Монбар схватил бутылку, стоявшую перед ним, наполнил стакан до краев, не обращая внимания на пролитую жидкость, которая оказалась ромом, и, поднеся его к губам, сказал:

— Братья, я пью за самую достославную экспедицию, которую мы сделаем вместе, если вы сочтете меня достойным командовать вами,— словом, я пью за нашу месть испанцам. Отвечайте на мой тост.

Поднеся к губам стакан, он опорожнил его до последней капли.

— За нашу месть испанцам!— закричали флибустьеры, опорожнив, по примеру Монбара, свои стаканы залпом.

— А! а!— весело сказал Пьер Легран,— кажется, что-то есть.

— С Монбаром всегда что-нибудь бывает,— сказал Олонец, потирая руки.

— Кажется, я хорошо сделал, что воротился,— заметил Морган.

— Господа,— сказал губернатор,— Монбар желает говорить, прошу вас, выслушайте его.

— Тем более, что, вероятно, дело стоит того,— весело прибавил Польтэ.

— Послушаем! Послушаем!— закричали флибустьеры.

Молчание водворилось как бы по волшебству.

— Братья,— начал Монбар,— прежде позвольте мне

поблагодарить вас за знаки уважения, с которыми вы встретили меня по возвращении, хотя в первый раз я возвращаюсь без добычи и не имея ни одного испанца, повешенного на мачте. Эта перемена должна заставить вас призадуматься и предположить, что у меня есть большие планы. Если так, вы не ошиблись, товарищи, у меня есть большие планы, такие большие даже, что я с трудом осмеливаюсь признаваться в них, хотя уже больше двух месяцев вынашивал их и рассчитал все вероятности и за, и против.

При этом вступлении внимание флибустьеров удвоилось; без труда услыхали бы жужжание комара в этой зале, в которой, однако, находилось девять человек.

— Я хочу,— продолжал Монбар своим чистым, металлическим голосом и мягким тоном,— я хочу, слышите ли вы, так блистательно отмстить испанцам, чтобы через целое столетие воспоминание еще осталось между ними и чтобы внуки дрожали от страха при одном имени Береговых Братьев. Много событий произошло во время моего отсутствия; многие наши Братья, самые знаменитые, преданные шпионами, забравшимися к нам и втеревшимися в самые тайные наши советы, попали в засады, где нашли бесславную смерть, потому что испанцы считают нас разбойниками и обращаются с нами как с разбойниками. Клянусь вам, наши Братья будут блистательно отмщены, каждая капля их крови будет искуплена бочкой крови наших врагов.

Несмотря на просьбы д'Ожерона, неистовые крики перебили оратора; подстрекая их ненависть против испанцев, он затронул чувствительную струну и приобрел их неограниченное доверие.

Когда тишина несколько восстановилась, Монбар продолжал:

— На этот раз я намерен предпринять не простую экпедицию, а войну, беспощадную войну. Хотите следовать за мною?

— Да! да!— закричали они с восторгом.

— В ад, если будет нужно! Ей-Богу— прибавил Олонец.

Филипп, один знавший, к какой цели стремился Монбар, приложил руку к сердцу, чтобы сдержать его биение, и с трудом скрывал радость, наполнявшую его душу, потому что для него успех экспедиции значил соединение с донной Хуаной, а до остального ему мало было нужды.

— Итак, мы поедем все, братья, но каждый из нас будет начальствовать над судном.

— Однако нас восемь человек,— не мог не заметить Пьер Легран.

— Ошибаетесь, братья, нас будет четырнадцать.

— Тогда мы вооружим целый флот,— небрежно сказал Морган.

— Да, брат,— просто ответил Монбар,— целый флот, в котором, если вы желаете, вы будете вице-адмирал.

— Еще бы, разумеется желаю!— вскричал Морган.

— Итак, это решено, брат,— сказал Монбар, пожимая ему руку,— только, братья,— продолжал он,— так как измена окружает нас, испанские шпионы бодрствуют, я требую полного доверия с вашей стороны, то есть прошу у вас позволения сохранить одному мою тайну до тех пор, пока настанет час открыть ее вам, и тогда, будьте спокойны, вас ослепит величие предприятия, к которому я вас созываю. Согласны вы?

— Согласны,— ответили все в один голос.

Монбару было лестно это скорое согласие, которое доказывало ему еще раз, как велико было влияние, которое он умел приобрести над своими товарищами.

— Я прибавлю,— сказал тогда д'Ожерон,— что Монбар объяснил мне свои планы и что я одобряю их до такой степени, что если б мое положение не принуждало меня оставаться здесь, я счел бы за величайшую честь лично в них участвовать.

Флибустьерам не нужно было уверений губернатора, чтобы быть убежденными, что дело, предлагаемое им Монбаром, было превосходно с двух точек зрения: мщения и выгод; однако это одобрение, данное человеком, которого они уважали и которого часто видели в деле, еще

увеличило, если возможно, их энтузиазм и еще более утвердило их решимость слепо следовать за знаменитым флибустьером.

— Послушайте меня, братья,— продолжал Монбар,— потому что мы приступаем к материальной части нашей экспедиции.

Внимание удвоилось.

— Граф д'Ожерон,— продолжал Монбар,— отдал в мое распоряжение семь кораблей; корабли эти будут вооружены здесь; командовать ими будут: Тихий Ветерок, Мишель Бискаец, Олонец, кавалер де Граммон, Дрэк, Польтэ и Питриан. Семь других, которые будут куплены в Леогане и Марго, будут под начальством Пьера Леграна, Филиппа д'Ожерона, Давида, Пьера Пикара, Бартелеми и Рока Бразильца; Морган будет вице-адмиралом флота и выкинет свой флаг на самом сильном корабле; чтобы не тревожить шпионов, суда будут вооружены тайно или в малой Гуаяве, или в Леогане, или в большой Гуаяве. По мере того, как один корабль будет вооружен, он выйдет в море и станет ждать остальной флот в таком месте, которое я назначу, потому что, так как первая мысль об этой экспедиции пришла мне, по справедливости и руководство должно быть предоставлено мне.

— Это так справедливо,— перебил д'Ожерон, который никогда не упускал случая предъявить свою власть,— что я утверждаю именем короля, вашего повелителя и моего, назначения, сделанные вами, Монбар; я буду иметь честь раздать вашим офицерам и вам самим патенты, которые мой повелитель дал мне право раздавать.

Флибустьеры горячо поблагодарили губернатора за эту милость, без которой им было бы так легко обойтись и которая нисколько не подкрепляла их назначения; но в каком положении ни находились бы люди, они всегда будут одинаковы, и пергамент, выдаваемый от имени государя, имеет большую цену в их глазах.

Д'Ожерон, внутренне довольный тем, как было принято его предложение, сделал знак Монбару продолжать.

— Особенно,— начал тот,— избегайте неосторожности

со стороны вашей команды; для этого, кажется, будет благоразумнее производить вербовку на кораблях; как только матрос будет нанят, его следует удержать на корабле.

— Сколько надо вербовать людей на каждый корабль?— спросил Морган.

— По крайней мере полтораста и не больше двухсот.

— Четр побери!— сказал Пьер Легран.— Стало быть, у нас будет целая армия?

— Да, потому что, вероятно, мы высадимся на берег; поэтому, как только мы распустим паруса и удалимся от глаз и ушей шпионов, каждый капитан организует отряд в восемьдесят избранных человек для высадки на берег.

— Э! э!— сказал капитан Дрэк,— тысячу сто человек для высадки на берег; стало быть, мы хотим возобновить подвиг Кортеса и завоевать Мексику?

— Может быть,— улыбаясь сказал Монбар.

— Это мне очень нравится, а вам, братья?— спросил Дрэк.

— Дело выйдет недурное, если удастся,— заметил Польтэ.

— Премилый этот Монбар,— сказал кавалер де Граммон,— с ним приятно производить набеги; у него всегда в резерве какой-нибудь приятный сюрприз.

— Особенно, братья, не забудьте потребовать от ваших матросов, когда станете их вербовать, чтобы их оружие было в порядке и порох хорош.

— Это мое дело,— сказал Морган,— я об этом позабочусь.

— Теперь все сказано, братья; чем скорее мы отправимся, тем будет лучше для нас.

— Сколько времени даете вы нам для приготовлений?

— Неделю, больше вам не нужно.

— Через неделю мы будем готовы.

— Мне остается только, братья, сказать вам, что по наружности я остаюсь в стороне и не хочу заниматься этой экспедицией для того, чтобы лучше обмануть шпионов; только Морган, Филипп и Тихий Ветерок будут видаться

со мною время от времени и уведомлять о том, что сделали вы. Теперь прощайте, братья; я ухожу; пора кончать заседание; выйдем один за другим и разойдемся в разные стороны.

— Не забудьте ваши патенты, господа,— прибавил губернатор,— послезавтра вы можете их получить.

Монбар вышел, другие флибустьеры последовали его примеру, и д'Ожерон остался один.

— Что можно было бы сделать с такими людьми, если б успеть их укротить!— прошептал он.— Ей-Богу! Как ни тяжела эта обязанность, я принимаю ее и с Божьей помощью не отчаиваюсь успеть.

XV

МАРКИЗ ДОН САНЧО ДЕ ПЕННАФЛОР

Прошло несколько дней; ни дон Гусман, ни Бирбомоно не показывались в Порт-де-Пэ. Монбар не знал, чему приписать это продолжительное отсутствие; смутное беспокойство терзало его; когда он встречался со своей хозяйкой, он отворачивался, чтобы не примечать ее бледного лица и глаз, горевших лихорадочно и устремленных на него с выражением безропотной горести, которое невольно расстраивало его. Он мало-помалу чувствовал, как в сердце его ненависть сменялась состраданием. Он опасался, что не может долее сдерживать страшной клятвы, произнесенной им. Несмотря на свои усилия, чтобы пробудить свой праведный гнев, он принужден был сознаться, что тройная броня, которою было вооружено его сердце, не могла поддерживать его более в продолжительной борьбе против этой женщины, которую он так любил, что эта любовь, разбивая его жизнь, сделала и ее несчастной. Все говорило за нее в его сердце; ее продолжительное раскаяние, ее благородное самоотвержение, ее безмолвная

безропотность, даже смиренная и боязливая нежность, которая выказывалась каждую минуту в попечениях, которыми она окружала его без его ведома, оставаясь почти невидимой.

Теперь, когда столько лет прошло после проступка бедной женщины, Монбар спрашивал себя, имеет ли он право оставаться неумолимым и не должен ли пробить для нее час прощения.

Но воспоминание о его ужасных страданиях, о недостойной измене, которой он был жертвою, незаслуженных страданиях, бывших следствием этой измены, вдруг пронзало его сердце как раскаленное железо, трепет гнева волновал его, и он шептал, удаляясь от донны Клары:

— Нет, искупление еще не кончено, виновный не получил наказания; я не хочу ослабеть, прежде чем мое мщение будет достигнуто.

Тогда его смягчившиеся черты принимали мраморную неподвижность, брови нахмуривались, глаза сверкали зловещим блеском, глубокие морщины выступали на бледном лбу и он становился тем неумолимым человеком, которым быть поклялся.

Но, повторяем, он сомневался; его суровость к бедной женщине была только маской, а ненависть, все еще сильная против других врагов, мало-помалу отворачивалась от нее, чтобы замениться скорым прощением.

Несколько дней, которые он провел в Порт-де-Пэ в одном доме с донной Кларой, много подвинули дело прощения, которое могло довершить какое-нибудь непредвиденное событие.

В один вечер Монбар, удалившись в свою комнату, разговаривал с Морганом, кавалером де Граммоном и с Филиппом о приготовлениях к экспедиции, которая быстро приближалась; уже несколько судов, прекрасно вооруженных, вышли в море, другие приготовлялись выступить вслед за ними на другой день на восходе солнца; через два дня весь флот должен быть под парусами; дело было ведено так секретно и так осторожно, что, несмотря на большое число отправившихся на судах флибустьеров, ничто не

заставляло предполагать, чтобы испанцы узнали об этом.

Четыре флибустьера обсуждали между собой последние распоряжения, когда в дверь комнаты, в которой они находились, осторожно постучались два раза. Монбар движением руки предписал молчание своим друзьям, встал и отворил.

Пред ним стоял Бирбомоно, и еще два человека, закутанные в плащи, стояли несколько поодаль, в тени.

— Я приехал,— сказал вполголоса Бирбомоно, почтительно кланяясь Монбару.

— И с хорошими спутниками, как кажется,— отвечал Монбар.

— Могу я говорить?

— О чем-нибудь важном?

— Да, и в особенности тайном.

— Хорошо, останьтесь здесь, я сейчас вернусь.

Монбар запер дверь и вернулся к своим товарищам.

— Братья,— сказал он,— сейчас приехал ко мне один человек, который хочет сообщить мне какое-то важное известие; потрудитесь пройти на несколько минут в мою спальню.

— Не лучше ли предоставить вам полную свободу и совсем уйти, любезный Монбар?— ответил Морган.

— Нет, потому что, может быть, после разговора, который я буду с ним иметь и который долго продолжаться не может, мне нужно будет видеть вас.

— Ступайте, когда так, а мы останемся и пока будем глухи и немы.

— Благодарю,— сказал Монбар улыбаясь.

Он ввел их в спальню, запер за ними дверь, взял свечку и отворил дверь другой комнаты, где поставил свечу на стол.

— Господа,— сказал он,— я к вашим услугам; садитесь и скажите мне причину вашего посещения.

— Мне нечего здесь делать,— сказал Бирбомоно,— если вы позволите, кабальеро, я уйду и подожду на площадке.

— Хорошо,— просто ответил флибустьер.

Майордом поклонился и вышел. Когда дверь затворилась

за ним, один из незнакомцев сделал несколько шагов вперед, сбросил свой плащ и вежливо снял шляпу.

— Граф,— сказал он,— позвольте мне прежде всего засвидетельствовать вам мое уважение.

— Маркиз Пеннафлор!— вскричал Монбар вне себя от удивления.

— Тише!— весело ответил дон Санчо.— Черт побери! Мое имя пользуется здесь почетом, ни к чему кричать его так громко.

— Вы! Вы здесь!— сказал Монбар.

— К чему же, граф, не быть мне у вас? Чего я могу опасаться, позвольте вас спросить?

— От меня ничего, и благодарю вас за то, что вы поняли это; но если другие узнают о вашем присутствии в этом городе?

— Они не узнают, по крайней мере я надеюсь, пока я не выйду отсюда, а это случится тотчас по окончании нашего свидания.

— Теперь позвольте мне повторить мой вопрос: какой причине обязан я вашим посещением и кто приехал с вами?

— Это я,— ответил дон Гусман де Тудела, снимая шляпу.

— Хорошо, что вы вернулись по какой бы то ни было причине.

— Ведь вы взяли с меня слово.

— Это правда, и я полагался на него, верьте мне.

— Благодарю,— ответил молодой человек, поклонившись.— Теперь говорите,— обратился он к дону Санчо.

— Граф,— сказал тогда маркиз с благородством,— как ни велика ненависть, разделяющая наши две фамилии, мне приятно думать, что вы удостоили заметить, что я постоянно оставался нейтральным в несогласии, разделяющем их.

— Это правда, я в этом сознаюсь,— ответил Монбар с некоторым дружелюбием.

— Мало того,— продолжал дон Санчо,— не смея позволить себе прямо осуждать поведение моего отца относитель-

но вас, я никогда не чувствовал в себе мужества одобрить его. По моему мнению, несогласия между дворянами решаются честно лицо к лицу и с оружием в руках; всякий другой образ действия кажется мне недостоин их.

— Я очень рад слышать от вас это.

— Я исполняю долг, говоря таким образом, граф, и исполняю тем с большим удовольствием, что между нами есть старый счет, еще не уплаченный; вам немудрено его забыть, потому что я должник ваш и один должен был помнить. Представился случай расплатиться с вами, и я, не колеблясь, сделаю это, каковы бы ни были для меня последствия.

— Я не знаю, на что вы намекаете.

— А я знаю, граф, и этого достаточно. Три дня тому назад родственник мой приехал в Сан-Доминго и от вашего имени просил у меня объяснения; так ли это?

— Действительно так.

— Я не отказал ему в этом объяснении; только, так как необходимо было сделать его не только ясным, но и неопровержимым, я хотел дать это объяснение в вашем присутствии, убежденный, что не подвергнусь никакой опасности, если приеду к вам. Я должен признаться, что родственник мой старался, без сомнения в видах моей безопасности, отговорить меня от этой поездки, но я решился, и вот я здесь.

— Клянусь честью, вы дорогой гость для меня,— с жаром вскричал Монбар,— потому что вы благородный дворянин!

— Теперь выслушайте меня, господа,— продолжал дон Санчо, поклонившись.— Вот что я ответил бы на вопросы моего родственника, если бы не предпочел сделать этого при вас. Я беру Бога в свидетели и даю честное слово дворянина, что вы услышите истинную правду. Дон Гусман де Тудела не сын сестры моего отца герцога Пеннафлора; у отца моего была только одна сестра, умершая девятнадцати лет от чахотки в кармелитском монастыре, в Севильи. У отца моего была одна дочь, моя сестра. Дочь эта исчезла вследствие странного и таинственного приключения, в

котором был замешан французский дворянин, по имени граф де Бармон. Очень может быть, что дон Гусман сын моей сестры, но я не смею этого утверждать.

— Кузен,— вскричал молодой человек в сильном волнении.— Что это вы говорите, ради Бога!

— Правду, дон Гусман.

— Как! Дочь герцога?..

— Была законно обвенчана с этим французским дворянином, повторяю вам; отец мой велел похитить ребенка, прежде чем мать могла дать ему первый поцелуй. Граф де Бармон, преследуемый несправедливой ненавистью моего отца, видя, что честь его разбита, карьера уничтожена, также исчез.

— О, все это ужасно!— вскричал молодой человек с отчаянием ломая руки.— А я-то кто же?

— Вы,— с благородством ответил дон Санчо,— вы человек с благородным сердцем, с избранной душою и успеете, несмотря ни на что, приобрести себе прекрасное место в свете.

— И я помогу ему!— с порывом отвечал флибустьер.

— Боже мой! Боже мой! Что же вы хотели сделать из меня?

— Я уже вам говорил: орудие ненависти и мщения против невинного человека, который имеет право на ваше уважение. Монбар не убийца и не обольститель, а если б даже он и был виновен, повторяю вам, вы не имели бы никакого права требовать от него отчета, племянник.

— Не называйте меня таким образом, дон Санчо; я не знаю, принадлежу ли к вашей семье.

— На это я не могу ответить вам ничего другого, кроме того, что я вас люблю, что я знаю вас с детства и всегда считал своим родственником.

— О!— вскричал Монбар,— неужели ненависть может быть доведена до такой степени?

— Вы это видите, граф, теперь я исполнил священную обязанность; что ни должен бы думать мой отец о моем поведении, совесть моя спокойна, потому что я облегчил ее от ужасной тяжести; пусть судит меня Господь.

— Ваше поведение именно таково, какого я ожидал от вас, и я искренно вас благодарю. Но,— прибавил он более тихим голосом,— не имеете ли вы сообщить мне еще других сведений?

— Другая особа сделает это, граф,— ответил дон Санчо таким же тоном.

— С этой минуты особа эта для меня священна, маркиз. Господь, могущество которого бесконечно, позволит, без сомнения, чтобы она успела забыть, как забуду сам я.

— В свою очередь, благодарю вас, граф,— с порывом ответил маркиз.— Этими словами вы опять сделали меня вашим должником.

Эти два человека, столь великие сердцем и умом, пожали друг другу руку горячо.

— А он?— спросил маркиз, указывая на молодого человека, который стоял, с унынием опустив голову.

— Я беру на себя позаботиться о нем.

— Бедный юноша!— прошептал дон Санчо, и подойдя к дону Гусману, он сказал ему голосом кротким и с симпатией:— Великая горесть делает людей сильными. Для чего вы опускаете голову? Вы имеете право ходить с поднятой головой, потому что и вы также невиновны.

— О! Если б вы знали...

— Я все знаю, Гусман; роковая судьба преследует вас; вы повиновались не своей воле, воле, от которой не смели избавиться; не унывайте же таким образом.

— Что делать, Боже мой, куда деваться?

— Два пути открыты вам: следовать за мною, и клянусь вам, что я буду для вас добрым родственником; или остаться здесь среди ваших новых друзей; я даже думаю, что этот новый путь самый лучший для вас.

— Осмелюсь ли я после того, что случилось? Ведь я негодяй, изменник, словом — шпион!

Монбар подошел к нему и, положив руку на плечо его, сказал с повелительной кротостью:

— Поднимите вашу голову; дон Гусман де Тудела умер, а я знаю только Франкера, храброго Берегового Брата.

— А? Вы меня прощаете, если повторяете эти слова!—

вскричал молодой человек с проблеском радости сквозь слезы.

— Прощают только преступникам, а Франкер преступником быть не может.

— И никогда не будет!— вскричал молодой человек с увлечением,— с этой минуты я принадлежу вам, делайте что хотите.

— Хорошо, дитя, утрите ваши слезы, вы нашли отца.

Он раскрыл ему объятия с волнением, необыкновенным в таком человеке. Молодой человек бросился к нему на шею, и они долго стояли обнявшись.

Послышался легкий шум в дверях, которая тихо отворилась, и показалось бледное и безропотное лицо донны Клары. Монбар прямо подошел к ней и, взяв за руку, привлек в комнату, в которую она вошла и боязливо, и робко, и радостно.

— Франкер,— сказал он молодому человеку,— если вы нашли во мне отца, то эта праведная женщина, которая заступилась за вас, вам мать. Любите ее, как родную мать, потому что она любит вас неограниченно.

— Да,— вскричала донна Клара с неописанным волнением,— да, вы будете моим сыном!

— Молчите, Клара,— тихо сказал ей Монбар,— если вы ошибаетесь?

— О!— ответила она, бросив на него один из тех взглядов, которые разъясняют все,— разве матери обманываются когда-нибудь?

Она с восторгом прижимала молодого человека к своей трепещущей груди.

— Такая великая радость после такой великой горести! Да будет благословен Господь!— вскричал молодой человек.

— О! Да,— повторила донна Клара,— да будет Он благословен, потому что Его правосудие неизменно.

Монбар, более владея собою, чем другие действующие лица этой сцены, рассудил, что пора вмешаться, чтобы положить этому конец.

— Извините меня, дон Санчо,— сказал он,— что мы

так долго забывали о вас. Это вам мы обязаны этой минутой счастья, и мы продолжаем ее как эгоисты, не думая о том, как ваше положение ненадежно в этом городе, где кроме нас все вам враги.

— Право, любезный граф,— ответил маркиз с очаровательной веселостью,— я так счастлив вашим счастьем, что забываю обо всем; однако признаюсь вам, что пора, кажется, мне убираться; я чувствую здесь себя не очень спокойно и, конечно, не прочь убраться отсюда, как приехал, рискуя быть принятым за труса, и если мой старый знакомый Бирбомоно хочет служить мне опять проводником, я охотно приму его помощь, чтобы выйти из затруднения.

— Я к вашим услугам, сеньор маркиз,— ответил майордом, который в эту минуту вошел в комнату,— мы поедем, когда вам будет угодно.

— Сейчас; мне хочется поскорее убраться отсюда.

— Прощайте, дон Санчо,— сказал Монбар,— я жалею, что должен расстаться с вами, потому что я люблю вас; но мы оба находимся в таком странном положении, что кажется, я ничего лучше не могу пожелать для вас, как то, чтобы более не видаться с вами.

— Мы уже раз расстались с этими словами, произнесенными вами, однако все-таки увиделись.

— Это правда, но кто знает, что может случиться?

— Одно слово, граф.

— Говорите.

— Отец мой?

— Я не стану его отыскивать,— вот все, что я могу вам обещать. Дай Бог, чтоб я не встретился с ним на дороге!

— Хорошо; прощайте. Я еду спокойно после этого обещания. Мужайтесь, племянник, не забывайте меня,— и он ласково обнял молодого человека.

— Бирбомоно, поручаю вам маркиза.

— Я отвечаю за него, сеньор.

— Прощайте еще раз; пойдемте, Франкер.

Молодой человек пошел за Монбаром; они вышли из

залы, оставив брата и сестру с майордомом. Как только они вошли в гостиную, Монбар сказал:

— Утрите ваши глаза и будьте мужчиной, Франкер; я вас представлю людям, которые теперь должны быть вашими братьями.

Монбар отворил дверь, и они вошли в спальню.

Три флибустьера сидели и разговаривали между собою.

— Извините, что я так долго заставил вас ждать, братья,— сказал Монбар.

— Да вот и Франкер,— сказал де Граммон,— а я ищу его целую неделю; куда это ты запропастился, товарищ?

Монбар поспешил ответить:

— Я давал ему тайное поручение. Братья,— продолжал Монбар,— Франкер будет у меня капитаном; прошу вас признать его в этом звании.

Флибустьеры, любившие молодого человека, поздравили его с тем, что именно его выбрал Монбар занимать пост, которого многие желали, но не могли получить, и через несколько минут опять продолжался серьезный разговор, прерванный неожиданным приездом Бирбомоно.

XVI

«ТИГР»

Флибустьерский флот два дня уже был под парусами; один корабль остался на якоре в Порт-де-Пэ; но и тот готов был выступить в открытое море по первому сигналу. Корабль этот был вооружен только четырьмя небольшими пушками и наружность его вовсе не была страшна; его круглые и массивные формы показывали голландское происхождение. Однако это судно Монбар выбрал, чтобы поднять на нем адмиральский флаг. Никак нельзя было уговорить его выбрать другой корабль, более крепкий, более прочный, лучше вооруженный, а в особенности более

легкий на ходу; на все замечания он отвечал, что предпочитает хорошие корабли отдать своим друзьям, что он не заставит себя ждать на назначенном месте, чтобы не тревожились о нем, и что у него есть своя мысль.

Другие флибустьеры и сам д'Ожерон наконец предоставили ему действовать как он хочет, убежденные, что это наружное самоотречение знаменитого флибустьера скрывало какой-нибудь смелый план; тем более, что если он был равнодушен к качеству его судна, то не остался равнодушен к составу своей команды, которая состояла из двухсот человек, старательно отобранных между самыми знаменитыми флибустьерами.

В тот день, до которого мы дошли, в восьмом часу утра, Монбар, отдав Франкеру последние приказания и отправив его в лодке с донной Кларой и с Бирбомоно, которые пожелали участвовать в экспедиции, чтобы ухаживать за ранеными, что было им дозволено, несмотря на закон, запрещавший впускать женщин на флибустьерские суда,— Монбар, говорим мы, оставил гостиницу и пошел к пристани.

Человек в костюме буканьера, с трубкой в зубах и заложив руки за спину, прохаживался взад и вперед по пристани, поворачивая иногда голову к легкой бригантине, которая качалась на воде недалеко от пристани и которую он рассматривал с невыразимым удовольствием.

Правда, что эта кокетливая стройная бригантина была настоящей игрушечкой, достойной во всех отношениях привлечь взоры любителя. Человек, о котором мы говорим, до такой степени был погружен в это созерцание, что даже не слыхал, как приблизился Монбар, и только когда тот ударил его по плечу, он приметил его присутствие.

— Эй! Вы спите, что ли?— спросил флибустьер.

— Нет, сеньор,— ответил он, с живостью обернувшись и поднеся руку к шляпе, чтобы поклониться,— я смотрю на мою бригантину.

— Подите-ка сюда,— продолжал Монбар,— нам надо покончить счеты.

— О! Торопиться ни к чему, кабальеро,— ответил он льстивым голосом.

— Извините, напротив, торопиться надо, потому что вы должны ехать через полчаса.

— Я поеду, когда вам будет угодно, сеньор.

— И чем скорее, тем лучше, не так ли?— сказал Монбар тоном сарказма.— Вам хочется поскорее уехать отсюда?

— Я не боюсь ничего, сеньор, если вы удостоили меня своим покровительством.

— Это правда, но с некоторыми условиями; вы, конечно, помните?

— Да, сеньор, и эти условия я готов выполнить честно.

— Гм!— сказал Монбар,— ну мы говорили, что в эту минуту вы служите и нашим и вашим, сеньор Агвир.

— Сеньор!— прошептал тот, бледнея.

— Если испанцы платят вам за шпионство над нами, а я плачу вам за шпионство над испанцами, то для меня это неудобно; успокойтесь, сеньор Агвир, дело повернется для вас лучше, чем вы предполагаете; приступим же к вопросу: какие сведения должны вы были сообщить Франкеру?

— Он вам сказал?— вскричал Агвир с удивлением, смешанным с испугом.

— Все, итак, поверьте мне, покоритесь добровольно — и, повторяю, вам будет хорошо.

— Дело серьезное, сеньор.

— Посмотрим.

— Испанский фрегат с тремястами отборных человек и с сорока шестью пушками получил приказание напасть неожиданно на Черепаху.

— Хорошо; где же стоит на якоре этот фрегат?

— На реке Эффера, на западном берегу Кубы.

— Очень хорошо; я знаю где.

— Приказания губернатора Кубы очень строги. Четыре хорошо вооруженных бригантины должны присоединиться к фрегату, чтобы отнять у разбойников — извините, у флибустьеров, всякую надежду на сопротивление.

— Это очень благоразумно. Где же теперь находятся эти бригантины?

— На якоре в Пуэрто-дель-Принчипе на южном берегу

Кубы; но они с минуты на минуту должны сняться с якоря, чтобы присоединиться к фрегату, ожидающему их, и сообразоваться с его движениями.

— Это все, сеньор Агвир? Вы ничего не забыли?

— Только одно, сеньор, но не знаю, должен ли это вам говорить.

— Скажите; теперь это не может быть некстати.

— Заметьте, сеньор,— сказал Агвир с легким трепетом в голосе,— что вы сами принуждаете меня говорить.

— Говорите!

— Испанцы до такой степени уверены, что флибустьеры не могут спастись, и так твердо решились не давать им пощады, что, по приказанию губернатора, на фрегате отправлен невольник-негр, чтобы после победы исполнить должность палача.

— Черт побери! Испанцы не забывают ничего,— с иронией сказал Монбар,— они люди предусмотрительные; все на этот раз?

— Клянусь спасением моей души.

— Хорошо; притом, если вы обманываете меня, я сумею вас найти, если б вы даже укрылись в аду.

— Сохрани Бог, сеньор!

— Теперь выслушайте меня. Мексиканский вице-король платит вам за то, чтобы вы шпионили у нас. Это очень хорошо. Отправляйтесь сейчас в Веракрус; слышите?

— Хорошо, сеньор, теперь там вице-король.

— Тем лучше; вот что вы ему скажите, и предсказываю вам, что он даст вам хорошую награду, потому что дело стоит того. Сообщите ему, что значительный флот с двумя тысячами флибустьеров под командою Монбара-Истребителя крейсирует перед Золотой Кастилией, от Дарьена до Венецуэлы, с целью высадиться на берег и напасть врасплох на одну из прибрежных гаваней.

— Скажу, сеньор, если вы этого желаете.

— Я этого требую; только помните, что вы не должны фальшивить со мною, сеньор Агвир, потому что измена может стоить вам дорого. Притом, известия, которые вы дадите, будут справедливы и вы окажете огромную услугу

вашей стране и вице-королю, следовательно, вы должны смотреть на это дело с хорошей стороны; сверх того, так как всякий труд заслуживает вознаграждения, возьмите это, а если я останусь доволен тем, как вы исполните ваше поручение, то это будет только задаток.

Он опустил тяжелый золотой кошелек в руку, тревожно протянутую ему Агвиром.

— Засим до свидания,— продолжал Монбар,— и да защитит вас дьявол!

Испанец перекрестился при этом богохульстве; Монбар повернулся к нему спиной, смеясь, и, оставив его, направился к д'Ожерону, который шел к нему навстречу. Агвир с минуту оставался поражен страшным прощанием флибустьера, но тотчас же опомнился, положил кошелек в карман, сел в лодку, ожидавшую его, и поехал к своей бригантине, бормоча:

— Конечно, я исполню твое поручение, проклятый разбойник, и желаю тебе наконец получить наказание за твои преступления.

Через несколько минут бригантина, распустив все паруса, выходила в открытое море.

Д'Ожерон не хотел отпустить Монбара, не простившись с ним, не пожелав в последний раз успеха его опасному предприятию.

Поговорив несколько минут, оба горячо пожали друг другу руку, потом расстались. Монбар сел в шлюпку, которая отвезла его на корабль, а д'Ожерон остался неподвижен на конце пристани, не желая удаляться прежде, чем увидит судно под парусами.

Ожидание его было непродолжительно. Как только Монбар ступил ногою на палубу, все паруса были подняты за один раз и судно быстро удалилось, уносимое сильным юго-западным ветром. Несмотря на свою тяжелую и грубую наружность, «Тигр» — так назывался адмиральский корабль — имел серьезные достоинства и был довольно легок на ходу.

Берега Испаньолы скоро смешались вдали с туманом горизонта, и «Тигр» очутился в открытом море. Тогда

Монбар отдал приказания капитану и сошел в свою каюту, приказав, чтобы его предупредили, если случится что-нибудь.

Первою заботою адмирала, когда он бросил равнодушный взор на свое собственное помещение, было осмотреть внутренность корабля. Франкер, которому одному было поручено это устройство, исполнил данное ему поручение как опытный офицер. Монбар не должен был делать никаких изменений, все было в порядке, две каюты были приготовлены недалеко от адмиральской и Франкера для донны Клары и ее верного Бирбомоно. Они заняли уже свои узкие каюты, и им было там очень хорошо.

Вечером на закате солнца Монбар приказал собрать весь экипаж на палубе; матросы поспешно повиновались, в убеждении, что их начальник хочет сообщить им что-то важное.

Они не ошибались: когда все встали на палубе несколько впереди большой мачты, адмирал, бросив довольный взгляд на их энергичные лица, смуглые от ветра и солнца, заговорил резким голосом, металлический звук которого возвышался без всякого очевидного усилия над шумом моря, разбивавшегося о бока корабля, и свистом ветра в снастях.

— Братья,— сказал Монбар,— я вас собрал для экспедиции, в которой мы пожнем славу и выгоды, потому что я намерен напасть врасплох на одну из самых богатых испанских колоний на материке. Эта экспедиция, требующая значительных сил, принудила меня вооружить несколько кораблей и созвать всех Береговых Братьев с Леоганы и с Гуаявы. Только жители и некоторые буканьеры остались в Порт-де-Пэ и Марго. Как ни храбры эти жители и буканьеры, их слишком мало для того, чтобы сопротивляться нападению, направленному против них. В ту минуту, как я ехал на корабль, я узнал, что испанцы хотят воспользоваться нашим удалением, чтобы напасть врасплох на наши колонии; неужели мы позволим убить наших братьев?

— Нет! Нет!— закричали флибустьеры, махая оружием.— Надо идти на них! На них!

Монбар потребовал молчания движением руки. Флибустьеры замолчали.

— Я знаю, где скрываются в эту минуту испанцы; один фрегат стоит недалеко отсюда, они не подозревают нашего присутствия в этих местах. Братья, если вы хотите, мы скоро променяем дрянное судно, на котором мы находимся, на адмиральский корабль.

Рев восторга прервал флибустьера.

— Они так уверены в успехе, что у них на корабле находится палач, взятый нарочно, чтобы казнить наших братьев[1].

— Смерть испанцам!— заревела команда.

— Нападем на них, отмстим за себя и спасем наших братьев,— продолжал Монбар.— Последуете вы за мною?

— Да, да! Да здравствует Монбар!

— Хорошо, братья, я полагаюсь на вас. Скоро у нас будет прекрасный праздник, обещаю вам.

Крики восторга удвоились. Монбар достиг своей цели: он знал, что может располагать по своей воле всеми этими людьми, которые дадут себя убить по первому его движению.

Еще два дня продолжали плыть, держась довольно далеко от берегов, чтобы не быть примеченными испанскими часовыми. На третий день, в два часа утра, ветер дул небольшой, море было спокойно; они находились недалеко от реки Эфферы. Две лодки тихо были спущены на воду, по приказанию Монбара. В них поместилось полтораста человек, потом лодки отчалили от корабля и направились к берегу. Весла были обернуты паклей; лодки подвигались быстро и без шума, оставив корабль лавировать под командою Франкера.

Через два часа лодки достигли берега реки и тогда разделились, одна поехала к правому берегу, другая — к левому. Тихо проскользнули под густые кусты, обрамляющие эти берега, и плыли около одного лье.

По сигналу, поданному Монбаром, флибустьеры вышли

---

1 Исторически верно.

на берег без малейшего шума, залегли позади своих лодок, которые служили им габионами, и, положив палец на курок ружья, чтобы быть наготове на всякий случай, ждали рассвета.

На восходе солнца они приметили недалеко от себя испанский фрегат, который приготовлялся сниматься с якоря. Фрегат этот был великолепный корабль, какие в то время строились в испанском флоте; только полгода тому назад вышел он из кадикской верфи и делал свое первое путешествие. Монбар вздрогнул от радости, приметив его. Агвир не ошибался. Адмирал так торопился, что четыре бригантины не успели присоединиться к нему; фрегат был один.

Флибустьеры наблюдали за ним с трепетом нетерпения; наконец он покрылся парусами и приготовился выйти из пролива. Испанцы, не подозревая ничего, столпились на палубе, любуясь зелеными берегами. Вдруг, в ту минуту, когда фрегат прошел между двумя рядами притаившихся в засаде, Монбар крикнул. В ту же минуту страшный залп раздался почти в упор, и у каждого выстрела была жертва по милости необыкновенной ловкости флибустьеров.

Неслыханный беспорядок поднялся на палубе несчастного фрегата. При первом залпе канониры подбежали к своим пушкам и начали осыпать картечью кусты. Но так как флибустьеры были спрятаны и невидимы, артиллерия фрегата напрасно тратила свои заряды.

Монбар направлял своих людей с редким искусством вдоль берегов, заставляя их ложиться на землю в ту минуту, как раздавались выстрелы испанцев, и безостановочно стрелять.

Таким образом битва продолжалась пять часов и, по милости распоряжений начальника, флибустьеры не потеряли ни одного человека.

К полудню Монбар приметил, что испанцы стали стрелять реже; только несколько солдат виднелось на палубе; шпигаты изрыгали потоки крови; Монбар понял, что настала минута положить конец.

— На абордаж, братья!— сказал он, первый бросаясь в лодку.

— На абордаж!— заревели флибустьеры, устремляясь вслед за ним.

Все бросились к фрегату и уцепились за него вдруг со всех сторон. Испанцы, несмотря на понесенные ими потери, геройски сопротивлялись; но скоро, подавленные числом, испуганные при виде страшных флибустьеров, которые слыли непобедимыми, они принужены были оставить палубу и бросились в трюм, где пытались еще поддерживать борьбу, сделавшуюся невозможною.

— Чтобы не было пощады!— кричал Монбар.

— Чтобы не было пощады!— повторили флибустьеры, и началась страшная резня.

В эту минуту негр, полумертвый от страха, бросился к ногам адмирала.

— Кто ты?— спросил его Монбар.

— Палач!— отвечал негр, рыдая.

— А!— закричал Монбар громовым голосом.— Братья! Вот палач, которого губернатор Кубы послал казнить вас. Ведь это правда, негодяй?

— Увы! Да, сеньор капитан.

— Ну, ты исполнишь твою должность! Братья, приведите пленных.

Тогда на окровавленной палубе этого фрегата произошла ужасная сцена. Все испанские пленные были приведены к большой мачте, где их принудили стать на колени; флибустьеры окружили их.

— Эти люди осуждены на смерть,— сказал Монбар негру, подавая ему топор,— начинай!

Убийство началось. Палач отрубил головы всем пленным.

— Постой!— вскричал Монбар, бесстрастным взором следивший за этой страшной резней.

Оставался в живых только один пленник.

— Я дарю тебе жизнь, — сказал ему Монбар,— но с условием, что ты убьешь этого человека, который отрубил голову твоим друзьям.

Пленник бросился, как пантера, на испуганного палача, вырвал у него топор и сразу отрубил ему голову. Негр повалился на трупы убитых им людей.

— Хорошо,— сказал Монбар,— ты свободен. Ступай, нет, погоди.

Вынув несколько листков, он кровью написал рассказ о случившихся событиях и, отдав эту странную депешу пленнику, который был ни жив ни мертв, сказал:

— Отнеси эту бумагу губернатору Кубы и расскажи ему о том, как Монбар-Истребитель поступил с палачом, присланным им. Прощай!

Пленника бросили в лодку, которую флибустьеры отдали ему, и он доехал до берега, обезумев от страха и отчаяния.

Но дело, предпринятое Монбаром, еще не кончилось. Трупы испанцев были брошены в море, палуба вымыта, паруса приведены в порядок, и фрегат наконец вышел из пролива. Но вместо того, чтобы выйти в открытое море, как предполагали флибустьеры, адмирал приказал держаться берега.

К четырем часам вечера фрегат на всех парусах подошел к рейду Пуэрто-дель-Принчипе. Четыре бригантины стояли там на якоре.

Застигнутые врасплох, испанцы мало сопротивлялись, и менее чем в полчаса четыре бригантины попали во власть флибустьеров. Это были прекрасные суда, хорошо вооруженные и почти новые. К несчастью, у Монбара не было довольно людей, чтобы увести их; притом надо было торопиться: в городе били в набат, народ бежал к оружию и начинал собираться на берегу.

Монбар приказал забрать, что было самое ценное; потом, когда все перенесли на фрегат, бригантины были потоплены с командой, скованной на палубе.

— А!— сказал Монбар с улыбкой злобного удовлетворения,— теперь, когда мы спасли наших братьев, мы можем без опасения заняться нашими делами.

Флибустьеры осыпали картечью толпу, собравшуюся на берегу, и вышли в открытое море, преследуемые криками бессильного отчаяния испуганных врагов.

К семи часам вечера фрегат подошел к «Тигру», лавировавшему недалеко от берега.

Монбар, без сомнения, не желая показываться донне Кларе с руками, еще дымившимися кровью ее несчастных соотечественников, так безжалостно убитых им, предоставил начальство над « Тигром» Франкеру, приказав ему обращаться с пассажиркой с глубочайшим уважением; он перевел на «Тигр» пятнадцать человек, чтобы увеличить его команду, а сам остался на фрегате, на котором поднял адмиральский флаг. По окончаниии этих распоряжений оба корабля направились вместе к острову Орубе, где Монбар назначил сбор всему флоту и куда другие суда, по всей вероятности, уже прибыли.

Этот подвиг, так смело исполненный страшным флибустьером, оледенил испанцев испугом и имел страшные последствия в будущем.

XVII

СОВЕТ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Мы сказали в одной из предыдущих глав, описывая Маракаибо, что недалеко от бухты находилось несколько островов, между прочим Оруба и Лас-Монхес.

Эти два острова, прежде покоренные испанцами, были населены индейцами, говорившими по-кастильски, но зависящими от Соединенных Штатов Америки, которые с тех пор, как овладели Кюрасао, поставили губернаторов и гарнизон на этих островах, не потому что они были богаты или плодородны — они были почти бесплодны и доставляли только необходимый корм для коз и лошадей, которые находятся там в большом количестве,— а потому, что служили рынком обширной торговли невольниками, производившейся между испанцами и голландцами.

Через тридцать пять дней после отъезда флибустьеров

из Порт-де-Пэ все их корабли без исключения собрались у острова Орубы, где Монбар назначил им встречу.

Первою заботою Монбара по приезде было завладеть островом, потопить лодки жителей, чтобы они не вышли в море, и поставить часовых на всех доступных пунктах берега. По милости этих предосторожностей, так как никто из жителей не мог съехать с острова, чтобы поднять тревогу, безопасность флибустьеров была временно обеспечена, и они были уверены, что присутствие их в этих местах не будет открыто до той минуты, когда они сами вздумают обнаружить его.

Монбар ждал капитанов, которых он созвал на свой фрегат; наклонившись над бортом, он размышлял, следя глазами за лодкой, отделившейся от «Тигра» и направлявшейся к фрегату. В этой лодке сидели трое, в том числе женщина; приметив ее, Монбар неприметно нахмурил брови, и досада обнаружилась на его лице; однако он успел укрыть это неприятное впечатление и с улыбкой на губах подошел к штирборту, чтобы принять пассажиров, подъехавших к фрегату. После обычных приветствий Франкер почтительно сказал:

— Адмирал, сеньора выразила желание быть у вас на фрегате; я счел долгом не противиться этому посещению, тем более что она выразила намерение иметь с вами разговор.

— Вы хорошо сделали, капитан; я очень рад видеть сеньору, я к ее услугам, сожалея, что она не выбрала для этого разговора более удобной минуты; мои обязанности помешают мне наслаждаться ее разговором так долго, как я желал бы.

— Я могу подождать,— отвечала она,— пока ваши занятия позволят вам дать мне аудиенцию; с вашего позволения, я останусь здесь до тех пор, пока кончится ваш совет, а потом вернусь на «Тигр» в лодке, которая привезла меня; это замедлит отъезд капитана только на несколько минут; я очень немногое имею вам сказать.

— Ваши желания — приказания для меня, сеньора,— отвечал Монбар.— Впрочем,— прибавил он, протянув руку

к морю, покрытому лодками, направлявшимися к фрегату,— вы видите, что мне невозможно, к величайшему моему сожалению, говорить с вами в эту минуту, потому что мои офицеры уже являются сюда по моему приказанию; сделайте мне честь принять гостеприимство в моей собственной каюте. Как только сделаюсь свободен, я тотчас поспешу явиться к вам.

Донна Клара поклонилась в знак согласия на предложение Монбара, поблагодарила Франкера и пошла за юнгой, которому адмирал приказал отвести ее в свою каюту. Лодки начали подъезжать к фрегату, и капитаны поднимались один за другим на палубу, где были приняты со всеми почестями, принятыми в военном флоте всех стран для приветствия высших офицеров.

Монбар стоял у трапа и пожимал руки своим товарищам, обмениваясь с ними дружескими словами по мере того, как они всходили на палубу его фрегата.

Капитаны сошли в залу совета, приготовленную для их приема; два флибустьера с ружьями караулили дверь для того, чтобы совещание было тайное. Круглый стол, покрытый зеленым сукном, был поставлен среди залы, а вокруг него стулья.

Командиров кораблей было пятнадцать; это были самые знаменитые начальники флибустьеров. Мы прежде называли их по именам. Монбар был председателем совета вместе с Морганом. Франкер, самый младший, исполнял должность секретаря; перед тем местом, которое он должен был занимать, положили бумагу, перья и чернила; по безмолвному приглашению адмирала капитаны сели.

По законам флибустьерства, когда какой-нибудь начальник устраивал экспедицию и имел в своем распоряжении только один корабль, он не мог принять никакого решения без согласия своей команды, которая, так же как и он, имела выгоды в успехе экспедиции и, следовательно, имела право голоса в совете. Всякий план был принимаем единогласно или отвергаем, и тот, кто предлагал его, не имел права на это обижаться. Когда дело шло о такой важной экспедиции, как та, которую в эту минуту

предпринимали флибустьеры, закон несколько изменялся, то есть команда передавала власть свою капитанам, которые заседали в совете вместо нее, но результат всегда был один и тот же: только единогласие решало вопрос; одного голоса было достаточно, чтобы отменить предлагаемый план.

Этот способ действия, очень хороший в принципе, потому что охранял интересы всех, грешил в том, что часто рассуждения длились нескончаемо и не приводили ни к какому результату. Однако когда главными офицерами были знаменитые начальники известного достоинства, мы должны сознаться, что офицеры, пользовавшиеся не такою известностью, очень редко противоречили им и подавали голос за сделанные предложения, что значительно упрощало вопрос.

До открытия совета Монбар отдал отчет своим товарищам в том, как он завладел испанским фрегатом и четырьмя бригантинами, и принял поздравления с подвигом, доставившим ему прекрасный корабль, не только самый лучший во флоте и прекрасно вооруженный, но и поставивший по крайней мере на время испанцев в материальную невозможность предпринять что-нибудь против Береговых Братьев.

Волнение, возбужденное пылким рассказом Монбара, утихло; его просили открыть заседание, что он сделал тотчас среди всеобщего волнения и любопытства.

— Братья и друзья,— сказал он,— с удовольствием думаю, что теперь вы достигли того места, где я назначил вам свидание, и находитесь в виду богатого берега, который испанцы назвали Золотой Кастилией. Цель нашей экспедиции уже для вас не тайна или по крайней мере вы подозреваете эту цель; но чтобы не оставлять сомнения в уме вашем, так как пробил час действовать энергически, я сообщу вам мой план: я хочу завладеть Маракаибо и городами, соседними с ним. Что вы думаете об этом намерении, товарищи?

— Адмирал,— ответил Морган от имени всех,— мы думаем, что это намерение достойно вас, и с гордостью присоединяемся к вам.

— Я должен вам признаться, братья,— продолжал Монбар,— что это предприятие задумано не мною; отдадим каждому по заслугам; первая мысль принадлежит Филиппу д'Ожерону, который уже несколько дней осматривал этот берег, когда я случайно пришел к нему с несколькими товарищами вследствие бури, во время которой судно мое, слишком старое, чтобы держаться в море во время непогоды, пошло ко дну под парусами; обратитесь же с похвалами к нашему молодому и храброму товарищу, потому что ему одному принадлежит честь первой мысли в этом деле, а я только развил ее и сделал возможной, старательно изучив ее и собрав необходимые сведения, чтобы привести ее в исполнение с вашим преданным содействием.

Между офицерами, восхищенными скромностью Монбара, послышался говор удовольствия, потому что они были хорошими знатоками в подвигах всякого рода и немногие из них чувствовали себя способными к подобному самоотвержению.

— Теперь, когда вы знаете цель, куда мы стремимся, благоволите, адмирал,— продолжал Монбар, обращаясь к Моргану,— сообщить мне о ваших действиях после вашего отъезда из Порт-де-Пэ.

— Мое донесение будет непродолжительно, адмирал,— сказал он.— У меня постоянно был попутный ветер. В четырех лье от острова я собрал другие суда и все вместе, как коршуны, налетели мы на Орубу. Хотя вы не дали мне приказаний на этот счет, но так как я подозревал, что место сборища, назначенное для нас вами, должно быть недалеко от того места, которое вы намеревались атаковать, я хотел избегнуть нескромности, всегда опасной, и поэтому завладел островом; жители очень бедны и немногочисленны; они вовсе не ожидали подобного нападения с нашей стороны и дали себя обезоружить, не покушаясь на бесполезное сопротивление. Я велел потопить все суда, на случай, чтоб кто-нибудь не вздумал убежать, поставил часовых на всех доступных пунктах острова, а для большей предосторожности опытные люди

на лодках поставлены караулить, делая вид, будто занимаются рыбною ловлей. После вашего прибытия сюда десять каботажных судов пристали к острову. Мне не нужно прибавлять, что ни одно из этих судов не ушло в море; мы взяли их в плен, что немало удивило их,— прибавил Морган, смеясь.— Больше мне нечего прибавить, адмирал.

— Примите мои искренние поздравления, любезный Морган,— отвечал Монбар,— нельзя было вести этого дела с большим тактом и с большей ловкостью; впрочем, поручив вам после себя начальство над флотом, я знал, на что вы способны, и был спокоен. Теперь дело идет о том, чтобы подумать о средствах высадиться на берег, если возможно, неприметно для неприятеля. Вопрос серьезен; город, который мы хотим атаковать, находится в глубине озера; он хорошо защищен, имеет многочисленный гарнизон под начальством опытного офицера, который будет защищаться хорошо, я в этом убежден, потому что я его знаю. Теперь должен говорить Филипп д'Ожерон, который очень старательно изучил положение неприятеля и которому, как я уже имел честь вам сообщить, пришла первая мысль об этом предприятии. Говорите же, брат, мы вас слушаем,— обратился он к молодому человеку.

Филипп встал, краснея и конфузясь от похвал своего начальника и внутренне оскорбленный насмешливыми взглядами кавалера де Граммона; он понимал, что кавалер с двойным зрением ревности угадал его тайную мысль и причину, по которой ему захотелось завладеть Маракаибо, вместо всякого другого пункта, такого же богатого, на всем берегу. Однако он сделал усилие над собою, подавил волнение, смущавшее его, и решительно заговорил.

— Если вы желаете узнать мое мнение, братья,— сказал он,— хотя я самый младший между вами и моя опытность почти ничтожна, однако я не стану отказываться от вашего приглашения и докажу мое повиновение, сообщив вам все, что я знаю, в нескольких словах. Как вам сказал адмирал, город защищен хорошо. Кажется, было бы благоразумно, прежде чем предпринять что-нибудь против него, удосто-

вериться, не известно ли наше присутствие на этом берегу. Здесь плавает множество каботажных судов, многие ходят только на веслах, и, несмотря на всю нашу бдительность, они могли пройти неприметно от нас, ночью. Если, к несчастью для нас, это случилось, наши суда совсем непохожи ни на испанские, ни на голландские, так что мы непременно были бы узнаны и на всем берегу поднята тревога, таким образом люди, на которых мы хотим напасть врасплох, самих нас завлекут в сети, которые мы хотим расставить им.

— Ваше замечание совершенно справедливо,— ответил Монбар, посоветовавшись глазами с другими капитанами.— Какие меры предлагаете вы принять для того, чтобы удостовериться в истине?

— Мы видели здесь несколько испанских бригантин; очень легко захватить одну; мы принудим наших пленников сообщить нам сигналы, известные часовому на берегу; бригантина войдет в озеро, дойдет до Маракаибо и воротится отдать нам отчет в том, что видела; если предложение мое будет принято, я прошу начальства над бригантиной.

— А я, брат, прошу позволения ехать с вами,— сказал де Граммон с иронией.

Филипп поклонился ему с насмешливой улыбкой и сел на свое место.

— Кто-нибудь из вас, братья, имеет ли возражение против этого предложения?— спросил Монбар.

Никто не отвечал.

— Когда так, буду говорить я,— сказал Монбар.— Замечания Филиппа д'Ожерона справедливы; я прибавлю даже, что я считаю их основательными; действительно невозможно, чтобы флот из пятнадцати вооруженных кораблей мог незаметно приблизиться к берегу; следовательно, наше присутствие здесь известно и тревога поднята; я убежден, что в ту самую минуту, когда я разговариваю с вами, во всех местечках бегут к оружию и повсюду приготовляют энергичное сопротивление. А по моему мнению, по этой самой причине предложение

нашего брата Филиппа не должно быть принято в соображение; во-первых, потому, что если мы его примем, мы потеряем драгоценное время, которым наши враги могут воспользоваться, чтобы укрепиться и скрыть богатства, которых мы ищем; во-вторых, потому, что каковы бы ни были известия, которые привезет нам бригантина по возвращении, если предположить, что испанцы не откроют хитрости и позволят ей спокойно выполнить свое назначение, эти известия не послужат ни к чему для высадки, которую мы хотим предпринять, потому что, я полагаю, мы не имеем притязания, чтобы такой флот, как наш, вошел в озеро неприметно, и Филипп д'Ожерон, которому так же, как и мне, известно расположение здешних мест, также знает, что всякий другой путь для нас закрыт и что пытаться высадиться на какое-нибудь место на берегу, чтобы потом сухопутно идти на Маракаибо, значило бы рисковать и лишиться всех до последнего наших людей в стране, перерезанной болотами, рытвинами, бесчисленным множеством рек, лесов с деревьями, острые листья которых режут, как сабли, и, сверх того, наполненной племенами неукротимых дикарей и людоедов, против которых нам пришлось бы поддерживать беспрерывную борьбу.

— Было бы безумством подвергаться подобным опасностям без всякого возможного результата,— заметил Морган.

— Какое ваше мнение?— спросил Пьер Легран.

— Я угадываю мнение адмирала!— вскричал Олонец, ударив кулаком по столу.— Он хочет храбро идти вперед и прямо предпринять атаку против города! Черт меня возьми! Будь этих демонов испанцев десять против одного, разве мы не сладим с ними? Это случилось бы с нами, кажется, не в первый раз.

— Говорите, адмирал, говорите!— вскричали капитаны.

— Да, говорите, Монбар,— продолжал Олонец,— вы один способны руководить нами во всем этом.

— Братья,— сказал Монбар, вставая,— Олонец угадал мое намерение: я думаю не давать времени врагу опом-

ниться и решительно приступить к городу; я жду вашего решения.

— Бычье сердце!— вскричал Олонец, у которого это было любимое выражение.— Они не могут решить против вас, я ручаюсь за это, потому что вы доказали, что всякий другой план неудобоисполним.

— Члены совета принимают план, предложенный адмиралом,— сказал Морган, посоветовавшись с капитанами,— и просят как можно скорее привести его в исполнение.

— Братья,— сказал Монбар,— флот снимется с якоря через два часа; будьте готовы к высадке. Вернитесь на ваши корабли сделать последние приготовления, совет окончен. Любезный Морган, я требую еще на несколько минут вашего присутствия на моем корабле; нам нужно хорошенько понять друг друга.

— Я к вашим услугам, брат,— ответил Морган.

Капитаны поклонились и вернулись на свои шлюпки, кроме Моргана, который остался в комнате совета с Монбаром, и Франкера, который, как обещал, ждал, прохаживаясь по палубе, когда донна Клара поедет с ним.

XVIII

АГВИР

В то время, как флибустьеры подъезжали к реке Орубе и стали там, чтобы оттуда, по их выражению, налететь как коршуны на Маракаибо, этот несчастный город, не зная ужасной опасности, нависшей над его головой, смеялся, плясал — словом, пировал напропалую.

В эпоху прибытия судов из Европы испанский флот вошел в бухту и бросил якорь перед городом.

Колонисты, остающиеся одни восемь месяцев в году, слишком удаленные от таких больших центров, как Веракрус, с трудом могли доставать вещи первой необхо-

димости, которых у них совершенно не было, и потому с живейшим нетерпением ждали появления кораблей, получавших от них продукты земли, как например: табак, какао, строевой лес, золото, серебро, жемчуг взамен инструментов, муки, материй и разных европейских товаров, привозимых ими.

На этот раз корабли пришли прямо из Кадикса, не останавливаясь ни в какой гавани, так что груз у них был полный; колонистам оставалось только выбирать любое для удовлетворения своих прихотей.

В город беспрестанно входили мулы, тяжело навьюченные тюками из асиенд, весело бренча погремушками, когда проходили по улицам.

По приказанию губернатора на Главной площади были раскинуты палатки, выстроены навесы для временных магазинов; словом, это была ярмарка, которая должна была продолжаться месяц и во время которой, из-за прибытия чужестранцев, население города почти удвоилось.

Вечером улицы освещались как бы по волшебству, и на всех площадях танцевали с тем увлечением и с теми веселыми криками, которые составляют самую привлекательную сторону характера южных племен, столь веселых и беззаботных. У дона Фернандо д'Авилы много было дела, чтобы поддерживать порядок в этой толпе и наблюдать, чтобы торг шел честно с обеих сторон, потому что европейские купцы, зная, как нужны их товары, и будучи очень жадны, без всякого зазрения совести запрашивали сто пиастров за вещь, стоящую десять; от этого происходили споры и ссоры, которые губернатор улаживал с трудом, потому что и колонистов и испанцев очень трудно было урезонить.

Поэтому дон Фернандо против воли должен был пренебрегать своей питомицей, которая почти всегда оставалась одна взаперти в своих комнатах; но молодая девушка не жаловалась на это одиночество; напротив, оно доставляло ей счастье; она могла таким образом, не боясь помехи, думать о том, кого она любила. Большую часть времени она проводила, сидя на балконе, спрятавшись за

шторой, пристально устремив глаза на озеро и погруженная в бесконечные мечтания. Иногда она приподнимала голову и, обращаясь к Чигале, сидящей возле нее и, что-то бормоча, перебирающей четки, говорила своим кротким голоском:

— Не правда ли, кормилица, мой возлюбленный воротится скоро?

Старуха с досадой качала головой; по большей части она не отвечала или бормотала какие-то слова, которые молодая девушка расслышать не могла; правда, она даже не слушала их, она предпочитала улыбаться своим мыслям и опять возвращалась к своим сладостным мечтам.

Два или три раза Чигала старалась дать ей понять, что гораздо лучше было бы вместо того, чтобы вести затворническую жизнь, выходить вместе с нею, объездить город, посетить европейские лавки, наполненные восхитительными безделушками, которые так нравятся женщинам, и знатным дамам и горничным, и за которые так многие из них отдают свою душу в когти дьяволу.

Донна Хуана на каждую подобную просьбу своей кормилицы отвечала сухим «нет» или возражала, что ей не нужны ни кружева, ни вещицы, что ей хорошо дома, и тотчас погружалась в свои прерванные размышления.

В одно утро, при новой просьбе, сделанной несколько настойчивее других, молодая девушка, довольно печальная в этот день, сама не понимая почему, потому что ничто не оправдывало такого расположения ее духа, с досадой оставила свое место на балконе и направилась к двери, без сомнения, с намерением отвязаться от настойчивых просьб старухи, заперевшись в своей спальной или в будуаре, когда вдруг дверь отворилась и явился дон Фернандо д'Авила.

— Милая Хуана,— сказал он без всяких предисловий,— я пришел просить вас ехать со мною в гавань; говорят, что у капитана корабля «Тринидад» есть чудесные кружева и великолепные материи; он желает показать их вам, в уверенности, что ваш вкус будет законом и что товары, выбранные вами, будут иметь огромный сбыт. Он пригласил

нас запросто позавтракать на его корабле; я принял приглашение за себя и за вас. Этот капитан прекраснейший человек, и мне не хотелось бы рассердить его. Приготовьтесь же, но поскорее, потому что капитан ждет нас на пристани и сам отвезет на свой корабль.

Молодая девушка закусила губы, сделала гримаску и, поздоровавшись со своим опекуном, которого она еще не видала в это утро, сказала медленно:

— Я нездорова и не могу выезжать, сеньор, я буду очень вам благодарна, если вы избавите меня от этой поездки.

— Ба! ба!— ответил он улыбаясь,— напротив, вы никогда не были так здоровы; вы свежи и румяны, как роза. Будьте добры, Хуана, не отказывайте мне; вы заставите меня не сдержать моего слова, что будет очень неприятно для меня и очень огорчит доброго капитана; притом я убежден, что свежий воздух сделает вам пользу.

— Я постоянно повторяю ей это, а она не хочет меня слушать,— заметила старуха, обрадовавшись подоспевшей к ней помощи.

— Молчите, кормилица,— сказала она сердитым тоном,— вы только умеете мучить меня.

— Как дети неблагодарны, Господи Боже мой!— прошептала старуха, сложив руки и подняв глаза к небу.

— Могу я надеяться, что вы поедете со мною, Хуана?— продолжал дон Фернандо.

— Если вы требуете, сеньор.

— Поймем друг друга, милое дитя; я не требую ничего; я прошу; если это вам неприятно, я беру назад мою просьбу; не будем больше говорить об этом; я постараюсь извиниться перед капитаном. Вы понимаете, что если вы останетесь дома, то мне незачем ехать к нему на корабль.

Он поклонился своей питомице и сделал несколько шагов к двери.

— О! Извините меня, сеньор,— сказала донна Хуана, поспешно подходя к нему и взяв его за руку,— простите, если я прогневала вас; я не знаю, что чувствую сегодня;

это не зависит от моей воли; я никогда не чувствовала себя таким образом.

— Неужели вы действительно больны?— спросил он с отеческой заботливостью.

— Не могу вам сказать; мне хочется плакать, сердце мое сжато, как будто мне угрожает большое несчастье.

— Вы немножко сумасбродны,— сказал дон Фернандо, смеясь,— уединение, в котором вы упорно живете с некоторого времени, единственная причина всего этого.

— О! Не смейтесь, сеньор, умоляю вас; уверяю вас, что я страдаю,— сказала она со слезами на глазах.

— Если так, милое дитя, вам надо лечь в постель и позвать доктора.

— Нет, нет, я поеду с вами; кажется, вы правы и свежий воздух рассеет эту непонятную тоску.

— Вы действительно согласны ехать со мною, Хуана? Я вам замечу, что не намерен навязывать вам своей воли.

— Благодарю вас, сеньор, но я сама предпочитаю выехать; я прошу у вас только несколько минут, чтобы взять шарф и накинуть мантилью на плечи.

— Я подожду сколько вам угодно.

— Только две минуты. Пойдемте, кормилица.

И донна Хуана, легкая как птичка, бросилась из комнаты.

— Увы, зачем она не моя дочь!— прошептал старый офицер, подавляя вздох.

Молодая девушка появилась почти тотчас.

— Не долго я была?— спросила она улыбаясь.

— Вы всегда кротки и очаровательны, моя обожаемая дочь.

— Пойдемте, пойдемте,— ответила она с лукавым видом,— теперь, когда я исполнила ваше желание, вы опять сделались любезны.

Они вышли. На половине дороги к гавани они встретили капитана корабля «Тринидад», который, потеряв терпение дожидаться на пристани, решился идти им навстречу.

Капитан этот был еще молод, с умными и энергичными

чертами; он прежде служил в военном испанском флоте и слыл образованным и опытным офицером.

Шлюпка была приготовлена для гостей; по знаку капитана она причалила к лестнице.

В несколько минут доехали до корабля, великолепного трехмачтового судна с десятью бронзовыми пушками, похожего скорее на военный корабль, чем на мирное купеческое судно.

Совершенный порядок царствовал на судне; губернатор и его питомица были приняты с должными почестями. Под палаткой был приготовлен пышный завтрак для четырех особ.

Представив своих офицеров губернатору, капитан пригласил своего лейтенанта, старого моряка, с которым он плавал уже давно, сесть за стол вместе с ним, прежде испросив позволение у дона Фернандо д'Авилы, которое тот поспешил дать; потом капитан велел подавать завтрак.

Кушанья были превосходные, вина отборные. Донна Хуана, как бы желая заставить забыть свое дурное расположение духа или невольно увлеченная новизною положения, оживленным видом рейда и красотою пейзажа, как будто совершенно забыла свою тоску, была очаровательна, весела, смеялась и поддразнивала старого лейтенанта, который не понимал ее задорливости и представлял из себя пресмешную фигуру, что довершало веселость сумасбродной девушки.

— Ну, Хуана,— спросил ее опекун,— жалеете вы теперь, что поехали со мною?

— Не говорите мне об этом, дон Фернандо; я была глупа, теперь я поумнела; сеньор капитан, вы можете показать мне очень хорошие вещи?

— Сами будете судить, сеньорита, их никто еще не видал; прежде чем их распаковать, я ждал, что бы вы посоветовали мне с вашим несравненным вкусом.

— Предупреждаю вас, что я буду очень строга.

— Я этого желаю, сеньорита, потому что вещи, которые понравятся вам, непременно произведут фурор между другими дамами.

— Не ошибитесь, сеньор капитан, наши дамы тщеславятся своим вкусом.

— Не может быть иначе, сеньорита, только я убежден, что ваш вкус превосходит их.

— Вы льстец, сеньор,— отвечала донна Хуана, смеясь,— а когда намерены вы разложить предо мной эти ослепительные вещи?

— Тотчас после завтрака.

— А вы, лейтенант,— обратилась она к старому морскому волку, который, чтобы не конфузиться, ел и пил безмерно,— вы ничего не привезли?

— Я, сеньорита?— сказал он, чуть не подавившись, так заторопился отвечать, и бросая вокруг себя испуганные взоры.— Что я мог привезти, сеньорита?

— Я не знаю; вещицы, кружева, может быть, золотые гребни, которые носят гаитянки и севильки.

— Нет; кажется, нет.

— Как, кажется? Разве вы этого не знаете наверно?

— Извините, сеньорита, я наверно знаю, что у меня есть только кисея для пологов.

— Это очень хорошо!— вскричала донна Хуана, всплеснув руками.— А ничего другого у вас нет?

— У меня есть только серебряные шпоры.

— Для дам?

— О! Нет, для мужчин; однако если вы удостоите принять, сеньорита, я буду очень рад вам предложить.

— Шпоры или полога?

— И те и другие, сеньорита,— ответил он, почтительно поклонившись ей.

Молодая девушка захохотала таким свежим и серебристым смехом, что старый офицер буквально был им поражен. В эту минуту к капитану подошел юнга и, поклонившись ему, шепнул на ухо несколько слов.

— Сеньор губернатор,— сказал капитан,— с вами желает говорить какой-то человек.

— Пусть подождет,— ответил дон Фернандо,— я не часто пользуюсь часом свободы, чтобы половину и этого свободного времени похищали у меня дела.

— Извините, сеньор, этот человек сказал, что он пришел по очень важному делу и что когда вы узнаете его имя, вы тотчас примете его.

— А! а! Какое странное требование со стороны этого человека! Какой же это человек?

— Кажется, моряк,— почтительно ответил юнга.

— И он сказал вам имя, которое должно произвести такой немедленный результат?

— Сказал, сеньор губернатор.

— Какое же оно?

— Агвир.

— Как!— вскричал капитан, вскочив и побледнев как смерть.— Агвир, говорите вы?

— Да, Агвир, сеньор губернатор.

— Как это странно! Есть у вас, любезный капитан, какое-нибудь место, где я мог бы без свидетелей поговорить с этим человеком несколько минут?

— В моей каюте, сеньор губернатор.

— Хорошо; покажите мне дорогу и велите отвести туда этого человека; любезная Хуана, во время моего отсутствия, которое не может быть продолжительно, эти господа покажут вам все свои чудеса.

— Ступайте, ступайте,— ответила донна Хуана,— надеюсь, что эти известия не надолго лишат нас вашего присутствия.

Губернатор пошел вслед за капитаном, который отвел его в каюту и оставил там, прося со всевозможной испанской вежливостью считать себя как дома и действовать соображаясь с этим. Через минуту тяжелые шаги раздались на лестнице, и Агвир вошел в сопровождении юнги. Дон Фернандо отпустил мальчика движением руки и обратился к шпиону, который почтительно стоял возле двери.

— Какими чудесами попали вы в эти края, Агвир?— сказал он.— Какой хороший ветер вас принес?

— Ветер нехороший, сеньор,— ответил тот двусмысленным тоном,— я, напротив, считаю его дурным.

— Но вот уже целый месяц погода великолепна.

— Не всегда с неба приходят страшные бури.

— Они происходят иногда от людей, не так ли?

Шпион молча поклонился.

— Вы откуда?

— Прямо из Веракруса, на бригантине самого вице-короля.

— Герцога Пеннафлора?

— Да, сеньор.

— Гм! Стало быть, дело серьезное?

— Мало того, дело очень важное, сеньор.

— Хорошо, я жду, чтобы вы объяснили мне его.

— У меня есть письмо от вице-короля, которое уведомит вас лучше, чем я, сеньор,— сказал Агвир, вынимая большой запечатанный конверт из своей шляпы и подавая его губернатору.

Дон Фернандо с живостью взял его и распечатал дрожащей рукой. В нем заключалось только несколько строк, но известия были так важны, что, несмотря на свое мужество, губернатор побледнел.

— Итак,— сказал он через минуту, подняв голову,— это верные известия?

— Самые верные, сеньор; я их сообщил вице-королю.

— От кого вы их узнали?

— Я сам все видел и слышал.

— Флибустьеры приготовляют экспедицию?

— Ужасную.

— Но, может быть, эта экспедиция направлена не против нас?

Шпион улыбнулся с иронией.

— Проезжая сюда, я прошел мимо двенадцати кораблей, направлявшихся к Орубе.

— Кто начальствует над этим флотом?

— Сам Монбар-Истребитель.

Дон Фернандо задрожал при этом страшном имени.

— Вам известно, присоединился ли уже Монбар к своему демонскому флоту?

— Нет еще, потому что он сворачивал с дороги, чтобы захватить фрегат «Жемчужина» и четыре бригантины,

вооруженные губернатором для уничтожения флибустьерских поселений на Черепахе.

— Что же?— с беспокойством спросил дон Фернандо.

— Монбар взял фрегат абордажем на Эффере, потом вошел в рейд Пуэрто-дель-Принчипе, захватил бригантины и потопил их, команду безжалостно умертвил, и через двое суток Монбар будет в Орубе, где флот ждет только его, чтобы начать свои действия.

— Да сжалится над нами Господь!— вскричал дон Фернандо, падая на стул.— Потому что, если не свершится чудо, мы погибли!..

XIX

КАБИЛЬДО

Наступило минутное молчание.

Дон Фернандо, пораженный ужасным известием, которое он узнал так неожиданно, разбитый волнением, принужденный сознаться в слабости оборонительных средств, которыми он располагал, казался неспособным связать две мысли.

Шпион оставался неподвижен и мрачен перед ним, ожидая, чтобы он начал опять разговор, так неожиданно прерванный.

Но дон Фернандо д'Авила был старый солдат неукротимой энергии, смелый до безрассудства; когда прошло первое волнение от сильного удара, он выпрямился во весь рост, все следы волнения исчезли с его лица, и он сделался холоден и спокоен.

В самом деле, что за нужда была до смерти тому, кто видел ее и пренебрегал ею в двадцати сражениях, до смерти солдата от руки врага? Если он дрожал, если его сердце было разбито, когда он узнал о готовившемся нападении флибустьеров на колонию, над которой он начальствовал,

то не из опасения страшной опасности, угрожавшей ему; но он знал флибустьеров, с которыми вел уже ожесточенную борьбу; он знал, что их свирепость после победы превосходила даже их отвагу в сражении, что ни лета, ни пол не находили пощады перед этими свирепыми противниками и что особенно женщины должны опасаться всего с их стороны.

Как ни слабы были средства, которыми он мог располагать, он решился их употребить, не для того, чтобы отвратить удар, нависший над его головою, но чтобы смягчить его силу, и если он не мог спасти город, то по крайней мере хотел попытаться избавить жителей от бедствий, следующих за взятием города приступом.

— Могу я положиться на вас?— спросил он, пристально глядя на шпиона.

— Вице-король имеет ко мне полное доверие,— отвечал Агвир.

— Велика ваша бригантина?

— Человек сто могут переехать небольшое расстояние.

— Хорошо, вы поняли меня; вернитесь на свое судно, приготовьтесь сняться с якоря и ждите моих приказаний.

Шпион сделал движение, чтобы уйти.

— Подождите,— сказал ему дон Фернандо,— под опасением лишиться головы, ни слова об этом никому.

— Клянусь!

— Ступайте.

Агвир вышел; через минуту после него губернатор поднялся на палубу.

— Ну что?— спросила донна Хуана.— Важное известие получили вы?

— Довольно важное, милое дитя; я даже попрошу вас тотчас ехать со мною на берег, а капитан извинит, что я так скоро оставляю корабль, на котором мы получили такое очаровательное гостеприимство.

Капитан поклонился.

— Предвидя, что случится,— сказал он,— я велел приготовить шлюпку; она вас ждет, сеньор.

— Благодарю вас, кабальеро, но визит к вашим товарам

только отложен; надеюсь, что мы скоро его сделаем. Вы едете с нами?

— Если позволите.

— Вы сделаете мне удовольствие; поедемте, Хуана, моя милочка, мы и так уже оставались слишком долго.

— Но разве эти известия так важны?— спросила она с беспокойством.

— Довольно важны; я вас жду.

Они сошли с корабля и через несколько минут очутились на набережной среди шумной и веселой толпы.

Дон Фернандо нахмурил брови; эта веселость была неприятна для него; он приметил офицера, курившего сигару на набережной, сделал ему знак подойти, наклонился к его уху и шепотом отдал ему приказание. Офицер удалился почти бегом; дон Фернандо взял за руку свою питомицу и в сопровождении капитана корабля «Тринидад» воротился к себе домой такими скорыми шагами, что опасения молодой девушки увеличились. Губернатор простился с донной Хуаной, поцеловал ее в лоб и, проводив ее до ее половины, обратился к капитану и сказал ему:

— Пойдемте.

— Куда мы идем?

— В кабильдо.

Капитан сделал движение удивления.

— Что случилось?— спросил он.

— Ужасное известие,— ответил он вполголоса,— но пойдемте; вы скоро узнаете, в чем дело.

В Испании и во всех испанских колониях кабильдо называют ратушу.

Когда дон Фернандо пришел туда с капитаном, офицеры гарнизона и главные жители города уже собрались в зале совета. Они разговаривали между собою и с любопытством спрашивали друг друга о причинах этого необыкновенного совещания.

Губернатор вошел важной поступью и сел на кресло, приготовленное для него на эстраде в глубине залы.

— Сеньоры и кабальеро,— сказал он,— удостойте меня

самым серьезным вниманием; час тому назад я получил известие, которое обязан вам сообщить.

Офицеры поспешили занять места, назначенные им этикетом; когда все сели и водворилась тишина, губернатор встал и, развернув письмо, отданное ему Агвиром на «Тринидаде», сказал:

— Послушайте, сеньоры, это дело должно быть интересно для вас всех.

Тишина и внимание удвоились. Губернатор обвел глазами собрание и начал читать депешу:

«Сеньору полковнику дону Фернандо д'Авиле, губернатору провинции Венецуэла, Маракаибо и других мест.

Сеньор полковник,

Мы узнали из достоверных источников, что французские и английские разбойники, называющиеся флибустьерами, против прав людских и мира, существующего между тремя королевствами, вооружают в эту минуту грозный флот из двенадцати или четырнадцати кораблей и с тремя тысячами разбойников с целью, в которой они громко признаются, напасть и разграбить город в провинции, находящейся под вашим ведомством».

Услышав эти известия, присутствующие вскрикнули от гнева и испуга, так что губернатор был принужден прервать на минуту чтение депеши.

— Послушайте, сеньоры,— сказал он спокойным и твердым голосом,— я еще не кончил.

Он продолжал среди тишины и глухого волнения:

«Мне не нужно предписывать вам, сеньор полковник, сделать все необходимое для пользы короля; я слишком ценю ваше мужество и вашу опытность для того, чтобы предписывать вам, как вы должны поступать в подобных обстоятельствах. Если вы можете несколько дней сопротивляться разбойникам, к вам подоспеет сильная помощь из Веракруса и поможет вам, я уверен в том, уничтожить орды разбойников, которые собираются на вас напасть. Не отчаивайтесь, сеньор полковник, и как вы делали уже не раз, храбро защищайте кастильскую честь. Да здравствует король!

Прошу Бога, сеньор полковник, сохранить вас под Его святым покровом.

Вице-король Новой Испании
герцог Пеннафлор,
испанский гранд первого разряда и пр. и пр.».

В этой депеше находился еще постскриптум, но дон Фернандо счел благоразумным не читать его. Вот в чем заключался этот постскриптум:

«Я должен вас предупредить, сеньор полковник, что разбойниками командуют самые отъявленные злодеи; главные начальники Монбар-Истребитель и англичанин Морган, злодеи, известные тем, что никогда не дают пощады побежденным; это должно вас побудить скорее пасть в сражении, чем сдаться».

Дон Фернандо не прочел этого постскриптума, который мог бы совершенно уничтожить мужество их, уже поколебавшееся, до того имя Монбара наполняло их ужасом.

После чтения депеши вице-короля несколько минут раздавались крики и проклятия, среди которых губернатору невозможно было заставить себя слушать; наконец мало-помалу шум утих, и дон Фернандо поспешил этим воспользоваться, чтобы заговорить.

— Теперь не время горевать, действовать надо,— сказал он резко,— время не терпит; не приходите в уныние, следуйте моим советам, не теряя ни минуты, и я ручаюсь если не спасти город, то по крайней мере избавить ваши семейства и ваши богатства от жадности разбойников.

— Говорите! Говорите!— вскричали все в один голос.

— Слушайте вместо того, чтобы испускать спешные крики,— продолжал губернатор, с гневом топнув ногой.

Все замолчали.

— К счастью для нас, испанский флот стоит в нашей гавани и она наполнена судами всех возможных величин; поспешите поместить ваших женщин и детей и все ваши драгоценности на эти корабли; они перевезут их в Гибралтар. Маракаибо не может выдержать осады, лучше бросить его; пусть разбойники спокойно в него войдут. Пока они потеряют здесь время на грабеж того немногого,

что мы оставим, мы будем увеличивать укрепления Гибралтара, которые уже и без того страшны; если разбойники осмелятся преследовать нас там, я надеюсь так наказать их, что у них пройдет охота предпринять новую экспедицию к этим берегам. Притом вице-король обещает нам скорую помощь, и, вероятно, разбойники не успеют даже атаковать наше убежище. Поспешите же предупредить ваших сограждан и приготовиться к отъезду. Те, которые завтра на рассвете будут еще в Маракаибо, так и останутся там. Вы слышали, ступайте; а вы, сеньоры офицеры, останьтесь.

Горожане с шумом бросились к дверям и в одно мгновение очистили залу. Почти тотчас послышались на улицах их крики, к которым скоро присоединились зловещие звуки набата во всех церквах.

— Кабальеро,— сказал губернатор, когда увидал, что все горожане вышли, а остались одни офицеры,— мы солдаты и роботь не станем, мы исполним нашу обязанность; следовательно, мне нечего уговаривать вас сражаться храбро для службы короля. Полковник дон Сантьяго Теллец!

— Что прикажете, ваше превосходительство?— отозвался полковник, подходя.

— Возьмите пятьдесят решительных человек и ступайте на пристань; там вы найдете моряка по имени Агвир; отправляйтесь с вашими людьми на его бригантине на Вяхиревый островок, гарнизон которого состоит из сорока пяти человек. Продержитесь день против разбойников, это необходимо.

— Ваше превосходительство, я продержусь два дня,— ответил полковник,— я ручаюсь вам за это.

— Благодарю вас, прощайте, полковник.

— Прощайте, ваше превосходительство. Вы скоро услышите о моей смерти; но будьте спокойны, я заставлю рабойников дорого заплатить за нее.

Он поклонился и вышел, столь же спокойный по наружности, как если б отправлялся на прогулку.

— Капитан Ортега,— продолжал губернатор, подавляя

вздох,— отправьте пятьдесят верховых солдат во все стороны дать знать по деревням о приближении разбойников. Ступайте.

Капитан Ортега тотчас ушел.

— А вы, полковник до Хозе Ортец,— продолжал губернатор,— примите начальство над гарнизоном; удалитесь с ним в Гибралтар, оставив здесь только пятьдесят человек из охотников. Понимаете?

— Совершенно понимаю, ваше превосходительство.

— Особенно прошу вас увезти все оружие и все снаряды; нам не к чему дарить разбойникам наши пушки.

— Решительно не к чему. Где должны остаться эти солдаты?

— Здесь, в кабильдо.

— Очень хорошо; а когда мне ехать?

— С последним конвоем жителей; прощайте, полковник.

— Нет, ваше превосходительство, до свидания.

— Кто знает?— прошептал дон Фернандо.

Полковник вышел в свою очередь. С губернатором находился только один человек — капитан «Тринидада».

— Как!— сказал он, приметив его.— Вы еще здесь, капитан?

— Да, ваше превосходительство, я предпочел остаться с вами.

— Но позвольте мне заметить вам, капитан, что вы компрометируете ваши интересы, если не поторопитесь.

— Я сделал одно размышление, ваше превосходительство,— сказал капитан, не отвечая на замечание губернатора.

— Какое, капитан?

— С тех пор как мы здесь, вы много занимались другими и вовсе не подумали о себе.

— Не была ли это моя обязанность?

— Да; я вас не осуждаю, напротив.

— Ну так что ж?

— Мне кажется, что теперь пора настать вашей очереди; вот для чего я и остался. Если приказали ретироваться к

Гибралтару, это значит, что вы имеете на это очень серьезные причины.

— Действительно, очень серьезные, капитан.

— Вы не можете иметь намерения дать себя убить здесь, с горстью людей, без славы и без прибыли; притом у вас есть питомица, о которой вы обязаны позаботиться.

— Моя питомица поедет в Гибралтар на вашем корабле.

— Одна?

— С вами.

Капитан покачал головою.

— Нет,— сказал он.

— Как! Вы мне отказываете?— вскричал губернатор с удивлением.

— Не я, а она откажет, ваше превосходительство.

— О! О! Что это вы мне говорите, капитан?

— Спросите у нее, вы увидите; только помните, что все корабли уйдут нынче ночью в Гибралтар; останется один мой; я поклялся не оставлять вас здесь.

Губернатор размышлял с минуту, потом протянул капитану руку, говоря с некоторым волнением в голосе:

— Хорошо, капитан, я согласен, но предупреждаю вас, что я последний оставлю мой пост, и то когда мне ничего больше не останется делать.

— Я сам так понимаю.

— Пойдемте к моей питомице.

Они вышли из кабильдо и направились быстрыми шагами к дому губернатора.

Вид города совершенно изменился за два часа; улицы были наполнены толпой, но уже не слышно было ни смеха, ни пения, не видно было веселых лиц, раздавались горестные восклицания, подавляемые рыдания, виднелись бледные и испуганные лица — словом, повсюду царили ужас и отчаяние.

По приказанию губернатора началось переселение; жители бросали дома, унося с собой свои богатства; за ними следовали испуганные жены и дети; это зрелище леденило сердце.

Дурные известия распространяются с непонятной быс-

тротой: донна Хуана уже знала обо всем. Когда дон Фернандо вошел к ней в комнату, он нашел ее лежащею на подушках, бледную, но холодную и рещительную. Чигала, сидя в углу комнаты, плакала, закрыв лицо руками. Дон Фернандо с одного взгляда понял, в чем дело.

— Хуана, милое дитя, я вижу, что вы уже знаете об опасности, угрожающей нам.

— Знаю,— ответила она печально.

— Вы знаете, что мы принуждены ретироваться перед силами значительнее наших и очистить город?

— Знаю.

— Уложите же самые драгоценные ваши вещи; я пришел за вами.

— Мы едем!— вскричала донна Хуана, с живостью вставая.

— То есть, милое дитя, едете вы, а я должен остаться здесь еще несколько времени; ведь я должен позаботиться о спасении этого несчастного населения.

Она упала на подушки.

— Хорошо,— сказала она,— я подожду.

— Как, вы подождете?

— Неужели вы оскорбили меня предположением, что я соглашусь уехать без вас?

— Будьте рассудительны, Хуана, милое дитя; опасность ужасна; вы знаете, как я вас люблю; я буду спокоен, только когда узнаю, что вы в безопасности; капитан вас ждет, пойдемте.

— Я благодарю капитана, но уеду только с вами; о! не качайте головой, я решилась; если вы меня любите, то и я вас люблю; для меня, бедного брошенного ребенка, без родных и без друзей, вы один составляете всю семью; не настаивайте же, умоляю вас, это будет бесполезно; я умру или спасусь вместе с вами.

— Прошу вас, Хуана, перемените это намерение, которое приводит меня в отчаяние, согласитесь уехать.

— С вами — да, без вас — нет. Я ваша дочь, если не по крови, то по сердцу; обязанность дочери оставаться, что ни случилось бы, возле своего отца, и я останусь.

Напрасно дон Фернандо настаивал, донна Хуана оставалась тверда и непоколебима; он должен был наконец согласиться на ее желание. Тогда молодая девушка встала с радостью и бросилась к нему на шею, заливаясь слезами и благодаря его от души.

— Вы помните мои утренние предчувствия,— сказала она с печальной и кроткой улыбкой,— вы все еще думаете, что я сумасбродна?

— Нет,— ответил он,— это я был слеп, вас предостерегал Господь.

На другой день на рассвете город был пуст. На улицах и площадях бродили только люди, слишком бедные для того, чтобы опасаться чего-нибудь от флибустьеров, и которые, следовательно, сочли бесполезным выезжать из города.

Дон Фернандо оставался в доме, перед которым поставил пятьдесят человек солдат, которых он взял из восьмисот, составлявших гарнизон.

Донна Хуана и Чигала поместились на «Тринидаде»; капитан поклялся молодой девушке, что он не уедет без дона Фернандо. Все предосторожности были приняты для спасения жителей города; губернатор, успокоившись на их счет, твердо ждал авантюристов, которые скоро должны были появиться.

XX

ВЯХИРЕВЫЙ ОСТРОВОК

Монбар, сделав с Морганом необходимые распоряжения для замышляемой им атаки, простился с ним и проводил его до шлюпки. Обернувшись, он очутился лицом к лицу с Франкером.

— Ах!— сказал он.— Я забыл о донне Кларе.

— Извините, адмирал,— почтительно ответил молодой человек,— я желаю обратиться к вам с просьбой.

— Говорите, друг мой,— дружески сказал он,— и если это зависит от меня...

— Это зависит только от вас, адмирал.

— Когда так, все будет исполнено, теперь стоит только сообщить мне то, чего вы желаете.

— Адмирал, вы меня назначили вашим капитаном?

— Да, но я сделал это на время, пока мне сделалось возможно дать вам начальство над кораблем.

— Извините меня, адмирал, но я предпочитаю остаться у вас.

Монбар бросил на него проницательный взгляд.

— У вас есть на это причина?— спросил он.

— Причина — оставаться возле вас во время опасности, адмирал, и надежда быть вам полезным во время сражения.

Лицо молодого человека сияло такой честностью, пока он произносил эти простые слова, что Монбар растрогался.

— Хорошо,— сказал Монбар, протянув ему руку,— вернитесь на «Тигр», скажите вашему лейтенанту, что вы уступаете ему начальство, и вернитесь сюда; ваше место еще не занято.

— О, благодарю, адмирал!— вскричал он с душевным порывом.

— Кстати,— продолжал Монбар,— возьмите чемоданы и сундуки донны Клары; она также останется на фрегате; наши товарищи не всегда бывают любезны, и я не очень доверяю тому, кто сменит вас, Александру Железной Руке, чтобы оставить ее на его корабле.

Он сделал последний дружеский знак молодому человеку и вошел в свою каюту, где его ожидала донна Клара.

— Извините меня пожалуйста,— сказал он,— если я заставил вас долго ждать; клянусь вам, это зависело не от меня.

Взяв стул, он сел напротив нее.

— Я знаю, притом мне не к чему спешить.

— Тем более,— продолжал Монбар,— что вы более не вернетесь на «Тигр». Франкер оставил начальство над «Тигром» и опять занял пост, который он занимал прежде у меня. Мне казалось, что вам удобнее остаться со мною,

чем вернуться на корабль, где, не зная никого, вы были бы совершенно одиноки.

— Благодарю вас за это внимание,— ответила она с волнением.

— Это совершенная безделица и не стоит благодарности; теперь, если эта каюта для вас удобна, прошу вас с этой минуты считать ее своею; ваш доверенный человек Бирбомоно поместится в двух шагах от вас, так что он будет у вас под рукою, когда вам понадобится.

— Вы осыпаете меня милостями...

— Нет, я исполняю мою обязанность; но оставим это. Будьте так добры, сообщите мне, в чем я могу быть вам полезен.

— Я испанка, вы это знаете,— ответила она дрожащим голосом,— вы ведете войну с моими соотечественниками; я хотела вас просить не быть к ним безжалостным.

Монбар слегка нахмурил брови.

— Я в отчаянии,— сказал он,— но вы просите у меня именно то, что я не могу исполнить.

— О! Неужели вам не надоело страшное имя Монбара-Истребителя, которое вам дали ваши враги?

— К несчастью, я здесь ни при чем; законы нашей организации неукоснительны; я должен покоряться им наравне с моими братьями; нам запрещено щадить испанцев.

— Но почти все ваши друзья берут пленных.

— Они могут нарушать законы, если хотят, а я этого не могу, по самой простой причине: законы эти составил я, и, следовательно, более чем всякий другой, я должен повиноваться им.

— Хорошо,— прошептала она, подавив вздох,— я не настаиваю; да исполнится воля Всевышнего; забудьте, что я вам сказала, и простите, что осмелилась говорить с вами таким образом.

Монбар встал, почтительно ей поклонился и вышел из каюты на палубу.

— Боже мой!— прошептала донна Клара, закрыв лицо руками и с отчаянием опускаясь на стул.— Боже мой! Не

достаточно ли я наказана за преступление, в котором я невинна? Боже мой! Какие горести хранишь Ты для меня среди этих неумолимых людей?

Она встала на колени перед распятием, висевшим на стене, и стала молиться; таким образом прошел для нее целый день; к вечеру Бирбомоно, войдя с огнем, нашел ее без чувств у подножия креста; он поднял ее, положил на койку и оказал ей все попечения, какие требовало ее положение.

Донна Клара раскрыла глаза, но оставалась без сил и почти без мужества; отчаяние разбило ее.

— Бедная женщина!— сказал майордом и сел в нескольких шагах от нее в тени, чтобы, если окажется нужно, прислуживать ей.

Всю ночь донна Клара плакала молча; только к утру, побежденная усталостью, она поддалась сну; тогда Бирбомоно сошел с места, которое он занимал несколько часов, и вышел из каюты на цыпочках, чтобы не разбудить свою госпожу.

Скоро должен был наступить рассвет; приготовлялись важные события, потому что, если читатели помнят, Монбар решился на рассвете атаковать Вяхиревый островок.

Накануне вечером, на закате солнца, Монбар на легкой шлюпке с десятью гребцами приблизился к берегу настолько, чтобы, оставаясь невидимым в зыби волн, рассмотреть в зрительную трубу, что происходило на острове.

Он приметил несколько больших судов с людьми, направлявшихся к Вяхиревому островку. Эти суда подъехали к берегу и высадили своих пассажиров. Монбар, несмотря на риск, которому подвергался, если бы приблизился ближе, быть узнанным и взятым в плен, очень растревоженный этой высадкой, приказал своим матросам править к островку.

К счастью для него, солнце закатилось, мрак был глубокий; он мог направить свою рекогносцировку так далеко, как желал. Он увидал тогда, по милости превосходной ночи и зрительной трубы, что приехавшие солдаты лихорадочно копали землю; он заключил из этого, и

основательно, что они воздвигали габионы для защиты островка.

Действительно, эти люди были солдаты, посланные доном Фернандо д'Авилой, под начальством полковника дона Сантьяго Теллеца, чтобы подкрепить гарнизон.

Флибустьер, довольный тем, что он видел, и считая бесполезным оставаться долее, поспешил повернуть шлюпку и вернуться к своему кораблю, до которого он доехал в полночь. Он тотчас отправил Франкера к командирам других кораблей с приказанием распустить паруса на восходе солнца и подвигаться полукругом к островку, предоставляя его фрегату указывать путь флоту. Адмирал, понимая, что испанцы знали о его прибытии, не хотел дать им время укрепить его и решил атаковать и захватить во что бы то ни стало Вяхиревый островок, потому что от взятия этого пункта, возвышавшегося над входом в бухту, зависел успех предприятия.

Грандиозное и грозное зрелище представлял для испанцев этот флот в пятнадцать кораблей, направлявшийся к Маракаибской бухте и выскочивший, так сказать, из недр волн при первых лучах восходящего солнца. Но люди, посланные в крепость, были отборные солдаты под начальством опытных офицеров; они готовы были пожертвовать своей жизнью и с чувством гнева и гордости смотрели на приближение к своим стенам ненавистного неприятеля, который заставил их вытерпеть столько поражений и которому они горели нетерпением блистательно отомстить.

Приблизившись к берегу, по сигналу адмиральского корабля все суда остановились. Ракета, пущенная с острова Сторожевая Башня, уведомила испанский гарнизон, что флибустьерский флот приготовляется войти в бухту; канониры стояли с зажженными фитилями, готовые стрелять в неприятеля.

Прошел довольно продолжительный период, во время которого флибустьеры, по-видимому, не делали никакого движения. Испанцы не понимали этого бездействия, не зная, какой причине приписать его, когда от фрегата

отделилась лодка, на носу которой развевался парламентерский флаг. Лодка эта на веслах направлялась к берегу.

— Что это значит?— спросил губернатор острова полковника.

— Это значит,— ответил тот,— что эти люди, вероятно, хотят сделать нам предложение.

— Договариваться с подобными негодяями!— вскричал губернатор с гневом.— Это было бы нам стыдно; я прикажу потопить эту проклятую лодку.

Он сделал движение, чтобы приблизиться к ближайшей батарее.

— Сохрани вас Бог!— с живостью остановил его полковник.— Мне приказано держаться как можно дольше, чтобы выиграть время; это будет полезно для нас.

— Примите же на себя начальство, когда так, полковник,— с досадой ответил губернатор,— а я, ей-Богу! не вступлю в переговоры с этими разбойниками.

— Хорошо,— сказал полковник,— я возьму на себя эту ответственность; дело идет здесь не о чванстве, не о щекотливости, надо спасать город, предоставьте мне действовать.

— Действуйте, полковник, притом вы выше меня званием, и я обязан повиноваться вам.

Полковник велел тотчас выкинуть парламентерский флаг на крепости и спустил на воду лодку. Когда лодка флибустьеров подъехала на ружейный выстрел к крепости, она остановилась на веслах. Полковник сошел в лодку, которую велел спустить на воду; как только он увидал, что флибустьеры остановились, он велел грести к ним. Обе лодки скоро очутились на пистолетный выстрел друг от друга. В флибустьерской лодке сидел сам Монбар. Он встал и, сняв шляпу, сказал:

— Подъезжайте, сеньор; уверяю вас честью, что вам нечего опасаться: ни обмана, ни измены с нашей стороны.

— Кто мне за это ручается?— спросил полковник.— Я губернатор крепости.

— А я адмирал флота,— сказал Монбар,— притом со мною в лодке четыре безоружных человека, а с вами

двадцать человек хорошо вооруженных; стало быть, опасаться должны мы.

— Это правда,— сказал губернатор.— Причаливай,— обратился он к рулевому.

Обе лодки почти тотчас очутились борт о борт. Монбар ухватился за край лодки, чтобы она не опрокинулась, и одним прыжком очутился возле полковника. У него действительно не было оружия.

— Вы видите, кабальеро,— сказал он,— что я подаю вам пример доверия.

— Вы находитесь под охраною кастильской чести, сеньор,— благородно отвечал полковник.

Монбар вежливо поклонился.

— Вы требовали совещания, сеньор,— продолжал полковник,— я жду, чтобы вы объяснились.

— Объяснение будет непродолжительно, кабальеро. Я прошу вас сдать мне крепость.

Полковник засмеялся.

— Это действительно очень просто и коротко,— сказал он.— И вы прямо приступаете к цели.

— Такая уж у меня привычка, кабальеро, благоволите же отвечать.

— Я последую вашему примеру и отвечу вам одним словом — нет.

— Я замечу вам, что лачуга, над которою вы начальствуете, не может сопротивляться силам, нападающим на нее.

— Это мое дело, сеньор; эта лачуга, как вы ее называете, поручена мне. Если я не могу спасти ее, по крайней мере я могу умереть, защищая ее против вас.

— Это будет смерть достославная, конечно, но бесполезная.

— Может быть, сеньор; вы не знаете состояния наших сил.

— Вы ошибаетесь; я знаю так же хорошо, как и вы. Вспомните графа де л'Аталайю и посмотрите на меня хорошенько,— прибавил Монбар, снимая шляпу и отбрасывая волосы назад.

— Возможно ли!— вскричал полковник с удивлением.

— Это был я. Это открытие не изменяет ли ваших намерений?

— Нисколько, сеньор, моя решимость непоколебима.

— Послушайте,— продолжал Монбар примирительным тоном,— вы человек храбрый. Для чего из пустой славы вы хотите погубить гарнизон, находящийся под вашим начальством? Честное слово дворянина, я предложу вам хорошие условия.

— Я вам сказал, что моя решимость непоколебима.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее,— холодно ответил полковник.

— Да совершится ваша судьба, когда так, и пусть пролитая кровь падет на вашу голову.

— Господь будет меня судить, я верю в его всемогущую доброту.

— Это единственное покровительство, остающееся вам. Прощайте, сеньор; через час я начну боевые действия.

— Мы постараемся хорошенько ответить вам, сеньор.

Оба церемонно поклонились друг другу. Монбар пересел в свою шлюпку, которая немедленно удалилась по направлению к фрегату, между тем как полковник поспешно возвращался в крепость.

— Ну что?— спросил бывший губернатор, когда новый приехал на остров.

— Приготовьтесь сражаться, господа,— сказал полковник, обнажая шпагу,— и вспомните, что вы имеете дело с людьми, которые не знают пощады.

Каждый отправился к своему посту, готовый исполнять свой долг.

Мы должны сказать, что поступок, предпринимаемый Монбаром, поступок, вовсе не согласовавшийся с привычками знаменитого флибустьера, был сделан по просьбе донны Клары. Правда, согласившись это сделать, он, может быть, предчувствовал, что его поступок останется без результата.

Как только адмирал вернулся на свой фрегат, несколько сигналов было дано флоту, и почти тотчас показались

лодки с вооруженными людьми, направлявшиеся медленно к берегу. Флотилия эта, составленная из двадцати пяти лодок и содержавшая около пятисот человек, предпринимала высадку.

Монбар, Морган и другие главные начальники руководили лодками.

Испанцы подпустили их на ружейный выстрел. Вдруг артиллеристы наклонились над пушками, и флотилия была покрыта картечью. Флибустьеры не отвечали; они продолжали подвигаться, распевая гимны, по своему обыкновению, и не занимаясь своими товарищами, в которых попала картечь.

Раздался второй залп, а за ним третий.

— Вперед!— закричал Монбар, махая шпагой и бросаясь в море.

— Вперед! Вперед!— повторяли флибустьеры, выскакивая из лодок, устремляясь за Монбаром и не заботясь о том, довольно ли близко они к берегу, чтобы упереться ногами в землю.

Испанцы усилили огонь. Флибустьеры выскочили на берег и побежали к палисадам, покрытым землей, которые служили аванпостами неприятелю. Порыв их был непреодолим; палисады были разрушены в один миг, испанцы сбиты, убиты, беглецы преследуемы так близко, что и французы и испанцы вместе ворвались в крепость. Флибустьеры бросились на артиллеристов, убили их у пушек, не дав времени сделать последний залп, повернули жерла пушек против бежавших солдат и осыпали их картечью в упор.

Флибустьеры овладели Вяхиревым островком. Флот, уведомленный об этом результате, тотчас распустил паруса и вошел в озеро, чтобы приблизиться к городу.

Только несколько солдат успели убежать, другие были безжалостно убиты.

Флибустьеры нашли в крепости четырнадцать пушек большого калибра, оружие, порох и значительное количество провизии всякого рода.

Взятие крепости обеспечивало успех экспедиции. От-

ные падение городов, лежавших на озере, было неизбежно; это был только вопрос времени.

Полковник, как обещал губернатору Маракаибо, храбро пал во главе своего гарнизона. Но эта смерть, как ни была достославна, осталась почти бесполезна, потому что крепость была взята менее чем в час.

XXI

МАРАКАИБО

После взятия Вяхиревого островка дорога на Маракаибо была открыта перед флибустьерами; они остались властелинами озера и имели возможность напасть на все прибрежные города с надеждой на победу.

Успех экспедиции был почти обеспечен. Только море оставалось открыто; испанцы могли явиться во множестве, запереть вход в озеро, отрезать флибустьерам отступление и захватить их, как в мышеловке. Надо было отстранить, насколько возможно, угрожавшую случайность, которая могла, если осуществится, уничтожить флибустьеров в их торжестве.

Монбар созвал военный совет, в котором прямо изложил положение дела.

Береговые Братья, упоенные своей победой, предоставили ему свободу принять меры, которые он сочтет необходимыми для общей безопасности.

Знаменитый флибустьер, основываясь на их согласии и руководимый осторожностью, а может быть, также под тайным влиянием планов, которые он составил давно и осуществление которых было ближе его сердцу, чем богатства, прельщавшие его товарищей, оказался в этом случае достойным вверенного ему поручения.

Боясь скомпрометировать излишней поспешностью благоприятные шансы предприятия, он прежде всего занялся

обеспечением отступления в случае урона. Вследствие этого, прежде чем продолжать действия, он разрушил Вяхиревый островок, крепость которого была срыта до основания, и забил пушки, которые не имел ни средств, ни времени увезти с собою.

Как ни быстро ведены были эти работы, они потребовали довольно много времени, так что только через три дня после взятия крепости флот мог направиться к Маракаибо.

Велико было удивление флибустьеров, когда они нашли этот город совершенно брошенным. Монбар и его товарищи тотчас высадились и заняли лучшие дома. Но адмирал, опасаясь засады, поставил посты у входа на Главную площадь, в соборе и даже на улицах, выходивших в город. По принятии необходимых предосторожностей, флибустьерам была дана полная свобода предаваться веселию и грабежу.

Адмирал поместился в доме, который прежде занимал во время своего первого путешествия, и для донны Клары были приготовлены комнаты в этом же самом доме.

С тех пор как флибустьеры овладели Маракаибом, донна Клара ухаживала за ранеными; ее стараниями кабильдо был превращен в больницу и туда перенесены люди, раненные при взятии Вяхиревого островка. По милости разумных попечений донны Клары многие скоро выздоровели; донне Кларе помогали бедные женщины, оставшиеся в городе после отъезда жителей, безопасность которых она таким образом обеспечила.

Большую часть дней и часть ночей донна Клара оставалась в больнице среди больных, за которыми ухаживала и которых утешала кроткими словами, которые умеют придумывать одни женщины, потому что они черпают их из сердца.

Флибустьеры, первое время неприязненно смотревшие на донну Клару, переносившие ее присутствие с глухим ропотом, мало-помалу переменили свое мнение на ее счет; как все крайние натуры, они резко перешли от ненависти и отвращения к самой глубокой любви, к самому величайшему уважению и к самой неограниченной пред-

анности к своей благодетельнице; хищные звери превратились в ягнят; один знак, один взгляд донны Клары совершал чудеса; эти люди обожали ее как святую; горе тому, кто осмелился бы сделать ей оскорбление — такая мысль не пришла бы в голову никому,— сказать ей хоть какую-нибудь грубость!

Сам Монбар все более и более чувствовал влияние, которое эта кроткая и изящная натура имела на его характер, и вместо того, чтобы сопротивляться общему увлечению, он подчинялся с тайным удовольствием очарованию, которое донна Клара разливала вокруг себя.

В одном отношении он оставался непроницаем; ни слезы, ни просьбы не могли сделать с ним ничего, когда донна Клара старалась изведать это сердце, глубокое, как бездна, насчет его планов мщения; во всех других отношениях улыбка донны Клары тотчас исторгала у него требуемые уступки, и часто он предупреждал желания донны Клары по собственному побуждению, смягчая строгости, жертвою которых были несчастные испанские пленные.

Что касается Франкера, положение его было странное между флибустьерами; он был воспитан в ненависти к ним и, несмотря на свои усилия, не мог считать их своими товарищами. Часто он спрашивал себя, законно ли мщение, замышляемое им против испанцев, и следует ли ему считать всех своих соотечественников виновными в зле, которое сделал ему один человек.

Монбар внимательно следил за разными движениями, волновавшими душу молодого человека и отражавшимися на его лице, как в зеркале; но он оставался безмолвен, не подстрекая его, не останавливая; сам не знал, как определить чувство, которое влекло его к Франкеру, и не зная, несмотря на намеки дона Санчо и донны Клары, должен ли он видеть в нем сына, потерянного так давно, поэтому, несмотря на свое притворное равнодушие, он ждал с беспокойством, чтобы события обнаружили ему эту истину, которую он так желал узнать. Один человек знал эту тайну, от которой зависели в будущем счастье или

несчастье Монбара; человек этот был герцог Пеннафлор. Но как принудить этого неумолимого человека обнаружить эту тайну? Однако флибустьер не отчаивался; он ждал результата некоторых соображений, успех которых казался ему неминуем.

Но несчастнее всех был Филипп д'Ожерон. Между тем как его товарищи предавались радости торжества и забывали прошлые усталости и опасности в самых неистовых оргиях, он один был погружен в мрачное отчаяние.

Первая мысль об этой экспедиции, так быстро организованной, так искусно проведенной, принадлежала ему; это смелое предприятие, сначала заставившее отступить самых храбрых, пришло ему в голову с единственною целью, для которой он пожертвовал всем,— соединиться с тою, которую он любил, и эта цель, так долго преследуемая, эта надежда, лелеянная с такою страстью, ускользнула от него в ту самую минуту, когда он думал, что достиг ее. Напрасно, подъехав к городу, подавал он свой сигнал и искал с трепещущим сердцем на окнах домов, окаймлявших гавань, сигнал, отвечавший его сигналу, все оставалось холодно, безмолвно и мрачно.

Высадившись на берег, он побежал, обезумев от горя и опасения, к дому донны Хуаны; дом этот был пуст; молодая девушка исчезла и не оставила никаких следов. Тогда с терпением и непоколебимою верою влюбленных он принялся осматривать весь город, входил во все дома, отворял все двери, не мог верить своему несчастью и каждую минуту ожидал увидеть внезапное появление той, которую он любил, хотя знал, что город оставлен всеми жителями, и должен был понять, что донна Хуана должна была сопутствовать им в побеге.

Потом, когда, наконец, он должен был поверить очевидности, когда он решительно убедился, что той, которую он любил, в городе нет, он заперся у себя дома и несколько часов оставался в таком полном унынии, что сам кавалер де Граммон, его соперник, сжалился над этой горестью и старался его утешить.

Филипп вышел из этого уныния только затем, чтобы впасть в страшную ярость. Он пошел к Монбару и доказал ему, что оставление испанцами города наверно скрывает засаду, и предложил обыскать окрестные леса.

— Обыщите, друг мой,— сказал ему Монбар с тонкой улыбкой,— совет хорош, особенно от вас, исполните сегодня же, и если между людьми, которых вы, без сомнения, найдете, будут женщины, которыми вы интересуетесь, я постараюсь причислить их к вашей доле.

— Благодарю,— ответил Филипп,— я запомню ваше обещание и напомню его вам.

— Это будет бесполезно, друг мой; ступайте.

Филипп ушел без дальнейших разговоров; он метил начать охоту за человеком; он собрал шестьдесят флибустьеров и отправился вместе с ними.

Вечером он вернулся в Маракаибо. Он привел восемьдесят пленных, более пятидесяти мулов с добычей и деньгами — на сумму в сто тысяч франков.

— Браво!— сказал Монбар, когда он отдал ему отчет в своей экспедиции.— Начинается хорошо, надо продолжать.

— Завтра,— ответил Филипп.

На другой день он отправился снова. Флибустьеры, привлеченные первым успехом, с большой охотой следовали за ним, тем более, что грабеж домов и церквей не дал желаемых результатов; это было понятно, жители имели необходимое время увезти с собою свои богатства.

Охота продолжалась таким образом несколько дней с различным успехом, но почти всегда удачно; флибустьеры были в восторге, один Филипп был в отчаянии; его товарищи не понимали его странного поведения, они готовы были считать его сумасшедшим.

— Вы не умеете взяться за дело, друг мой,— сказал ему Монбар в один вечер, когда он с плачевным видом привел к нему сто мулов с добычей на двести тысяч франков.— Предоставьте мне это дело. Есть у вас пленные?

— Человек сто,— ответил Филипп.

— Хорошо; какие же это люди?

— Я на них не смотрел.

— Напрасно; пойдемте к ним со мною.

— Зачем?

— Вы увидите. Пойдемте же, черт побери! Куда заперли их?

— Кажется, в церковь Сан-Франциско.

— Хорошо, пойдемте.

Они вышли. Дорогою Монбар взял несколько флибустьеров, не занятых и не совсем пьяных.

Пленных действительно бросили в церковь Сан-Франциско, вторую в городе; двери караулили флибустьеры, которые пили и играли в карты. Монбар велел отпереть дверь и вошел с Филиппом и со своей свитой.

Внутренность церкви представляла раздирающее душу зрелище. До трехсот несчастных мужчин, женщин и детей были брошены в кучу; некоторые раненые хрипели на земле, другие жалобно стонали, потому что знали жестокость флибустьеров и им было известно, что единственное благодеяние, которого они могли ожидать от них, была быстрая и немучительная смерть.

Монбар холодно обвел глазами эту отчаянную толпу, которая невольно задрожала при виде этого человека с мрачным и неумолимым лицом, которого, по-видимому, радовали ее страдания.

— Питриан,— сказал Монбар,— у тебя тонкое чутье, выбери тех, которые, по твоему мнению, в состоянии заплатить хороший выкуп, и приведи ко мне.

Питриан стал прокладывать себе дорогу в толпе и с циническим равнодушием стал рассматривать их, иногда останавливаясь, чтобы вытолкнуть пленного из рядов, потом опять принимался за осмотр, свистя и смеясь с лукавым видом под нос своим жертвам.

Через десять минут он выбрал таким образом человек пятнадцать и привел их, дрожащих, к Монбару, принудив стать в одну линию.

— Хорошо, мой милый, теперь довольно,— сказал Монбар,— послушай-ка.

Питриан подошел.

— Приготовься,— сказал Монбар, сделав ему знак.

— А! а!— сказал Питриан.— Кажется, мы посмеемся.

— Как сумасшедшие; притом это касается тебя.

— Очень хорошо, положитесь на меня.

Пленные не знали, зачем их отделили от товарищей и чего от них потребуют, но тайное предчувствие говорило им, что им угрожает ужасная опасность, и несчастные дрожали, как листья во время бури.

Монбар сделал шаг вперед и сказал пленным суровым голосом:

— Поговорим немножко, кабальеро; вы люди значительные в городе, для чего же вы забились в норы, как кролики и лисицы, вместо того, чтобы спокойно жить в своих домах, что было бы гораздо выгоднее для всех? Сумасшедшие, неужели вы думаете, что мы не узнаем, где спрятались ваши товарищи и где они спрятали свои сокровища?

Пленные с ужасом переглянулись; один решился наконец заговорить от имени всех.

— Наши сокровища,— сказал он,— в ваших руках, вы их захватили.

— Вы лжете, сеньор, но я знаю способ заставить вас говорить; Питриан, это твое дело, мой милый.

Питриан подошел, держа в руке веревку толщиною с мизинец; он два раза обернул ею голову пленного, который говорил с Монбаром, сделал петлю и посмотрел на Монбара.

— Хотите отвечать на эти два вопроса?— спросил тот.— Где ваши товарищи? Где ваше золото?

— Не знаю,— сухо ответил пленный.

— Начинай, Питриан.

Питриан вынул из-за пояса пистолет, обернул дуло веревкой и начал вертеть пистолетом, так что веревка натянулась до того, что буквально вошла в тело.

Боль, которую почувствовал пленный, была ужасна. Глаза его как будто хотели выскочить из орбит, лицо посинело, кровавая пена показалась на губах; он страшно крикнул.

— Отвечайте,— холодно сказал Монбар.

Пленный сделал страшное усилие, глаза его налились кровью, нервная дрожь пробежала по всем членам.

— Я не знаю,— прошептал он глухим голосом.— Господи, Боже мой! Сжалься надо мной!

— Жми, Питриан,— сказал Монбар.

— Есть ли здравый смысл давать мучить себя таким образом?— философически заметил Питриан, вертя своим пистолетом.

— Я не знаю! Убейте меня, злодеи!— заревел пленный, лицо которого облилось кровью.

Как ни велика была твердость пленника, боль была так сильна, что он признал себя побежденным. Монбар сделал знак, Питриан развязал веревку.

— Вот дурак-то, давать отделать себя таким образом!— прошептал он.

Веревка так врезалась в тело, что Питриан был принужден тянуть ее рукою. На пленнике не было лица.

— Говорите теперь, если вы наконец стали рассудительны,— сказал Монбар с насмешкой.

— Что же хотите вы знать?— спросил пленник, падая почти без чувств на плиты.

Но достойный Питриан спрыснул его водой, говоря:

— Бедняга! Ему трудно! Экая баба!

Оживленный этим странным лекарством, пленник приподнялся на коленах.

— Куда девались губернатор и его питомица?— спросил Монбар бесстрастно.

— Они в Гибралтаре.

— Вы это знаете наверно?

— Да.

— А жители?

— Большая часть в лесу с гарнизонными солдатами; пуститесь за ними в погоню; они заставят вас дорого поплатиться за ваше гнусное нападение.

— Итак, они решили сопротивляться?

— Они будут сражаться до самой смерти.

— Тем лучше; если эти люди хотят драться, это значит,

что у них есть что защищать,— сказал Монбар, потирая руки.— Где они спрятали свои богатства?

— В Гибралтаре, в Мериде, в лесу.

— Ну и прекрасно! Вот по крайней мере положительные сведения. Прощайте!

— Будьте прокляты!— сказал пленный и покатился наземь.

— Что с ним делать, бедняжкой?— с насмешкой спросил Питриан.

— Ба!— ответил Монбар, пожимая плечами.— Что ты хочешь? Он ни к чему больше не годится.

Он повернулся спиной и вышел в сопровождении Филиппа.

— Ты знаешь, что хотел знать?— спросил Монбар Филиппа.

— Почти,— ответил тот.

— Чего еще ты хочешь?

— Спросить вас, кто вам сказал, что я люблю донну Хуану.

— Дитя,— сказал Монбар улыбаясь,— разве я не мог угадать?

Дойдя до площади, они услыхали пистолетный выстрел и с живостью обернулись. Это Питриан прострелил голову пленнику, чтобы избавить его от нестерпимых страданий. У Питриана было, как видно, нежное сердце, исполненное сострадания к ближнему.

XXII

ГИБРАЛТАР

По выходе из церкви Монбар отпустил сопровождавших его флибустьеров и, взяв под руку молодого человека, направился к своему убежищу.

Оба Береговых Брата шли, не обмениваясь ни одним словом; каждый размышлял.

Вдруг Монбар остановился и, взглянув прямо в лицо своему спутнику, спросил:

— О чем вы думаете, Филипп?

— Я?— ответил молодой человек, вдруг приподняв голову.— Я думаю, что Гибралтар набит богатством.

Монбар расхохотался.

— Вы совсем этого не думаете, друг мой,— сказал он.

— Я!— вскричал Филипп.

— Конечно; хотите, я вам скажу, о чем или, лучше сказать, о ком вы думаете?

— О! Вот уж об этом я с вами поспорю.

— Мы увидим,— с насмешкой ответил Монбар,— вот буквально о чем думаете вы.

— Буквально, это уже слишком.

— Нет; вы говорите себе, идя рядом и под руку со мною: «Какой странный этот Монбар, честное слово; он теряет время в Маракаибо, из которого жители все увезли, между тем как напротив него по другую сторону озера находится Гибралтар, город тем более богатый, что жители Маракаибо перевезли туда все свои драгоценности; ему стоит только сказать, протянуть руку, чтобы захватить все это, а он этого не делает, не считая того, что, пользуясь этой экспедицией, я могу похитить женщину, которую я люблю, сокровище, гораздо драгоценнее для меня, чем все бочки с золотом, находящиеся в Гибралтаре; для чего же он теряет время, вместо того чтобы действовать против врагов, побежденных заранее и деморализованных нашими успехами?» Что, брат, угадал я вашу мысль?

— А если действительно такова моя мысль,— сказал Филипп со скрытым раздражением,— что вы мне ответите?

— Многое, друг мой; во-первых, наши враги остерегаются; если они укрылись в Гибралтаре, значит, они решились защищаться.

— Что за нужда!

— Для вас так, я это знаю, но для меня это другой вопрос; я не хочу сумасбродно бросаться в такое опасное предприятие, где мы будем иметь дело с людьми, укрыв-

шимися в последнее убежище, которые дадут убить себя до последнего, а не отступят ни на шаг.

— Ну, мы их убьем.

— Я знаю, что мы их убьем, но ценою каких жертв, вот в чем вопрос; притом я жду с минуты на минуту положительных сведений и не хочу ничего предпринимать прежде чем узнаю планы испанцев, чтобы составить мои планы, соображаясь с этим.

— Но кто даст вам эти сведения?

— Тот, кого вы знаете хорошо, ваш бывший юнга Шелковинка, которого я позаботился забыть здесь, когда мы сюда приезжали, чтобы он мог сообщить нам все необходимое.

— Да, Шелковинка исчез; мы здесь уже две недели, а никаких известий о нем не имеем.

— Он найдется, будьте спокойны; Шелковинка слишком ловок, чтобы потеряться.

— Бедняжка! Его, верно, узнали, он убит.

— Он не так глуп, и доказательством служит то, что вот он здесь.

— Шелковинка?— вскричал Филипп.

— А кто же? Разве вы не видите, что он стоит у дверей вашего дома?

— Это правда!— радостно вскричал молодой человек.— Эй, юнга!— обратился он к мальчику, неподвижно стоявшему у дверей.

Мальчик осмотрелся вокруг и, узнав приближавшихся к нему двух человек, вскрикнул от радости и бросился к ним бегом.

— Откуда ты явился?— сказал Монбар, дружески потрепав его по щеке.— Я думал, что ты умер.

— Умер!— вскричал юнга, смеясь.— Это отчего, адмирал?

— Не знаю,— сказал Монбар,— но так как мы ничего о тебе не слыхали по приезде сюда, мы думали, что ты убит или, по крайней мере, в плену у испанцев.

— Откуда ты?— спросил Филипп.

— Из Гибралтара, на плохонькой лодке, которую мне удалось украсть.

— Я узнаю тебя, ты проворен по-прежнему; имеешь ты сообщить нам какие-нибудь важные известия?

— Многие, но не здесь, если для вас это все равно.

— Ты прав; следуй за мною, честное слово, этот мальчик преумный!

— Благодарю, капитан; каким комплиментом надо вам отплатить?— сказал Шелковинка, смеясь.

— Не нужно; пойдем с нами; мы поговорим.

Они вошли в дом Филиппа в сопровождении юнги, который щелкал пальцами и делал гримасы, как обезьяна, грызущая орехи.

— Теперь говори,— сказал Монбар, когда они вошли в отдаленную комнату,— и особенно не распространяйся.

— О! Я буду говорить недолго,— ответил юнга,— что вы желаете знать?

— Куда девались жители и что намерен делать губернатор дон Фернандо д'Авила; насколько я мог судить, это храбрый воин; я удивляюсь, как он еще не подал признаков жизни после нашего вступления в озеро.

— Это очень просто, он вас ждет.

— Как! Он нас ждет?

— Вы сейчас увидите.

Юнга начал рассказывать, что произошло, каким образом губернатор узнал о прибытии флибустьеров на остров Оруба и как, рассудив, что Маракаибо не может сопротивляться нападению, отдал приказание очистить город, и как губернатор уехал последним, удостоверившись, что все жители в безопасности на кораблях отправились в Гибралтар или в Мериду.

— Очень хорошо,— сказал Монбар,— я очень рад узнать, что я обязан этим приятным сюрпризом Агвиру; я после сведу с ним счеты.

— Неужели вы думаете, что он остался вас ждать? Как бы не так! Когда он высадил войска, которые ему поручили перевезти на Вяхиревый островок, он не вернулся в озеро, а напротив, вышел в открытое море.

— Тем лучше,— сказал Монбар, потирая руки,— таким

образом я непременно его встречу; но вернемся к губернатору, что он сделал?

— Он времени не терял; вы напрасно так долго оставались здесь.

— Господин Шелковинка дает советы,— смеясь сказал Филипп.

— Я повторяю, что слышал, капитан, вот и все.

— К делу, юнга, к делу!— с нетерпением вскричал Монбар.

— Вот и дело: как я уже вам говорил,— начал мальчик с серьезностью офицера, делающего рапорт,— жители Маракаибо укрылись в Гибралтаре и Мериде; я должен прибавить, что они были приняты самым дружелюбным образом и что им сделали прием, которого заслуживало их несчастье. Когда все жители разместились, дон Фернандо д'Авила, воин старый, который не дремлет и составил себе знаменитое имя в фландрских войнах...

— Сократи похвалы,— перебил Монбар, топнув ногой,— кажется, этот негодяй насмехается надо мною.

Шелковинка взглянул искоса на Монбара и, без сомнения, увидав, что минута неблагоприятная для обычных шуток, продолжал свой рапорт более серьезным тоном.

— Дон Фернандо д'Авила,— сказал он,— взял с собою четыреста солдат, к которым присоединились четыреста гибралтарских жителей, хорошо вооруженных. Этот избранный отряд наскоро построил окопы на берегу моря и сделал непроходимою дорогу к городу, а в лесу проложил другую дорогу — для отступления.

— Вот это хорошо рассказано, мой милый,— весело сказал Монбар.— А можешь ли ты мне объяснить, как выстроены окопы?

— Это очень легко.

— Расскажи же.

— Сначала вырыли ров глубиною в десять футов и шириною в пятнадцать, насыпав земли откосом со стороны города, потом за этим откосом воткнули колья, чтобы поддерживать его, и сделали амбразуры для пушек.

— А пушки поставили?

— Целых двадцать пять.

— Гм!— сказал Монбар, качая головой.— Нам будет трудно овладеть этими окопами.

— Ба!— весело сказал Филипп,— разве мы не взяли Вяхиревый островок?

— Это правда, но он не был так крепко защищен. Что делают испанцы, малютка?

— Ждут вас; они уверены, что потопят всех нас.

— Это мы посмотрим.

— Да,— прибавил Филипп, смеясь,— тем более, что мы плаваем довольно хорошо; что вы решили, адмирал?

— Отправляйтесь на ваш корабль, любезный Филипп, вы скоро получите мои распоряжения.

— Итак, мы идем туда?

— Сегодня же, друг мой; вы довольны?

— Я в восторге.

— До скорого свидания; возьмите с собою этого молодца.

Филипп вышел вместе с Шелковинкой.

— Теперь мы остались вдвоем,— обратился юнга к Филиппу.

— Как вдвоем?

— Да,— сказал мальчик с добродушной улыбкой,— у меня есть к вам письмо.

— Письмо ко мне?— вскричал молодой человек, вздрогнув,— точно?

— Вот оно.

Он подал ему запечатанное письмо. Филипп схватил его и прочел с безумной радостью.

— Добрая милая Хуана!— прошептал он, целуя письмо несколько раз.— Итак, ты ее видел, Шелковинка?

— Кого это?— спросил мальчик с лукавым видом.

— Ту даму, которая мне пишет.

— Разумеется; уж как она вас любит, капитан, да какая она прекрасная и добрая! Это она меня прислала.

— Она ничего тебе не сказала?

— Извините, она все говорила о вас; я не кончу никогда, если стану повторять.

— Но ты знаешь, по крайней мере, где она живет?

— Еще бы! Я жил у нее в доме; я без труда отыщу ее.

— Ты останешься со мною; мы будем говорить о ней; ты мне расскажешь все, не правда ли?

— Я очень буду рад, если это доставит вам удовольствие, капитан.

— Я буду иметь о тебе попечение; ты добрый мальчик.

В тот самый день пушечный выстрел с адмиральского фрегата призвал все команды на корабли; запаслись провизией, взяли с собою пленных, и флот снялся с якоря, оставив только один корабль перед Маракаибо, чтобы не допустить возвращения испанцев и обеспечить владение городом.

Донна Клара на бригантине, которою командовал Данник, и в сопровождении своего верного Бирбомоно хотела следовать за экспедицией. Флибустьеры приняли это намерение с криками радости и признательности.

Переезд продолжался три дня; уже город показался флибустьерам с многочисленными загородными домами, опоясывавшими его; Монбар умолчал о сведениях, которые сообщил ему Шелковинка, и приказал Филиппу ничего не говорить, что тот позаботился исполнить. Он понимал важность молчания в экспедиции такой серьезной, затруднительность которой могла привести в уныние его товарищей, как ни были они храбры.

При виде мер, принятых для обороны, залитых полей, испорченных дорог, палисадов и батарей, устроенных на берегу, Береговые Братья почувствовали на несколько минут ощущение, неизвестное им, и были поражены таким сильным паническим страхом, что Монбар понял, что все погибнет, если он не поправит этого самым скорым образом.

Флаг, поднятый на адмиральском фрегате, созвал тотчас военный совет, составленный из начальников флота и самых храбрых флибустьеров в экспедиции.

Когда все собрались в залу совета, Монбар встал и, прежде чем кто-нибудь успел подать свое мнение, решительно заговорил.

— Братья,— сказал он кротким голосом,— я созвал вас

на мой корабль, потому что с такими людьми, как вы, надо идти прямо к цели и говорить все как есть. Я не хочу от вас скрывать, что многочисленные затруднения угрожают успеху нашей экспедиции. Испанцы, узнав о взятии Маракаибо, успели приготовиться принять нас; они удалились сюда, чтобы блистательно отмстить за прошлые поражения. Солдаты их многочисленны и привыкли к войне, начальники опытны и поклялись умереть, но не сдаться. У них много пушек большого калибра и, конечно, большие магазины с боевыми снарядами. Вы видите, что я не скрываю от вас истины и обнаруживаю ее вам; но Береговых Братьев напугать нельзя, они не слабеют перед препятствиями; если испанцы так решительны, это потому, что все их богатства спрятаны в Гибралтаре. Надо завоевать эти сокровища, которые нас ждут, или потерять их вместе с жизнью. Если мы останемся победителями — а это будет,— посмотрите, какая драгоценная добыча обещана вашему мужеству! Для чего фортуне сделаться неблагосклонной к нам после стольких милостей? Разве я уже не начальник ваш, человек, которого прозвали Истребителем? Следуйте моему примеру. Вспомните то время, когда, менее сильные, чем нынче, мы только тогда считали своих врагов, когда повергали их к нашим ногам; не будем ниже нашей славы; если опасность велика, победа довольно богата, чтобы вознаградить наши усилия.

Эти слова, произнесенные твердым голосом и с резкими движениями человеком, которому они доверяли больше всех, произвели на флибустьеров необыкновенное действие; в них пробудились те сильные страсти, увеличение которых решало их успех; трепет гнева пробежал по рядам, пыл сражения, надежда на грабеж засверкали в их глазах. Монбар понял, что он выиграл свое дело и что могущество его все то же над умами его товарищей.

Не желая дать остыть этой восторженности, которою выгоды его требовали воспользоваться как можно скорее, он велел немедленно взяться за оружие.

— Вперед, братья!— закричал он громовым голосом.— Если я паду, отмстите за мою кровь кровью испанцев. Но

если один из вас поколеблется или отступит, знайте, что трус, недостойный жить между нами, будет умерщвлен моим топором. К оружию, к оружию, братья!

— К оружию! К оружию!— закричали флибустьеры, махая кинжалами.

Эти крики, повторенные всем флотом, довели до неистовства пыл и восторженность флибустьеров.

На восходе солнца пятьсот человек, вооруженных только короткой саблей, парой пистолетов и тридцатью патронами, высадились на берег. Это были люди, старательно выбранные между экипажем флота. Ступив на берег, они обнялись, как люди, которым не суждено более увидеться, а потом, исполнив этот обряд, решительно пустились в путь.

Вел их бедный испанец, взятый в Маракаибо, которого надежда на богатую награду привлекла на сторону флибустьеров. К несчастью, этот человек не знал распоряжений, сделанных губернатором, а с другой стороны, сведения, доставленные Шелковинкой, были недостаточны. Монбар скоро приметил это.

Проводник привел флибустьеров к дороге, проложенной в овраге, но они увидали, что по ней идти невозможно. Дорога эта там и сям была прорезана широкими ямами с острыми кольями; они принуждены были воротиться и сделать обход через лес; но их остановили другие препятствия, сделанные самою природой. Однако они дошли на ружейный выстрел к испанским окопам; но вдруг земля провалилась под ними и они увязли по колена в вонючей тине. В ту же минуту шесть пушек засыпали их картечью.

Однако ничто не остановило их; они продолжали подвигаться с решимостью, способной испугать самых смелых солдат.

— Проходите через нас, мы победили!— кричали флибустьеры, которые падали изувеченные на грязную землю.— Вперед, братья, вперед!

Наконец флибустьерам удалось пройти это болото, в котором они боялись потонуть; ноги их стали на твердую почву, мужество удвоилось. Они думали, что преодолели

самые главные затруднения, когда вдруг из глубины чащи, окружавшей их, раздался залп. Батарея в двадцать пять пушек загремела у них сбоку.

Самые храбрые были опрокинуты, другие колебались и не смели идти вперед; ужас сообщился всей колонне. Батарея усилила огонь, ветер смерти пронесся над флибустьерами, ряды их сбились, и масса нападающих в беспорядке отхлынула к болоту.

Если быстрая помощь не подоспеет к флибустьерам, они погибнут, и победа останется за испанцами.

Но Монбар тут. Он видел все. В сопровождении Филиппа, Мишеля Бискайца, Тихого Ветерка, Пьера Леграна, Питриана, Олонеца и сорока человек других, решившихся победить или умереть, он успел пробиться сквозь огонь батареи, не будучи ранен. Прежде чем успели навести на него пушку, он бросился в сторону и добрался до редута.

Но как идти на приступ без лестниц? Он заплатит жизнью за свою смелость. Филипп шепчет ему на ухо, Монбар улыбается. Флибустьеры поворачиваются и бегут с громкими криками. Испанцы, воображая, что имеют дело с испуганными остатками расстроенного отряда, слушаются только своего бешенства, выходят из своих окопов и устремляются со шпагами в руках на своих ненавистных врагов.

Но тогда сцена переменяется; именно этого ждал Монбар; флибустьеры оборачиваются, и начинается ужасная схватка. Испанцы, столь же храбрые, но не столь искусные, как их противник, в битве грудь с грудью, где сабля и кинжал — единственное оружие, хотели вернуться в свои окопы, тем более, что артиллерия не могла действовать в этой смешанной массе иначе, как убивая и друзей, и врагов.

Нечего ждать сострадания; кровь лилась потоками, сражение перешло в бойню.

Франкер приметил, что артиллерийский огонь редута погас; он собрал в кучу Береговых Братьев, оживил их мужество и привел на помощь Монбару. С этих пор победа

окончательно перешла на сторону флибустьеров, и они вошли в редут по груде мертвых тел.

Шестьсот солдат и жителей Гибралтара нашли смерть в этой битве, остальные сдались и были безжалостно умерщвлены победителями[1].

Монбар, покровительствуемый непонятным счастьем, не получил ни одной царапины. Но более шестидесяти флибустьеров заплатили жизнью за эту победу; сто двадцать с ужасными ранами скоро также лишились жизни.

Гибралтар был принужден сдаться.

XXIII

МОНАКО

Дон Фернандо д'Авила, по прибытии в Гибралтар, нанял очаровательный загородный дом, на несколько ружейных выстрелов от города, но до такой степени скрытый в лесу, что нельзя было найти его, если не знать, где он находится.

Он снабдил его съестными припасами всякого рода, меблировал роскошно, потому что, в случае нападения флибустьеров, он хотел, чтобы этот дом служил убежищем его питомице.

Как только показался флибустьерский флот, губернатор поспешил отвести под конвоем преданных слуг донну Хуану и ее кормилицу в этот дом, где они на время находились в безопасности, потом отправился на место сражения, на пост, выбранный им для себя, который, разумеется, был самый опасный, приказав, однако, своим доверенным слугам держать наготове своих оседланных лошадей, для того чтобы в случае поражения обе женщины могли бежать в Мериду, куда он хотел отвезти их сам, если ему посчастливится выйти из сражения здравым и невредимым.

---

1 Рассказ об этой битве строго достоверен.

Итак, обе женщины остались одни в чрезвычайном беспокойстве, которое увеличивалось от пушечных и ружейных выстрелов, звук которых внятно долетал до них.

Донна Хуана слушала со страхом, смешанным с надеждой, этот шум битвы, не смея желать успеха ни той, ни другой стороне, потому что с одной стороны находился ее опекун, а с другой — человек, которого она любила. Не будучи в состоянии оставаться на месте, она беспрестанно переходила из одной комнаты в другую, выходила в сад, на двор, стараясь таким образом обмануть свое беспокойство. Наконец, не имея возможности преодолеть своего ужасного волнения, не рассчитывая последствий своего поступка или, лучше сказать, рассчитав их с тем иезуитством любви, которое оправдывает все, она решилась выставить наверху дома сигнал, о котором просил ее Филипп.

«Если испанцы победители,— говорила она себе,— это не будет иметь никаких последствий, и я не буду иметь недостатка в предлогах, чтобы объяснить этот сигнал; а если флибустьеры явятся сюда и увидят это знамя, оно сделается охраною, потому что это знамя одного из их главных начальников...»

Успокоенная этим рассуждением, донна Хуана взяла знамя, которое всегда носила с собою в шкатулке, схватила копье, которое нашла вместе с другими копьями у стены в передней, и решительно пошла на крышу дома.

В испанских колониях крыши всегда сделаны террасами, по причине прекрасного климата; они служат по вечерам местом отдыха. Во многих американских городах крыши делают в виде висячих садов и убирают цветами и растениями.

Крыша дома, в котором жила донна Хуана, была сделана таким образом; прибавили даже боскет из померанцевых и лимонных деревьев, в котором молодая девушка иногда искала убежища, чтобы без принуждения предаваться своим мыслям, устремив свои глаза на море, которое ясно виднелось с этого высокого места.

Когда молодая девушка дошла до террасы, она внятно

услыхала шум ожесточенной битвы, происходившей в глубине леса. Притом, место, увенчанное облаком дыма, сгущавшимся над деревьями, легко было узнать.

— Боже мой!— прошептала она, набожно сложив руки и падая на колени.— Боже мой! Спаси дона Фернандо! Боже мой! Спаси моего возлюбленного Филиппа!

В эту минуту шум удвоился со страшной силой; молодая девушка приподнялась, перекрестилась и решительно пошла к боскету, на вершине которого прикрепила шарф копьем, которое служило древком знамени.

Потом, бросив боязливый взгляд вокруг себя, чтобы удостовериться, что ее не приметили, она сошла тихими шагами и уединилась в своих комнатах.

Шум битвы мало-помалу утихал и наконец совсем замолк.

Несколько часов прошло в полном спокойствии, во время которого донна Хуана и ее кормилица, ничего не зная о случившемся, находились в ужасном беспокойстве.

Солнце спустилось к горизонту, темнота сменила свет, наконец целая ночь прошла, а сон не смыкал век донны Хуаны. Беспокойство молодой девушки становилось все сильнее, особенно от неведения, в каком она находилась, о том, что случилось в прошлое утро. Дон Фернандо, оставляя ее, обещал, если не сможет приехать сам, послать к ней гонца, который сообщит ей о результате нападения флибустьеров; прошли сутки, а гонец не являлся.

К восьми часам утра беспокойство донны Хуаны сделалось так сильно, что она не могла устоять и решилась во что бы то ни стало узнать, в чем дело. Не слушая возражений кормилицы и почтительных просьб слуг, заклинавших ее со слезами на глазах подождать еще, она оделась в мужской костюм, заткнула за пояс кинжал и пару пистолетов и приказала приготовить лошадь. Было много готовых оседланных лошадей; донна Хуана этого не знала; дон Фернандо отдал это приказание в ее отсутствие; слуги не хотели сказать этого молодой девушке и, чтобы выиграть время, пошли за лошадью в конюшню.

Прошло несколько минут, во время которых донна

Хуана ходила большими шагами по двору, прислушиваясь к малейшему шуму и чувствуя, что ее беспокойство увеличивается каждую секунду.

Вдруг она услыхала в кустах довольно большой шум, и показалось человек десять, среди которых она узнала дона Фернандо д'Авила.

Молодая девушка бросилась к калитке и поспешила отворить ее. Беглецы — в них легко было узнать беглецов по их беспорядочной и окровавленной одежде, по их бледным лицам — устремились на двор, калитка немедленно затворилась за ними. Дон Фернандо д'Авила был ранен; он шел с трудом, поддерживаемый одним из спутников. Приметив донну Хуану, он вскрикнул от радости.

— Я поспел вовремя! Благодарю тебя, Господи Боже мой! Лошадей, ради Бога! Скорей лошадей!

Но произнеся эти слова, он без чувств упал на землю. Силы изменили его мужеству. Донна Хуана бросилась к нему на помощь.

Дон Фернандо терял кровь из двух страшных ран; невозможно было в эту минуту думать о побеге. Молодая девушка приказала перенести своего опекуна в дом и начала оказывать ему попечения, которых требовало его положение, а спутников его поручила Чигале.

Эти бедные люди страдали не менее своего начальника; все были ранены более или менее; каждый шаг оставлял на земле кровавые следы. Было чудо, что они успели добраться до дома: так они были слабы и изнурены.

Нечего было сомневаться; один вид этих людей говорил более самого подробного рассказа; это были беглецы, спасшиеся от смерти. Победу флибустьеров можно было прочесть на их чертах, искаженных испугом, и в диких взорах.

По распоряжениям Чигалы, их положили на соломе под навесом и перевязали раны.

Обморок дона Фернандо произошел от слабости, причиненной потерею крови и усталостью поспешного побега по непроходимому лесу; он скоро пришел в себя. Побла-

годарив донну Хуану, он старался встать. Молодая девушка не допустила этого.

— Вы слишком слабы,— сказал она кротко,— подождите несколько часов.

— Ни одного часа, ни одной секунды!— вскричал он запальчиво.— Нас преследуют, я уверен в этом; надо бежать, бежать сейчас. Если я слишком слаб, чтобы держаться на лошади, пусть меня привяжут, но повторяю вам, дитя, надо бежать сейчас; каждая минута, потерянная вами, вычеркнута из вашей жизни.

— Хорошо. Если вы требуете, я повинуюсь.

— Да, да, повинуйтесь; где мои спутники?

— Лежат под навесом.

— Хорошо. Велите слугам взять оружие; спешите, спешите!

Вдруг он привстал на диване, на котором лежал, прислушался и вскричал с выражением необычайного отчаяния:

— Слишком поздно, Боже мой! Слишком поздно! Вот они! Вот они! Заприте двери! Загородите все, или вы погибли!

Несмотря на усилия донны Хуаны удержать его, он бросился на двор, призывая слуг к оружию. Отрывистый лай слышался в лесу и быстро приближался к дому.

Скоро показалась огромная собака с взъерошенной шерстью, с высунутым языком; уткнув нос в землю, она как будто отыскивала след, и несколько раз слышался голос еще невидимого человека, который кричал по-французски:

— Ищи, Монако! Ищи, моя добрая собака!

Добежав до калитки, собака остановилась и залаяла еще сильнее.

— Проклятый зверь!— вскричал дон Фернандо с бешенством.— Это он нашел наш след и выдает нас врагам!

Он выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в собаку; но выстрел, дурно направленный, не попал в нее.

— Что вы сделали?— сказала ему донна Хуана.— Вы погубили нас!

Дон Фернандо с отчаянием опустил голову на грудь.

— Подожди, Монако,— продолжал голос.— Держись, моя собака, держись!

Нападение на дом было неизбежно. Испанцы думали только о том, как бы храбро умереть, защищаясь; мысль о сдаче не приходила им даже в голову. Они слишком хорошо знали своих свирепых врагов.

Первою заботою Филиппа по прибытии в Гибралтар было, как и в Маракаибо, бегом отправиться с Шелковинкой, служившим ему проводником, в тот дом, где жила донна Хуана. Но то же разочарование ожидало его: дом был пуст.

Напрасно молодой человек ходил из комнаты в комнату. Очевидные следы поспешного отъезда видны были на каждом шагу; молодой девушки не было. Филипп взял платок, забытый на стуле, платок еще влажный от слез, без сомнения, пролитых донной Хуаной перед ее отъездом. Филипп несколько раз поцеловал этот платок и вышел в отчаянии, не зная, в какую сторону направить шаги.

— Я знаю,— сказал Шелковинка,— что у дона Фернандо есть загородный дом в окрестностях; но где находится этот дом, я не знаю, потому что никогда там не был.

— Что делать?— прошептал Филипп, прижимая платок к губам, как будто надеясь, что эта легкая ткань откроет ему убежище его возлюбленной.

— Подождите, не все еще погибло!— вскричал Шелковинка.

— Что ты хочешь сказать?— с беспокойством спросил Филипп.

— Предоставьте мне; может быть, нам остается надежда.

Юнга приметил Данника, который в сопровождении своей собаки Монако гнался за испанцами.

— Эй, Данник!— закричал юнга.

Работник повернул голову.

— Что тебе надо?— спросил он.

— Мне ничего,— ответил Шелковинка,— капитан д'Ожерон хочет тебе что-то сказать.

— Я здесь,— ответил работник,— сюда, Монако!

Он подбежал к Филиппу, к которому чувствовал дружеское расположение после одной услуги, которую тот ему оказал.

— Чего вы желаете, капитан?

— Я?— с удивлением спросил молодой человек.

— Капитан хочет знать,— поспешил сказать Шелковинка,— так ли хорошо отыскивает Монако следы, как ты уверяешь?

— Стоит только испытать,— ответил работник, лаская свою собаку,— пусть ему покажут след людской или звериный, и он найдет его.

— Это мы увидим, старикашка, пойдем с нами. Если он найдет след, который ему покажут, ты получишь тысячу франков; хочешь?

— Еще бы! Это все равно что они у меня в кармане.

— Ба! Ты льстишь своей собаке.

— Монако хорошая собака,— серьезно ответил работник,— я ему не льщу.

— Хорошо, пойдем. Эта собака отыщет нам то, что мы ищем,— сказал Шелковинка Филиппу.

— О!— вскричал молодой человек.— Если б это было возможно!

— Кто нам мешает попробовать?

— Ты прав,— поспешно сказал Филипп,— попробуем.

— Ступайте за мною,— продолжал юнга.

Они пошли за город; Филипп, на замечание Шелковинки, что, может быть, им придется идти далеко, собрал по дороге человек тридцать флибустьеров, которые очень были рады следовать за ними.

Выйдя за город, они остановились.

— В которую сторону поворотить?— спросил Данник.

— Это зависит от твоей собаки; она должна нас вести,— ответил юнга.

— Дай понюхать это твоей собаке,— сказал Филипп Даннику, отдавая ему платок.

— Смотри, старик,— прибавил юнга,— дело идет о тысяче франков.

— Будь спокоен,— продолжал работник,— я тебе говорю, что все равно будто они у меня в кармане.

Он взял собаку за шею, дал ей понюхать платок и приласкал.

— Ищи, Монако,— сказал он,— ищи, моя добрая собака, ищи!

Монако несколько раз обнюхал платок, уткнув нос в складки, потом поднял голову и устремил на своего хозяина глаза, в которых сверкал почти человеческий разум. Данник пустил его. Собака тотчас уткнула нос в землю и начала бегать, описывая круг, все суживавшийся.

Вдруг она остановилась, подняла голову, два или три раза отрывисто залаяла и, взглянув на своего хозяина, помчалась прямо с быстротою стрелы.

— След найден,— сказал Данник.

— В погоню! В погоню!— вскричал Филипп.

Флибустьеры бросились по следам собаки.

Было около семи часов вечера, когда юнга приметил Данника и когда ему пришла мысль употребить с пользою понятливость Монако. Солнце закатывалось. Несмотря на поздний час, флибустьеры решительно бросились вперед.

К двум часам утра собака, которую, из опасения потерять из вида ночью, вели на длинной веревке, выказала беспокойство и несколько раз возвращалась назад.

— Здесь перекрестный след,— сказал Данник.— Мы сделаем хорошо, если остановимся здесь до восхода солнца.

Никто не возражал; этот безумный бег в продолжение нескольких часов по дорогам, почти непроходимым, ослабил если не мужество, то по крайней мере их силы; сам Филипп был изнурен усталостью.

Остановились. Поместились кто как мог, чтобы провести ночь, и скоро заснули.

На рассвете флибустьеры проснулись; им достаточно было нескольких часов сна, чтобы возвратить силы. Собаку пустили снова, дав ей понюхать носовой платок; через две минуты она нашла след и пустилась так же скоро, как накануне, в сопровождении флибустьеров, во главе которых Данник беспрестанно кричал:

— Ищи, Монако! Ищи, моя добрая собака!

Этот вторичный бег продолжался долго; к восьми часам утра собака, которую флибустьеры потеряли из вида на несколько минут, начала бешено лаять.

— Что-нибудь есть,— сказал Данник.— Монако остановился.

— Поспешим!— вскричал Филипп, задыхаясь.

Данник опять стал подстрекать свою собаку; вдруг раздался пистолетный выстрел.

— Черт возьми!— закричал Данник, прыгнув как тигр.— Мою собаку убивают; держись, Монако, мы здесь, мы здесь!

Собака продолжала бешено лаять; наконец флибустьеры очутились перед домом, у которого остановился Монако.

— Кажется, мы дошли до конца следа,— сказал Данник.

— Славная собака!— вскричал Шелковинка.— И какая счастливая мысль пришла мне!

— Остановитесь,— сказал Филипп.

Он подошел и осмотрел дом; скоро радостное выражение показалось на его лице; он приметил знамя над боскетом.

— Наконец,— вскричал он с восторгом,— я нашел ее!

Не размышляя о неблагоразумии своего поступка, он пошел прямо к дому.

— Кто идет?— закричал грубый голос.

— Друг,— ответил он тотчас.

— У меня нет друзей между разбойниками; прочь, или я выстрелю.

Флибустьеры, предвидя битву, приготовили оружие. Но, против всеобщего ожидания, после этих грубых слов настало довольно продолжительное молчание, потом вдруг калитка отворилась, и показались двое; дон Фернандо д'Авила и донна Хуана в мужском костюме. Филипп хотел броситься к ней, молодая девушка удержала его движением руки.

— Что вам нужно?— спросил дон Фернандо мрачным голосом.

— Чтобы вы сдали этот дом, которого не можете защищать,— ответил Филипп.

— Сдаться вам!— сказал губернатор с горькой улыбкой.— Лучше умереть с оружием в руках.

— Ваша жизнь и ваше имущество будут сохранены.

— Да, как вы сохранили жизнь и имущество жителей Маракаибо и Гибралтара. Какое ручательство дадите вы мне в этом обещании?

— Мое слово, кабальеро, слово Филиппа д'Ожерона.

Наступило минутное молчание. Дон Фернандо с трудом сделал несколько шагов вперед, опираясь на свою шпагу.

— Выслушайте меня,— сказал он.

Молодой человек подошел.

— Я опекун этой молодой девушки,— продолжал он мрачным голосом,— она сейчас призналась мне в своей любви к вам; как родилась эта любовь, я не стану расспрашивать теперь; она говорит, что вы честный человек и дворянин; поклянетесь ли вы мне уважать ее и защищать?

— Клянусь!

— Принимаю ваше слово; умирающим не лгут, а я умру.

— Сеньор!— вскричала молодая девушка.

— Молчите, донна Хуана, время не терпит, дайте мне кончить. Эта молодая девушка была мне поручена в детстве герцогом Пеннафлором. В этом бумажнике находятся доказательства моих слов, возьмите его.

Он вынул из кармана бумажник и подал его молодому человеку.

— Вы клянетесь, что честно сдержите ваше слово?

— Не только относительно донны Хуаны, но и относительно ваших товарищей и вас, клянусь вам!

— О! Я сумею обеспечить себя,— сказал дон Фернандо со зловещей улыбкой.— Бог мне свидетель, что во время моей жизни я старался исполнять обязанности христианина и солдата как честный человек; я умру, не упрекая себя ни в чем; донна Хуана, отворите дверь.

Молодая девушка поспешила повиноваться.

— Идите все,— сказал дон Фернандо твердым голосом,— бросайте оружие, вы пленники.

— Нет,— с живостью сказал Филипп солдатам, которые стали позади своего начальника,— сохраните ваше оружие, храбрецы; вы свободны; ступайте.

— Ступайте, ребята,— сказал губернатор, делая им рукою прощальный знак,— пользуйтесь позволением, так любезно дарованным вам, и поскорее укройтесь в безопасное место.

Видя, что они колеблются из привязанности к своему начальнику, дон Фернандо прибавил тоном, не допускавшим возражения:

— Уходите; я этого хочу.

Бедняги бросились в чащу, среди которой исчезли, а флибустьеры не повернули даже головы.

— Благодарю вас за ваш благородный поступок,— обратился губернатор к Филиппу.— Донна Хуана, будьте счастливы, сохраните воспоминание обо мне в вашем сердце; я любил вас как отец.

— О, мы не расстанемся!— вскричала молодая девушка, бросаясь к нему на шею.

Он печально улыбнулся.

— Мы расстанемся скорее, чем вы думаете, бедное дитя,— прошептал он, целуя ее.— Я благословляю вас!

Он отстранил ее рукою и обернулся к Филиппу, который неподвижно и внимательно стоял перед ним.

— Такой старый солдат, как я, пощады не принимает и не отдает своей шпаги никому, даже такому храброму дворянину, как вы,— сказал он.— Прощай все, что я любил! Да здравствует Испания!

Прежде чем можно было догадаться о его намерении, он выхватил из-за пояса пистолет и прострелил себе голову. Донна Хуана вскрикнула с отчаянием и бросилась к нему; Филипп подхватил ее на руки бесчувственную.

— Молчите обо всем, что происходило здесь, товарищи,— сказал молодой человек флибустьерам.

— Клянемся!— ответили они, невольно взволнованные этой трагической и неожиданной сценой.

— Ей-Богу, жаль, что он убил себя!— вскричал Данник.— Храбрый был солдат, клянусь моей душой!

XXIV

ДОБЫЧА

Прошел месяц после взятия Гибралтара; флибустьеры вернулись в Маракаибо; правда, возвращение их походило скорее на побег, чем на торжество.

Флибустьеры бежали не от людей, а от врага гораздо страшнее и неумолимее: чумы.

Мы в двух словах расскажем причины появления чумы, заставившей победителей так поспешно ретироваться.

Испанские пленные были навалены как попало в церквах; женщины и дети, старики, даже рабы, все находились вместе. Их заперли и забыли о них; они умерли с голода, и их страшные крики ни на минуту не отвлекли флибустьеров от грабежа, который они, по своему обыкновению, методически организовали, принося с честностью, замечательной в подобных людях, все вещи в общую массу, в ожидании раздела.

В первое время трупы испанцев валили на негодные лодки и топили в море; но флибустьерам скоро надоела эта отвратительная работа, так что пленные, умиравшие от голода в церквах, и флибустьеры, погибавшие каждый день от ран в своих домах, не были прикрыты землею и становились добычею насекомых и хищных птиц.

Эта возмутительная небрежность принесла плоды: открылась чума, что было неизбежно в таком жарком климате. Много флибустьеров умерло почти скоропостижно; у других раскрылись прежние раны и сделался антонов огонь.

Наконец смертность сделалась так велика, что флибустьеры поняли, что если они останутся долее в Гибралтаре, то ни один не вернется на Черепаху.

Монбар отдал приказание к отъезду, однако прежде послал двух флибустьеров к беглецам, спрятавшимся в лесу, сказать, что если в два дня они не заплатят десяти тысяч пиастров, то город будет сожжен.

Срок прошел, деньги не являлись. Монбар, неумолимый

как всегда, велел зажечь город. Немногие жители, оставшиеся в городе, бросились к ногам свирепого флибустьера, обещая двойной выкуп, если он пощадит остатки их опустошенных домов. Монбар согласился на новую отсрочку; двадцать тысяч пиастров было отсчитано; к несчастью, половина города была уничтожена пламенем.

Так простились флибустьеры с несчастным Гибралтаром, где оставили только обломки и трупы[1].

Жители Маракаибо вернулись в свой город; возвращение флибустьеров снова повергло их в отчаяние. Монбар наложил контрибуцию в тридцать тысяч пиастров, если жители хотели избавиться от нового грабежа. Сопротивление было невозможно, жители согласились.

Тогда флибустьеры овладели городом, и пока главные жители Маракаибо собирали обещанный выкуп, они под предлогом, что монастыри и церкви не включены в договор, принялись с беспримерным рвением грабить украшения с алтарей, распятия, священные сосуды и даже колокола, иронически отвечая на робкие возражения жителей, что они хотели употребить эти вещи на сооружение капеллы Божьей Матери Побед на острове Черепаха.

Наконец тридцать тысяч пиастров было заплачено флибустьерам, и жители, желая, чтобы они поскорее удалились, дали им сверх того пятьсот быков на прокормление флота.

В первый раз верные своему обещанию флибустьеры приготовились оставить страну, так страшно опустошенную ими, когда вдруг Монбар узнал от Франкера, которого он посылал на рекогносцировку на бригантине, что многочисленная испанская эскадра крейсирует в виду берегов. Это известие, которого, без сомнения, ожидал Монбар, причинило ему сильную радость и изменило его намерения относительно отъезда.

Знаменитый начальник знал, что люди, которыми он командовал, мало заботились о славе без барыша и что, если он не примет предосторожностей, они его бросят, если

---

1 Исторически верно.

по выходе из озера он должен будет принять сражение, которое, по всей вероятности, предложит ему испанский адмирал. А Монбар только в надежде на это сражение задумал экспедицию, столь смело проведенную и результаты которой были так выгодны для флибустьеров.

Он вдруг велит приостановить приготовления к отъезду, объявил о присутствии неприятеля со значительными силами и прибавил, что в ожидании приготовлявшихся событий, вместо того чтобы делить добычу на Коровьем острове, как было условлено заранее, раздел будет произведен в Маракаибо, чтобы каждый, вступив в обладание своими богатствами, защищал их с большим жаром, если придется вступить в бой с испанцами.

Решение это было благоприятно принято флибустьерами, которые, несмотря на доверие к своим начальникам, очень желали сами распоряжаться своею добычей.

Назначено было сойтись на другой день, в восемь часов утра, в главной церкви Маракаибо, которая была приготовлена для их приема.

В назначенный час флибустьеры вошли в церковь с оружием и молча стали направо и налево; для начальников были поставлены скамьи, и они садились по мере прибытия их команд. Посреди церкви лежала огромная груда награбленных вещей, двойная добыча из Маракаибо и Гибралтара.

Флибустьеры слушали обедню в глубоком благоговении, молились усердно и оставались на коленах во все время службы.

По окончании обедни адмирал встал со своего места и, протянув руку к Евангелию, поклялся, что он ничего не скрыл из общей массы и имеет притязание только на законную долю, назначенную ему уставом.

По окончании этой церемонии сосчитали добычу, которая оказалась, считая вещи и сломанное серебро, оцененное в десять экю за фунт, на огромную сумму шестьсот тысяч пиастров, то есть на три миллиона франков на наши деньги, не считая пятидесяти тысяч пиастров, или двухсот пятидесяти тысяч франков наличными деньгами,

награбленными матросами, которые, по обычаю, предоставили им.

Отложив долю короля, отдали каждому флибустьеру его долю, сделав, однако, вычет для раненых и хирургов эскадры, что было им выплачено деньгами и рабами; потом долю умерших отложили для их родных и друзей, когда они представят подлинные доказательства в своей личности.

Следует сказать, что раздел кончился без ссоры и к полному удовольствию каждого.

Когда все флибустьеры ушли и в церкви остались одни начальники, кавалер де Граммон остановил их в ту минуту, когда они собирались выйти из церкви.

— Извините, братья,— сказал он,— я имею предложить важное замечание совету.

— Говорите,— ответил адмирал от имени всех,— мы слушаем вас.

— В нашем договоре сказано, что всякая добыча, считая и невольников, должна быть поровну разделена между нами.

— Это действительно написано в договоре,— ответил Монбар.

Флибустьеры сделались внимательны. Де Граммон разменялся взглядом вызова с Филиппом и продолжал со злою улыбкой:

— Каким же образом один из нас, главный офицер во флоте, словом, человек, который по своему званию и имени обязан подавать пример не только бескорыстия, но и честности, сам взял себе невольницу и скрыл ее от раздела?

— Если кто-нибудь из нас сделал этот дурной поступок,— строго сказал Монбар,— он виновен вдвойне: во-первых, в том, что обманул своих братьев, а потом в том, что изменил договору и клятве, свободно произнесенной над Евангелием при всех; скажите нам имя этого человека, и он будет наказан.

— Этот человек...— начал де Граммон насмешливым тоном.

Но Филипп положил ему руку на плечо и перебил его.

— На это я должен отвечать, кавалер де Граммон,— сказал он,— потому что вы обвиняете меня; позвольте же мне помешать вам сделать низость.

— Низость!— вскричал де Граммон, заревев как тигр.

— Я произнес это слово и стою на нем; я дам вам удовлетворение, когда вам будет угодно.

— Сейчас.

— Кончим прежде первое дело, так некстати начатое вами; другое придет в свою очередь, будьте спокойны.

— Успокойтесь, де Граммон, а вы, Филипп, говорите. Что вы можете сказать в вашу защиту?— сказал Монбар с холодным спокойствием.

— Женщина или, лучше сказать, молодая девушка, о которой идет речь, действительно была взята мною в плен; правда и то, что я не поместил ее с невольниками в общую долю. Я могу сослаться на слова самого Монбара, который в награду за то, что я придумал эту экспедицию, дал мне право сохранить для себя невольника или невольницу, каких я захочу. Я уверен, что Монбар не откажется от своего слова.

— Конечно нет!— вскричал адмирал.— Капитан Филипп говорит правду; я думал, что власть, дарованная мне братьями, дает мне право предложить это недостаточное вознаграждение человеку, которому мы обязаны такой богатой добычей.

— Вы имели это право, брат,— сказал Пьер Легран,— говоря таким образом, я, кажется, передаю чувства наших братьев.

— Да, да!— ответили начальники.

— Де Граммон неправ,— ответил Тихий Ветерок.

Капитан закусил губы до крови, чтобы не отвечать.

— Стало быть, я совершенно оправдался в ваших глазах, братья,— сказал Филипп.

— Да, да,— закричали они.

— Благодарю вас; но я не буду оправдан в своих глазах, если не скажу вам всего.

— Говорите, брат, говорите!

Филипп повернулся к исповедальне, находившейся с правой стороны церкви, в боковой капелле.

— Пожалуйте, сеньора,— сказал он.

Исповедальня отворилась, и донна Клара подошла к начальникам. Те почтительно поклонились ей; поклонился ей и де Граммон с краской стыда на лице, потому что он начал понимать всю гнусность своего поступка.

— Господа,— сказала донна Клара,— на другой день после взятия Гибралтара, в шесть часов вечера, капитан Филипп привел ко мне в дом молодую женщину и старую служанку. Молодая женщина страдала ужасными нервными припадками; я предложила капитану оставить ее у себя и иметь о ней попечение; капитан именно этого и желал; он привел ее ко мне с этой целью. Эта молодая женщина заинтересовала меня; мне удалось ее спасти. Я просила капитана отдать ее мне; он отвечал, что услуги, оказанные мною экспедиции, оправдывают это требование с моей стороны и что с этой минуты я могу располагать участью этой несчастной молодой девушки. Вот как все было; с тех пор бедная пленница оставалась у меня, помогая мне всеми силами в предпринятой мною обязанности.

— Сеньора,— ответил Монбар со сдержанным волнением,— мы все обязаны благодарить капитана Филиппа за его благородное поведение в этом обстоятельстве; эта молодая девушка принадлежит вам.

Де Граммон преклонил колено перед донной Кларой.

— Сеньора,— сказал он задыхающимся голосом,— я поступил как негодяй, но вы ангел и меня простите.

— Встаньте,— сказала она кротким и печальным голосом,— я вам прощаю и сожалею о вас.

Донна Клара поклонилась флибустьерам, которые почтительно склонились перед нею, и медленными шагами вышла из церкви.

— Теперь, капитан,— обратился де Граммон к Филиппу,— я загладил относительно этой дамы сделанную мною ошибку, но вы...

— Остановитесь,— вмешался Монбар,— вы знаете

хорошо наши законы; разве вы не помните, что дуэли невозможны между Береговыми Братьями во время экспедиции и что вы подвергнетесь смертной казни, предлагая дуэль одному из своих братьев? Возвращайтесь на свой корабль, капитан; ни слова более вашему противнику; вы будете драться, когда приедете на Черепаху, а до тех пор ни угроз, ни вызова.

— Я буду ждать до Черепахи,— вскричал де Граммон с бешенством,— но тогда!..

— Тогда действуйте по-своему. Братья,— прибавил Монбар,— через час мы будем под парусами; приготовьтесь хорошенько принять испанцев, если они намерены оспаривать у нас проход.

— Пусть-ка попробуют!— вскричал Тихий Ветерок.

Они вышли из церкви и направились к гавани, где их ждали шлюпки.

Несмотря на предосторожности, принятые Монбаром, чтобы его товарищи, зная о присутствии испанской эскадры в озере, не знали, из скольких кораблей состоит она и сколько на ней людей, в ту минуту, как флот снимался с якоря, радостные крики жителей Маракаибо открыли всю истину флибустьерам.

Двенадцать военных кораблей, четыре тысячи шестьсот человек и четыреста пушек большого калибра стояли у входа в озеро и совершенно заграждали путь. Сверх того, Вяхиревый островок, разрушенный флибустьерами, был исправлен, снабжен многочисленной артиллерией и гарнизоном в пятьсот человек. Вице-король лично находился на эскадре.

Это громовое известие оледенило мужество самых неустрашимых авантюристов; они впали в глубокое оцепенение и не хотели пробивать себе путь.

Действительно, положение флибустьеров было самое критическое: их корабли, плохо вооруженные, не были в состоянии помериться силою с военными кораблями; сверх того, чума уничтожила около трети их товарищей, и, таким образом, число стражающихся, уменьшенное еще ранеными, неспособными принимать участие в сражении, значи-

тельно убавилось. Словом, было не более полутора тысяч человек, которые были в состоянии сражаться.

Между тем в Маракаибо прибыла бригантина под парламентерским флагом. Бригантина эта привезла начальникам экспедиции письмо вице-короля, в котором им предлагали сдаться. Письмо это кончалось страшным параграфом, который оледенил ужасом самых храбрых.

«Если завтра на восходе солнца я не получу двадцать атаманов, в числе которых должны находиться непременно Монбар Истребитель, Франкер, Филипп д'Ожерон, Пьер Легран, Олонец, де Граммон, Морган, Красивая Голова, я сам войду в озеро, возьму вас в Маракаибо, и хоть бы вы превратили этот город в горнило, я сумею вас захватить и поступить с вами как вы заслуживаете».

Письмо это, надменное и грозное, перешло ту цель, которую предположил вице-король; отняв у флибустьеров всякую надежду на успех, оно возвратило им их свирепость и неукротимую отвагу; они пришли в негодование, что с ними обращаются с таким презрением.

Монбар захотел, чтобы это письмо было прочтено всем Береговым Братьям.

— Я не узнаю вас, товарищи!— вскричал он.— Вы позволяете оскорблять себя таким образом человеку, который никогда не мерялся с вами? Или вы решились подвергнуться постыдному наказанию, которым дерзкий враг хочет заклеймить ваше мужество? Хорошо! Покоряйтесь, но я не стану разделять вашего малодушия. Я считал себя начальником неустрашимых корсаров; если я ошибся и вы более ничего, как бабы, дрожащие при звуке голоса испанца, я не хочу вас знать; вы свободны, ступайте, протягивайте ваши руки цепям и целуйте руку палача!

Эта пылкая речь была принята с глухим ропотом, краска стыда выступила на лицах флибустьеров, гнев возвратил им мужество.

— Веди нас на неприятеля!— закричали они.— Пока останется капля крови в наших жилах, веди вперед, Монбар! Даже раненые последуют за тобою ползком.

— Вы решились повиноваться мне?— спросил он.

— Да, да, приказывай, мы твои!

— Ну,— продолжал Монбар, снимая шляпу и приложив руку к сердцу,— клянусь вам, товарищи, что этот дерзкий испанец заплатит жизнью за свое хвастовство и что мы выберемся здравы и невредимы из засады, в которую он слишком рано льстит себя мыслью нас завлечь!

— Да здравствует Монбар!— с восторгом заревели флибустьеры.

При этих словах всякое опасение исчезло, флибустьеры были уверены в победе.

— А теперь,— продолжал Монбар,— поклянитесь, товарищи, что вы будете драться до последнего вздоха, не требуя пощады.

— Клянемся!— закричали они в один голос, махая оружием над головой.

Монбар обернулся к испанскому офицеру, который присутствовал возле него при этой сцене.

— Воротитесь к вашему начальнику, сеньор,— сказал он ему с презрением,— и перескажите ему, что вы видели и слышали; пусть он узнает, что Береговые Братья предписывают условия, но не принимают их никогда. Поезжайте, сеньор, ваше поручение исполнено; вам нечего больше делать между нами. Прощайте!

Офицер поклонился и вышел в сопровождении Моргана, который довел его до бригантины, чтобы защищить от оскорбления флибустьеров, которых много ходило по улицам и которые, будь парламентер один, зарезали бы его без всякого зазрения совести: так велика была их ненависть к испанцам, особенно в эту минуту.

Морган вежливо простился с парламентером и вернулся к своим товарищам, собравшимся на совет в ту церковь, где утром происходил раздел.

Очутившись в безопасности на своем корабле, испанский офицер вздохнул с облегчением; он не надеялся так дешево отделаться от подобных людей. Не теряя времени, он снялся с якоря, и через десять минут бригантина на всех парусах направлялась к фрегату вице-короля. Но офицер счел себя в полной безопасности, только когда флибустьерский флаг

совершенно исчез позади него и когда он увидал высокие мачты испанских кораблей.

XXV

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

Ненависть — дурная советница; герцог Пеннафлор, руководствуясь своею ненавистью к Монбару, сделал важную ошибку.

Если б он неожиданно вошел в озеро и напал на флибустьеров, испуганных его внезапным нападением во главе сил, в десять раз многочисленнее их собственных, нет никакого сомнения, что он победил бы их и принудил если не сложить оружие, то по крайней мере возвратить добычу и невольников и отказаться, может быть надолго, от смелых нападений на испанские колонии.

Но герцог Пеннафлор, ставя свою ненависть выше своей обязанности и поставив флибустьеров между бесславием и смертью, возвратил им всю их энергию и внушил намерение вести смертельную борьбу и надежду спастись посредством отваги.

У Оливье Оксмелена, флибустьера и хирурга флота, написавшего подробный рассказ об этой экспедиции, где он был действующим лицом, заимствуем мы подробности о средствах, употребленных Монбаром, чтобы выпутаться с честью из затруднительного положения, в котором он находился. Знаменитый авантюрист никогда не выказывал большей находчивости, как в этом обстоятельстве; мы должны сознаться, что и им также руководила ненависть, но эта ненависть не ослепляла его до такой степени, чтобы заставить забыть обязанности начальника; если он желал отмстить человеку, неумолимая месть которого преследовала его столько лет, он хотел прежде всего спасти людей, вверивших себя ему. Он действовал, соображаясь с этим,

оживив убеждениями упавшее мужество своих товарищей; он сам подал пример энергии и силы воли, пренебрегающей всеми препятствиями. Хитрость должна была сделаться самым могущественным его оружием для того, чтобы восторжествовать над испанцами; он хитрость и употребил.

Первым распоряжением его было обеспечить себя против вероятного возмущения пленных, которое поставило бы его в положение почти отчаянное. Пленные испанцы, аманаты, привезенные из Гибралтара, были по его приказанию крепко связаны и отданы под самый строгий караул.

Потом он выбрал между самыми большими кораблями самый старый, наименее способный держаться в море, и решил сделать из него брандер. Он велел перенести на этот корабль смолу и серу и то количество пороху, без которого он мог обойтись, потом сделал бомбы из смолы и серы, которые можно было бросать, как гранаты, и принял все меры, чтобы обеспечить успех этих ужасных разрушительных машин. Борт брандера был сделан тоньше, чтобы легче мог разорваться, когда наступит минута действовать. По его приказаниям на палубу положили чурбаны, грубо обтесанные и обернутые матросским платьем, в шляпах с широкими полями, с оружием и знаменами, так чтобы издали эти фигуры можно было принять за солдат, ожидавших неподвижно минуты стрелять в упор в неприятеля.

В боках сделаны были амбразуры, в которые поставили бревна, выкрашенные как пушки, подняли французский флаг; словом, находчивый гений Монбара не забыл ни малейшей хитрости, чтобы придать брандеру вид французского военного судна, хорошо вооруженного.

Эта адская машина была поставлена в авангарде. Другие корабли сгруппировались на небольшом расстоянии позади. В середине флота на одном корабле поместили всех пленных мужчин, женщин и детей, золото и драгоценные вещи — словом, вся добыча была помещена на корабле, которым командовал Тихий Ветерок и которому было приказано взлететь на воздух скорее, чем сдаться.

Окончив эти приготовления, флибустьеры съехали на

берег и отправились в церковь; потом, не делая никаких беспорядков в городе, опять уехали на корабли.

Жители невольно были поражены мрачными и решительными лицами флибустьеров; они поняли, что эти люди готовы пожертвовать своей жизнью, и внутренне дрожали при мысли о результате страшной борьбы, которая начнется между ними и испанской эскадрой.

Было около четырех часов вечера, когда все флибустьеры вернулись на корабли. Монбар не хотел сниматься с якоря до наступления ночи; он рассчитывал на темноту безлунной ночи, чтобы незаметно приблизиться к проходу.

Монбар шесть дней делал свои приготовления; несмотря на свой дерзкий вызов, испанцы не входили в озеро; ничто не показывало, чтобы они думали привести в исполнение свою угрозу и преследовать флибустьеров до Маракаибо.

Монбар ушел в свою каюту, удостоверившись в зрительную трубу, что во флоте все готово и что капитаны ждут только его сигнала, чтобы сняться с якоря. Через несколько минут дверь его каюты отворилась и вошли донна Клара и Франкер. Монбар сделал им приветствие рукою и пригласил садиться.

— Извините меня,— сказал он,— что я просил вас прийти сюда, особенно прийти вместе. Я желаю немедленно говорить с вами обоими.

— Я к вашим услугам, адмирал,— ответил молодой человек, поклонившись.

— Я жду, чтобы вы объяснились,— кротко сказала донна Клара.

Монбар молчал несколько минут, потупив голову и нахмурив брови; однако мало-помалу лицо его прояснилось; он поднял голову и заговорил тихим и сдержанным голосом, в котором слышались последние звуки едва сдерживаемого волнения.

— Я хочу дать вам объяснение,— сказал он,— особенно вам, дон Гусман.

— Адмирал, я уже не называюсь этим именем,— с живостью сказал молодой человек.

Донна Клара положила ему руку на плечо.

— Не прерывайте адмирала,— сказала она.

Молодой человек взглянул на нее с удивлением, но увидел на ее чертах такое выражение доброты и мольбы, что поклонился в знак согласия.

— Великий час, которого я жду столько лет, наконец настал,— продолжал Монбар.— Завтра на восходе солнца я увижу лицом к лицу, надеюсь, в последний раз, неумолимого врага, ненависть которого преследовала меня всю жизнь. Господь, суд которого непогрешим, будет судьей между герцогом Пеннафлором и мною.

— Герцогом Пеннафлором!— вскричала донна Клара, с испугом сложив руки.

— Герцогом Пеннафлором!— с изумлением прошептал молодой человек.

— Да, разве вы этого не знали?— продолжал Монбар с горечью.— Герцог Пеннафлор, вице-король Новой Испании, лично находится на неприятельской эскадре; увлекаемый ненавистью, он захотел присутствовать при гибели своего врага. Но оставим это и перейдем к вам, дон Гусман. Я не хотел против вашей воли увлекать вас в смертельную битву с человеком, который заботился о вашей юности и которого, до доказательств в противном, вы обязаны считать вашим благодетелем; я не хочу насиловать вашу совесть,— сказал Монбар с выражением жестокой иронии, которое заставило задрожать его слушателей.— Вы будете свободны оставаться нейтральным в битве, если ваши чувства побуждают вас к этому.

— Ах, милостивый государь!— вскричал Франкер.

— Подождите!— с живостью вскричал Монбар,— я еще не кончил.

— Боже мой!— прошептала донна Клара.— Что вы хотите сказать?

— Все,— ответил Монбар хриплым голосом,— потому что час открытий пробил, истина должна наконец обнаружиться; этот молодой человек должен быть судьей в своем собственном деле и сделать выбор между своим отцом и благодетелем!

— Моим отцом?— вскричал молодой человек.— Вы произнесли эти два слова: моим отцом!

— Да, дон Гусман, потому что все доказывает мне, что вы мой сын; бумаги, отданные умирающим доном Фернандо д'Авила Филиппу д'Ожерону, почти не оставляют мне сомнения на этот счет.

— Простите меня, я схожу с ума, я не понимаю; вы мой отец?

— Выслушайте меня. У герцога была дочь; я случайно спас жизнь этой дочери; в то время я был блистательным дворянином, исполненным веры, пылкости и надежды, и служил офицером во флоте французского короля. Герцог поощрял мою любовь к его дочери; он, так сказать, толкнул ее в мои объятия, а так как Франция и Испания были тогда в войне, он тайно обвенчал нас в Кадисе. Но через несколько дней после этого брака герцог вдруг увез от меня свою дочь, бежал с нею, и когда я пришел к нему в дом требовать моей жены, слуга отдал мне эту записку.

Монбар вынул бумажник из кармана, а из бумажника бумагу, пожелтевшую от времени.

— Вот что заключалось в этом письме,— сказал он.— Слушайте.

Он прочел голосом, дрожащим от гнева, а может быть, и от горести:

«Граф, вы не женились на моей дочери; я обманул вас ложным браком. Вы никогда ее не увидите... она умерла для вас. Уже много лет неумолимая ненависть существует между вашей фамилией и моей. Я вас не отыскивал, сам Господь свел вас со мною. Я понял, что Он предписывает мне мщение. Я повиновался Ему. Кажется, мне навсегда удалось разбить ваше сердце. Любовь, которую вы имеете к моей дочери, искренна и глубока. Тем лучше, вы будете более страдать. Прощайте, граф. Послушайтесь меня, не старайтесь увидеться со мною; на этот раз мое мщение будет еще ужаснее. Моя дочь выходит через месяц за того, кого она любит и кого одного она любила всегда.

Дон Эстеван Сильва, герцог Пеннафлор».

— О, это ужасно!— вскричал молодой человек, закрыв глаза руками.

— Это еще не все,— продолжал Монбар, холодно складывая письмо и кладя его в бумажник.— Я гнался за герцогом по Испании и Италии, я въехал вслед за ним во Францию, где нагнал его наконец в жалком местечке в нескольких лье от Парижа; я потребовал от него свою жену, потому что его дочь принадлежала мне; наша взаимная любовь обманула соображения ненависти; его дочь месяц тому назад родила сына, которого герцог отнял у нее прежде, чем она успела дать первый поцелуй этому невинному созданию.

— Пощадите, пощадите, ради Бога! Разве я недостаточно наказана!— вскричала донна Клара, в слезах падая к ногам Монбара.

Он смотрел на нее с минуту со странным выражением, потом наклонился к ней, нежно поцеловал ее в лоб и тихо приподнял.

— Горесть освящает; вы очень страдали, бедная женщина,— сказал он с волнением.— Будьте прощены.

— Моя мать! Это моя мать! О, сердце говорило мне это!— вскричал молодой человек, бросаясь в отверстые объятия донны Клары.— У меня есть мать! Боже мой! У меня есть мать!

— Сын мой! Ах, наконец!— вскричала в то же время донна Клара, прижимая его к груди.

Они смешали свои слезы и поцелуи.

— Увы! Вот после многих лет первая секунда радости, дарованная мне небом,— прошептал Монбар, опуская голову,— могу ли я возвратить счастье этим двум обожаемым существам?

Донна Клара вдруг оттолкнула своего сына и, указывая на Монбара, который смотрел на них, улыбаясь, сказала:

— А он?

— Отец мой! О да! да! мой отец! О, я его люблю!

Все трое соединились в одном объятии. На несколько минут было все забыто; счастье неожиданного соединения наполняло их сердца.

Первым Монбар сдержал свое волнение и возвратил хладнокровие.

— Теперь...— сказал он.

— О, ни слова более об этом, отец мой!— с жаром вскричал молодой человек.— Я нашел обожаемую мать, отца, которого я люблю и уважаю; чего более могу я желать? Что еще могу я узнать? Ничего. А герцог Пеннафлор, палач моего отца, тиран моей матери, развратитель моей юности, чудовище, которого я не хочу знать! Он мне не родной.

— Хорошо, сын мой!— радостно вскричал Монбар.

— Сын мой,— сказала донна Клара, положив руки на его плечи и глядя на него с мольбою,— это чудовище мой отец! Если Господь иногда позволяет отцам проклинать своих детей, он приказывает детям благословлять отцов.

— Матушка,— ответил молодой человек прерывающимся голосом, между тем как Монбар устремил на него взгляд со странным выражением,— Господь отвергает чудовищ человечества; вы ангел прощения, а отец мой и я...

— Молчи! Молчи!— вскричала она, закрывая ему рот рукою,— не богохульствуй...

— Я повинуюсь вам, матушка. Адмирал,— продолжал он тоном угрозы, всю важность которой тот понял, поклонившись Монбару.— Я ваш капитан; мое место в сражении возле вас; я требую этого места как принадлежащего мне по праву.

— Вы займете его,— ответил Монбар.

— О!— прошептала с горестью донна Клара.— Неумолимы оба!

В эту минуту дверь каюты отворилась, и вошел Филипп д'Ожерон.

— Извините, что я вошел так неожиданно, адмирал,— сказал он, поклонившись.

— Вы всегда для меня дорогой гость, любезный Филипп,— ответил Монбар.— Чего вы желаете?

— Адмирал, кормилица донны Хуаны в первый раз, как я был в Маракаибо, отдала мне перстень довольно дорогой цены; до сих пор я не решался расстаться с этим перстнем;

но так как через несколько часов у нас будет жаркая битва, в которой я могу быть убит, я подумал, что по этому перстню можно будет узнать родителей несчастной молодой девушки, я был обязан отдать его вам, чтобы присоединить к бумагам дона Фернандо д'Авила, относящимся к донне Хуане.

— Где же этот перстень?

— Вот он,— сказал Филипп, снимая его с пальца и подавая Монбару со сдерживаемым вздохом.

— Ваше желание будет исполнено, друг мой,— ответил Монбар, взяв перстень,— и если, сохрани Бог, вы будете убиты в сражении, я возобновлю вам клятву заботиться как отец об участи любимой вами женщины.

— Благодарю вас, адмирал, я ожидал этого от вашей дружбы.

Боясь, что не может долее сдерживать своего волнения, молодой человек поспешно поклонился и выбежал из каюты.

— Узнаете вы этот перстень?— спросил Монбар донну Клару.— Единственный подарок, который я сделал вам и который отнял у вас ваш отец во время вашего обморока.

— Как же это?— спросила она с беспокойством.

— Герцог поручил донну Хуану дону Фернандо, сказав ему, что она дочь ваша и дона Стенио де Бехара.

— О, он лгал!— вскричала она.

— Знаю, но эта ложь казалась ему необходима, чтобы отвлечь подозрения, между тем как ваш единственный сын был воспитан возле него с целью сделать из него убийцу или палача своего отца.

— Ах!— вскричала она с ужасом.

— Это правда,— холодно сказал молодой человек.

— Этот перстень, отданный впоследствии кормилице донны Хуаны, должен был, по мнению герцога, еще затемнить мрак; понимаете ли вы теперь всю важность этих адских соображений и лжи?

— О, это ужасно!— прошептала она с унынием.— Но эта молодая девушка?

— Я решительно не знаю, кто она; вероятно, также

похищена для гнусных планов мщения против вас и против меня. А теперь вы все еще прощаете вашему отцу?

— Повторяю вам, он мой отец, а Господь, в своем неисчерпаемом милосердии, сделал из прощения самую сладостную и самую великую добродетель.

Монбар устремил на нее взгляд, запечатленный глубокой нежностью, поцеловал ее в лоб и вышел из каюты, оставив донну Клару с сыном.

Разговор матери с сыном продолжался несколько часов, пролетевших для них как молния; только когда солнце исчезло за горизонтом и темнота спустилась на землю, Монбар опять пришел в каюту.

— Вы счастливы?— спросил он донну Клару, улыбаясь.

— Так счастлива,— ответила она,— что опасаюсь будущего.

— Будущее принадлежит Богу.

— Это правда,— сказала донна Клара, опустив голову; потом, вдруг приподняв ее и указывая Монбару на сына, она сказала энергически:— Поручаю его вам.

— Вооружитесь мужеством; ручаюсь вам за него,— отвечал он спокойно.— Капитан,— обратился он к молодому человеку,— капитан, велите поднять три зажженных фонаря на фок-мачте, пора сниматься с якоря.

Франкер тотчас вышел исполнить полученное им приказание.

— Вы должны отдохнуть несколько часов,— сказал Монбар,— эти волнения убивают вас.

— Нет,— отвечала донна Клара, указывая на распятие, висевшее на стене,— я буду молиться тому, кто держит нашу участь в своих руках, сжалиться над нами.

Монбар поклонился и вышел, не ответив ничего.

Приказание, отданное адмиралом, было тотчас исполнено; при появлении трех фонарей на фок-мачте корабли начали поворачиваться по предписанному порядку и прошли мимо Маракаибо.

Шли всю ночь. К трем часам утра легли в дрейф на два часа. На восходе солнца приметили испанскую эскадру, расположившуюся на якоре перед Вяхиревым островком,

крепость которого, совершенно восстановленная, казалась вооруженной очень грозно.

Вице-король, корабль которого находился в центре узкого канала, отделяющего остров Сторожевая Башня от Вяхиревого островка, принял вызов грозного неприятеля, дерзость которого казалась ему безумною.

Брандер был впереди флибустьерского флота; король, приняв его за адмиральский корабль, дал ему приблизиться, удивляясь, что с такой многочисленной командой и на таком коротком расстоянии он не начинает битвы. Он предположил, что флибустьеры, по своему обыкновению, хотят идти на абордаж. В этом убеждении он велел приостановить пальбу с намерением разгромить флибустьеров, когда они подойдут к их борту. Эта ошибка испанцев принесла огромную пользу Монбару; действительно, нескольких выстрелов, хорошо направленных, было достаточно, чтобы потопить этот корабль.

К несчастью для себя, испанцы поняли свою ошибку, только когда брандер подошел к ним. Все их усилия остановить его или переменить его направление были бесполезны.

Флибустьеры под командою Франкера отцепили брандер от буксирного судна, бросили эптер-дреки в реи корабля вице-короля и, бросившись в лодку, отъехали от места взрыва.

Дело было проведено так искусно, что когда вице-король хотел оттолкнуть брандер, было уже слишком поздно; однако он не потерял хладнокровия и немедленно велел матросам с топорами вскочить на брандер, чтобы обрубить его мачты и прорубить отверстие на дне. Но брандер уже загорелся внутри; первые удары топором проложили путь огню, который вырвался наружу с клубами дыма.

Пожар, раздуваемый северо-восточным ветром, приобрел в несколько минут такую силу, что корабль вице-короля не мог спастись; как ни велики были усилия матросов избавиться от пожара, погибель была полная. Менее чем в полчаса корабль пошел ко дну; большая часть команды погибла в волнах; только несколько человек, в числе

которых находился вице-король, добрались полумертвые от испуга до Вяхиревого островка.

Флибустьеры завязали отчаянную битву.

XXVI

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Между тем Монбар внимательно следил за событиями; он воспользовался тотчас смятением, возбужденным этим пагубным событием в испанцах, и направил своих смелых товарищей атаковать второй корабль, который был взят абордажем в ту самую минуту, когда корабль вице-короля погрузился в волны.

Де Граммон уцепился за третий корабль и поддерживал ожесточенную битву с испанцами, доведенными до отчаяния.

Борьба была серьезная; отражаемые несколько раз, флибустьеры возвращались с большим бешенством; они готовы были восторжествовать, когда де Граммон упал с головой, разрубленной топором. Флибустьеры, испуганные смертью своего начальника, стали колебаться; испанцы удвоили усилия, битва возобновилась.

Весь флибустьерский флот шел на испанскую эскадру, каждый корабль бросал эптер-дреки и вступал с неприятелем в битву грудь с грудью.

Битва была ожесточенная, беспощадная и с той и с другой стороны; четыре испанских корабля взорвались, а не сдались; другие, испуганные неудачей, думая только, как бы избегнуть угрожавшей им опасности, поспешно перерезали канаты и поплыли к Вяхиревому островку, защищаемому окопами, наскоро сделанными из развалин крепости. Высадившись на берег, они потопили свои суда, чтобы не оставить их во власти флибустьеров. Великолепная испанская эскадра, такая гордая и грозная, была уничтожена.

Битва продолжалась менее часа. Случившееся казалось чудом. Флибустьеры и сам Монбар не понимали, как в такое короткое время и потеряв не более пяти-шести человек они спаслись от положения почти отчаянного и одержали такую полную победу; велика была их радость; они обнимались, поздравляли друг друга с криками ура и возносили до небес имя Монбара, их спасителя.

Но этого торжества недостаточно было адмиралу; неприятель ускользнул от него, а он хотел поразить одного его; он решился тотчас взять приступом окопы Вяхиревого островка.

Флибустьеры бросились с неслыханным бешенством на эти окопы; они жаждали испанской крови и хотели уничтожить до последнего матроса эту эскадру, которая так сильно напугала их.

Вице-король, предвидя нападение, поспешил принять меры, чтобы серьезно сопротивляться.

Натиск был страшен; но вице-король так разумно расставил солдат на самых опасных пунктах, а те, зная, что им нечего ожидать пощады, сражались так энергично, что, несмотря на свое ожесточение, флибустьерам не удалось переступить за окопы.

Монбар, признав невозможность овладеть позициями, которые неприятель защищал с энергией отчаяния, принужден был отступить и отправиться на суда, понеся серьезный урон; этот приступ стоил ему ста двадцати человек убитыми и ранеными.

Несмотря на прежнюю победу и уничтожение испанской эскадры, положение флибустьеров не улучшилось: они все находились у прохода, через который должны были выйти в открытое море; испанцы, укрывшись на Вяхиревом островке, могли безнаказанно, по милости своей многочисленной артиллерии, топить их корабли по мере того, как они станут входить в канал; следовательно, их спасение заключалось в овладении крепостью; но они уже старались захватить ее, и безуспешно.

Серьезный урон, испытанный ими при нападении на испанцев, когда те еще не совсем укрепились в своей

позиции, привел флибустьеров в уныние, пробудил их опасения и заставил сомневаться в успехе предприятия.

Один Монбар не отчаивался; несмотря на просьбы своих товарищей, которые уговаривали его вступить в переговоры с вице-королем, даже отдать ему добычу, награбленную в Маракаибо и в Гибралтаре, он остался непоколебим в своем намерении овладеть крепостью и силою пробиться в открытое море. Он напомнил флибустьерам клятву повиноваться ему во всем и сражаться до самой смерти, насмехался над их малодушием и отвечал на все их возражения, что если они вверили ему свое спасение, то должны исполнять его распоряжения, не тревожась о последствиях, которые касались его одного.

Тут мы опять уступим место Оливье Оксмелену, этому личному свидетелю, у которого мы заимствовали уже не раз.

Будучи принужден отказаться от возможности проложить себе путь силою, Монбар решил прибегнуть к хитрости. Вот что он придумал.

На другой день после приступа, на рассвете, он велел перевезти в лодках сотню флибустьеров на берег вне выстрелов с крепости, в место, покрытое высокой травой и густыми зарослями.

По его приказанию, эти флибустьеры, посидев несколько часов в зарослях, вернулись один за одним в свои лодки, по-индейски, ползком, чтобы их не приметил гарнизон в крепости. Добравшись таким образом до лодок, они там легли, и лодки, по наружности пустые, были отведены гребцами на корабли.

Этот странный маневр повторялся целый день в виду испанцев, чтобы убедить их, что команда со всех кораблей высадилась на берег.

Это действительно так и случилось. Обманутые этим притворством, испанцы, в убеждении, что в следующую ночь флибустьеры непременно атакуют крепость с берега, поставили все свои пушки у этого пункта, так что одна сторона моря осталась почти без защиты.

На это-то заблуждение и рассчитывал Монбар. Он воспользовался им со своей обычной ловкостью. К десяти

часам вечера лодки с вооруженными людьми высадились на берегу Вяхиревого островка, флибустьеры бросились к окопам, в то время как корабли беспрепятственно прошли в канал и начали бомбардировать крепость.

Испанцы, поняв наконец хитрость неприятеля, спешили привезти назад свои пушки и воспротивиться атаке кораблей; но было уже слишком поздно: флибустьеры находились уже среди них с ревом вызова и бешено махая оружием.

Борьба грудь с грудью завязалась между врагами, борьба страшная, где по милости ловкости и телесной силы, превосходившей силу испанцев, выгода окончательно должна была остаться на стороне флибустьеров.

Однако испанцы, побуждаемые отчаянием и решившись пожертвовать своей жизнью, сопротивлялись храбро и замечательно стойко, отступали только шаг за шагом и падали только мертвые; каждый дюйм земли, приобретаемый флибустьерами, стоил им потоков крови; ожесточение было одинаково с обеих сторон; каждый понимал, что надо победить или умереть.

Лунные лучи, освещая битву, делали ее еще ужаснее, позволяя сражающимся наносить верные удары.

Вице-король, несмотря на свои преклонные лета, показывал чудеса храбрости; он поспевал повсюду, поощряя своих солдат и голосом и примером.

Битва продолжалась таким образом около двух часов, горячая, лихорадочная, ожесточенная, и ни та, ни другая сторона не ослабевала. Никто не мог предвидеть конца этой ужасной резни; вдруг послышался крик: «Вперед!»— крик, произнесенный громким голосом Монбара. Знаменитый флибустьер, в сопровождении самых храбрых своих товарищей, ворвался в самые густые испанские ряды, опрокидывая, уничтожая или разгоняя всех, находившихся на его пути.

Флибустьеры удвоили усилия; испанцы почувствовали себя погибшими; их поддерживало одно отчаяние; они сражались не затем уже, чтобы победить, но чтобы пасть с оружием в руках, предпочитая смерть стыду и мукам рабства.

Монбар, вне себя от гнева, ищет саблей в неприятельских рядах и хриплым голосом зовет герцога Пеннафлора, отыскивая в толпе одного его.

Вице-король отвечает на крик своего врага; он с отчаянием бросается к нему навстречу, хочет поразить его, вдруг его схватывают сзади, опрокидывают и обезоруживают; когда Монбар подбегает наконец к герцогу, он останавливается с ревом бешенства и отчаяния: враг его в плену у Франкера и Филиппа д'Ожерона. Молодые люди бросились вместе на вице-короля и схватили его.

— О!— вскричал Монбар тоном невыразимого упрека.— Вы похитили у меня мое мщение! Вы, мои верные друзья!

— Нет,— ответил Филипп,— мы, напротив, обеспечили его.

Франкер потупил голову.

— Этот человек не должен умереть в сражении,— сказал он.

— Это правда,— продолжал Монбар,— это правда, ей-Богу! Умереть таким образом было бы для него честью! Благодарю, дети!

Оба переглянулись, между тем как Монбар бросился опять в битву.

Взятие вице-короля, скоро сделавшееся известным, было сигналом поражения испанцев; их сопротивление было машинально, и скоро немногие, оставшиеся в живых из этих храбрых солдат, были принуждены положить оружие.

Через два часа флибустьерский флот окончательно покинул эти уединенные берега, оставив за собою только развалины и трупы.

В Порт-де-Пэ было празднество. Флибустьерский флот вернулся с торжеством из своей достославной Маракаибской экспедиции и привел свои корабли, нагруженные золотом.

Береговые Братья, не заботясь, как всегда, о завтрашнем дне, спешили растратить в страшных оргиях богатства, стоившие им столько крови, опасностей и усталости.

Испанские невольники, за исключением вице-короля, были размещены по временным тюрьмам, пока будут проданы жителям и буканьерам. Герцог Пеннафлор и

некоторые офицеры, к несчастью оставшиеся в живых после последней битвы, содержались в доме губернатора в ожидании выкупа.

Состоялся большой флибустьерский совет под председательством д'Ожерона. На этом совете Монбар получил поздравления губернатора с успехом экспедиции, которою он так блистательно руководил. Адмирал холодно принял эти поздравления, только потребовал, чтобы ему был выдан вице-король. Напрасно д'Ожерон противился этой просьбе, но так как Монбар ссылался на права флибустьерства и так как большая часть флибустьеров приняла сторону адмирала, д'Ожерон должен был уступить. Он согласился выдать герцога Монбару, но потребовал отсрочки на неделю; в свою очередь Монбар был принужден принять это условие и удалился с тайным бешенством.

В эту неделю д'Ожерон имел несколько секретных разговоров со своим племянником и его другом Франкером; губернатор дал молодому человеку тайное поручение. Уже шесть дней никто не видел Франкера в Порт-де-Пэ.

И Монбар сделался невидимкой; он заперся в своем доме, и дверь его была безжалостно заперта для самых коротких друзей; только для двоих было сделано исключение: Тихого Ветерка и Мишеля Бискайца. Исключение это не удивило никого: все знали, что эти два человека — самые старые его товарищи и имели к нему неограниченную преданность.

Наконец неделя, которую потребовал д'Ожерон, прошла. Утром на восьмой день губернатор послал сказать Монбару, что он готов отдать ему пленника. Флибустьер нахмурил брови, получив это известие; он подозревал засаду под этой наружной сговорчивостью губернатора. Однако, не обнаруживая волновавших его чувств, он тотчас вышел из дома и отправился к губернатору в сопровождении Тихого Ветерка и Мишеля Бискайца.

Губернатор ждал Монбара в гостиной. Он принял его чрезвычайно вежливо и самым естественным тоном пригласил следовать за ним в комнату пленника.

Монбар рассматривал с минуту чистосердечную и открытую физиономию губернатора.

— Одно слово,— сказал он.

— Два, если хотите, друг мой,— ответил д'Ожерон.

— Вы называете меня вашим другом?— сказал Монбар с некоторой недоверчивостью.

— Конечно, разве вы не друг мой?

— Это правда; вам известно, что герцог Пеннафлор мой смертельный враг?

— Знаю.

— Вы знаете также, что я намерен ему отмстить?

— Я в этом убежден; но я знаю также, что отмщение будет достойно вас.

— Вы будете сами судить. Итак, мы играем в открытую игру.

— Да, в открытую, друг мой; вы можете взять пленника, если хотите. Вы, кажется, только этого и желаете?

— Только этого. Пойдемте же.

— Пойдемте.

Монбар в сопровождении двух флибустьеров пошел за губернатором.

Пройдя несколько комнат, д'Ожерон отпер последнюю дверь, и Монбар вошел в комнату, в которой находился герцог Пеннафлор. Герцог был не один, с ним находилось несколько лиц.

Это были маркиз дон Санчо, его сын, донна Клара, донна Хуана, Франкер, Филипп д'Ожерон, а несколько далее майордом Бирбомоно.

Приметив Монбара, герцог встал, сделал к нему два шага и церемонно поклонился.

— Я ждал вас с нетерпением,— сказал он, не давая ему времени заговорить первому.

— А!— произнес Монбар задыхающимся голосом, бросая сверкающий взор на окружающих его особ.— Благодарю за добросовестность, с какою вы держите ваши обязательства,— обратился он к д'Ожерону с выражением горького презрения.

— Подождите,— хладнокровно ответил губернатор.

— Граф,— сказал герцог,— я знаю, что я ваш пленник, и готов следовать за вами; но прежде чем вы исполните

мщение, которое, без сомнения, замышляете против меня, я прошу вас дать мне несколько минут. Мне более восьмидесяти лет; жизнь моя не может продолжиться долго,— сказал он с горестной иронией,— я знаю, что час искупления, наконец, для меня настал.

— Мне нечего слушать вас,— возразил Монбар мрачным голосом.— Человек, который всю жизнь преследовал меня без всяких причин в неумолимой ненависти; человек, погрузивший меня в бездну горести, из которой ничто не может меня извлечь; человек, наконец, побежденный мною и находящийся в моей власти, не может малодушным и поздним раскаянием растрогать мое средце и склонить его к состраданию.

Лихорадочная краска покрыла лицо герцога. Он печально переглянулся с сыном, но продолжал кротким голосом:

— Не малодушное и позднее раскаяние предписывает мне мое поведение,— сказал он,— моя ненависть к вам теперь, когда вы держите меня в своей власти, так же сильна, как двадцать пять лет тому назад; я вас ненавижу и буду ненавидеть до последнего моего вздоха.

— А! Я теперь вас узнаю!— вскричал Монбар.

— Только,— продолжал герцог, не обращая внимания на этот перерыв,— прежде чем отдам себя в ваши руки, я дам вам объяснение при присутствующих.

— Я не знаю,— с достоинством возразил Монбар,— какое право имеют они присутствовать при объяснениях, лично касающихся нас.

— Отец мой не так выразился,— сказал тогда маркиз,— и чтобы прекратить сомнение, которое может лежать на моем здесь присутствии, позвольте мне сказать вам, что мое присутствие не имеет ничего неприязненного для вас и что я не только чувствую себя обязанным вам, но имею глубокое уважение к вашему характеру.

— Но как же вы оправдаете это присутствие?

— Разве я не сын герцога Пеннафлора? Какого другого оправдания требуете вы от меня?

— И я также вам скажу: это мой отец,— сказала донна Клара, с мольбою сложив руки.

— Он заботился о моем детстве,— прошептал Франкер, на которого Монбар бросил вопросительный взгляд.

Флибустьер не отвечал; брови его нахмурились, голова опустилась. Присутствующие ждали с беспокойством. В комнате господствовало печальное молчание.

— Итак,— сказал Монбар через минуту,— женщины, дети, друзья, все соединились, чтобы вырвать добычу у льва, чтобы лишить его мщения, надежда на которое придавала мне столько лет мужество жить и бороться с горестью, раздиравшей мне грудь! О, горе мне, что я не имел мужества разбить себе сердце, когда дал страшную клятву отмстить! Презренный я человек, позволяя себе растрогаться слезами и просьбами!

— Милостивый государь,— надменно сказал герцог,— я не умоляю и не прошу.

— О, молчите!— вскричал Монбар.— Разве вы не видите, что мне вас жаль и что я вас прощаю?

— Прощаете мне!— сказал герцог.

— Молчите, говорю я вам; я вам прощаю, потому что окружающие вас добры, и я не хочу возложить на них ответственность за вашу гнусность; потому что простил вашей дочери ее слабость, потому что, наконец, несмотря на все ваши усилия, вам не удалось сделать негодяя из моего сына. Ступайте, вы свободны. Я даже не возьму с вас выкупа. Маркиз, я возвращаю вам вашего отца.

— О, какие оскорбления!— с бешенством вскричал герцог.— Берегитесь, не все еще кончилось между нами; я могу заставить дорого поплатиться за ваше презрение.

Монбар с пренебрежением пожал плечами.

— Теперь вы ничего не можете сделать, слабый старик,— с иронией сказал он.— Все ваши темные проделки обнаружены и уничтожены даже относительно этой несчастной молодой девушки, которую вы хотели выдать за ребенка вашей дочери, между тем как она дочь одного из доверенных ваших слуг. Доказательства ее происхождения находятся в моих руках. Вы побеждены, потому что вы остаетесь один, окруженный презрением всех, знающих вас. Какую более горестную муку, какое более ужасное

наказание могу я наложить на вас, как не оставив вам эту презренную жизнь, за которую вы еще цепляетесь? Вы будете жить, потому что я этого хочу; слышите ли вы? Потому что я пренебрегаю мстить вашей слабости и вашему бессилию бороться долее против меня.

— О, ты умрешь, негодяй!— вскричал герцог, бросаясь на Монбара с кинжалом в руке.

Монбар вырвал у него кинжал, отбросил его далеко и презрительно оттолкнул герцога.

— Прочь, убийца!— сказал он.

— О, побежден, опять побежден!— вскричал герцог с яростью.

— Да, побежден!— ответил Монбар.— Потому что, несмотря на мои поступки и преступления, Господь защищает меня против твоего гнева!

Но герцог не слыхал его: он изгибался в страшных конвульсиях на руках сына и дочери. Странная перемена произошла в его чертах, синеватая бледность покрыла его лицо, холодный пот выступил на висках; он долго поводил глазами, налитыми кровью, и все его тело судорожно подергивалось.

— Бог!— прошептал он глухим голосом.— Бог! Он все призывает Бога!.. О, злодей! Злодей!..

Вдруг герцог выпрямился, вырвался из рук удерживавших его, посмотрел на своего врага, бесстрашного и холодного, с выражением безумной ярости, сделал к нему шаг, поднял руку, как бы затем, чтобы ударить его в лицо, и закричал три раза хриплым голосом:

— Проклят! Проклят! Проклят!..

Но рука его бессильно опустилась, все тело дрогнуло от последних судорог, и он покатился, как дуб, пораженный громом, к ногам Монбара, который не сделал ни малейшего движения, чтобы уклониться от него, и ждал его с высоко поднятой головой и с улыбкой на губах.

К герцогу бросились и подняли его. Он умер. Его черты, искривленные предсмертным страданием, неподвижные и широко раскрытые глаза сохраняли еще после смерти выражение неумолимой ненависти, которое придало отпе-

чаток необыкновенного безобразия посиневшему лицу этого трупа...

Через два месяца после рассказанных нами событий люгер «Чайка» входил на всех парусах в дьеппскую гавань.

На палубе этого люгера восемь человек приветствовали со сладостным волнением любимые берега отчизны. Это были д'Ожерон, возвращавшийся во Францию по призыву короля Людовика XIV, Монбар, донна Клара, Филипп, донна Хуана, дон Гусман де Тудела, Чигала и Бирбомоно.

Филипп и донна Хуана, обвенчанные шесть недель тому назад, ехали провести медовый месяц в старый замок графов де Бармон — у Монбара и донны Клары, сердца которых, так давно оцепенелые от страданий, начали пробуждаться при виде чистого и безоблачного счастья молодых людей.

Д'Ожерон повез дона Гусмана ко двору представить тому, кого уже начинали называть великим королем.

Может быть, несмотря на планы уединенной жизни и счастья, мы опять найдем когда-нибудь наших действующих лиц между страшными флибустьерами на Черепахе, ведущих снова неумолимую войну с испанцами, потому что будущее принадлежит Богу, который в своем высоком могуществе располагает по своей воле человеческой судьбой.

Медвежонок Железная Голова

БЕСЕДА В ВИДЕ ВСТУПЛЕНИЯ, В КОТОРОЙ АВТОР СООБЩАЕТ ЧИТАТЕЛЮ, КАК НЕЖДАННО И НЕГАДАННО ОЧУТИЛСЯ РАССКАЗЧИКОМ СЛЕДУЮЩЕГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

В мое последнее путешествие в Америку, которое, скажу мимоходом, хотя числа и не означу, далеко не относится к такой древней эпохе, как делают вид, будто полагают многие из моих добрых друзей по печати. Судно, на котором я плыл из Гавра, вследствие шквалов, вынесенных у Малых Антильских островов, направило курс, пользуясь попутным ветром, на остров Святого Христофора, где поспешно укрылось, чтоб заделать значительную течь, грозившую ему потоплением, несмотря на все усилия выкачать воду.

В одном из моих предыдущих произведений о Береговых Братьях говорится об острове Святого Христофора, этой колыбели флибустьерства. Оттуда вышли эти великие

отверженцы XVII века, чтобы напасть, как стая врагов, на острова Черепаха и Сан-Доминго.

Остров Святого Христофора не более 24 километров в длину подобно большей части Антильских островов, происхождения вулканического, горист и пересечен горным кряжем, высший пункт которого, Гора Мизери, потухший вулкан в 1128 метров высоты.

Остров в настоящее время в цветущем состоянии, очень населен и производит обширную торговлю ромом, сахаром, кофе, хлопком и т.п.

В XVIII веке французы называли его Тихим островом. Поговорка, некогда очень распространенная на Антильских островах, гласила: дворянство на Св. Христофоре, мещанство на Гваделупе, воинство на Мартинике, а мужичье на Гренаде.

Несмотря на бедствия, вынесенные этим островом в течение целого века, пока он, в силу Версальского договора, окончательно не был уступлен Англии, несколько французских семейств продолжали там жить и пользовались заслуженною славой благородства и высокого ума. Семейства эти, хотя и под покровительством Англии, однако остались верны своему отечеству по душе и, несмотря на свое происхождение от первых владельцев острова, считают себя чужеземными, не признавая другой власти, кроме французского консула в Бас-Тере, главном городе на Св. Христофоре.

Когда мы бросили якорь у Песчаного мыса, капитан предупредил меня, что мы простоим тут довольно долго, недели три по крайней мере.

В первую минуту я был раздосадован, но привычка к путешествиям и постоянным сношениям с людьми наделила меня, благодарение Богу, порядочною долею практической философии; я вскоре примирился с неожиданною неприятностью и стал искать средства провести предстоящие мне три недели наименее скучно.

Признаться, задача оказывалась нелегкою. Англичане мало доступны у себя и не чванятся особенною вежливостью к чужеземцам; в колониях же своих они просто недосяга-

емы. Впрочем, если говорить правду, я никогда не питал большого сочувствия к этим себялюбивым островитянам, холодным, неподвижным и надменным, которые изъявляют глубокое презрение ко всем иноземцам и, что бы ни говорили, французов ненавидят, да и те в долгу у них не остаются, в особенности в Азии, Африке и Америке, словом — везде, где эти новейших времен карфагеняне имеют конторы.

Итак, я ни минуты не подумал представиться местным властям или искать подступ в английское семейство. Чай расслабляет мои нервы, от британского же высокомерия меня коробит.

Перерыв все мои бумаги, я наконец отыскал рекомендательное письмо, данное мне на всякий случай накануне моего отъезда из Парижа приятелем, креолом с Гваделупы, который был в то время редактором одной из больших политических газет.

— Как знать, что может случиться?— сказал он, вручая мне письмо.— В ваших скитаниях по белу свету вы, пожалуй, попадете на остров Святого Христофора по обстоятельствам, которых никак предвидеть нельзя. Ваша англофобия мне известна, я и написал два слова моему родственнику, живущему, кажется, в окрестностях Бас-Тера, но где именно, не знаю. Я лично никогда не знавал его, так как не был на Св. Христофоре; но вы не стесняйтесь этим, смело явитесь с моим письмом, и будьте уверены, вас примут отлично.

Письмо это, вместе с другими, я положил на дно чемодана и забыл про него.

Слова капитана, грозное предсказание о трехнедельной стоянке, заставили меня вспомнить пренебреженное рекомендательное письмо, и я с движением искренней радости наконец отыскал его под кипой разных бумаг.

Письмо было адресовано графу Анри де Шатограну, землевладельцу на Св. Христофоре.

Этот драгоценный талисман я положил к себе в бумажник и съехал на берег.

Первою моею заботой, высадившись, было нанять

лошадей и проводника за два ливра (довольно высокую цену за путешествие едва двух часов) и направиться к Бас-Теру, куда прибыл в три часа пополудни.

Во все время пути я не перекинулся ни одним словом с моим проводником и тем внушил ему высокое мнение о своей особе; я довольствовался созерцанием природы, так как местность была живописная и до крайности гористая.

Надо отдать англичанам справедливость, что где бы они ни поселились, тотчас край принимает свойственный им отпечаток и они придают ему жизнь, движение и ту лихорадочную деятельность, которая составляет тайну их коммерческого преуспевания. Редко я видел, даже в Европе, лучше возделанные поля, дороги тщательнее поддерживаемые и прелестнее коттеджи.

Очаровательная эта картина приводила меня в восторг. Крошечный островок, затерявшийся в обширном Атлантическом океане, дышал довольством и благоденствием. Я почти стыдился в душе за нас, французов, неучей в деле колонизации, достигших, благодаря военной системе, так глубоко и вместе с тем так неудачно вкоренившейся в наших колониях, разрешения трудной, однако, задачи преобразить в несколько лет владения, самый плодородный и населенный край, в бесплодную, широко раскинувшуюся пустыню.

При входе в Бас-Тер проводник почтительно спросил меня, не остановлюсь ли я в гостинице «Виктория».

Во всех английских колониях есть гостиница «Виктория» и гостиница «Альбион».

Я попросил его вести меня прямо к дому французского консула.

Это был прелестнейший коттедж между двором и садом, на самой набережной.

Радостно дрогнуло мое сердце при виде широко развеваемого порывистым морским ветром милого нам трехцветного флага. За границей я шовен и, сознаюсь со всем смирением, вполне разделяю мнение храброго генерала Лалемана, который говорил, что каждый француз на

чужеземной почве должен быть представителем Франции и заставлять уважать ее в своем лице.

Звание вице-консула на Св. Христофоре приятнейшая на свете должность без дела, но с содержанием. В гавань не заходит и трех французских кораблей в год; вице-консулу приходилось бы сидеть с утра до вечера, скрестив руки, подобно генеральному консулу короля Сиамского в Париже, если б наш представитель на Антильском острове, человек в высшей степени образованный и фанатик-естествоиспытатель, не сумел создать себе собственных занятий, не оставляющих ему ни минуты свободного времени.

Господину Дюкрею — под этим псевдонимом я скрою настоящее имя этого превосходного человека, которому обязан, что не умер от сплина на Св. Христофоре — было около сорока пяти лет. Роста высокого и красивого сложения, он отличался изящным обращением; его открытое лицо с тонким и умным выражением было крайне симпатично; принадлежал он к одному из тех французских семейств, о которых упомянуто выше, и пользовался большим уважением даже со стороны местных английских властей.

Он принял меня отлично и тотчас заставил отослать проводника с лошадью, объявив, что я принадлежу ему на все время моего пребывания на Св. Христофоре. Черный слуга взял мой чемодан, а д-р Дюкрей провел меня в прелестную комнатку с окнами на гавань.

— Здесь вы у себя,— сказал, улыбаясь, радушный хозяин,— это ваша комната на все время, пока вы останетесь здесь.

Я хотел было протестовать, заметив, что вторжение чужого в дом сопряжено с неудобствами и во всяком случае стеснительно, если не в тягость.

— Во-первых, вы не чужой,— возразил он,— вы соотечественник, следовательно друг; во-вторых, вы совершенно свободны уходить, приходить, делать что угодно, и наконец я живу теперь один холостяком: жена моя и дочь гостят у близких родственников на Антигуа и не вернутся раньше, как через два месяца; не только вы не стесните

меня, но еще окажете истинную услугу, если попросту примете мое гостеприимство.

На это нечего было сказать; я пожал Дюкрею руку, и вопрос был решен.

Он оставил меня привести в порядок мой костюм, и спустя несколько минут я уже опять отыскал его.

О нашем прибытии его известили с утра. Он ждал капитана к обеду.

Я пожалел, что, спеша сойти на берег, не предупредил капитана о замышляемой мною поездке; но сделанного вернуть нельзя было.

— Еще я забыл сказать вам,— с улыбкой обратился ко мне хозяин,— что у нас звонят четыре раза в день: к завтраку, полднику, обеду и ужину, который подается в восемь часов.

— Стало быть, вы целый день едите?— со смехом спросил я.

— Почти,— ответил он так же смеясь,— в этом мы заимствовали английские обычаи, а вам, без сомнения, известно, что англичане много едят и в особенности пьют. Не пугайтесь, однако, у меня в доме едят и пьют только когда голодны и чувствуют жажду. Итак, вы предупреждены; впрочем, после звонка никого не ждут, чтобы садиться за стол; вам нет ни малейшего повода стесняться с нами. Как хотите, мой любезный гость, а я решительно и безвозвратно завладел вами в свою пользу. Что прикажете? Не часто завернет француз в этот дальний уголок, как же выпустить из рук того, кто случайно попал в наши края? Не желаете ли вы взглянуть на мои коллекции? Они довольно хороши и много заключают любопытного.

Я тотчас последовал за ним.

Дюкрей скромно называл своими коллекциями настоящий музей, занимавший пять больших комнат. С редким терпением и замечательным искусством он собрал в нем образцы богатой и разнообразной флоры Антильских островов, как Больших, так и Малых. Фауна также имела многочисленных представителей обоих видов, маммологического и энтомологического; потом шли минералы всякого

рода и свойства, караибские древности, открытые Бог ведает как, и все это было расставлено в порядке, с ярлыками и тщательным распределением, которому позавидовал бы директор нашего парижского музея.

Гумбольдт, д'Орбиньи и еще два-три знаменитых ученых посетили этот музей или эти коллекции, все равно как читателю будет угодно назвать, и остались поражены увиденным.

Было от чего; что касается меня, то я ничего не видывал любопытнее и занимательнее.

Три часа пролетело с необычайной быстротой посреди этих чудес, на которые я не мог достаточно налюбоваться; я мог бы пробыть тут до вечера, сам того не подозревая, если б черный слуга не пришел доложить о приезде капитана Дюмона.

Капитан ожидал вице-консула в гостиной и совсем оторопел, увидев меня, так как вполне был уверен, что я нахожусь на Песчаном мысе; но вскоре все объяснилось.

Через пять минут мы сидели за столом.

Сперва речь шла о Франции и событиях, совершившихся в ней в последние месяцы; капитан привез с собой пачку газет, которые подарил Дюкрею, и тот, не имея понятия о положении дел в Европе, был очень рад случаю ознакомиться с политикою своего отечества; потом приступили к обсуждению условий займа, в котором нуждался капитан для починки своего судна, и когда условия эти были закончены, разговор круто свернул на другое и естественным образом перешел не остров Святого Христофора. Тут вице-консул был в своей сфере и с обязательной снисходительностью ознакомил нас с правами креолов, живших на острове, с немногими удовольствиями и чрезвычайно ограниченным числом развлечений, представляемых краем для приезжих.

— Здесь живут несколько французских семейств,— сказал капитан,— они богаты и пользуются почетом?

— Можно сказать, что все богаты и очень уважаемы английскими властями, хотя между ними и англичанами нет ничего общего и сношения их весьма редки,— ответил

Дюкрей.— Все эти семейства остались верны своему отечеству, никакие убеждения, никакая лесть не могли побудить их принять английское подданство. Они упорно остаются французами. Дети их воспитываются во Франции, по большей части и служат там или в судах, или в дипломатии, или в войске, и, заплатив отечеству свой долг, эти воины, судьи или дипломаты возвращаются сюда кончать дни свои в мире и спокойствии.

— Знаете ли, что это просто чудо что такое!— воскликнул я в восторге.

— В этом нет ничего особенного,— добродушно заметил Дюкрей,— политика имеет свои требования, которым частные люди покоряться не обязаны; то же явление вы встретите почти во всех прежних французских владениях; но я должен сознаться, что эти предрассудки, так англичане называют нашу любовь к отечеству, здесь упорнее, чем где-либо в другом месте.

— Чему вы приписываете это?— осведомился я с любопытством.

— Остров Святого Христофора с самого начала принадлежал и французам, и англичанам в одно и то же время. По странной случайности, когда французские авантюристы высаживались на одном берегу, английские авантюристы сходили на противоположный берег. Эти искатели приключений сначала жили очень согласно, но потом французы вытеснили англичан и завладели всем островом. Англичане не раз тщетно пытались поселиться на нем опять; когда они захотят чего, как вам известно, то упорно добиваются своей цели; упорство — самое драгоценное их качество. Версальский договор окончательно решил вопрос в их пользу, но обговорено было право для французских семейств, которые пожелают остаться на Св. Христофоре, сохранять свою национальность; все эти семейства происходили от первых поселенцев, занявших остров, и каждое в числе предков имело по крайней мере одного из знаменитых флибустьеров, целое столетие бывших грозою Европы и ужасом Испании, могуществу которой нанесли первые и самые сильные удары.

— Итак, настоящие представители Франции потомки...

— Тех флибустьеров, которые познее завладели Черепахой,— перебил Дюкрей,— и большей половиною острова Сан-Доминго. Я сам правнук известного Дюкрея, который с сотнею людей всего-навсего овладел Гренадой и взял с нее выкуп; маркиз де ла Мотгербю близкий родственник д'Ожерону; барон Дюкас происходит от знаменитого флибустьера, назначенного Людовиком XIV начальником эскадры; кавалер дю Плеси, барон дю Росей, граф де Шатогран и кавалер Левасер — все потомки авантюристов, заслуживших громкую славу. Вы понимаете, что эти люди, предки которых основали владычество Франции в Америке, гордятся своей национальностью и не желают переселиться из края, откуда вышли их предки, предводительствуемые Монбаром, совершая великие подвиги.

— Разумеется, я понимаю это и горжусь за Францию этой безмерной верностью нашему общему отечеству; однако позвольте, кажется, вы упомянули в числе прочих имя графа де Шатограна?

— Действительно, упомянул,— ответил вице-консул со своей пленительной улыбкой,— и могу прибавить, что едва ли это не самое чтимое изо всех и дорогое нам во многих отношениях; разве вы знаете графа де Шатограна?

— Как же это возможно, когда я здесь в первый раз?

— Это ничего не значит, и наконец, вы могли знать Шатограна в малой отрасли; они родом из Антигуа, где до сих пор находятся еще несколько членов этого семейства.

— Нет, я просто имею рекомендательное письмо к графу Анри де Шатограну, которое мне дал перед отъездом из Парижа господин П... де С... из Гваделупы.

— О! Вы хорошо будете приняты графом Анри, и завтра же я представлю вас ему сам.

— Вы очень обязательны; однако позвольте осведомиться, кто же этот граф Анри де Шатогран, имя которого вы, по-видимому, произносите с глубочайшим благоговением?

Дюкрей улыбнулся и, облокотившись на стол, машинально вертел ножом.

— Граф де Шатогран,— сказал он спустя мгновение,—

натура избранная, великая душа. Таких людей природа создает, быть может, не более одного на сто миллионов. Вы представитесь ему. Итак, необходимо ознакомить вас с ним в двух словах.

— Очень буду обязан.

— Графу Анри де Шатограну теперь девяносто шесть лет; он высокого роста и с чертами выразительными, но вместе с тем тонкими и изящными, взор у него живой, неизъяснимою добротою дышит кроткое и умное лицо его, которому длинные серебристые волосы и белая борода придают печать особенного величия. Несмотря на глубокую старость, граф еще бодр, он держиться прямо и сложения сухощавого, сильного; верхом он ездит и охотится, словно сорокалетний; усталость и болезнь не имеют власти над этим могучим организмом; он создан, чтобы прожить полтораста лет, если не случится чего-нибудь непредвиденного. Каков он физически, таков и нравственно. После войны в Америке, в которой участвовал вместе с Рошанбо и Лафайетом, он последовал за бывшим своим генералом и другом во Францию; в 1780 году ему было двадцать семь лет; он находился в числе тех немногих дворян, которые с искренним энтузиазмом приветствовали только что занимавшуюся зорю эпохи Возрождения. Граф де Шатограп происходит из воинственного рода; разумеется, место его было в рядах войска. В 1792 году он отправлялся волонтером на северную границу; как адъютант Пишегрю он был при взятии Вейсенбургской линии; в 1795 году его произвели в генералы; позднее он последовал за генералом Бонапартом в Египет; день 18-го брюмера опечалил его; он понял, в какую бездну увлекала Францию слепая восторженность народа; герой Лоди и Пирамид шел исполинскими шагами к цели, которою задался; ослепленная толпа стремилась за ним вслед с громкими рукоплесканиями; это уж не был Бонапарт, но и не Август еще, а Цезарь, которому стоило протянуть руку к императорской короне и завладеть свободою, так дорого купленною пятнадцатилетнею исполинскою борьбой со всею вооруженною Европою; пробил последний час республики; граф де

Шатогран понял, что впредь все стремления Франции будут подавлены и поглощены славою одного человека; он с грустью покорился, сломил шпагу свою и навсегда простился с отечеством, оплакивая разлуку, и Францию, и судьбу ее; по возвращении на остров Святого Христофора он заперся как бы в неприступной цитадели, и с тех пор не расставался с ним более; вот какой человек граф де Шатогран. От каждой новой победы блестящей эпохи империи он содрогался, как раненый лев; исполинская мечта о воссоздании трона Карла Великого пугала его; уже с 1809 года он предвидел 1814 год, его предчувствие сбылось, он глубоко скорбел об этом, потому что за разбитым титаном видел трепещущее тело Франции, изнемогающей в борьбе с предсмертными муками; но остался верен своей клятве и своим убеждениям: он отверг все предложения. Услыхав о революции 1848 года, он грустно улыбнулся: «Где восторженность 1792 года?— сказал он.— Правительства насильно не навяжешь, каким бы именем ни назвать его; дважды не сделаешь одного и того же; тогда неудача или смешна, или жалка». С той поры он не упомянал более ни одним словом о политических событиях; живет он патриархально среди своей семьи, но глаза его постоянно обращены на Францию, за которую он пролил кровь на двадцати полях битв, из которой изгнал себя добровольно и которой не увидит более никогда.

Мы с капитаном слушали этот простой и прекрасный рассказ с глубоким сочувствием.

— Черт возьми!— воскликнул Дюмон,— ваш граф де Шатогран славный человек.

— Да,— согласился Дюкрей с доброю улыбкой,— это человек великой души, способный на все жертвы, и он умрет неизвестный отечеству, для которого столько сделал.

— Неблагодарность народов есть венец, Богом возложенный на великих граждан.

— Однако я не скажу более ничего, завтра вы увидите графа и сами сможете судить о нем. Господа, вот гаванские сигары, ручаюсь вам, что они отличные.

— Еще одно слово,— сказал я, выбирая сигару.

— Я слушаю.

— Граф де Шатогран также происходит от знаменитого флибустьера?

— Знаменитейшего, может быть из всех, потому что слава его всегда оставалась незапятнанною; он не был жесток, как друг его, Монбар Истребитель, не жаден, как Морган, не свиреп, как Олонец, не развратен и мстителен, как Прекрасный Лоран; флибустьер этот своими подвигами долго заставлял Испанию опасаться за свои колонии и заслужил даже уважение своих врагов.

— О! Так я знаю его имя!— с живостью вскричал я,— в летописях флибустьерства Оливье Эксмелена упоминается только об одном лице, которое подходит к начертанному вами великолепному портрету.

— А лицо это?— спросил, улыбаясь, вице-консул.

— Медвежонок Железная Голова.

— Так я вам скажу,— ответил Дюкрей, вставая, чтобы вести нас на террасу подышать свежим морским воздухом,— что граф Анри де Шатогран правнук Медвежонка Железная Голова.

Я буквально оторопел, так был далек от подобного предположения.

Несмотря на превосходную постель, предложенную мне Дюкреем, нервное возбуждение от напряженного любопытства было во мне так сильно, что всю ночь напролет я не мог сомкнуть глаз и меня даже нисколько не клонило ко сну.

Я с нетерпением ждал минуты, когда увижу человека, которого мне описали таким великим и в котором через четыре поколения воскресли, очищенные образованием, благородные качества его предка.

Надо сказать, что Медвежонок Железная Голова был из старых моих любимцев; сто раз читал я и перечитывал описание его прекрасной жизни, его удивительных приключений, его необычайных подвигов, у немногих авторов, посвятивших свое перо великим отверженцам XVII века, которые дали себе характерное название Береговых Братьев.

Но в жадно поглощенных мною отчетах о подвигах знаменитого авантюриста всегда оставались пробелы; вероятно, Оливье Эксмелен, правдивый писатель, который сам был действующим лицом в большей части с наивным добродушием передаваемых им сцен, и другие авторы, написавшие о том же предмете, знали пресловутого флибустьера, прозванного Медвежонком, только как общественного деятеля, героя, тогда как частный человек оставался для них неизвестным, нигде я не находил указаний на частную жизнь человека, который всегда являлся мне окруженный сиянием славы, однако должен же был любить, страдать и бороться, как все другие члены большой человеческой семьи.

Именно эти-то пробелы я жаждал пополнить, этих-то интересных подробностей я добивался.

Нет героя для камердинера,— сказал кто-то; слова эти, скорее правдоподобные, чем точные, подстрекали мое любопытство и побуждали меня исыскивать всеми средствами те мелочные подробности, которые так важны для изучения человека, если хочешь описать его верно.

К великому моему облегчению, занялся наконец день; однако, чтобы не дать моему доброму хозяину дурного о себе мнения, нельзя же мне было с бестактною поспешностью явиться к нему немедленно и поставить в необходимость сдержать данное мне слово.

Тем не менее к восьми часам утра я истощил весь свой запас терпения и сошел вниз.

Хозяин мой был уже совсем одет.

Он ждал меня, расхаживая взад и вперед по гостиной с сигарою во рту.

— А!— вскричал он, увидев меня,— вот вы и пришли! По-видимому, вы хорошо провели ночь.

— Превосходно,— ответил я, улыбаясь при мысли, что не смыкал глаз.

— Я на ногах с шести часов, все мои канцелярские дела покончены. Теперь я могу посвятить вам весь день.

— Не знаю, как благодарить вас за неисчерпаемую

обязательность, но все-таки мне совестно, что причинил вам столько хлопот.

— То есть, какие же это хлопоты, мой любезный гость?

— Во-первых, такие ранние занятия.

Дюкрей засмеялся.

— Вы шутите,— сказал он,— в колониях встают с зарей, чтобы воспользоваться утренней свежестью, и потому все дела делаются рано. Среди дня дома закрыты, и все спит.

— Ну вот!— вскричал я с досадой,— мне всегда такое счастье!

— В чем же собственно?— удивился он.

— Преглупая штука случилась со мною; представьте себе, что мое нетерпение видеть графа Анри де Шатограна так велико, что я всю ночь не мог заснуть ни на одну минуту и не вставал до сих пор от одного опасения потревожить вас, поднявшись с петухами.

— Судите сами, как вы заблуждались!— вскричал Дюкрей, смеясь.— Я уже заключил или, вернее, помог капитану заключить заем, в котором он нуждался, и добрых полчаса назад он отправился на Песчаный мыс с деньгами в кармане и очень довольный, могу вас уверить.

— Не сомневаюсь.

— Потом, как уже говорил, я покончил с делами в канцелярии, прошел по гавани, кроме того отправил к графу де Шатограну нарочного предупредить о нашем приезде, так что нас ждут к завтраку, и вернулся сюда выкурить сигару в ожидании вашего прихода. Надеюсь, вы теперь уже не думаете, что стеснили бы меня, если б сошли ранее. Но об этом не стоит более говорить; лучше выпьем по рюмке старого рома, закурим настоящие гаваны и на лошадей! Нам предстоит проехать с добрых три мили.

Сказано — сделано; через пять минут мы уже ехали, выпив превосходного рома и закурив не менее превосходные сигары. Двое черных слуг в ливреях следовали за нами верхом на почтительном расстоянии.

Утро было великолепное, воздух теплый, с легким свежим ветром; мы ехали по дороге, содержанной в таком же порядке, как аллея королевского парка, окаймлена она

была теми роскошными тропическими растениями, которые распространяют такую приятную свежесть; звонко пели тысячи птиц, укрывшись в листве, и, прыгая с ветки на ветку, странные маленькие обезьянки, которые водятся исключительно на острове Святого Христофора, делали нам уморительные гримасы.

Эти животные, заметим мимоходом, истинный бич для поселенцев, избавиться от них нет никакой возможности, а между тем они опустошают все поля.

После трех четвертей часа езды мы достигли подножия довольно высокого утеса, на вершине которого был построен дом или, вернее, великолепный замок, окруженный со всех сторон, кроме обращенной к морю, роскошной растительностью, он, так сказать, утопал в океане зелени.

— Видите вы этот замок?— спросил меня Дюкрей.

— Разумеется, вижу и нахожу великолепным.

— Преклоняйтесь же перед ним, мой любезный соотечественник; на месте, где теперь этот действительно великолепный замок, к которому мы направляемся, некогда стоял домик, построенный Монбаром по прибытии его в Америку, и первое его жилище на материке Нового Света; именно тут образовалась знаменитая экспедиция, которая должна была доставить Береговым Братьям остров Черепаха и часть острова Сан-Доминго.

— Гм! Место удачно было выбрано для гнезда хищной птицы, это настоящее орлиное гнездо.

— Или ястребиное; домик этот подарен был самим Монбаром своему матросу Медвежонку после блистательной картагенской экспедиции.

Разговаривая таким образом, мы поднялись на довольно крутой подъем, по которому шла дорога к замку, и достигли обширной площадки с террасами, окруженной стенами и деревьями; за решетчатыми воротами любопытной работы мы минут с пять ехали по широкой аллее, окаймленной молочаем и алоэ, когда остановились у мраморной лестницы полукругом, наверху которой стоял, ожидая нас, старик высокого роста, с длинною белою бородой, с кротким и вместе с тем гордым выражением лица.

По описанию моего хозяина накануне, я тотчас узнал графа де Шатограна; нельзя было ошибиться, так разительно оказалось сходство.

Прием нам был оказан самый радушный; граф только для вида взял мое рекомендательное письмо, едва бросил на него взгляд и, дружески пожав мне руку, выразил удовольствие видеть меня у себя. Он пошел вперед и привел нас в обширную гостиную, меблированную во вкусе конца XVIII столетия, то есть последних лет царствования Людовика XVI. Когда мы вошли, там не было никого.

Граф пригласил нас закусить. По гостеприимному обычаю креолов, в каждой комнате стоят наготове разные прохладительные яства, дабы гость не имел надобности даже выразить желание. Перед завтраком завязалась беседа, между тем как мы курили и закусывали.

Признаться, я был довольно рассеян; с самого моего входа в комнату внимание мое приковала великолепная картина с подписью «Филипп Шампань, 1672 г.», то есть это было одно из последних образцовых произведений великого живописца, так как он умер в 1674 году.

Картина имела колоссальные размеры, более пятнадцати футов в ширину, и одна висела в гостиной. Изображала она гористую местность на острове Сан-Доминго: направо шалаш, полуодетый человек, лицо которого едва было видно, на коленях вялил мясо, раскладывая его на подпорках; в глубине виднелись между деревьями дремучего леса испанские солдаты, вооруженные длинными копьями и, по-видимому, пробиравшиеся вперед с величайшей осторожностью.

На первом плане, точно живой и готовый выступить из рамы, стоял человек лет тридцати двух или трех в блузе из сурового полотна, покрытой жирными и кровяными пятнами, в широких штанах по колени, которые оставляли ноги обнаженными до сапожков из сырой звериной шкуры, и опоясанный кушаком из крокодиловой кожи, за пояс этот были заткнуты в большом чехле тоже

из крокодиловой кожи четыре длинных ножа слева и мешок с пулями да бычий рог справа.

Человек этот опирался скрещенными руками на дуло винтовки с серебряной оправой, поставленной на земле у самой левой ноги его; две гончие серого цвета с черными крапинками с широкой грудью и длинными висячими ушами и два кабана лежали вокруг него.

За исключением разницы в летах и цвете вороного крыла развевающихся волос и длинной бороды, падавшей на грудь, человек этот имел поразительное сходство с графом; это были те же черты, выразительные, тонкие и умные, тот же блеск во взоре; солнечный луч играл на лице и случайно наброшенная тень придавала ему отпечаток неизъяснимой грусти.

Не было сомнения, что это портрет, схваченный, так сказать, из самой жизни тех грозных флибустьеров или буканьеров на острове Сан-Доминго, которые не покорились могущественнейшим монархам.

Этот буканьер, вероятно, был предок графа, пожалуй сам Медвежонок Железная Голова.

Я так углубился в созерцание, что граф, наконец, приметил мое рассеяние и уловил по направлению моего взгляда причину его.

— Ага!— вскричал он с пленительным добродушием,— вы рассматриваете эту картину? Что вы скажите о ней, мой любезный соотечественник?

— Скажу, что это образцовое произведение, граф.

— Да, Филипп Шампань был в особенности гениальный портретист, как вам, вероятно, известно.

— Так это портрет?— воскликнул я с наивным лицемерием.

— Портрет,— гордо подняв голову, ответил граф,— это портрет моего прадеда, капитана с прозвищем Медвежонок Железная Голова; он хотел быть написан в своем костюме буканьера, когда возвратился во Францию после своей женитьбы.

— Как!— воскликнул я, но вовремя опомнился и прикусил язык.

Граф улыбнулся.

— Разве вы не знаете истории этого знаменитого предводителя Береговых Братьев?— спросил он.

— Весьма мало, граф, и очень жалею об этом, никогда я не интересовался больше чьей-нибудь биографией.

В эту минуту раздался звон, и граф провел нас в столовую.

Там нас ждало несколько лиц: три дамы и четверо мужчин, из которых двум было от двадцати до двадцати пяти лет.

Из четырех мужчин двое были зятья графа, а два младших — его племянники.

Граф представил меня, и мы сели за стол.

— У меня еще два сына,— обратился ко мне граф,— но они в отсутствии, один контр-адмирал и командир Бразильского поста, другой дивизионный генерал и в настоящее время, кажется, в Риме.

Я провел в замке два дня, так как граф ни за что не хотел отпускать меня в Бас-Тер.

Посещение свое я повторил, потом стал ездить все чаще и чаще, пока наконец не взял привычки приезжать в замок каждый день и проводить вечер с графом и его семейством.

Граф прекрасно говорил, что теперь встречается редко; хорошая и верная память снабжала его множеством остроумных анекдотов из последних годов царствования Людовика XVI и первых революций; он знал коротко все знаменитости этих двух эпох и рассказывал о них много чрезвычайно любопытного.

Он был дружен с Дантоном, Камилем Демуленом, двумя Робеспьерами, Сен-Жюстом, Футэ, и всех этих людей, которые имели такое громадное влияние на революцию, он показал мне в ином совершенно свете, чем тот, в котором я видел их до тех пор.

Граф не выражал суждения и не делал оценки сам, он просто передавал откровенно и точно, что сам видел и слышал, предоставляя слушателям выводить заключения из его слов.

Вечера пролетали с необычайной быстротой в этих

занимательных беседах, перемежаемых иногда, но очень редко, музыкою; замечу кстати, что фортепиано, этот бич, изобретенный для терзания нашего слуха, проникло теперь даже на невинный остров Святого Христофора.

Однако одно обстоятельство мучило меня: я часто пробовал навести разговор на буканьеров, и каждый раз граф отклонял мою попытку, словно он находил удовольствие дразнить меня, не допуская выразить ему прямо желание, постоянно вертевшееся у меня на языке.

Быстро миновал срок моего пребывания на Св. Христофоре. Капитан Дюмон кончил починку своего судна и перевозил теперь забранные съестные припасы и пресную воду; через два дня он снимался с якоря.

Грустно мне было расставаться с добрыми хозяевами, которые приняли меня, человека им чужого, с таким теплым радушием; я не решался проститься с ними и откладывал до последней возможности минуту разлуки, которая должна была быть вечною.

Однако следовало наконец собраться с духом и объявить о моем отъезде. На другое утро в восемь часов мы снимались с якоря, и с вечера уже мне надо было отправиться на Песчаный мыс, чтобы немедленно переехать на корабль.

Капитан сообщил мне, что шлюпка будет ждать меня у пристани до полуночи; было около восьми часов вечера, я не мог терять более ни минуты.

Расставание было очень тяжелое, это милое семейство привыкло ко мне и считало уже как бы старым другом, все пошли проводить меня до ворот, где ждал слуга Дюкрея с двумя лошадьми, которых этот превосходный человек одолжил мне для переезда.

Довольно долго длилось прощание, однако настала наконец минута разлуки, и я уехал.

В одиннадцать часов я был на Песчаном мысе и только что заносил ногу в ожидавшую меня шлюпку, как меня почтительно остановил слуга, мой проводник.

— Извините, барин,— сказал он,— его сиятельство граф изволили мне приказать отдать вам это и сказать, что они

посылают вам на память, чтобы вы не забыли семейство Шатогранов.

Я взял тщательно завязанный и запечатанный пакет, который он мне подал, вложил ему в руку луидор и сел в шлюпку.

Когда я проснулся на следующее утро, мы уже шли под парусами и остров Святого Христофора виднелся на небосклоне только синеватым облачком, которое вскоре исчезло совсем.

Тут я вспомнил о таинственном пакете, переданном мне от графа де Шатограна таким странным образом. Я распечатал его и вскрикнул от радостного изумления, даже из рук выронил. Поспешно подобрав его с пола, я тотчас запер на задвижку дверь моей каюты, чтобы никто не помешал мне, и, расположившись у письменного стола, тщательно разложил перед собою, что заключалось в посылке.

Во-первых, там была записка в несколько строк на мое имя следующего содержания:

«Любезный соотечественник,

Простите мне мое коварное удовольствие, с которым я, как бы нарочно, отклонял разговор каждый раз, когда вы заводили речь о моем благородном предке; это причуда старика, за которую вы не должны на меня сетовать.

Я разделяю ваше мнение, что буканьеры или флибустьеры XVII века мало известны или, что хуже еще, их знают в искаженном виде.

Слова: буканьер, флибустьер стали значить то-же, что грабитель, убийца, разбойник.

Однако ничего не может быть ошибочнее: флибустьеры скорее походили на портсмутских пилигримов, подобно им, они искали свободы совести и требовали свободных законов, сверх того, они еще стремились к свободе на морях, свободе в торговле и уничтожению гнусной, почти повсеместной монополии испанцев в Новом Свете.

Флибустьеры были свободные мыслители.

Франция обязана им своими лучшими колониями, Испания — падением своей власти.

Зло, сделанное ими, забыто, добро осталось; Франция воспользовалась им, заклеймив их именем пиратов, тогда как вела с ними переговоры, признавала их существование и покровительствовала им.

Это последнее оскорбление естественно вытекало из ее неблагодарности за громадные услуги, так великодушно ими оказанные, которые она должна была вознаградить.

Вы видите, любезный мой соотечественник, что я ничего не забыл из наших коротких бесед о флибустьерах и вполне разделяю ваш взгляд на них.

Примите на память о приятных часах, которые мы провели вместе, и моего искреннего к вам расположения прилагаемую рукопись; она вся руки моего прадеда и род дневника, где он ежедневно отмечал драгоценные сведения не только о себе самом, но также и некоторых самых известных своих товарищах.

С какой целью мой прадед вел этот дневник, я не знаю. Быть может, и он хотел писать историю флибустьеров; но если это было первоначально его намерением, он, без сомнения, отказался от него: я не нашел в архивах нашего дома ничего, что бы указывало на подобнай факт даже косвенно.

Верьте и т.д. Анри граф де Шатогран.

Я поспешил развернуть рукопись; дневник был писан на пергаменте, и в древности его не могло быть сомнения: пожелтевшие чернила, форма букв, правописание, все доказывало, что он действительно относился к половине XVII столетия.

На первом листе стояло:

«Заметки о некоторых самых замечательных авантюристах на островах Сан-Доминго и Черепаха, веденные авантюристом Медвежонком Железная Голова с лета от Р.Х. 1650 до 1690 включительно».

Граф не хотел отпустить меня, не удовлетворив наконец моего любопытства.

До глубины души остался я ему благодарен и принялся немедленно за чтение; остановился я только на последней странице.

Потом я тщательно убрал драгоценную рукопись.

Прошло несколько лет; много событий сменилось одно другим и заставило меня забыть про нее.

Однако несколько месяцев назад она попала мне под руку, когда я однажды рылся в моей библиотеке. Снова прочел я ее, и теперь еще с большим удовольствием, чем в первый раз.

Тотчас же я положил ее на стол передо мною и твердо вознамерился воспользоваться ею в самом скором времени.

Извлечения из этой рукописи я представляю читателю. Ему судить, прав ли я был, что извлек ее из забвения.

Что касается меня, то когда, несколько лет назад, случай привел меня на остров Святого Христофора, я был далек от мысли, что в этом почти неизвестном уголке мира меня ожидает такая удача.

А теперь, как говорят испанцы, простите ошибки автора.

Густав Эмар
Париж, 10 августа 1868 г.

I

ЗДЕСЬ АВТОР ЗНАКОМИТСЯ С КАПИТАНОМ МЕДВЕЖОНКОМ ЖЕЛЕЗНАЯ ГОЛОВА

В пятницу, 13-го сентября 16..., часу в восьмом вечера, гостиница «Сорванный Якорь», на самом берегу, почти напротив пристани, обыкновенное место сходки флибустьеров и буканьеров с Черепахи, пылала, как горнило, среди темной ночи, и оглушительный грохот криков, хохота, пения и треска битой посуды несся из отворенных свежему морскому ветру окон.

Множество жителей, буканьеров, флибустьеров, данников, женщин, детей и даже стариков с любопытством толпились у дверей и окон гостиницы, не обращая внимания на блюда, стаканы и бутылки, то и дело летевшие на них изнутри, и весело примешивая свои рукоплескания к неистовым ликованиям человек тридцати пирующих в большой зале вокруг громадного круглого стола.

В этот вечер в гостинице «Сорванный Якорь» был кутеж на буканьерский лад, то есть на все руки; от вина побагровели лица, засверкали взоры, забурлили головы.

Капитан, прозванный Медвежонком, один из самых страшных буканьеров на острове Черепаха, в то утро набрал

из Береговых Братьев экипаж в четыреста семьдесят три человека, и выбор он делал с величайшим тщанием из самых храбрых флибустьеров, находившихся в то время в гавани Марго, Пор-де-Пе или Леогане. В эту же ночь стоявший на рейде корабль «Задорный» должен был сняться с якоря, чтоб идти никто не знал куда.

Но капитан собрал перед отъездом в последнем пире всех своих старых друзей; самые знаменитые из флибустьерских начальников сидели за столом и восторженно пили за успех таинственной экспедиции Медвежонка.

Тут были и Монбар Истребитель, и Прекрасный Лоран, и Мишель Бискаец, и Тихий Ветерок, и Граммон, и Питриан, и Олонец, и Александр Железная Рука, и Давид, и Пьер Легран, и Польтэ, и Дрэк, и Рок Бразилец, и много других Береговых Братьев, не менее знаменитых и страшных.

Д'Ожерон, представитель власти Людовика XIV, губернатор острова Черепаха и французской части Сан-Доминго, сидел на почетном месте; по правую руку от него был Медвежонок, по левую — Пьер Легран, молодой человек двадцати пяти лет с тонкими и благородными чертами, младший начальник предпринимаемой экспедиции.

Остальные буканьеры сели как случилось.

Целая толпа данников, бедняков, едва прикрытых штанами и холщовою с жирными и кровяными пятнами рубашкою в лохмотьях, быстро и безмолвно, как привидения, сновали вокруг пирующих с блюдами, тарелками и жбанами, которые флибустьеры, в виде шутки, часто бросали им в голову, разумеется предварительно осушив.

Надо сказать, что в мнении Береговых Братьев, которые все почти прошли этот тяжелый искус, данник был просто вьючным животным, и они присваивали себе право на жизнь и на смерть этих несчастных в долгие пять лет их рабства.

Медвежонок, названный этим прозвищем, так как никто не знал настоящего его имени, был в то время лет тридцати двух, роста исполинского и силы необычайной.

Его черные глаза метали молнии, правильные и красивые черты носили отпечаток неизъяснимого благородства и силы воли, длинная же и густая черная борода, которая скрывала всю нижнюю часть его лица и падала веером на грудь, придавала его наружности выражение странное, роковое. Движения его были сдержанны, изящны, походка благородна, голос чист и благозвучен.

Подобно большей части Береговых Братьев, в жизни его была тайна, которую он тщательно скрывал.

Никто не знал, кто он и откуда; все относящееся до него, даже имя его было покрыто мраком...

Жизнь его была известна только с тех пор, как он прибыл на Берег.

Хотя и непродолжительная, она была самая мрачная и печальная.

В течение нескольких лет человек этот терпел жестокие муки и у него не вырвалось ни одной жалобы, ни разу не сломило его незаслуженное несчастье.

Против обычая буканьеров, он жил один.

Никогда он не хотел сойтись близко с кем бы то ни было, заключить братский союз матросства, как это говорилось у флибустьеров, который делал их так страшными для их врагов.

Словом, он был человек выходящий из ряда и, как выразились бы в настоящее время, оригинал.

Мы приведем два примера в доказательство того, что утверждаем.

Первое свидетельствовало о необычайной смелости в ту эпоху суеверия, в которой он жил: он не побоялся сняться с якоря в пятницу и 13-го числа с экипажем в четыреста семьдесят три человека.

Второе имело характер еще более оригинальный; куда бы ни шел капитан, он постоянно был сопровождаем двумя гончими и двумя кабанами, страшно свирепыми, однако жившими между собою в наилучшем ладу и преданными ему донельзя.

Даже теперь, сидя в гостях, он был неразлучен с постоянными своими спутниками, которые все четверо

лежали у его ног и то и дело получали остатки самых лучших кусков с его тарелки.

Капитан, прозванный Медвежонок Железная Голова, один из главных действующих лиц этого рассказа, потому мы изложим в немногих словах, что с ним было со времени его прибытия на Берег.

Лет шесть или пять до того времени, когда начинается наш рассказ, в порт Марго прибыло судно из Дьеппа, корабль был нагружен разного рода товарами, потребными в колониях; кроме того, на нем находилось восемьдесят пять данников, мужчин и женщин, которых агенты Индийской компании набрали во Франции за смешно дешевые цены, под предлогом, что они будут заниматься своим ремеслом в колонии, как, например, каменщика, плотника, тележника, даже живописца и доктора; Оливье Эксмелен, позднее сделавшийся историком Береговых Братьев, нанялся в Париже в качестве хирурга, а по прибытии на острова был продан и три года оставался невольником самого свирепого из флибустьеров на Сан-Доминго.

По обычаю, бедняки, о которых мы говорим, на другой же день после того, как их высадили, несмотря на все их заявления, проданы были с аукциона и присуждены на три года жителям и буканьерам, которые явились купить их.

Один из этих несчастных, красивый молодой человек лет двадцати шести хотел сначала протестовать против возмутительной несправедливости, которой был жертвой, но вскоре удостоверился, что ему нечего рассчитывать на поддержку со стороны местных властей и что требования его только вызовут насмешливый хохот или грубые шутки.

Итак, он склонил голову, по-видимому покорился своей участи и молча последовал за своим повелителем.

Новый хозяин его был буканьер из внутренних земель, по имени Пальник; без всякого образования, грубый и злой, он находил удовольствие безжалостно терзать своего нового данника, заставляя его носить тяжести свыше сил, колотя его без всякого повода по одной прихоти и не давая ему другой пищи, кроме объедков собак.

Данник все переносил без жалоб, жестокости противопоставлял терпение и только еще более силился угодить бездушному хозяину, в руки которого привела его роковая судьба.

Покорность эта нисколько, однако, не трогала буканьера; напротив, он видел в кротости и послушании своего невольника хвастливый вызов и усиливал свои притеснения, поджидая одного предлога, чтобы покончить с человеком, которого ничто, по-видимому, не могло вывести из себя.

Однажды в палящий зной несчастный данник шел, сгибаясь под тяжестью трех бычьих шкур, которые нес на спине уже несколько часов, с трудом следуя за хозяином. Тот ругал его все время напропалую и наконец, вне себя от упорного его молчания, хватил прикладом по голове. Бедняк грохнулся оземь весь в крови.

Данник не подавал признаков жизни, и хозяин, поглядев на него с минуту, счел его мертвым. Не заботясь о нем более, он взвалил себе на плечи бычьи шкуры и преспокойно пошел домой.

Когда случайно спрашивали, куда девался его данник, он просто отвечал, что тот сбежал.

Однако бедняк не был убит, даже не опасно ранен; как только отошел Пальник, он открыл глаза, встал и, хотя очень слабый еще, попытался пойти вслед за хозяином.

Но пробыв в Америке очень недолго, он не привык к ее степям, не зная способа направляться по этим обширным океанам зелени, сбился с дороги в лесу и проплутал несколько дней, не имея возможности определить, где находится, или добраться до моря. Если б удалось ему выйти на берег, он был бы спасен; но он, наоборот, с каждым шагом удалялся от дороги, которую тщательно отыскивал посреди неумолимых чащ.

Он начинал томиться голодом, пришлось утолить его сырым мясом, которое имел при себе: ему нечем было развести огонь.

Положение этого несчастного было тем ужаснее, что он решительно не знал, как добывать пищу.

Один-единственный друг остался верен ему в его

несчастье — собака хозяина не хотела отойти от него ни под каким видом. Пальник бросил ее, не заботясь о ней более, чем о даннике, от которого считал себя избавленным навсегда.

Тогда-то под влиянием крайнего страдания и нужды обнаружилась твердость, непоколебимая сила воли человека, который, раненный и лишенный всякой помощи, не поддался отчаянию, не упал духом, но вооружился терпением против постигшего его бедствия и бодро вступил в борьбу, чтоб отстаивать свою жизнь до последней крайности.

Он проводил все дни в переходах то в одну, то в другую сторону; он не знал, куда идет, но все не терял надежды проникнуть наконец сквозь окружавшие его со всех сторон густые стены листвы и выйти на настоящую дорогу.

Часто он взбирался на вершину горы и оттуда видел море.

При этом виде он ободрялся и спешил сойти в равнину; но первая тропа, проложенная дикими зверями, заставляла его снова терять направление, которого хотел держаться.

Во время этих странствований по лесам собака его то и дело подстерегала дичь; добыча ее охоты братски делилась между хозяином и нею и съедалась сырою.

Мало-помалу скиталец свыкся с этою пищею; сырое мясо показалось ему почти вкусным; он подметил кустарники, где скрывается дичь, и охота пошла удачнее. Вскоре он получил новых помощников в молодых диких собаках и молодых кабанах, на которых случайно напал и которых выдрессировал; помощь этих животных была ему до крайности полезна.

Уже около года и двух месяцев он вел этот странный образ жизни, почти потеряв всякую надежду, чтоб когда-нибудь настал ей конец, когда в одно утро он очутился невзначай лицом к лицу с кучкою французских буканьеров.

Те сперва удивились, даже чуть не струсили; надо сознаться, что наружность его не имела ничего привлекательного и не внушала доверия.

Волосы его и борода были длины необычайной, вся

одежда его состояла из остатка панталон и оборванной рубашки, едва прикрывавшей тело. Лицо его с сильным загаром имело выражение дикое; кусок сырого мяса висел у него на поясе; три собаки, два кабана, такого же дикого вида, как он, следовали за ним шаг за шагом.

Однако после первой минуты удивления и колебания объяснились.

Данник откровенно и добродушно рассказал свою историю; некоторые из буканьеров узнали его и приняли в нем участие.

Тут же на месте они составили совет.

После зрелого обсуждения всех обстоятельств решили, что Пальник злоупотребил, присвоенным ему в силу Берегового обычая, правом над своим данником; что безжалостным обхождением, в особенности же гнусным хладнокровием, с которым бросил его, он сам отказался от его услуг и расторг его обязательство, что, следовательно, он лишил себя всяких прав на него, и данник его должен быть объявлен свободным.

Это решение, единодушно одобренное, немедленно привели в исполнение; нашего героя окрестили шуточным прозвищем Медвежонок, и он охотно принял его; говоря по правде, он скорее походил на медведя, чем на человека; итак, с прозвищем Медвежонка он был включен в число Береговых Братьев и получил права и преимущества, присвоенные буканьерам и флибустьерам.

Новые друзья бывшего данника не ограничились этим: они дали ему одежду, оружие, пороху, пуль и привели с собою в порт Марго, где повторили решение своего совета в присутствии д'Ожерона, и по их просьбе губернатор придал решению этому законную силу, несмотря на упорное сопротивление Пальника, который никак не хотел отказаться от своей власти над данником, утверждая, что никогда не бил его и не бросал, а тот сам убежал и выдумал все это со злости на него.

К несчастью Пальника, жестокость его так была известна в порту Марго и окрестностях, что д'Ожерон даже не выслушал его и вдобавок пригрозил примерным нака-

занием, если он впредь не будет обходиться со своими данниками человечнее.

Буканьер ушел с видом побитой собаки, не смея возражать, но замышляя месть.

Бывший данник, однако, нисколько не опасался теперь угроз прежнего хозяина, когда он был свободен и имел право защищаться.

Спустя несколько дней он отправился в экспедицию под командой Монбара Истребителя.

Таким образом, он участвовал во многих экспедициях под предводительством самых знаменитых начальников флибустьеров и в непродолжительное время приобрел не только большое богатство, но благодаря отваге, храбрости и особенно уму, еще и огромную славу между товарищами.

С тех пор, как его объявили свободным, Медвежонок никогда не намекал на свои жестокие страдания во время рабства, ни разу имя Пальника не сходило с его губ; если в его присутствии речь заходила о свирепом буканьере, он не принимал участия в разговоре, ни для порицания, ни для похвалы, хотя порой спрашивали его мнения; впрочем, в два года, которые протекли после вышеописанных событий, враги не встречались ни разу лицом к лицу.

Это было уже старою историей в крае, где с каждым днем встречаются новые приключения; все забыли о ней, и кто в первую минуту ожидал блистательной мести со стороны нового флибустьера, покачивал уже головой с видом сомнения, если случайно заходила речь о непримиримой вражде этих двух человек, когда в один вечер судьба свела их в гостинице «Сорванный Якорь».

Вот как было дело.

Дня два-три назад флибустьерский корабль, под командою Мишеля Бискайца, вошел в гавань с грузом золота и пленников после одного месяца крейсерства в канале Мексиканского залива; шесть испанских судов, захваченных флибустьерами с Черепахи, взяты были на абордаж, ограблены и, по обычаю, сожжены в море.

Как только корабль бросил якорь на рейде Марго,

пленников высадили на берег и приступили к дележу добычи.

Получив свою долю, флибустьеры поспешили, как всегда бывало, разбросать добытое золото в сумасбродных оргиях.

Эти люди ценили золото только в отношении к наслаждениям, которые доставлялись им.

Игра была у них в большом ходу; они предавались ей с яростью, с бешенством, рисковали страшными суммами на одну ставку и по большей части кончали партию только, когда проигрывали все свое золото, одежду и нередко даже свободу.

С прибытием корабля Мишеля Бискайца в гавань Марго играли везде, на улицах и на площадях, на опрокинутых бочках, в гостиницах и даже в доме губернатора; ссоры возникали повсеместно, и кровь лилась потоками; рассудительные и безумцы равно подчинились влиянию этой белой горячки, почти не менее ужасной и убийственной, как настоящая.

Быть может, из всех Береговых Братьев один Медвежонок не поддался всеобщему сумасбродному увлечению; он презирал игру, считая ее постыдной страстью.

Приятели часто подтрунивали над его пуританизмом, как они выражались, но он оставался непоколебим, и ничто не могло заставить его изменить своему взгляду.

В вечер, к которому относится наш рассказ, часов в семь, когда солнце уже стало опускаться за голубые волны Атлантического океана, капитан, равнодушный к шуму и гаму в городе, медленно расхаживал по берегу с сигарою во рту, опустив голову на грудь, заложив руки за спину, сопровождаемый шаг за шагом своими собаками и кабанами.

— Эй!— окликнул его внезапно веселый голос,— что ты там делаешь, упрямый мечтатель, когда весь город пирует?

Капитан поднял голову и с улыбкой подал руку говорившему, одному из знаменитых начальников флибустьеров.

— Как видишь, Тихий Ветерок,— ответил он,— я гуляю и восхищаюсь закатом солнца, мой любезный.

— Хорошо удовольствие, нечего сказать!— вскричал со смехом собеседник.— Лучше пойдем-ка со мною, чем бродить тут на берегу, словно душа, осужденная на вечные муки.

— Что прикажешь, дружище, всякий веселится как умеет.

— Против этого, разумеется, говорить нечего; но почему же ты не хочешь идти со мною?

— Я не отказывался еще; однако если тебе все равно, охотнее бы не пошел. Ты будешь играть, а я, как тебе известно, не терплю игры.

— Разве это мешает смотреть, как другие играют?

— Нисколько, но зрелище это опечаливает меня.

— Ты сумасшедший! Послушай-ка, в «Сорванном Якоре», говорят, какой-то богатый буканьер из Артибонита, или не знаю хорошенько откуда, играет с чертовским счастьем; он чуть ли не обобрал более половины экипажа Мишеля Бискайца.

— Что ж мне-то тут прикажешь делать, любезный друг?— со смехом вскричал Медвежонок.— Не могу же я помешать, чтоб ему везло.

— Кто знает!

— Как же это?

— Послушай, брат; увидев тебя с минуту назад, мне пришла мысль: я хочу играть с этим буканьером; пойдем со мной и стой возле меня; ты счастлив во всем, что предпринимаешь, ты мне принесешь счастье, и я выиграю.

— Ты рехнулся.

— Нет, я просто игрок, следовательно суеверен.

— Ты очень желаешь этого?

— Пожалуйста, не отказывай.

— Так пойдем испытать счастье,— сказал он, пожимая плечами.

— Спасибо, приятель!— вскричал Тихий Ветерок, крепко пожав ему руку.— Черт возьми!— прибавил он, весело щелкнув пальцами,— теперь я уверен, что выиграю.

Медвежонок ответил одною улыбкой.

И два товарища направились к гостинице «Сорванный Якорь».

II

КАК ИГРАЛИ В КОСТИ ПРЕЖНИЙ ДАННИК И ХОЗЯИН ЕГО И ЧТО ПОСЛЕДОВАЛО

Когда два флибустьера подошли к двери «Сорванного Якоря», глазам их внезапно представилось удивительное зрелище; они невольно остановились на пороге и с изумлением осмотрелись вокруг.

При свете ламп, от которых копоть вместе с дымом от сигар и трубок стояла черным облаком, виднелись, словно сквозь туман, резкие и искаженные лица множества городских жителей, буканьеров и Береговых Братьев, черты которых судорожно подергивались от страстной игры и опьянения и принимали зловещее выражение при мерцающих отблесках огней, постоянно колеблемых ветром.

Посреди залы, на длинном столе, устроенном на скорую руку из досок и бочек, целые груды золота лежали перед игроком, который с дерзким и насмешливым взглядом вызывал толпившихся вокруг стола флибустьеров, встряхивая кости в стакане.

За игроком стояло человек десять испанцев, мужчин и женщин, захваченных в плен в последнюю экспедицию и послуживших последнею ставкою своим прежним владельцам.

— Вот буканьер, с которым мы будем иметь дело,— сказал Тихий Ветерок.— Следуй за мною.

Медвежонок бросил рассеянный взгляд на человека, указанного ему товарищем, и узнал Пальника.

При виде его он нахмурил брови, смертельная бледность разлилась по его лицу, и он невольно отступил на шаг.

— Что с тобою?— спросил Тихий Ветерок, заметив его волнение.— А!— прибавил он спустя минуту,— понимаю; ты узнал своего прежнего хозяина?

— Да,— мрачно ответил Медвежонок,— это действительно он.

— Что ж за беда! Разве ты не свободен? Тебе нечего бояться.

— Я и не боюсь,— пробормотал капитан, скорее говоря сам с собою.

— Так пойдем.

— Ты прав,— ответил капитан, улыбаясь странною улыбкой,— пойдем! Может, и лучше кончить раз навсегда.

— То есть, что же ты намерен сделать?— осведомился товарищ, слегка встревоженный.

— Бог мне свидетель, что я не искал этого человека; напротив, я всячески старался избегать его. Когда с минуту назад ты встретил меня на берегу и просил пойти с тобою, ведь я отказался.

— Это правда.

— Итак, явно, что один случай свел нас теперь.

— Чтоб меня черт побрал с руками и с ногами, если я понимаю хоть одно словечко из всего, что ты говоришь!

Медвежонок поднял голову и посмотрел на товарища с неподражаемым выражением насмешливого торжества.

Потом он взял его под руку и сказал:

— Пойдем, Тихий Ветерок. Ты часто ставишь мне в укор, что я не играю; ну! сегодня, ей, ей! ты будешь присутствовать при игре, которую и ты, и товарищи забудете не скоро.

— Ты станешь играть?— вскричал Тихий Ветерок вне себя от изумления.

— Да, и партия будет решительной.

— С кем же?

— С человеком, который так нахально обобрал наших

братьев,— ответил Медвежонок, указывая рукой на буканьера.

— С Пальником?

— Да, и вместо того, чтоб присутствовать при твоей игре, я буду играть, а ты присутствовать при этом.

— Берегись!— заметил Тихий Ветерок.

— Мое решение принято. Пойдем!

— Да поможет тебе Бог!— прошептал флибустьер, следуя за Медвежонком.

Они вошли в залу, без труда пролагая себе путь в толпе, так как пользовались большим уважением товарищей; вскоре они очутились перед столом, за которым сидел буканьер, глядя на них с насмешливою улыбкой.

— Ага!— вскричал он с грубым смехом,— уж не собираетесь ли вы попытать счастье против меня, товарищи?

— Почему же нет?— сказал Тихий Ветерок.

— Попробуй, если берет охота,— продолжал посмеиваться буканьер,— я готов взять у тебя все до последнего дублона, старый товарищ.

— Во-первых я тебе не товарищ, благодарение Богу! Итак, побереги это неподходящее название для других,— возразил флибустьер.— Касательно же того, чтобы взять у меня до последнего дублина, то это мы еще посмотрим, и сейчас же, не отлагая вдаль.

— Возьму я не только твои, но и товарища твоего в придачу, если он, против своего обычая, осмелится сразиться со мною,— прибавил буканьер со злою усмешкой.

— Не оскорбляй понапрасну, Пальник, когда тебя не трогают,— холодно заметил Медвежонок.

— Прошу без наставлений, я не нуждаюсь в них,— грубо ответил буканьер,— если же ты недоволен, я готов дать удовлетворение, где, когда и как ты пожелаешь.

— Я замечу тебе,— спокойно сказал Медвежонок,— что не было ни малейшего повода к ссоре, которую ты стараешься завязать со мною; ведь я не вмешивался в твой спор с моим приятелем.

При внезапной ссоре вокруг стола мгновенно образовался кружок Береговых Братьев, с любопытством ожидавших неминуемой развязки. Каждому из них была известна обоюдная ненависть Межвежонка и Пальника, и зрители предвидели страшную развязку так дерзко начатой буканьером перепалки на словах.

Пальник не был любим Береговыми Братьями; его постоянное счастье в игре в последние дни усилило еще, если возможно, общее нерасположение к нему, и большая часть присутствующих втайне питала надежду, что наконец обрушится на него страшная месть, которую противник, вероятно, откладывал так долго только за отсутствием удобного случая.

Медвежонок был спокоен, холоден и хотя немного бледен, однако вполне владел собою.

— Ладно!— возразил буканьер, презрительно пожав плечами,— довольно слов между нами. Насильно дурную собаку на настоящий след не наведешь. Бросим спор, я удивляюсь твоей премудрости и преклоняюсь перед нею.

— Полно хвастать-то!— вскричал Тихий Ветерок,— Медвежонок прав, ты привязался к нему, если он не отвечает тебе как бы следовало, то, вероятно, имеет свои причины; не беспокойся, однако, в потере не останешься, если подождешь. Лучше приступить теперь к игре.

— Согласен. Что ставишь?

— Две тысячи пиастров,— ответил флибустьер, вынимая из кармана штанов длинный кошелек.

— Постой,— холодно сказал Медвежонок, остановив его за руку,— дай мне поговорить с этим человеком.

Флибустьер взглянул на своего приятеля и увидел в его черных глазах такой зловещий огонь, что опустил кошелек назад в карман и только ответил:

— Как хочешь.

Медвежонок сделал шаг вперед, оперся руками на стол и наклонился к буканьру.

— Входя сюда,— резко отчеканил он,— я не знал, что встречусь с тобою; я не желал встречи, потому что презрение мое равняется ненависти к тебе; но если уж

твоя несчастливая звезда побудила тебя, вместо того, чтоб подражать моей сдержанности, отбросить мниморавнодушный вид, который я сохранял в отношении к тебе, пусть будет потвоему, я принимаю предложенную тобою партию.

— Сколько пустых слов, чтоб прийти к такому ничтожному заключению!— воскликнул буканьер с нехорошей улыбкой.

— А вот увидим. Выслушай меня: присутствующие будут свидетелями; мы сыграем в гальбик[1]. Три партии, ни меньше, ни больше, и ты должен принять мои условия. Согласен?

— Еще бы, когда ты проиграешь их!

— Не проиграю,— возразил капитан,— я вступаю в решительную борьбу с тобою и убежден, что выйду победителем.

— Полно, не с ума ли ты спятил?

— Если трусишь, я настаивать не стану. Извинись передо мною и товарищами за сказанные тобою оскорбительные слова, и я тотчас уйду.

— Извиниться мне? Черт возьми! Да ты знаешь ли, что говоришь?

— Предупреждаю тебя,— холодно возразил капитан, вынув из-за пояса пистолет и взводя курок,— что при малейшем подозрительном движении я положу тебя на месте, как лютого зверя, какой ты на самом деле и есть.

Вне себя от ярости, но сдержанный направленным на его грудь длинным дулом пмстолета, буканьер окинул глазами присутствующих, быть может, чтоб почерпнуть бодрости в дружеском лице.

Флибустьеры мрачно молчали, и в чертах их он прочел одно насмешливое злорадство.

Неимоверным усилием воли он переломил порыв гнева, от которого кипела кровь, и голосом спокойным, в котором невозможно было подметить дальнейшее волнение, ответил:

---

1 Игра в три кости.

— Принимаю твое предложение.

— Какое? Извиниться?

— Никогда!

— Очень хорошо; вы слышали, братья?— обратился капитан к присутствующим.

— Слышали,— отвечали они в один голос.

— Итак, вот мои условия,— продолжал капитан громко и отчетливо,— три кости и стакан, равно неизвестные и мне и тебе, будут взяты у кого бы то ни было.

— Что ж ты думаешь, что у меня плутовские кости?— грозно вскричал Пальник.

— Ничего не думаю и думать не хочу, просто пользуюсь своим правом, вот и все.

Буканьер с яростью швырнул об пол свой стакан с игральными костями и растоптал его.

Все бросили игру и с любопытством столпились вокруг стола, взобравшись кто на скамьи, кто на столы и бочки, чтоб присутствовать при этой дуэли нового рода, притаив дыхание, дабы не нарушить тишины, до того глубокой, что полет мухи был бы слышен в зале, где, однако, находилось более двухсот человек.

— Вот кости, друг мой,— сказал, подходя к капитану, человек, перед которым почтительно расступались все.

— Благодарю, Монбар,— ответил Медвежонок, дружески пожимая руку страшного флибустьера.

Потом он обратился к своему противнику:

— Каждый из нас сыграет по одному разу; у кого выйдет больше сверх десяти, тот выиграл, если только у противника не ровное число очков на всех трех костях. Согласен?

— Согласен,— мрачно ответил буканьер.

— Мы сыграем всего три партии.

— Решено.

— И я один буду иметь право назначать ставки; сколько у тебя тут на столе?

— Восемь тысяч семьсот пиастров.

— Во сколько ценишь ты свое имущество, дома, мебель, данников, словом — все?

— В такую же сумму.

— Ты выдаешь себя что-то уж очень богатым,— смеясь, заметил Медвежонок.

— Считал ты мое состояние, чтоли?— грубо вскричал буканьер.— Это моя цена, и делу конец.

В эту минуту капитан почувствовал, что кто-то слегка тронул его за плечо; он оглянулся.

За ним смиренно стояли, с отчаянием на лицах, несчастные пленники-испанцы.

— Сжальтесь, сеньор!— прошептал у его уха голос нежный и жалобный.

— И в самом деле,— сказал капитан,— а этих людей во сколько ты ценишь?— прибавил он, указывая на невольников.

— В десять тысяч пиастров, ни одним реалом меньше.

Капитан колебался.

— Ради Святой Девы, сжальтесь, сеньор!— произнес тот же голос тоном глубокой тоски.

— Итак, все составляет сумму в двадцать семь тысяч четыреста пиастров,— заключил он.

— Отлично умеешь считать, мой любезнейший,— посмеиваясь, сказал Пальник,— цифра хорошая, не правда ли?

— Очень хорошая. На первую игру я ставлю тринадцать тысяч семьсот пиастров.

Ропот удивления пробежал по внимательной толпе.

— Хорошо! Выкладывай деньги,— сказал буканьер со злой усмешкой.

— При мне нет их,— хладнокровно возразил Медвежонок.

— Так я отступаюсь, товарищ; на слово я не играю.

Капитан закусил губу, но не имел времени отвечать.

— Я ручаюсь за него,— вступился Монбар, остановив свой орлиный взор на буканьере, который в смущении опустил глаза.

— И я ручаюсь!— вскричал Тихий Ветерок.— Ей-Богу! Все, что имею, я отдам ему охотно.

— Так же и я,— прибавил Прекрасный Лоран, проби-

раясь в толпе, чтоб подойти к столу в двух шагах от Пальника.

— Что ты скажешь на это?— спросил Медвежонок, пожимая протянутые ему руки,— находишь ли ты ручательства эти достаточными?

— Будем играть, сто чертей! И чтоб все было кончено!

— Вот стакан, начинай.

Буканьер молча взял стакан, минуту встряхивал его в лихорадочном волнении, и кости с глухим стуком полетели на стол.

— Удачно!— сказал Медвежонок,— шесть и шесть — двенадцать да пять — семнадцать. Теперь моя очередь.

Он небрежно взял стакан, встряхнул его и опрокинул.

— Вот тебе на!— вскричал он, смеясь,— по шести очков на каждой кости; ты проиграл.

— Проклятье!— вскричал буканьер, позеленев.

— Счастье, видно, тебе изменило,— продолжал флибустьер.— За вторую партию теперь! Поручителей мне более не нужно; я ставлю свой выигрыш против того, что у тебя остается.

Буканьер сильно встряхнул стакан и опрокинул его.

— Ага!— вскричал он вдруг с торжествующим хохотом,— счастье не изменило мне еще; погляди-ка, молодец, на всех костях по четыре очка.

— Бесспорно, это хорошо,— ответил Медвежонок,— но ведь может быть и лучше. Что ты скажешь об этом?— заключил он.

На всех трех костях было по пяти очков.

— Разорен!— вскричал буканьер, отирая холодный пот с помертвевшего лица.

— Вот видишь,— ответил Медвежонок, подняв голову,— ты разорился, но это не все; разве ты забыл, что нам остается сыграть третью партию?

— У меня ровно ничего нет!

— Ошибаешься, у тебя есть еще то, что я хочу выиграть.

— Что же?

— Жизнь твоя!— вскричал капитан голосом, наводящим ужас.— Не воображаешь ли ты, что я вступил в эту смертельную борьбу с тобой из одного низкого наслаждения отнять золото, которое я презираю? Нет, нет, мне нужна твоя жизнь! Чтоб выиграть ее, я ставлю все состояние твое, которое теперь мое, и свою жизнь в придачу. Кто проиграет, пустит себе пулю в лоб тут же на месте, при всех.

Содрогание ужаса пробежало, подобно электрическому току, по рядам Береговых Братьев.

— Это безумство, Медвежонок!— вскричал Монбар.

— Брось, брось!— с живостью вмешалось несколько флибустьеров.

— Братья,— ответил Медвежонок с бледной улыбкой,— благодарю вас за участие, но я твердо решился; впрочем, будьте спокойны, я играю наверняка, человек этот заранее осужден, страх уже одолел его, одна гордость еще поддерживает его. Я согласен, однако, дать ему последнее средство спасти свою жизнь: пусть он публично сознается в своих преступлениях и смиренно попросит у меня прощения. С этим условием я готов простить его.

— Никогда!— вскричал буканьер в порыве неудержимого бешенства.— Твоя жизнь или моя, пусть будет так! Один из нас лишний на земле и должен исчезнуть; сыграем же эту партию и будь ты проклят!

Он бросил кости, отвернулся. Крик ужаса раздался в толпе.

На верхней гранке каждой кости было по пять очков.

— Это почти одно и то же, что сейчас вышло,— сказал равнодушно капитан, собирая кости,— но не торопись торжествовать; ты ближе к смерти, чем полагаешь.

— Да играй же наконец!— вскричал буканьер задыхающимся голосом, с дикостью во взоре и в тоске невыразимой.

— Братья,— заговорил Медвежонок все с полным хладнокровием,— это суд Божий. Чтоб несомненно доказать, что человек этот осужден безвозвратно божеским

правосудием, я не коснусь стакана; один из вас бросит кости вместо меня.

— Не я!— вскричал Монбар.— Это значит Бога испытывать!

— Ошибаешься, брат; напротив, этим воочию доказано будет Его могущество и правосудие. Бери кости и бросай!

— Клянусь честью, не сделаю этого!

— Прошу тебя, брат.

Монбар колебался.

— Да бросай же кости, разве ты трусишь?— повторял безотчетно Пальник, съежившись точно тигр, готовый прыгнуть на добычу, судорожно ухватившись за стол и с неподвижным, диким взором.

Медвежонок почти насильно вложил стакан с игральными костями в руку Монбара.

— Бросай без страха,— сказал он.

— Да простит мне Бог!— пробормотал Монбар и бросил кости, отворачиваясь.

В ту же минуту раздался пронзительный, нечеловеческий крик; чья-то рука внезапно дернула Медвежонка назад, грянул выстрел, и пуля со зловещим свистом засела в одной из балок потолка.

Все сделалось так быстро, что едва прошло мгновение между криком и выстрелом.

Когда флибустьеры опомнились от оцепенения, в которое повергло их это неожиданное событие, они увидели буканьера, поваленного на стол и удерживаемого, несмотря на его сопротивление, могучею рукою Прекрасного Лорана; в своих судорожно сжатых пальцах Пальник держал еще дымящийся пистолет.

Когда упали кости, наверху каждой оказалось по шести очков.

На счастье Медвежонка, двое охраняли его: пленница-испанка, которая храбро дернула его назад, невзирая на опасность сделаться жертвою своей преданности, и Прекрасный Лоран, который внимательно следил за малейшими движениями буканьера и отвел выстрел.

Монбар сделал знак, что требует молчания.

Водворилась тишина.

— Вы все были свидетелями того, что произошло, товарищи,— сказал Монбар.

— Да, да!— закричали флибустьеры в один голос.

— Стало быть, вы признаете вместе со мною, что мы имеем право судить убийцу?

— Разумеется,— ответил за всех Тихий Ветерок,— его надо судить, и немедленно.

— Хорошо, братья, к чему же вы присудите этого человека после его гнусного покушения?

— К смерти!— единодушно отозвались присутствующие.

— Это окончательный ваш приговор?

— Неизменный!— опять вскричали в один голос Береговые Братья.

— Так приготовьте лодку отвести его на Акуловый Утес.

Несколько человек выбежало исполнить приказание.

Напрасно упрашивал Медвежонок, чтоб несчастному по крайней мере дозволено было застрелиться, флибустьеры остались неумолимы.

Через несколько минут Пальник, крепко связанный, был перенесен в лодку и удалялся от гавани Марго под караулом десяти флибустьеров с Монбаром во главе, который сам хотел исполнить приговор.

Этот приговор был ужасен.

Акуловый Утес достигал поверхности воды в открытом море в шести лье от берега, но волны покрывали его в каждый прилив на значительную высоту.

Человека, осужденного неумолимой справедливостью флибустьеров, бросали без оружия и без пищи на этой скале, где он должен был ожидать смерти в жестоких пытках, душевных и телесных.

Вот какая участь предстояла Пальнику...

За час до восхода солнца, когда начинался прилив, к пристани причалила лодка; Монбар и его товарищи вышли на берег с холодным спокойствием людей, исполнивших свой долг.

По всей вероятности, в это время буканьер уже не существовал более.

III

КАКИМ ОБРАЗОМ КАПИТАН МЕДВЕЖОНОК ЖЕЛЕЗНАЯ ГОЛОВА УПОТРЕБИЛ БОГАТСТВО, ВЫИГРАННОЕ У ПРЕЖНЕГО ХОЗЯИНА

Роковая, но давно предвиденная развязка странной партии между непримиримыми врагами имела, однако, потрясающее действие на толпу, собравшуюся в гостинице «Сорванный Якорь».

Береговые Братья, которые с жадным любопытством следили за поражающими изменениями страшной игры, глядели теперь на капитана с робким удивлением.

Д'Ожерон, губернатор острова Черепаха и французских колоний на Сан-Доминго, вошел в залу, раскланиваясь с присутствующими, которые почтительно снимали перед ним шляпы, и сел посреди главных предводителей флибустьеров.

Д'Ожерон был человек с душой и ума замечательного. Он задался опасною, почти недосягаемою целью заставить всех этих людей переродиться и вернуть в лоно большой человеческой семьи возмутившихся детей, которых отторгла от нее пылкость нрава и жажда свободы. Это свое призвание он исполнял с редким самоотвержением.

Скорее терпимый, чем действительно принятый в их среде флибустьерами, которые тем не менее любили и уважали его, д'Ожерон был для них равный, не начальник, никогда не вмешивался в их дела, если не встречалось чего-нибудь особенно важного, и то ограничивался одними советами и убеждениями с людьми, которые никогда не хотели терпеть ни малейшей узды.

Случайно извещенный о том, что произошло в «Сорванном Якоре», он поспешил прийти туда, не мешать исполнению приговора, произнесенного над буканьером, но предупредить новые насилия.

Губернатор был встречен единодушными приветствиями, и перед ним расступились поспешно и почтительно.

Когда сел, он наклонился к Медвежонку и шепнул ему несколько слов, которых никто слышать не мог.

— Будьте покойны,— ответил тот,— у нас одна цель, я постараюсь исполнить ваше желание.

Тогда капитан обратился к присутствующим и голосом, который сначала слегка дрожал от внутреннего волнения, но мало-помалу становился все тверже, сказал:

— Береговые Братья, флибустьеры с Черепахи, буканьеры с Сан-Доминго и жители Марго, вы здесь присутствовали несколько минут назад не при страшной партии между двумя людьми, которых разделяла непримиримая вражда, но при Божьем суде. Я был только орудием гнева Господня; безотчетно побуждаемый действовать, как вы тому были свидетелями, я ни минуты не сомневался в успехе; условия, полагаемые мною, все, что я говорил, служит тому доказательством. Итак, я не имею никакого права на богатство, которое выпало мне на долю, и отказываюсь от него очень охотно; надеюсь, вы одобрите мое решение. Мы львы, а не тигры; если мы бросаем золото, не считая в сумасбродных и веселых оргиях, то потому, что золото это — цена нашей храбрости, нашей отваги, что мы со славою купили его нашею кровью.

Неистовые рукоплескания покрыли громкий и гордый голос капитана.

Когда тишина водворилась опять, он продолжал с улыбкой на губах:

— Нашему уважаемому губернатору, отеческая заботливость которого всегда бодрствует над нами, я приношу сердечную благодарность за то, что он удостоил нас своим присутствием и тем придаст законную силу моему решению. Вот в чем состоит оно: золото тут на столе и состояние Пальника теперь мои. Господин д'Ожерон потрудится разделить все поровну между беднейшими из нас, без различия звания, пусть они будут буканьеры, флибустьеры или простые жители. Дай Бог, чтоб это назначение очистило дурно приобретенное богатство от грязи, которой оно запятнано! Знает ли кто-нибудь, сколько данников было в этом числе?

— Я знаю,— сказал Прекрасный Лоран,— всего пять.

— И мы здесь!— отозвался голос из толпы.

— Подойдите,— позвал их капитан.

Пять бедняков, полунагих, бледных и худых до того, что на них страшно было смотреть, робко выступили вперед.

— Я объявляю вас свободными в силу права, которое мне присвоено званием Берегового Брата,— продолжал Медвежонок,— согласно обычаю, я дам каждому из вас по ружью, по три фунта пороха и пуль, а кроме того, вот вам пятьсот экю, которые вы разделите между собой.

Бедные люди, ошеломленные таким внезапным приливом счастья, не смели верить своим ушам; они растерянно оглядывались вокруг и кончили тем, что залились слезами.

— Ступайте,— сказал им капитан тоном нежного сострадания,— ступайте, друзья мои; теперь страдания ваши кончились; вы свободны, и вы теперь Береговые Братья.

Опять раздались со всех сторон такие восторженные крики, что самые закаленные буканьеры и те умилились; это уже был восторг необыкновенный, неистовый, доходивший до исступления.

— Хорошо, капитан,— похвалил его губернатор, с чувством пожимая ему руку,— вы подаете возвышенный пример. Таким-то образом мы вернем этих увлекшихся, но великодушных людей на истинный путь; благодаря вам, задача моя будет легка.

— Я пытаюсь идти по вашим следам,— почтительно ответил флибустьер,— я не мог иметь лучшего образца.

— С десятью такими людьми, как вы,— продолжал д'Ожерон, по-прежнему тихо,— в один год эта великолепная колония может преобразиться.

— Или погибнуть,— пробормотал капитан задумчиво.

— О! Неужели это ваше мнение?

— Увы! Мы не такие люди, как все; в жилах наших течет огонь, не кровь.

— Разве вы отступаетесь от меня?

— Вы не полагаете этого; к тому же сейчас вы получите доказательство в противном.

Губернатор улыбнулся и пожал ему руку.

Флибустьеры спокойно выжидали конца этих переговоров вполголоса.

— Я не кончил еще, братья,— продолжал Медвежонок после минутного молчания,— мне осталось решить судьбу пленных испанцев. Разве справедливо, чтоб эти несчастные остались в неволе, когда все мы участвовали в наследстве человека, нами осужденного? Хотя пленные эти и принадлежат к нации нам ненавистной, с нашей стороны будет вопиющею несправедливостью оставить их в неволе. Покажем гордым испанцам, которые в своем высокомерии называют нас ворами и преследуют, как диких зверей, что мы презираем их и потому не боимся. Дадим свободу этим пленникам, и пусть они вернутся к своим родственникам и друзьям, которые не надеются более увидеть их. Узнав нас короче, испанцы больше станут бояться нас. Одобряете ли вы мое решение, товарищи?

В толпе заметно было колебание, и с минуту капитан опасался, что его великодушная попытка разобьется о ненависть флибустьеров к испанцам.

Закон Береговых Братьев запрещал под опасением смерти возвращать без общего согласия свободу пленникам-испанцам, кому бы то ни было, мужчине ли, женщине ли, ребенку или духовному лицу.

Д'Ожерон определил положение дела с одного взгляда; он понял, что Медвежонок в порыве великодушия зашел за пределы осторожности, и если он не вмешается, то все погибло.

— Капитан Железная Голова,— сказал он, вставая,— благодарю вас от имени всех Береговых Братьев за ваше великодушное предложение. Флибустьеры могущественны и не боятся врагов; они храбро нападают на них, но, поборов, лежачего не бьют, и сердце их открыто состраданию. К какой бы нации ни принадлежали они, не надо забывать, что несчастны наши братья. Нам, изгнанным, так сказать, из общества, следует подать свету, который клевещет на нас, этот пример человеколюбия. Повторяю, капитан, приношу вам благодарность от имени всего

флибустьерства. Ваши пленники свободны, вы вольны располагать ими, чтоб возвратить их семьям.

— Да, да!— вскричали флибустьеры, увлеченные благородными словами д'Ожерона,— освободить их! Да здравствует губернатор! Да здравствует Медвежонок Железная Голова!

Первый толчок был дан, все поддались всеобщей восторженности.

Испанцы были свободны.

— В свою очередь благодарю вас,— обратился к д'Ожерону капитан, очевидно тронутый,— без вас я потерпел бы неудачу у самой цели.

— Не думайте этого, любезный капитан,— возразил улыбаясь губернатор,— люди эти большие дети, и сердце у них осталось добрым, только надо уметь затронуть жилку великодушия.

Золото, лежавшее все время на столе, вручено было д'Ожерону, который взялся раздать его, и затем вышли из «Сорванного Якоря».

Толпа с восторженными криками сопровождала капитана до самого жилища его и окончательно рассталась с героем дня, только когда он с двумя короткими друзьями и пленниками-испанцами наконец скрылся внутрь дома.

Тем не менее в городе всю ночь не утихало волнение, и множество людей группами бродило по улицам с песнями и восторженными криками в честь капитана Медвежонка Железная Голова и губернатора д'Ожерона.

Пленников-испанцев было восемнадцать человек мужчин и две женщины.

Как только Медвежонок вошел к себе в дом, он своим данникам велел приготовить помещение для чужеземцев, которых считал уже своими гостями, потом, уверив их, что они не будут нуждаться ни в чем и что на следующее же утро он позаботится о средствах для них безопасно уехать из колонии, он простился с ними, положив таким образом конец их уверениям в вечной благодарности, и вернулся к друзьям, которые, покойно расположившись в его гостиной, пили и курили, в ожидании его прихода.

— Однако,— обратился к нему Прекрасный Лоран,— опасную же игру ты затеял своим заступничеством за пленников!

— Правда, брат, но мне нельзя было поступить иначе; когда Пальник чуть было не застрелил меня, кто-то из пленных, чуть ли не женщина, отважно кинулся вперед с явною целью спасти мне жизнь.

— Я видел,— сказал Мишель Бискаец,— это действительно была женщина, и молодая, кажется, но до того закутанная в покрывало, что нельзя было разглядеть и кончика ее носа.

— В таком случае ты поступил хорошо, Медвежонок,— согласился Прекрасный Лоран,— не подобает, чтоб испанская собака выказала себя великодушнее Берегового Брата.

— Так и я находил,— с кротостью ответил капитан.

— Одно для меня ясно во всем этом,— вскричал Прекрасный Лоран,— это — что ты одержал победу над прелестною, надо полагать, испанкою!

— Ты с ума сходишь!

— Ну, разумеется, твоя слава по этой части прочно установлена,— с усмешкой возразил Прекрасный Лоран,— только что же ты думаешь делать-то со своими гостями?

— Признаться, не знаю, как мне выпроводить их из колонии, теперь в особенности, когда все корабли в море.

— Вот на! Ничего легче быть не может,— вмешался Тихий Ветерок.— Есть у меня добрый приятель, буканьер, о котором и вы, вероятно, слыхали, так как он очень известен между нами.

— Как его зовут?

— Польтэ.

— Кто же не знает его, по слухам по крайней мере?— возразил Медвежонок.

— Ладно же! Он охотник, больше на буйвола, чем на кабана, которым пренебрегает, и только будучи вынужден, схватывается с ним; он детина дюжий и друзьям своим предан.

— Польтэ — истинный Береговой Брат,— подтвердили собеседники.

— Его-то нам и надо; он должен охотиться теперь в окрестностях Артибонита; пойдем к нему, и мы получим все необходимые сведения, чтоб достигнуть испанского города или местечка, не подвергаясь более чем нужно стычкам с пятидесятниками. Принимаешь ли ты предложение, Медвежонок?

— Очень охотно. Когда мы отправимся?

— Это дело твое, я отдаю себя в твое распоряжение.

— Так завтра, если ты согласен.

— Ладно! На рассвете я буду здесь с двумя из моих данников, ты возьми также двух, нам и довольно будет.

— Каковы дороги? Можно ли пробраться по ним на лошади?— спросил капитан отчасти нерешительно.

— К чему этот вопрос?

— Прост же ты, ей-Богу, Тихий Ветерок!— вскричал Прекрасный Лоран с громким хохотом,— разве забыл ты, что в числе испанских пленных есть женщины?

— Ты злой шутник, Лоран,— возразил Медвежонок весело,— но я должен сознаться, что замечание твое справедливо. Бесчеловечно было бы заставить женщин пройти, быть может, более двадцати лье по отвратительным дорогам.

— Бесчеловечно в высшей степени!— подтвердил Прекрасный Лоран с комической серьезностью.

— Дороги хороши,— успокоил Тихий Ветерок,— лошади пройдут без труда.

— Так я возьму двух лошадей.

— Как хочешь. Итак, решено, до завтра.

— До завтра; спасибо.

Флибустьеры встали, выпили по последней рюмке ликера, дружески пожали хозяину руки и ушли, чтоб дать ему лечь.

Но капитан долго не мог заснуть; неведомое чувство коварно вкрадывалось ему в сердце; любопытство, в котором он сам не давал себе отчета, отгоняло от него сон всю ночь.

Против его воли, слова Прекрасного Лорана то и дело звучали у него в ушах.

На другое утро, едва занялся день, как уже Тихий Ветерок, олицетворенная точность, согласно своему обещанию, явился с двумя вооруженными с ног до головы данниками и постучался в дом Медвежонка. Сам хозяин отпер ему дверь и вышел дружески пожать ему руку.

— Мы готовы,— сказал он.

— Так отправимся в путь,— отвечал Тихий Ветерок.— Если поторопиться, мы, пожалуй, часам к одиннадцати или полудню найдем Польтэ в его букане, иначе нам не придется видеть его раньше шести часов вечера.

Медвежонок тотчас велел предупредить испанцев.

Спустя десять минут караван вышел из дома и направился к горам, удаляясь от моря.

Во главе шли Тихий Ветерок и Медвежонок, со своими неразлучными спутниками — собаками и кабанами.

Потом следовали две женщины верхом. До того тщательно были они закутаны в свои мантильи и шарфы, что из всего лица их видны были одни черные глаза, блестевшие, словно карбункулы, когда они с беспокойством оглядывались по сторонам.

За ними в нескольких шагах шли испанцы-невольники, нахлобучив шляпы с широкими полями и уткнув головы до самых глаз в толстые складки плащей.

Испанцы ни в какую погоду, дождь ли, солнце ли, холодно или жарко, в Европе они или в Америке, не расстаются со своими плащами, это неизбежная и вместе любимая их одежда.

Два данника Медвежонка и два Тихого Ветерка шли на флангах колонны, с ружьями на плечах, пистолетами и топорами за поясом, штыком и ножами в ножнах из крокодиловой кожи на боку.

Редкие прохожие, которые встречались флибустьерам на улицах, почтительно кланялись им и желали счастливого пути, ничем не изобличая нескромного любопытства; караульные у городских ворот подняли решетку и опустили подъемный мост, едва завидев их, и вскоре маленький караван очутился в открытом поле.

IV

КАК ФЛИБУСТЬЕРЫ НАШЛИ ПОЛЬТЭ, КОТОРЫЙ ОДИН-ОДИНЕХОНЕК ОЦЕПЛЯЛ ПЯТЬДЕСЯТ ИСПАНЦЕВ

Еще было темно; холод чувствовался резкий; волны Антильского моря загорались на небосклоне кровавым оттенком; солнце готово было выйти из недр волн.

Путешественники пробирались по узкой и каменистой дороге, окаймленной по обе стороны частым кустарником сасафраса, где местами возвышались кучки кокосовых пальм, густые верхушки которых еще слегка колебал затихающий утренний ветерок.

Вдали виднелась темная и величественная масса густого леса в Артибоните, над которым выступала остроконечная вершина невысоких гор Куридас.

Степь пробуждалась, и все таинственные ее жители приветствовали по-своему возвращение света.

Отвратительные гады из семейства жабников с бычьим голосом мычали у какого-нибудь неизвестного болота, над которым, жужжа, кружились тучи москитов; кампанеро или птица колокол повторял свою однообразную и пронзительную нотку в равномерные промежутки; обезьяны визжали наперебой, пекари глухо хрюкали в колючем кустарнике, и исполинские грифы, широко распустив свои большие крылья, описывали громадные круги в воздухе, испуская отрывистые, пронзительные крики, к которым примешивалось мяуканье диких кошек и веселое пение мириадов птиц всех родов и цветов в густой листве.

Путешественники шли довольно быстро; отчасти чтоб согреться — на Сан-Доминго утра бывают холодные, — отчасти чтоб вернуть время, потерянное на приготовление в путь.

При выходе из города ни слова не было произнесено.

Флибустьеры курили свои коротенькие трубочки, испанцы же, вероятно, размышляли о счастливом и неожиданном событии, которое возвратило им свободу, когда

перед ними была одна печальная перспектива вечного рабства.

Однако, когда совсем рассеялся мрак и был сменен ослепительным тропическим светом, перед которым самый прекрасный день нашей старой Европы кажется серым и туманным, путешественники стали понемногу сближаться, обмениваясь несколькими словами.

Медвежонок Железная Голова, обыкновенно такой хладнокровный и сдержанный, казался чем-то озабочен, даже взволнован; он то и дело оглядывался назад или по сторонам, отвечал невпопад на вопросы товарища, иногда вдруг останавливался без видимой причины и снова шел далее с досадой.

— Что это нашло на тебя сегодня?— вскричал наконец Тихий Ветерок,— четыре раза я повторяю один и тот же вопрос, а ты все не удостаиваешь меня ответом. Хорош ты собеседник!

— Я не слыхал,— ответил Медвежонок тоном человека, который внезапно проснулся.

— Это дело другое; стало быть, ты оглох.

— Оглох я?

— Разумеется, раз ты не слышишь. Берегись, товарищ,— прибавил Тихий Ветерок, наклоняясь к уху капитана,— если так все пойдет, я поневоле приду к заключению, что Лоран был прав.

— С какой стати приплетаешь ты Лорана?— возразил Медвежонок, невольно вздрогнув.

— Еще бы! Разве он не говорил, что ты вдруг воспылал участием к испанским пленникам из-за прекрасных черных глаз одной из сеньор, если не обеих?

— Я не видел еще и лиц-то их.

— Тем более, товарищ.

— Ты бредишь.

— Разумеется, я брежу, а ты в полном рассудке; это дело решенное. Однако, как я ни брежу, если б был на твоем месте, не упустил бы я случая, который, пожалуй, более не представится; я подошел бы к дамам и отважно вступил с ними в разговор.

— Что же я выиграю этим?

— Удовольствие услышать нежный и мелодичный голос, который будет ласкать твой слух; разве это ничего?

— Но о чем же мне говорить?

— Вот тебе на! Нашел трудность! Говори с ними обо всем на свете, о дне и ночи, о погоде, настоящей и будущей.

— Премилый предмет разговора, занимательный в особенности,— возразил капитан, презрительно пожав плечами.

— Занимательнее, чем ты полагаешь; докажу тебе это сейчас.

— Ты?

— И в одну секунду; вот смотри.

Он остановился, поджидая дам, чтобы дамы поравнялись с ним.

— Извините, сеньора,— вежливо обратился он к той, которая была ближе к нему,— кажется, на вашей лошади подпруга ослабла, позвольте мне осмотреть ее.

— Потрудитесь, сеньор,— кротко ответила дама.

Тихий Ветерок пресерьезно осмотрел подпругу.

— Я ошибся,— сказал он через минуту,— все в порядке.

— Благодарю за внимание, сеньор.

— Не позволите ли вы мне сделать вам один вопрос?— тихо, едва слышно сказала ему другая дама.

— Весь к вашим услугам, сеньора, так же как и товарищ мой,— с почтительным поклоном отвечал Тихий Ветерок, указывая на Медвежонка, который шел возле него и, внезапно выставленный на вид, не знал, что делать..

— Долго мы еще будем идти таким образом?— спросила дама.

— Я не могу ответить вам положительно, сеньора, по той простой причине, что сам не знаю.

— Однако вы знаете же, куда ведете нас?— настаивала незнакомка.

— Приблизительно.

— Как приблизительно?— вскричала испанка со свежим и мелодичным смехом.

— Берегись, Лилия, ты делаешь нескромный вопрос,— остановила ее спутница.

— Я? Чем же вопрос мой нескромен, любезная Эльмина?

— Ты должна бы понять, что эти господа, вероятно, имеют важные причины отвечать тебе таким образом.

— Вы напрасно предполагаете это, сеньора,— вдруг вмешался в их разговор капитан,— могу вас уверить, что друг мой сказал вам всю истину.

— Я верю вам,— с глубоким чувством ответила донна Эльмина,— ваши поступки с нами были так благородны и великолепны, что мы ни одной минуты не позволим себе сомневаться в вашей правдивости.

— Позвольте, сеньора, я объясню вам в двух словах то, что может казаться загадочным. Вам, вероятно, известно, что мы в постоянной войне с вашими соотечественниками?

— Да, я знаю,— ответила донна Эльмина слегка изменившимся голосом.

— Итак, нам необходимо соблюдать величайшую осторожность, приближаясь к испанской границе, если мы не хотим попасться в засаду.

— Однако с нами,— перебила его с живостью донна Лилия,— опасности этой не существует. Если б напали на нас...

— Молчи, Лилия, ради Бога!— вскричала с испугом донна Эльмина и даже схватила спутницу за руку.

— Мы моряки, извольте видеть,— продолжал, улыбаясь, капитан,— стало быть, очень мало знакомы с местами, где теперь находимся; отыскиваем мы приятеля, буканьера, который охотится в окрестностях и, наверно, доставит нам средство достигнуть без препятствий какого-нибудь города или испанского местечка — вот и вся тайна, сеньора.

— Благодарю, кабальеро; дело очень просто, и я сознаюсь, что друг ваш не мог ответить иначе.

Испанцы между тем подошли мало-помалу ближе и слушали этот разговор с видом отчасти недовольным, точно непомерная кастильская спесь не могла переварить, чтоб испанки удостаивали своего разговора воров-флибустьеров, хотя воры эти и оказали им громаднейшую услугу.

Флибустьеры, однако, сочли лишним продолжать разговор, в котором участвовало несколько лиц; итак, они

почтительно раскланялись с двумя всадницами и заняли свое прежнее место во главе каравана.

— Ну!— сказал, смеясь, Тихий Ветерок,— как видишь, не трудно было.

— Правда, но к чему же это послужило?

— Как, к чему послужило? Во-первых, мы узнали имена этих дам, кстати будь сказано, я нахожу их прелестными, а ты? Потом мы сделали открытие, что наши бывшие пленники гораздо знатнее, чем хотят казаться.

— Когда же и как ты сделал это великое открытие?— с усмешкой спросил Медвежонок.

— Самым естественным образом на свете, когда донну Лилию вдруг остановила подруга, вероятно, чтобы не допустить ее выдать их тайну.

— Действительно, я теперь припоминаю, и меня это поразило.

— Но мы выходим теперь на равнину Артибонита,— сказал Тихий Ветерок.

— Надо ухо держать востро. Менее чем через час мы должны встретить Польтэ.

Было около половины одиннадцатого; путешественники шли уже более шести часов; дорога, по которой они направлялись, вела их не в лес, но, напротив, на обширную саванну, покрытую высокою травой, местами перерезанную довольно широкими трясинами и мелкими реками. Оставаясь справа, остроконечный Куридас возвышался над равниной своею темною и величественною массой.

Зной становился томителен; испанцы, вероятно люди богатые и избалованные всеми утонченностями роскоши и комфорта, очевидно, страдали от усталости; они с трудом передвигали ноги, спотыкались о каждый камушек на дороге, но терпели с безмолвным смирением, не позволяя себе ни малейшей жалобы.

Что же касается флибустьеров, то, давно свыкшиеся с жизнью в пустыне, они как бы шутя могли побороть величайшие трудности и потому продолжали идти прежним, твердым шагом.

— Мне кажется,— заметил капитан,— что, несмотря

на выказываемый по гордости стоицизм, наши бывшие пленники были бы очень не прочь отдохнуть часок-другой. Что ты скажешь на это, товарищ?

— Разделяю твое мнение; они едва тащатся за нами; я и то уже искал глазами удобное место для стоянки,— ответил Тихий Ветерок.

Караван проходил в это время густой лес, который, по-видимому, простирался довольно далеко по всем направлениям.

— Мы расположимся в тени,— продолжал флибустьер,— когда достигнем рубежа леса; неосторожно было бы остановиться здесь. Я люблю видеть все вокруг себя, не доверяю я этим стенам из листвы и лиан, никогда не знаешь, что за ними кроется.

Едва успел он договорить, как раздался выстрел в довольно близком расстоянии, а вслед за ним мужественный и сильный голос вскричал грозно:

— Я запретил стрелять, черт возьми! К чему попросту тратить порох, будь вы прокляты! Ведь собаки испанцы окружены и уйти не могут!

Путешественники вздрогнули и остановились по безотчетному побуждению.

Они предугадывали борьбу, даже кровопролитие, быть может, какие часто происходили в глубине этих неведомых степей, когда испанцы и буканьеры неожиданно встречались.

— Это Польтэ,— шепнул Тихий Ветерок на ухо капитану.— Тут кроется какая-нибудь проказа; слушай!

В лесу раздался тяжелый топот солдат.

— Ваши хитрости нас не проведут,— ответил по-кастильски надменный голос,— люди, с которыми вы говорите, существуют в одном вашем воображении.

— Вы так думаете?— тотчас возразил Польтэ, посмеиваясь,— повторяю вам, вы окружены значительными силами со всех сторон. Берегитесь! При малейшем вашем движении в вас будут стрелять одновременно со всех сторон.

Испанцы, по-видимому, поверили угрозе, потому что топот прекратился мгновенно.

— Покажитесь по крайней мере,— опять вскричал с нетерпением испанский офицер,— покажитесь, чтоб мы знали, с кем имеем дело!

— Вы увидите нас скорее, чем полагаете,— ответил Польтэ все прежним насмешливым голосом,— попались же вы впросак, господа! Вам остается только одно средство выйти из беды, предупреждаю вас — это немедленно сложить оружие и сдаться безусловно.

— Мы не можем вести переговоров с невидимым неприятелем,— послышался снова голос, как надо полагать, командира испанского отряда.

— Как угодно. Я даю вам пять минут на размышление.

Водворилось безмолвие.

Действующие лица в этой сцене, все еще невидимые, вероятно, совещались между собою.

Медвежонок шепнул несколько слов Тихому Ветерку, тот выразил согласие движением руки и тихим свистом с известными переливами подозвал к себе четырех данников, которым отдал приказания, между тем как капитан подходил к пленникам.

— Господа,— обратился он к ним,— вокруг нас происходит что-то странное, как вы сами слыхали; несколько наших товарищей вступили в борьбу с испанским отрядом; дайте нам честное слово не вмешиваться, что бы ни случилось, не произносить ни одного слова, не делать ни одного движения, которое могло бы изобличить ваше присутствие; если вы откажетесь, самосохранение вынудит нас прибегнуть к мерам, которых гнушаемся, особенно в том положении, в котором мы поставлены друг против друга.

— Сеньор,— ответил с достоинством один из пленных,— вы поступили с рыцарским благородством в отношении к нам, можем ли мы колебаться исполнить ваши требования? От имени моих товарищей и моего собственного я даю вам честное слово, что-бы ни случилось, соблюдать строжайший нейтралитет; только в таком случае нарушим мы его, если вам понадобится помощь, если счастье изменит вам и свобода наша или жизнь будут в опасности.

— Принимаю ваше слово, кабальеро,— сказал Медве-

жонок, вежливо раскланялся с испанцем и вернулся к Тихому Ветерку.

По приказанию последнего данники скрылись за деревьями и пробирались, скользя как змеи, сквозь кустарник.

— Пять минут прошло,— говорил тем временем Польтэ,— сдаетесь вы или нет?

— Невидимому неприятелю мы не сдаемся,— тотчас ответил испанский офицер.

— Ага! Ну так мы посмеемся!— вскричал буканьер своим насмешливым тоном.— Слушать, молодцы!

— Рады стараться, капитан!— грянуло разом несколько грозных голосов с разных сторон в одно и то же время.

И страшный треск сломанных ветвей раздался в кустарнике.

Это ответили данники Тихого Ветерка и Медвежонка.

— Открыть огонь!— крикнул Тихий Ветерок.

— Постой еще!— ответил буканьер, не выказывая ни волнения, ни удивления при помощи, так кстати, словно с неба, свалившейся ему, в самую критическую минуту.— Возьми двадцать человек, Тихий Ветерок, и отрежь отступление этим негодяям.

— Железная Голова с пятнадцатью человеками уже занял эту позицию.

— Хорошо; бить всех без пощады, Железная Голова, слышишь? Надо проучить мерзавцев по заслугам,— с невозмутимым хладнокровием продолжал Польтэ.

— Будь спокоен, брат, не уйдет ни один,— твердым голосом отозвался Медвежонок.

Оторопев, что слышат столько разных голосов, когда думали, что имеют дело только с одним противником, испанцы не пытались даже защищаться; они считали себя погибшими, как скоро услыхали имена Тихого Ветерка и Медвежонка Железная Голова, грозная слава которых леденила их ужасом.

— Мы сдаемся!— крикнул офицер.— Пощадите во имя святой Троицы, сеньоры!

— Бросьте оружие!— приказал Польтэ.— Четыре человека сюда, чтоб подбирать копья этих мерзавцев!

Тихий Ветерок, Медвежонок и два данника пошли по направлению Польтэ, который, притаившись за кустом, хохотал до упаду от славно сыгранной им с испанцами шутки.

— Сколько у тебя человек с собою?— спросил его Тихий Ветерок.

— Я один; эти собаки застали меня врасплох, когда все три моих данника на охоте. Все равно,— прибавил Польтэ, протягивая руку двум флибустьерам,— вы можете похвалиться, что подоспели вовремя; мое положение становилось не то чтобы опасно, но крайне затруднительно.

— Вот великолепная-то мысль, одному оцеплять целый испанский отряд!— восторженно вскричал Тихий Ветерок,— это верх смелости!

— Шутишь, брат; мне не оставалось другого выхода из западни, в которую попал; все равно, услышав твой голос, у меня так и отлегло от сердца; но не надо давать время опомниться этим трусам.

Они вышли из-за кустов и приблизились к отряду, держа ружья наготове и с взведенными курками, чтобы мгновенно дать залп при малейшем подозрительном движении неприятеля.

Но все предосторожности оказались лишними: испанцы даже не помышляли более о сопротивлении.

V

ЧТО ПРОИЗОШЛО В САВАННЕ МЕЖДУ ИСПАНЦАМИ И БЕРЕГОВЫМИ БРАТЬЯМИ И КАК ОНИ РАССТАЛИСЬ

Испанскую границу охраняли от постоянных вторжений французских буканьеров отряды по пятьдесят человек, под командою одного поручика, нарочно с этой целью сформированные.

Сначала им дали ружья, но вскоре ружья заменили копьями.

Причина этой перемены оружия, с первого взгляда не логичная, заключалась именно в страхе, который внушали французские буканьеры своим врагам; как только испанские солдаты выходили на саванну, они принимались стрелять поочередно и не переставали, пока не истощался их запас пороха; цель их состояла в том, чтоб предупредить буканьеров о своем присутствии и таким способом заставить их идти в другую сторону, что, разумеется, те и делали, не из страха, но чтобы не бросать охоты.

Подобная предосторожность, чтобы вооружить копьями солдат, посылаемых против неприятеля с превосходными ружьями, который славился своим искусством в стрельбе и попадал в пятистах шагах в стебелек апельсина на дереве, было осуждением и солдат и правительства, которому они служили.

Действительно, чего можно было ожидать от такого войска при стычках и что думать о гуманности правительства, которое холодно и спокойно посылало этих бедняков на верную смерть?

Отряд из пятидесяти солдат со своим поручиком во главе стоял, выстроившись в десяти шагах от леса, на открытом месте, но со всех сторон окруженном густым кустарником, который испанцы от страха населяли невидимым неприятелем.

Копья и сабли лежали перед ними в куче на земле.

Между тем Польтэ шел немного впереди своих товарищей.

Он насмешливо посмотрел на испанцев, и после минуты молчания, от которого у побежденных мороз пробежал по коже, он решился наконец заговорить все прежним шутливым тоном.

— Ага! Кабальеро,— сказал он,— вы решили сдаться?

— Долг велит нам слагать оружие перед превосходящими силами,— смиренно ответил поручик.

— Но теперь,— продолжал Польтэ с видом насмешливым,— вы усматриваете, что были неправы?

— Как видите, мы сдались немедленно.

— Я вижу,— грубо вскричал Польтэ, захохотав прямо в лицо поручику,— что вы олухи и трусы!

— Милостивый государь!— вскричал офицер, подняв голову.

— Уж не хотите ли вы опять задирать нос? Предупреждаю вас, хвастливые выходки теперь не у места. Вы сдались шести человекам,— прибавил он с невероятным нахальством.— Правда,— заключил он с гордостью,— эти шесть человек Береговые Братья и каждый из них стоит десяти испанцев.

— Проклятье!— с яростью вскричал офицер.

— Довольно жалоб, и покоряйтесь добровольно, государи мои,— сухо сказал буканьер.— Сеньор поручик, велите людям вашим связать друг друга.

— Но какие же ваши условия?

— Никакие; вы безусловно сдались; я поступлю с вами как мне угодно.

Что могли сделать несчастные солдаты, попавшие в эту западню? Одно средство только и представлялось: немедленной покорностью смягчить своих грозных победителей, так они и сделали.

Через пять минут весь отряд был крепко перевязан им же самим; один офицер, из уважения к его чину, оставался на свободе.

Польтэ поднял шпагу поручику и, подавая ее, сказал с убийственною иронией:

— Возьмите, сеньор, я не позволю себе лишить вас оружия, которым вы так хорошо владеете.

При этой кровной обиде молодой офицер сделался бледен как смерть; по телу его пробежала нервная дрожь; он схватил шпагу дрожащею рукой, взмахнул ею так, что со свистом прорезал воздух и плашмя ударил буканьера по щеке.

Польтэ взревел как тигр, кинулся на молодого человека и положил его на месте ударом топора.

— Благодарю,— сказал офицер,— по крайней мере, я умру смертью солдата!

Все тело его передернуло от последней предсмертной судороги, и глаза сомкнулись.

Молодого поручика не стало.

Кровавый эпизод, который так трагически закончил комедию, навеял грусть на лица присутствующих.

— Ты погорячился,— сказал буканьеру Тихий Ветерок.

— Правда,— откровенно сознался Польтэ.

— Это был храбрый молодой человек.

— Он это доказал, я не сержусь на него.

— Очень кстати,— ответил Тихий Ветерок, невольно улыбаясь странной логике Польтэ.

— Теперь поговорим о деле,— вмешался Медвежонок.

— О каком?

— О том, что привело нас сюда.

— Правда, я и забыл; о чем речь, товарищи?

— Прежде всего о завтраке,— сказал Тихий Ветерок,— мы умираем с голода, где твой букан?

— В двух шагах. Следуйте за мною.

— С нами есть испанцы,— заметил Медвежонок.

— Пленники?

— Нет, мы им возвратили свободу.

— Где же они?

— Там в лесу, за деревьями.

— Как быть?— воскликнул Польтэ.— Ах! Знаю теперь,— прибавил он спустя минуту,— ступай за освобожденными пленниками, Тихий Ветерок. Ты, Медвежонок, оставайся с данниками здесь и карауль этих негодяев, а я пойду и в четверть часа вернусь; вместо того, чтоб нам идти к букану, он придет к нам.

— Славная мысль!

Польтэ взял ружье и удалился большими шагами, тогда как Тихий Ветерок направился обратно в лес.

Оставшись один, Медвежонок не терял времени; с помощью данников он вырыл могилу, опустил в нее тело несчастного офицера и шпагу его положил возле; потом могилу засыпали землею и навалили на нее большие камни, чтоб оградить от диких зверей.

Оторопев от страха, испанские солдаты, мрачные и печальные, присутствовали молча при этом погребении.

Трагическая смерть начальника внушала им грустные опасения насчет участи, ожидавшей их самих.

Когда подошли освобожденные испанцы, которых привел Тихий Ветерок, могила уже была засыпана и все следы убийства так изглажены, что ускользнули бы даже от более опытных глаз. Медвежонок Железная Голова и Тихий Ветерок помогли дамам сойти с лошадей и вежливо проводили их до навеса, в несколько ударов топора устроенного данниками, под которым можно было укрыться от знойных лучей солнца.

Мужчинам предоставлена была свобода расположиться как они хотят, с одним условием: не подходить к солдатам и не говорить с ними.

В минуту, когда флибустьеры, раскланявшись, хотели отойти от дам, те быстро переглянулись и сделали движение, как будто желают остановить их.

— Что вам угодно, сеньоры?— спросил Медвежонок, угадав, что они хотят заговорить с ним.

С минуту еще испанки колебались.

— Сеньор,— наконец решилась сказать Эльмина,— быть может, случай переговорить с вами два слова не представится в другой раз перед разлукою, которой, наверно, суждено быть вечной; позвольте же выразить вам искреннюю благодарность, которую одна смерть изгладит из наших сердец. Вам мы обязаны жизнью и честью, самым драгоценным благом для женщины; благодаря вашему великодушному заступничеству и вашему самоотвержению, капитан Железная Голова, нам возвратили свободу и через несколько часов мы опять будем среди соотечественников наших.

— Сеньора,— перебил капитан с достоинством, которое чрезвычайно удивило его собеседниц,— я поступил как предписывала мне честь благородного рода.

— Положим, капитан,— продолжала донна Эльмина,— я не буду настаивать на этом; теперь я знаю, что мне думать о флибустьерах и буканьерах, которых всегда

представляли мне зверскими людьми без правил и чести; я сохраню о них самое приятное воспоминание, и когда в моем присутствии будут нападать на них, я сумею теперь взять их сторону.

— Ваше снисхождение и доброта, сеньора,— высокая для меня награда.

— Мы не можем открыть вам наших имен и звания, но мы погрешили бы против должного к вам уважения, если б перед тем, как разойтись, не показали лиц, которых вы никогда не увидите более, но о которых, быть может, сохраните воспоминание. Итак, вот взгляните.

Донна Эльмина быстро откинула с лица шарф, и спутница ее сделала то же.

У флибустьеров вырвался крик удивления при внезапном виде двух пленительных лиц.

Донне Эльмине и донне Лилии едва минуло по семнадцать лет; в чертах их мавританский тип слился с кастильским и образовал самую ослепительную красоту, какую могло бы создать воображение поэта.

К несчастью, это обаятельное видение мелькнуло с быстротою молнии, и почти мгновенно две девушки надвинули опять с улыбкою складки своих шарфов на лицо.

— Уже!— пробормотал Медвежонок.

— Теперь прощайте, сеньоры!— сказала донна Эльмина.

— Еще одно слово!— с внезапною решимостью вскричал капитан, вынув кольцо, которое носил на шее на стальной цепочке, и разорвал цепочку.— Будущее ни-кому неизвестно. Бог мне свидетель, что я от всего сердца желаю вам счастья, но если б суждено было бедствиям снова обрушиться на вас и если б вам понадобился верный, преданный и храбрый друг, возьмите это кольцо с моей печатью; когда, как и где бы вы ни доставили мне его, я немедленно явлюсь на зов. Если же вы сами пожелаете отыскать меня, только покажите мое кольцо, и так как товарищи все знают его, оно послужит вам охраною и доставит свободный пропуск ко мне.

— Принимаю, кабальеро,— ответила тронутая донна

Эльмина,— вы меня так приучили к рыцарским поступкам, что лишнее благодеяние не может увеличить моего неоплатного долга.

Несмотря на грубую и неотесанную натуру, Тихий Ветерок был тронут не менее товарища, однако внезапно положил конец сцене, которая становилась уже тягостною, тем что увлек за собою капитана.

Погруженные в собственные мысли, испанцы не заметили или сделали вид, будто не замечают продолжительного разговора флибустьеров с двумя дамами.

Часом позднее явился Польтэ в сопровождении своих трех данников и штук двенадцати гончих, которые при виде испанцев чуть не вцепились им в горло; успокоить собак стоило величайшего труда.

Данники несли на широких плечах своих все принадлежности громадной трапезы; в несколько минут были раскинуты палатки и устроен букан.

По приказанию Польтэ, который, в сущности, был человек добрый, поставили перед бывшими испанскими пленниками и солдатами большое количество съестных припасов и последним развязали руки, чтоб дать им возможность есть.

Лучшие куски, разумеется, отложены были для дам, оставшихся под навесом; затем и данники, и Береговые Братья сели в кружок и в свою очередь храбро бросились на пищу.

Флибустьеры объяснили между тем Польтэ в немногих словах, почему они очутились в саванне и какие имели намерения.

Буканьер не возражал, только покачал раза два головой; но с солдатами, которые, в сущности, были его пленниками, он оставил за собою право поступить по своему усмотрению. Товарищи признали это вполне справедливым.

После завтрака, который длился не долго — охотники и авантюристы не теряют времени на еду, — Береговые Братья закурили трубки, и, по приказанию Медвежонка, бывшие пленники были приведены.

— Сеньор,— обратился капитан к тому, которого

товарищи, как бы по безмолвному соглашению, признавали за начальника,— теперь мы расстанемся. Вы свободны, как я уже говорил. Данник Польтэ проводит вас до испанских аванпостов, они всего в нескольких лье отсюда, и вы будете там до заката. За мою услугу я прошу вас об одном — оказать некоторое сострадание тем Береговым Братьям, которых судьба приведет в ваши руки.

— Я никогда не забуду,— с достоинством ответил испанец,— что вам мы обязаны свободой; взамен обещаю вам щадить каждого французского пленного, который будет в моей власти.

— Принимаю ваше обещание, сеньор, и считаю себя вполне вознагражденным.

— Не забудьте, кабальеро,— бесцеремонно, по своему обыкновению вмешался в разговор Польтэ,— что жизнь десяти солдат ответит за то, если б с проводником, которого я вам даю, что-нибудь случилось.

— Разве эти бедные солдаты останутся в плену?— с живостью спросил испанец.

— Если только вы не согласитесь заплатить выкуп.

— Без сомнения. Сколько вы требуете за них?

— Пятьдесят пиастров с человека,— отчетливо проговорил Польтэ.

— Согласен, но вы же понимаете, что при мне этих денег нет. Клянусь честью и словом дворянина, завтра через два часа после рассвета мой гонец вручит вам условленную цену, то есть две тысячи пятьсот пиастров.

— Как скоро деньги будут у меня в руках, солдатам возвратится свобода.

— Разве вы не верите моему слову?— вскричал испанец надменно.

— Напротив, но предпочитаю деньги; дайте пиастры, получите солдат.

— Не устроить ли вам этого дела между собою, Брат?— в свою очередь вмешался Медвежонок.

— То есть как же это?

— Если ты будешь согласен, то я поручусь за этого господина.

— Ты с ума сходишь; тебя обманут.

— Ба! Велика важность.

— Как хочешь, если так; но я умываю руки.

— Позвольте, сеньор,— перебил испанец,— благодарю вас за предлагаемое поручительство, но я не принимаю его; я докажу вашему товарищу, что более доверяю ему, чем он мне.

С этими словами он вынул из полукафтана футляр.

— Вот,— продолжал он,— несколько бриллиантов, которые мне удалось скрыть от флибустьеров; оставьте их себе, сеньор, и отдайте тому, кто привезет условленную сумму.

Польтэ открыл футляр и рассмотрел бриллианты глазом знатока.

— Тут более чем на миллион, вы знаете это?— спросил он.

— Ценность их в четыреста тысяч пиастров,— холодно сказал испанец.

— И вы доверяете мне их?

— Почему же нет? Я полагаюсь на вашу честь.

— Возьмите назад ваш футляр,— возвращая его, возразил Польтэ, пристыженный уроком,— пленники свободны, вы доставите выкуп когда вам угодно.

— Хорошо, благодарю,— просто сказал испанец.

Спустя минуты две дамы садились на лошадей и бывшие пленники, молча раскланявшись с Береговыми Братьями, отправились в путь, предшествуемые данником буканьера.

Проезжая мимо капитана, донна Эльмина слегка наклонилась над седлом и прошептала одно слово:

— Recuerdo! — Воспоминание!

Капитан молча и почтительно поклонился; после чего следил глазами за небольшой вереницею удалившихся путников, пока они не скрылись из вида. Когда же наконец испанцы исчезли за поворотом извилистой тропы, флибустьер подавил вздох и в глубокой задумчивости направился к своим товарищам.

В тот же вечер данник Польтэ вернулся с пятью

тысячами пиастров, ровно вдвое против условленного выкупа.

На другое утро Тихий Ветерок и Железная Голова, дружески простившись с буканьером, возвратились в порт Марго.

Недели, месяцы, год и наконец другой миновали, а капитану, несмотря на все поиски, не удалось добиться каких-либо известий о донне Эльмине; характер его, и то мрачный по природе, стал еще сосредоточеннее; исчезла надежда, хотя и слабая, которую он лелеял до той поры.

Донна Эльмина забыла его; однако не она ли шепнула ему при расставании нежное, исполненное таких пленительных обещаний слово:

— Воспоминание!

Однажды вечером он, как обыкновенно, грустный и задумчивый, бродил по берегу, когда человек, показавшийся ему знакомым, хотя он не мог припомнить, где видел его, остановился перед ним с поклоном.

— Кто вы и чего хотите?— спросил Медвежонок.

— Капитан, я данник Польтэ; хозяин приказал мне доставить вам эту бумагу, которую получил вчера с час после заката.

Тайное предчувствие сжало капитану сердце; он взял бумагу дрожащею рукой и развернул ее; ему было достаточно одного взгляда, чтоб убедиться, что предчувствие не обмануло его; на бумаге он увидел свою собственную печать на черном сургуче и три слова:

КАРТАГЕНА — СЕЙЧАС — ОПАСНОСТЬ

— Твой хозяин не велел ничего передать на словах?— спросил Медвежонок.

— Он приказал вам сказать: «Куда капитан пойдет, туда и я с ним; завтра, самое позднее, я буду у него».

— Благодари хозяина и скажи, что я буду ждать. Вот тебе за труд.

И, сунув руку в карман, флибустьер вынул несколько пиастров.

Данник принял их, поклонился и ушел.

На другое утро, согласно своему обещанию, явился Польтэ. Это было в четверг.

Немедленно же капитан приступил к вербовке людей; в пятницу утром все было кончено.

Флибустьер не знал, какого рода опасность грозила донне Эльмине, но надо полагать, что она была велика, если она решилась прибегнуть к его помощи.

Итак, не давая себе времени на размышление, он поспешно приготовился в поход.

Прежде всего надо было поспеть на место, а там уже и решать, что предпринять.

Да наконец, вероятно, и обстоятельства сложатся так, что он сообразно с ними составит свой план.

Медвежонок Железная Голова много выстрадал и потому веровал.

Он надеялся.

На что именно, он сказать бы не мог; он надеялся, пожалуй, на невозможное...

Впрочем, не так ли всегда бывает в любви?

Не признаваясь в том самому себе, капитан любил.

Любил он безумно молодую девушку, виденную мельком, одно мгновение, но образ которой навек запечатлелся в его сердце.

Вся жизнь его сосредоточивалась в этой страсти, сила которой пугала его и очевидная недоступность, увы! приводила в бешенство на самого себя.

И тем не менее, повторяем, он надеялся!

Сообразно с этим он и действовал.

Но так как таинственные приготовления в поход наделали шуму, то он решился заставить замолчать всех изобретателей более или менее нелепых предположений по поводу экспедиции.

Одно только действительное средство и представилось закрыть рот болтунам — это дать им пищу.

На этом он и остановился. Впоследствии он имел веский повод радоваться, что принял такую меру.

Была пятница.

Медвежонок пригласил флибустьеров на большой пир, имея в виду немедленно же сняться с якоря.

Вот почему, как мы говорили в начале этого правдивого рассказа, 13-го сентября 16... г. в «Сорванном Якоре» был кутеж на все руки.

А теперь, когда мы изложили во всех подробностях более или менее значительные факты, которые предшествовали разгульному пиру, мы приступим к продолжению нашего повествования с того места, где прервали его.

VI

КАК «ЗАДОРНЫЙ» СНЯЛСЯ С ЯКОРЯ И КАКОЙ ДОГОВОР О РАЗДЕЛЕ ДОБЫЧИ КАПИТАН МЕДВЕЖОНОК ЖЕЛЕЗНАЯ ГОЛОВА ЗАСТАВИЛ ЭКИПАЖ СКРЕПИТЬ ПРИСЯГОЙ

Гости делали честь яствам; стаканы то и дело звенели; веселые речи не умолкали с одного конца стола до другого; песни и смех покрывали отдельные разговоры, и порой блюдо или пустая бутылка, пущенные в окно, разбиваясь, падали посреди толпы, собравшейся вокруг дома и приветствовавшей это падение с неистовым хохотом.

Однако, благодаря присутствию д'Ожерона, пир не заходил за известные пределы кутежа. Правда, некоторые флибустьеры скатились уже под стол и храпели там, словно трубы органа, но падение их осталось непримеченным; они тихо соскользнули со своих мест, без шума и скандала, а соседи их только воспользовались свободным местом, чтобы раздвинуть стулья и расположиться удобнее.

Некоторые из флибустьерских начальников сохранили полное хладнокровие; это были д'Ожерон, Монбар, Тихий Ветерок, Польтэ, Мишель Бискаец и Железная Голова, который кроме воды ничего в рот не брал; но капитан давно был известен за оригинала, и это нарушение

флибустьерских обычаев было терпимо тем охотнее, что хотя сам он не пил, но другим не мешал; напротив.

Разумеется, наиболее возбуждают жажду разговоры, и Богу известно, натолковались ли Береговые Братья вдоволь. Порой даже все говорили вдруг, не обращая никакого внимания на ответы; к тому же в этот вечер собиралась гроза, воздух был тяжел и полон электричества, жар томителен; сколько предлогов, если б пьющие нуждались в оправдании!

— Слушать, провал вас возьми,— вдруг вскрикнул Прекрасный Лоран, поднимая стакан, полный до краев,— да слушайте же, товарищи! Я пью за здоровье капитана Железная Голова и за успех его предприятия! Черт возьми того, кто не ответит на мой тост!

— За здоровье капитана Железная Голова!— вскричали в один голос все флибустьеры без исключения, разумеется, кроме тех, которые свалились под стол.

— И пусть он встретит на пути галионы вице-короля Новой Испании!— весело прибавил Монбар-Истребитель в виде заключения.

— За его скорое и благополучное возвращение к нам!— улыбаясь, сказал губернатор и поднес стакан к губам.

Капитан Железная Голова уже несколько минут казался погружен в глубокие размышления; однако, услышав добрые пожелания друзей, он поднял голову; его бледное лицо озарилось прелестною улыбкой, и, взявшись за стакан, он вскричал:

— Французского вина! Не водою отвечу я на желание моих товарищей!

— Браво! Да здравствует Медвежонок!— воскликнули флибустьеры, радостно захлопав в ладоши при этом неожиданном заявлении, которое шло вразрез с привычками капитана.

Вино подали и разлили по стаканам.

Капитан встал и поклонился вокруг.

— Братья!— сказал он громким голосом,— ответьте на мой тост. За преуспевание флибустьерства!

— За преуспевание флибустьерства!— повторили гости.

— Постойте,— продолжал капитан, снова протягивая стакан, чтобы наполнили его,— за Францию, нашу общую родину, и за свободу на морях, когда нам отказывают в ней на земле!

Этот тост был принят с исступленными криками восторга.

— А теперь,— продолжал капитан, разбив стакан об стол,— пить больше не стану. Братья, простимся; пробил час разлуки; я уезжаю; через месяц я буду здесь опять или буду мертв.

— Зачем такие мысли в подобную минуту, любезный капитан?— кротко остановил его д'Ожерон.

Медвежонок грустно показал головой.

— Действительно, я неправ, веселый пир должен не так кончиться; простите, Братья! Я ставлю жизнь на карту; все против меня; и в минуту разлуки, быть может вечной, мысль о нашей братской дружбе раздирает мое сердце, хотя решения моего не поколебать.

— Зачем уезжать сегодня?— вскричал Монбар.

— Тринадцатого и в пятницу!— прибавил Тихий Ветерок задумчиво.

— Подожди до завтра, Медвежонок!— закричали флибустьеры,— подожди, Брат; это Бога испытывать!

— В воздухе гроза,— заметил Прекрасный Лоран.

— Вы все правы, друзья,— ответил капитан твердым голосом,— но, к несчастью, я на это могу сказать только: так надо!

— Если так, мы будем молчать, капитан,— сказал д'Ожерон,— вы из тех людей, которых ничто отступиться не заставит, когда речь идет о долге; не без причины,— весело прибавил он,— вас прозвали Железной Головой; но так мы с вами не расстанемся, а проводим до пристани.

— Да, да!— вскричали флибустьеры с рукоплесканиями,— на пристань!

— Благодарю, братья, и принимаю,— просто ответил капитан.

Он встал.

Все Береговые Братья последовали его примеру.

Вышли из гостиницы «Сорванный Якорь» и медленно направились к пристани между рядов флибустьеров, которые с улицы присутствовали при всей этой сцене и увлеклись общим чувством.

Достигли пристани.

Шлюпка с десятью гребцами качалась внизу лестницы.

Начались прощания.

Капитан Железная Голова и Польтэ сели в шлюпку и отчалили.

Ветер был свежий, море бурно; несколько тучек быстро скользило на синем небе, испещренном яркими, как бриллиантовая пыль, звездами; почти полная луна светила бледным сиянием.

Гребцы, нагнувшись над веслами, менее чем в четверть часа оставили за собою расстояние до корабля, стоявшего на большом рейде.

Шлюпку окликнул со шканцев и узнал вахтенный, и она подошла к кораблю со штирборта.

Пьер Легран, лейтенант фрегата, почтительно ждал своего командира у самого трапа, когда же тот поднялся, немедленно скомандовал, чтобы ему отдали честь.

Едва ступил капитан на свой корабль, как осмотрелся вокруг пытливым взором, потом задумчиво поглядел на городские огни и спросил:

— Готовы мы?

— Все готово,— ответил Пьер Легран.

Капитан поднялся на шканцы, наблюдал с минуту небосклон и, приложив к губам рупор, скомандовал могучим голосом, который раздался на всех концах корабля:

— По местам!

Словно по волшебству появились во всех люках загорелые, выразительные лица матросов, которые мигом очутились на палубе и покрыли снасти.

По команде сотни людей налегли на рукоятки брашпиля и разом освободили якорь.

Команда за командой были исполнены с необычайным искусством и быстротой.

Судно наконец величественно повернулось и пошло.

Тогда капитан спустился вниз и передал рупор своему лейтенанту.

Спустя двадцать минут флибустьерское судно скользило среди мрака, словно призрак.

Хотя в открытом море ветер был слабый, однако не настолько, чтоб нельзя им воспользоваться. Судно шло легко на нескольких парусах.

Свистком созвали экипаж на молитву.

Флибустьеры отличались особенной богомольностью; общая молитва происходила на их судах утром и вечером; лейтенант читал ее, а матросы повторяли за ним. Нередко флибустьеры с пением псалмов схватывались с неприятельскими кораблями на абордаж.

Этот удивительный обычай стоит заметить, когда речь идет о подобных людях.

Через час, кроме вахты, наверху никого не было и весь экипаж спал с тою беспечностью, которая составляет отличительную черту моряков.

Судно Медвежонка Железная Голова было кораблем в тысячу восемьсот тонн, только год назад спущенным с верфи в Фероле.

Испанцы, вооружив его тридцатью пушками и экипажем в пятьсот человек, послали в Мексиканский залив для прикрытия проходящих галионов.

Называлось оно «Сан-Хозе», вид имело тонкий, стройный, неглубоко сидело в воде, легко управлялось и было быстро на ходу.

На несчастье «Сан-Хозе», едва он достиг Антильского моря, как в одну прекрасную ночь, часу в первом, его захватили врасплох и взяли на абордаж, почти без сопротивления, пять флибустьерских лодок под командой Медвежонка.

Испанский капитан и его штаб попытались было обороняться, хотя сопротивление было бессмысленно, и поплатились жизнью: их повесили на мачтах, корабль отвели в порт Марго, а матросов продали жителям и буканьерам.

Разделив между товарищами, сколько приходилось на

каждого с взятого приза, Медвежонок купил для себя «Сан-Хозе», тотчас переименовал его «Задорным» — название во всех отношениях подходящее к такому легкому на ходу судну, стройному, красивому и кокетливо выкрашенному.

С тех пор, как «Задорный» перешел к другому владельцу, он в четвертый раз выходил в море.

Часам к двум капитан опять поднялся на шканцы.

Ветер немного стих.

Медвежонок шепнул несколько слов вахтенному.

Это был Польтэ, такой же добрый моряк, как и смелый буканьер.

Польтэ велел поднять по зажженному фонарю на верхушку каждой мачты, по другому на гафель и убрать грот-марсель.

Корабль остановился.

Находились не более как в расстоянии пяти или шести кабельтовых от берега, вдоль которого шли все время по выходе из порта Марго и который ясно было видно благодаря светлой ночи.

Прошло полчаса.

Капитан расхаживал по юту, склонив голову на грудь, заложив руки за спину и погруженный, по-видимому, в глубокие размышления.

— Капитан,— почтительно сказал Польтэ, так как дисциплина строго соблюдалась на флибустьерских судах,— я вижу огни налево от нас.

— Сколько?

— Четыре.

— Верный счет. Быть наготове, бросить швартовые, когда пироги подойдут и ответят на оклик.

Польтэ поднялся на шканцы, не потребовав объяснения.

Еще прошло минут двадцать; огни быстро приближались к «Задорному», и теперь уже легко было различить подходящие лодки.

— Эй! Корабль!— раздался громкий голос.

— Кто вы?— крикнул в ответ Польтэ.— Что вам надо?

— Береговые Братья!— откликнулся прежний голос,— мы идем к «Задорному».

— Имя начальника вашего?

— Олонец.

При этом знаменитом между флибустьерами имени вахтенные встрепенулись.

— Причаливайте!— продолжал Польтэ.

Бросили швартовые, которые, так сказать, на лету подхватили, и двести пятьдесят с ног до головы вооруженных флибустьеров взобрались, с проворством обезьян, по бокам «Задорного», цепляясь за что попало, и мигом были на палубе, не думая заботиться о пирогах, которые унесло по течению.

— Вот и я!— просто сказал Олонец Медвежонку.

— Благодарю, брат!— ответил тот дружески, пожимая ему руку.— Ты держишь слово; впрочем, как видишь, я ждал тебя. Там ничего не подозревают?

— Ничего.

— И д'Ожерон нет?

— Тени сомнения не имеет.

— Очень хорошо! Чем безумнее наше предприятие, тем строже следует хранить его в тайне. Уверен ли ты в своих людях?

— Как в себе самом; я выбирал их поодиночке; будь спокоен, самый тихонький из них дьявол во плоти.

— Славно! Ребята,— прибавил капитан, возвысив голос и обращаясь к новым пришельцам,— пристройтесь на походную ногу, между пушками и в шлюпках, и выспитесь; часа через три рассветет. Тогда мы потолкуем.

Флибустьеры молча отошли и как истые моряки в несколько минут расположились для ночлега, кто в шлюпках, кто на носу, но так, чтобы не мешать экипажу.

«Задорный» уже снова шел.

— Пойдем, матрос!— сказал Медвежонок Олонцу,— мне надо поговорить с тобою.

Оба сошли в каюту, где заперлись и шепотом говорили более часа.

Потом Медвежонок пожелал товарищу доброй ночи и

бросился не раздеваясь на свою койку; что же касается Олонца, то он просто растянулся на полу, закутался в свой плащ, и немного прошло времени, как оба приятеля спали мертвым сном.

В половине пятого солнце взошло без облачка; ночью ветер все свежел; море было бурное; по нему ходили глубокие и короткие волны; земля вдали казалась одним голубоватым облачком.

«Задорный» сильно раскачивало с боку на бок, хотя мало было распущено парусов.

Тем не менее он шел быстро.

Капитан поднялся на палубу в сопровождении некоторых самых коротких приятелей, как например Олонец, Польтэ и любимый его данник, Александр.

Пьер Легран, в качестве лейтенанта, занял вахту с четырех часов утра.

Внимательно поглядев на компас несколько минут и осмотрев мачты, капитан подошел к своему лейтенанту и сказал что-то шепотом.

Лейтенант кивнул головой и, приставив свисток к губам, нагнулся над большим люком и крикнул громовым голосом:

— Пошел все наверх для договора.

Через пять минут экипаж, неподвижный и безмолвный, выстроился по шкафутам, поставив ружья к ноге и глаза устремив на начальника, который, скрестив руки, стоял немного позади большой мачты.

Эти люди с загорелыми и беспечными выразительно-энергичными лицами представляли странное зрелище на корабле, который сердитое море перебрасывало с боку на бок.

Наивною простотою своею и скаредными размерами костюм их более еще способствовал характеру поразительно живописному этой необычной сцены. Он состоял из холщовой рубашки и штанов до половины бедер. Пристально всмотревшись в эту одежду, можно было заметить, что она из холста, пропитанного кровью и жиром до того, что сделалась непромокаемой.

У одних волосы стояли взъерошенные под тульей шляпы

со срезанными вокруг полями кроме переда, который заменял козырек, другие носили волосы связанными. Все были с бородами и некоторые даже с очень длинными.

Каждый авантюрист носил на поясе с одного бока топор и короткую прямую саблю с широким лезвием, называемую бычьим языком, мешок с пулями и тыковник, набитый порохом; с другого же бока ножны из крокодиловой кожи с четырьмя ножами и штыком; сверх того у каждого было по ружью, как выше сказано, и через плечо надето по скатанному куску тонкого холста для палатки, когда приходилось расположиться станом.

Ружья этих людей заслуживают отдельного описания: они приготовлялись во Франции исключительно для авантюристов у Браши в Дьеппе и Желена в Нанте; дула их имели четыре с половиной фута длины; приклады почти прямые, массивные и в серебряных украшениях; эти ружья били чрезвычайно метко, особенно в руках буканьеров, которые славились своим искусством в стрельбе.

Капитан стал на свое место на шканцах и движением руки подозвал флибустьеров ближе.

Это движение исполнилось в величайшем порядке.

Резким и продолжительным свистком дали знать, что требуется молчание.

Капитан Железная Голова снял шляпу, поклонился Береговым Братьям и заговорил; голос его, спокойный, но отчетливый и звучный, раздался среди свиста ветра в снастях и глухого рева разъяренных волн, ударявшихся о борта корабля.

Собаки и кабаны, неразлучные спутники капитана, лежали у его ног, не обращая внимание на качку и глядя на авантюристов наивно-грустным взором, который Господь вложил в глаза животных, созданных жить с человеком или для него, как безмолвный и невольный укор в его жестокости с ними.

Медвежонок провел рукою по лбу и потом гордо поднял голову.

— Береговые Братья,— начал он, окинув присутствующих молниеносным взглядом,— мы старые знакомые;

между вами нет ни одного, который не плавал бы со мною. Итак, вам известно, кто я, на что я способен, и, едва ступив на эту палубу, вы уже, вероятно, знали, что я поведу вас на завоевание, которое одни флибустьеры с острова Черепахи умеют замышлять и приводить в исполнение! Вы не ошиблись, товарищи, это новая экспедиция, но говоря откровенно, самая безумная, смелая, отчаянная изо всех, когда-либо предпринимаемых до сих пор. Словом, мы идем к испанцам в их сильное убежище, похитить у них галионы в том порту, который они в своей надменности считают недоступным потому, что нам еще не приходила мысль завладеть им! Братья! Мы идем в Картагену!

— В Картагену! В Картагену! Да здравствует Медвежонок Железная Голова!— вскричали флибустьеры, восторженно размахивая оружием.

— Я не стану говорить,— продолжал капитан,— о бесчисленных преградах, которые надо побороть; о тех опасностях, которые мы встретим на каждом шагу! Какое нам дело! Мы Береговые Братья! Ястребы с острова Черепахи! Мы победим!

— Да, да, победим!— неистово крикнули флибустьеры в порыве восторга от надменных слов, все значение которых понимали отлично.

— Разумеется,— продолжал капитан с убийственною иронией,— я легко мог бы последовать примеру Моргана в его экспедиции в Порто-Бело и вооружить эскадру; но гуси летают стаями, орел же всегда один; и мы одни исполним нашу задачу! Неприятель ничего не подозревает и будет поражен как громовым ударом. Он падет, не успев даже подумать о защите!

— Да здравствует Медвежонок Железная Голова!— снова перебили флибустьеры с восторженностью, доходившею до иступления.

— Но вам известно,— продолжал капитан,— что, чем экспедиция славнее, тем больше опасности и тем строже должна быть дисциплина. Я составил договор о разделе добычи, выслушайте его внимательно, я потребую вашей подписи.

— Договор! Скорей договор!— заволновался экипаж.

Капитан вынул из кармана сложенную вчетверо бумагу, потребовал рукою тишины, развернул лист и стал читать:

«Пункт 1-й. Все Береговые Братья, находящиеся на фрегате «Задорный», клянутся капитану Медвежонку Железная Голова, начальнику экспедиции и офицерам его штаба в безусловном повиновении под страхом смерти».

— Клянемся!— вскричал экипаж в один голос.

«Пункт 2-й. Капитан оставляет за собою исключительное право назначать начальников, которые будут находиться под его командою, даже до боцмана и констанеля».

— Клянемся!

«Пункт 3-й. Кто снимет неприятельский флаг с крепости и заменит его французским трехцветным флагом флибустьеров, получит, кроме своей доли, пятьдесят пиастров».

— Клянемся!

«Пункт 4-й. Кто захватит пленника, когда понадобятся известия о неприятеле, кроме доли своей, получит сто пиастров; гренадеры, за каждую брошенную в форт гранату получат по сто пиастров; кто возьмет в плен неприятельского штаб-офицера, получит двести пиастров».

— Клянемся!

«Пункт 5-й. Капитан имеет право на одного пленника со ста, остальные начальники по одному с двухсот. Королю поступит одна десятая часть из всей добычи, другая десятая доля добычи отложится для вдов и сирот Береговых Братьев, убитых в экспедиции».

— Клянемся!

— Теперь же, товарищи, вот что относится до изувеченных и раненых. Для них будут отделены вознаграждения до раздела добычи.

— Браво! Да здравствует капитан! Послушаем, послушаем!— вскричали флибустьеры, сильно заинтересованные этим последним пунктом.

«Пункт 6-й. Кто лишится обеих ног, тот получит тысячу пятьсот пиастров или пятнадцать невольников, по желанию; за потерю обеих рук тысячу восемьсот пиастров или восемнадцать невольников; за потерю одной ноги, все равно какой, правой или левой, пятьсот пиастров или шесть невольников; за одну руку или одну кисть руки — одинаковое вознаграждение; за глаз — сто пиастров или невольника; за оба глаза — две тысячи пиастров, или двадцать невольников; за палец — сто пиастров или невольника. У кого изувечена будет рука или нога, тот получит такое же вознаграждение, как за потерю руки или ноги, если б их отняли или оторвали; кто опасно будет ранен, куда бы то ни было, получит пятьсот пиастров или пять невольников»[1].

— Это хорошо!— одобрили флибустьеры,— капитан подумал обо всем. Да здравствует Медвежонок Железная Голова.

— Итак, весь договор принят?— спросил капитан.

— Принят и подкреплен присягой,— весело вскричали авантюристы.

— Так слушайте же теперь, братья,— продолжал капитан,— кого я назначил себе помошниками, уделив им часть моей власти; надеюсь, что мой выбор будет вам приятен.

Тишина водворилась мгновенно, как бы по волшебству.

— Старшим капитаном на «Задорном»,— продолжал Медвежонок,— назначается Пьер Легран; младшим капитаном Давид; старшим лейтенантом Олонец; младшим лейтенантом Польтэ, боцманом Александр; клянетесь ли вы в повиновении этим начальникам?

— Клянемся.

— Теперь же, братья, назначьте сами своих унтер-офицеров, шкиперов, подшкиперов и штурманов; сойдитесь по правилам матросства и разделитесь на две команды. С этой минуты я объявляю экспедицию начатою. Как скоро

---

1 Этот странный договор исторически верен; он помещен целиком в любопытном произведении Оливье Эксмелена.

кончатся ваши выборы, корабельный писарь придет с договором за вашими подписями. Ступайте.

Экипаж немедленно перешел на бак и приступил к выборам со спокойствием и хладнокровием, которого никак нельзя было ожидать от подобных людей, но которые доказывали, насколько они сознавали важность того, что им поручили.

Один капитан со своим штабом остался на юте. Было восемь часов утра, рулевой пробил восемь склянок; Давид стал на вахту.

— Братья,— обратился Медвежонок к своим помощникам,— сделайте мне честь позавтракать со мною; мы поговорим; я сообщу вам мой план, чтобы овладеть Картагеной, и мы обсудим его за стаканом вина.

Начальники почтительно поклонились и сошли за ним в кают-компанию, где уже был накрыт стол.

Ветер все свежел и становился настоящею бурею, но никто на «Задорном» не обращал на него внимания.

Медвежонок и его помощники не такого были закала люди, чтоб тревожиться на счет большей или меньшей силы ветра.

«Задорный» был новый корабль, построенный с тем тщанием, которое испанцы в то время прилагали к постройке всякого рода судов. В ту эпоху французский флот существовал как бы только по имени; Кольбер едва приступил к вооружениям, которые впоследствии приобрели такую грозную славу; английский флот, правда, уже существовал, но был далеко не так велик и благоустроен, как испанский, который, наравне с голландским флотом, считался лучшим в свете по числу судов — во-первых, и, во-вторых, по условиям их вооружения и несомненного достоинства в применении к морскому делу.

Фрегат «Задорный», вновь оснащенный и прочной постройки, которым можно управлять как лошадью, разумеется, не боялся шквала более или менее сильного; стало быть, не стоило обращать внимания на расходившийся ветер.

Капитан сел на почетное место, и штаб его расположился вокруг стола, на котором стоял завтрак.

Храбрые флибустьеры умирали с голоду; они не ели еще после исполинского пира в «Сорванном Якоре». Столько разных хлопот заняло все их время, что они едва нашли минуту перекусить на скорую руку сухарем с рюмкою водки.

Ели и пили, весело толкуя обо всем, что более или менее касалось общих интересов; потом, когда голод в этих могучих сложениях наконец был утолен, на стол поставили бутылки с водкой, задымились трубки, и разговор перешел незаметно в тон более серьезный.

— Красивый ли город Картагена?— спросил Олонец.

— Говорят,— ответил Медвежонок,— но сам не видал и потому не знаю.

— Я бы думал,— засмеялся Олонец,— разве кто из нас мог видеть его?

— Испанцы так ревниво оберегают свои колонии,— сказал Польтэ,— что попасть к ним можно только с оружием в руках.

— Что касается меня,— возразил с улыбкой Пьер Легран,— то способ этот мне нравится; он выгоден.

— У тебя губа не дура!— вскричал Олонец, захохотав во все горло,— признаться, я все спрашиваю себя, зачем Медвежонок, затеяв экспедицию, выбрал именно Картагену преимущественно перед другими городами.

— Ты ничего в этом не смыслишь,— вскричал Польтэ, украдкой значительно переглянувшись с Медвежонком,— а понять-то уж как легко!

— Ты находишь?

— Ведь в глаза бьет, ей-Богу!

— Так скажи, в чем дело.

— Охотно; впрочем, если я ошибаюсь, Медвежонок тут налицо и может исправить мою ошибку.

— Говори, товарищ,— сказал капитан.

— Да, мы слушаем.

— Не много и слушать-то придется,— засмеялся Польтэ.

— Да ну же, болтун.

— Вот дело в двух словах: все города на берегу материка исследованы нами более или менее, то есть они были взяты и преданы огню и мечу; только немногие спаслись.

— Мне очень нравится выражение «исследованы»,— сказал со смехом Пьер Легран.

— Не правда ли удачно? Ну так вот: эти города, в числе не более десяти, оставались в пренебрежении до сих пор или потому, что очень бедны и, как говорится у нас на родине, игра не стоит свеч; или потому, что слывут сильно укрепленными, а мы, следовательно, не посмели бы не то чтобы подойти к ним, трудного тут ничего нет, но наложить на них лапу, что было бы не безопасно. В особенности недоступными, в полном смысле слова, слывут два-три. Монбар и Морган взяли Порто-Бело, Панаму, Маракаибо, да и кто перечтет все наши безумно отважные экспедиции. Медвежонок славный товарищ; это бесспорно; тем не менее эти образцовые подвиги, предпринятые и с искусством исполненные нашими братьями, в душе огорчают его; не то чтобы он завидовал им, но слава Монбара, Моргана, Прекрасного Лорана и многих еще спать ему не дает; и он так же задумал одну из тех экспедиций, которые в ужас приводят наших врагов и богатства их доставляют в наши руки. Город, слывущий самым грозным из всех не тронутых еще нами, это Картагена; разумеется, Медвежонок выбрал его. Четыре дня тому назад он пришел ко мне в большую савану, где я охотился:

— «Хочу затеять экспедицию,— сказал он мне.

— Что ж, черт возьми!— ответил я, как сделал бы каждый из вас,— куда мы пойдем?

— В Картагену.

— В Картагену так в Картагену». И я последовал за ним без дальних рассуждений.

— Вот так-то, друзья, и мы теперь на пути к Картагене, не прав ли я, Медвежонок?

— Это совершенно справедливо,— улыбаясь согласился капитан.

Объяснение показалось просто и ясно, в особенности же логично людям, которые и без повода готовы были напасть на испанцев.

— Господа,— сказал Медвежонок спустя минуту,— прежде чем разойтись, я бы хотел посовещаться с вами о важной мере, к которой следует приступить немедля.

Тотчас же водворилось безмолвие.

— Мы слушаем вас, капитан,— сказал Польтэ.

— Вот в чем дело, господа,— продолжал капитан,— наше вооружение произошло так поспешно, что люди имеют всего, требуемые по уставу, три фунта муки и пять фунтов вяленой говядины, которые должны быть у каждого при выступлении в поход. Склады в порту Марго были так скудно снабжены и торговцы требовали такой цены, что я был вынужден отказаться от всяких переговоров с ними; итак, съестных припасов мы не имеем вовсе: ни мяса, ни сухарей, ни водки, ни вина, только вода и громадный запас пороха, пуль и ядер. Прежде всего надо принять меры против этого положения вещей, которое повлекло бы за собой большие затруднения. К тому же нам необходимо найти проводника, который знал бы Картагену и мог указать нам слабые места, где она доступнее; какое мнение подадите вы?

— Что же,— вскричал Олонец,— нам нужны съестные припасы, нужен и проводник, а для достижения этого я вижу одно только средство.

— Какое?

— Взять то и другое там, где мы наверно найдем, черт побери! Нам остается одно затруднение выбора, мне кажется, так как мы здесь посреди испанских островов, которые все богаты и снабжены припасами в изобилии; пойдем прямо на ближайший, захватим его и возьмем выкуп; это не трудно.

— Олонец прав,— сказал Польтэ,— мы можем высадиться на берег самого Сан-Доминго; там нет недостатка в деревушках и селениях, где мы легко получим, что нам нужно.

— Нет, это задержит нас,— заметил Медвежонок,— нам следует как можно менее терять времени; мысль Олонца я разделяю. Я уже думал о высадке на остров, но не хотел принимать этого решения, не узнав предварительно, что вы на это скажете.

— Ваше мнение всегда будет и нашим, командир,— ответили в один голос присутствующие.

— Какой теперь ближайший остров?— спросил Польтэ.

— Ближайший Куба,— ответил Пьер Легран.

— Гм!— задумался Олонец,— кусочек этот не легко переварить.

— И думать нечего,— решил Польтэ.

— Кто знает?— заметил Медвежонок.

— Что такое?— вскричали флибустьеры с изумлением.

— Самая дерзость нашего нападения упрочит его успех,— продолжал командир,— внезапность нашей высадки — верный залог победы; когда испанцы опомнятся от изумления, мы будем уже далеко и ограждены от их мести. Выслушайте меня со вниманием: на Кубе в сущности всего один значительный город, то есть Гавана; в нем теперь от шести до восьми тысяч жителей; множество гаваней, разбросанных вдоль берега, скорее рыбацкие деревушки и не в состоянии устоять, если ловко захватить их врасплох. Часа в четыре мы переправим на лодках съестные припасы, в которых нуждаемся, и уйдем на всех парусах. Полагаетесь ли вы на меня?

— Еще бы!— вскричали единодушно флибустьеры.

— Так предоставьте мне действовать по усмотрению, и мы будем иметь успех.

— Ты волен поступать как заблагорассудишь по усмотрению, мы полагаемся на тебя, как ты можешь рассчитывать на нас,— ответил Польтэ,— приказывай и, будь покоен, твои приказания будут исполнены.

— Хорошо; теперь разойдемся. Этот день мы посвятим отдыху, так как высадку я назначаю в три часа пополуночи. Завтра вечером, ручаюсь вам, у нас будет изобилие съестных припасов. Пьер Легран, ветер как будто стих; распустить все паруса, какие можно, не переломав рей.

Пьер Легран взошел на палубу исполнить приказание и вскоре, по более резкому движению корабля, заметно было, что оно исполнено.

Медвежонок Железная Голова встал.

— Прощайте, товарищи,— сказал он,— помните, что в три часа пополуночи все должны быть на ногах.

Спустя пять минут флибустьеры спали мертвым сном.

Ожидание предстоящей опасности нисколько не повлияло на их спокойствие или на сон.

Что значила опастность для этих морских львов!

VII

КАКИМ ОБРАЗОМ МЕДВЕЖОНОК ЖЕЛЕЗНАЯ ГОЛОВА КУПИЛ У ИСПАНЦЕВ ПРИПАСЫ, В КОТОРЫХ НУЖДАЛСЯ, И КАК ДОСТАЛ СЕБЕ ПРОВОДНИКА

Правила вербовки, общего устройства и дисциплины для экипажей на флибустьерских судах настолько замечательны, что нельзя обойти молчанием некоторые подробности.

Каждый Береговой Брат имел право снарядить экспедицию, если имел собственное судно какого рода ни было бы.

Суда эти были преимущественно были большие пироги, даже нередко смиренный баркас; на таких-то утлых ладьях смельчаки эти не боялись сцепиться на абордаж с гордыми испанскими судами.

Когда задуманная экспедиция была решена, командир сзывал флибустьеров в какую-нибудь питейную, посредством барабанного боя и звуков рожка.

Он излагал перед теми, кого хотел завербовать, выгоды предприятия, соглашался с ними относительно срока кампании и затем приступал к вербовке.

Каждый матрос должен был подписаться или по крайней мере поставить крест, если не умел писать, что, однако, редко случалось, под условием, составленным одним из писарей общества: акт этот имел законную силу и потом скреплялся подписью командира экспедиции и губернатора.

Каждый охотник обязывался иметь при себе ружье,

топор, прямую саблю, кинжал, пятнадцать зарядов пороха и пуль да палатку для стана, то есть кусок тонкого полотна, который Береговые Братья скатывали и носили, перекинув через плечо, вроде перевязи; сверх того, они должны были запастись флягою водки, вяленым мясом и мукою на три дня.

Эти условия были строго обязательны.

Едва поступив в число экипажа, Береговые Братья слепо должны были повиноваться начальникам своим и при каждом случае оказывать им величайшее уважение.

Это требовалось даже в таком случае, если начальники были их подчиненными в предыдущей экспедиции.

Нередко случалось, что кто капитан сегодня, завтра — простой матрос; зависело это от того, как растрачивалась им своя доля добычи и, следовательно, от его средств к жизни.

Дисциплина на корабле была строгости неумолимой.

Только два наказания и существовало: опускание с райны до поверхности воды и смерть.

Эти два наказания в сущности составляли одно и то же, только под разными именами.

Были случаи, что не умирали от опускания с райны, но поплачивались увечьем навек.

Попав на корабль, завербованные обязывались немедленно выбрать себе товарища и вступить с ним в матросский союз.

Состоял он в следующем.

Когда матрос стоял на вахте, товарищ его отдыхал или занят был общим хозяйством, то есть стряпал или чистил оружие; наконец, в случае болезни своего брата-матроса он ходил за ним и даже, если нужно, заменял его на службе.

На суше братья-матросы шли рядом, обоюдно помогали друг другу во время пути и охотились поочередно для добывания пищи; если одного ранят, другой не только не мог бросить раненого товарища, но должен был оказать ему всякую помощь, снести на себе к перевязочному пункту и печься о нем во всех отношениях, даже нести его оружие

и боевые снаряды, пока он не придет в силу, и сверх того, в сражении защищать его с опасностью жизни.

Эти братские союзы, скрепленные опасностями и лишениями, имели ту выгоду, что утраивали силу войска и делали его непобедимым. Они почти всегда становились нерасторжимыми. Даже по смерти одного из товарищей оставшийся в живых продолжал заботиться о детях умершего и нередко доводил самоотвержение до того, что вступал в брак с вдовой, которой никогда не видывал или вовсе не любил, единственно, чтобы сироты имели отца.

Вот в чем состояли союзы братьев-матросов у буканьеров; обычай этот сохранился во французском флоте почти без изменения до нашего времени. Сознавая всю пользу этих союзов и насколько дисциплина выигрывает от них, офицеры тщательно поддерживают и всячески поощряют на казенных кораблях эти товарищества.

Но вообще это гораздо более распространено и пустило глубже корни на кораблях купеческих, потому что матросы знают друг друга с детства, почти всегда из одного края и, так сказать, всю жизнь прожили вместе.

Начальники экспедиций обязаны были иметь на корабле хирурга, если экипаж численностью превышал тридцать пять человек.

Этот хирург почти всегда был несчастный фельдшерский ученик или бывший помощник провизора в аптеке, который ровно ничего не смыслил и все знание которого заключалось в медицинской книге, куда он заглядывал, как умел и потом прописывал лекарства вкривь и вкось, нисколько не заботясь, что из этого выйдет, со всею уверенностью опытного хирурга резал он и отнимал члены у несчастных людей, которых роковая судьба приводила в его руки и которые одним чудом спасались от такого оригинального и немилосердного лечения.

Флибустьеры страшно боялись этих хирургов и предпочитали дать убить себя, чем подвергаться их лечению с далеко не верною перспективою сохранить жизнь.

Раздел добычи обыкновенно происходил по возвращении судна или на Черепаху, или в Леоган, или в Порт-де-Пэ

или в Марго в присутствии губернатора и главного агента Общества.

Приступали к нему следующим образом.

Сперва отделяли от общей суммы добычи часть короля, что составляло десятую долю; потом долю убитых, которую губернатор был обязан раздать кому следовало. Затем уже происходил дележ согласно условиям договора, подписанного перед отплытием, копия с которого хранилась у губернатора.

Добыча состояла из драгоценных камней, золотых и серебряных вещей, материй, более или менее дорогих, отнятых товаров, как то: пряностей, мелких вещиц и т.п., и наконец невольников, мужчин и женщин, захваченных во время экспедиции, даже испанские священники и монахи не были огорожены от общего удела, несмотря на свое звание.

Обыкновенно этим несчастным давали срок, более или менее короткий, чтобы выкупиться.

Выкуп назначался втрое против суммы, в которой они зачтены были хозяевам их, всегда либо местным жителям, либо буканьерам, то есть охотникам.

По окончании раздела флибустьеры часто не знали, как превратить в деньги драгоценности, выпавшие на их долю; тут они попадались в руки низких спекулянтов, которыми кишело в тех краях и которые покупали все их имущество за треть, нередко за четверть настоящей цены.

Тогда начинались оргии и не прекращались, пока флибустьеры не истратят или, вернее, не прокутят последний мелкий мараведис.

Когда у них не оставалось ничего более, они весело шли в новую экспедицию, результат которой был все один и тот же.

Что им было до этого, когда для них существовало одно настоящее. Они чуствовали себя счастливыми.

Разве не были они правы?

Весьма может быть.

Вот каким простым и вместе могучим устройством отличался союз Береговых Братьев, когда, по их выражению, они ходили в экспедицию.

Этому-то устройству они обязаны своими успехами и необычайными подвигами, которые совершали.

В три часа пополуночи, когда рулевой бил шесть склянок, Медвежонок вышел на палубу.

Все назначенные им начальники уже ждали его.

Командир осмотрелся вокруг; ночь была светлая; довольно крупная зябь ходила по морю, ветер еще не стих; впереди справа возвышалась темная масса, к которой фрегат шел быстро, Это был остров Куба, берег которого был в двух лье, не более.

— Пошел все наверх!— скомандовал капитан.

Раздался свисток боцмана.

Через пять минут все матросы были на палубе около грот-мачты.

Им немного понадобилось времени, чтоб встрепенуться от глубокого сна. Они лежали как попало на средней палубе или около пушек; койки считались роскошью, которой флибустьеры не позволяли себе.

Командир подозвал к себе на шканцы своих помощников.

— Господа,— обратился он к ним,— помните, что не сражаться надо, но захватить врасплох; постарайтесь не делать ни одного выстрела.Главная цель наша теперь добыть припасов. Поняли вы?

— Вполне, командир,— ответили те.

— Мы идем прямо к гавани Гвантамано; там лет двадцать как поселилась колония рыбаков; люди эти богаты и ведут с соседним городом Сант-Яго торг зерновым хлебом, свининою и вяленым мясом, доставляемыми из внутренних земель; и так мы найдем все, что нам нужно. Вот каким образом следует приступить к делу: Польтэ и Олонец возьмут каждый по сто пятьдесят человек и опередят фрегат в пирогах, с обвернутыми веслами, чтоб подойти неслышно. Польтэ обступит деревню справа, а Олонец слева. Потом вы оба останетесь неподвижно на своем посту, зорко наблюдая, чтобы ни один беглец не мог проскользнуть и поднять тревогу в окрестностях. Я прямо войду в гавань. Мы сделаем дело прежде даже, чем испанцы заподозрят

наше присутствие. Рассвет только через час; этого времени с избытком достаточно, чтоб захватить этих соней в постели. Ступайте, господа.

Раздались слова команды, фрегат лег на дрейф.

Спустили шесть пирог; в них разместились Олонец и Польтэ со своими командами, и вскоре лодки скрылись в тени, бросаемой высокими прибрежными утесами.

Медвежонок расхаживал большими шагами на юте, то всматриваясь в компас, то оглядывая берег, то окидывая внимательным взором снасти.

Прошло около получаса, когда старший капитан, Пьер Легран, подошел к командиру с поклоном.

— Что вы хотите?,— спросил тот.

— Часовой на верху мачты заметил лодочку, которая скользит вдоль берега; я сам удостоверился, командир, и видел ее.

— Возьмите гичку десять, любезный Пьер Легран, и посмотрите, что бы это было такое; мы сейчас подойдем.

Пьер Легран опять поклонился и отошел; спустя минуту он уже отчаливал от судна, и так как ветер был ему попутный, то поднял парус и погнался за примеченной часовым небольшой лодочкой.

Но тут произошло нечто странное: подозрительная лодочка не юркнула наутек, как можно было ожидать, а, напротив, повернула назад и прямо пошла на гичку флибустьеров.

Или это была безумная смелость, или крайняя глупость со стороны людей, находящихся в лодочке.

Пьер Легран велел приготовить оружие и летел вперед под парусом.

Вскоре между лодками осталось не более половины расстояния пистолетного выстрела.

Флибустьеры только что поднимались броситься на абордаж, когда увидели, что перед ними два противника и всего-то: белый человек и негр.

Закинули на лодку дрек.

— Кто вы и куда едете?— спросил Пьер Легран на самом чистом кастильском наречии.

— Я лоцман, ваша милость,— смиренно ответил белый, тогда как негр дрожал всем телом,— увидев вдали большой корабль, я подумал, что к нам идет судно из Сант-Яго. Я и выехал тотчас в море, но если ошибся, немедленно вернусь в гавань.

— О нет, черт возьми,— вскричал молодой человек со смехом,— вы не могли, напротив, явиться более кстати; вы нам нужны.

— Но мне кажется, достоуважаемый господин капитан, что вы не...

— Испанец,— перебил Пьер Легран,— еще бы, черт возьми! Мы флибустьеры, к вашим услугам.

— Господи Иисусе Христе и Пресвятая Дева!— воскликнул лоцман, оторопев и с отчаянием всплеснув руками.

— Успокойтесь, любезнейший,— дружески сказал ему флибустьер,— зла мы вам не сделаем, кто знает даже, не счастье ли ваше, что вы нам попались! Эй вы! Четыре человека в лодку и ждать на веслах приближения «Задорного».

Ожидание продлилось недолго; почти мгновенно их взяли на фрегат. Пьер Легран поднялся на трап за своими пленниками.

Негр был ни жив ни мертв; ничто не могло успокоить его.

Когда молодой человек отдал командиру отчет о том, что произошло, тот позвал испанца.

— Ты лоцман?— спросил он, глядя ему прямо в глаза.

— Лоцман, ваше превосходительство,— смиренно сказал пленник,— не только на море, но и на суше, когда понадобится.

— Ага!— с улыбкой отозвался Медвежонок и прибавил.— Можешь ты быть верен?

— Как не мочь, ваша милость?

— Вход в гавань Гвантамано затруднителен?

— Нисколько, ваша милость; стоит держаться самой середины перешейка.

— Город значителен?

— Это деревня, ваша милость.

— Очень хорошо; есть там военные силы?

— Отряд в пятьдесят человек при земляной крепостце.

— Черт возьми!

— Но,— поспешил договорить лоцман,— крепостца еще не докончена и пушки не пришли из Сант-Яго, хотя ждут их с часу на час!

— Тем лучше! Это упрощает вопрос во многом; как ты думаешь, заметили наше приближение?

— Наверно нет, ваша милость; я завидел вас около часа назад, когда все жители спали непробудным сном.

— Так слушай же меня; ты знаешь, кто мы, не правда ли? Берегись, если ты меня обманешь, я вздерну тебя на верхушку мачты, которая над твоей головою, если же ты окажешь мне хорошую услугу, то получишь за это десять унций золота; я никогда не изменяю своему слову; что же ты выбираешь?

— Десять унций, ваше превосходительство,— с живостью вскричал лоцман, глаза которого заблестели от жадности.

— Хорошо, уговор сделан; прими теперь управление судном и введи нас в гавань.

Лоцман поклонился и приступил к исполнению того, что ему приказали.

Испанец примирился со своею ошибкою, когда обещанная щедрая награда в десять унций золота превратила его, на время по крайней мере, в приверженца Береговых Братьев.

Он провел их с необычайным искусством по узкому проходу в гавань, и вскоре фрегат был на половину расстояния пушечного выстрела от деревни, погруженной еще в глубочайшее безмолвие.

Страшное пробуждение предстояло ей.

Командир фрегата велел бросить якорь и убрать паруса; потом передал командование Пьеру Леграну и съехал на берег, захватив с собой лоцмана.

Три лодки с сотней флибустьеров следовали за командиром.

Все четверо достигли пристани в несколько ударов весел.

Из опасения быть захваченными врасплох Медвежонок приказал лодкам отъехать, когда все высадились, и держаться поодаль от берега.

— Какие есть власти в деревне?— спросил он лоцмана.

— Всего одна, ваша милость; алкад.

— Где он живет?

— В большом доме перед вами.

Большой дом на самом деле был хижиной немного менее жалкой, чем остальные.

— Как нельзя лучше,— продолжал Медвежонок,— алкад этот храбр?

— Не могу сказать, ваша милость; знаю только, что это злой скряга, которого все ненавидят; но он племянник губернатора в Сант-Яго и потому делает, что вздумает.

— Вот тебе на!— вскричал Медвежонок, смеясь,— уж не призван ли я здесь разыграть роль провидения? Смешно было бы!

— О! Ваша милость,— вскричал лоцман умоляющим тоном,— край очень был бы счастлив избавиться от такого изверга; нет ужасного деяния, которого он не совершал бы ежедневно!

— Будто? Ну так я пойду поздороваться с этим достойным алкадом; что касается тебя, то ступай за мной и ничего не бойся.

Дом алкада был в немногих шагах от берега.

Медвежонок велел окружить его, потом взял пистолет из-за пояса и выстрелил в самый замок двери, который разлетелся.

Но дверь не отворилась; она крепко была заложена изнутри.

— По-видимому, мы имеем дело с человеком осторожным,— сказал командир экспедиции, вновь заряжая пистолет.— Хватите-ка тут раза два топором!

В то же мгновение настежь распахнулось окно и в нем показалось бледное от испуга лицо человека в ночном одеянии, вооруженного длинным мушкетом.

— А! Мерзавцы!— пронзительно крикнул он,— вы убить меня хотите! Постойте, я вас!

— Заткнуть рот этому крикуну,— холодно сказал Медвежонок.

Выстрелом из ружья мушкет разбило и вышибло из рук алкада; осколки попадали наземь.

Алкад буквально нырнул в глубь комнаты.

Однако выстрелы и удары топором в дверь разбудили жителей; везде робко приотворились двери в домиках и бледные, с заспанными глазами лица появлялись в отверстии; однако выйти не осмелился никто.

Дверь дома алкада наконец подалась под учащенными ударами сильного матроса.

— Приведите-ка сюда этого негодяя,— приказал Медвежонок двум флибустьерам.— А вы,— обратился он к остальным,— постройтесь и смотрите в оба.

Алкад явился полунагой, в рубашке и подштанниках; он дрожал всем телом скорее от страха, чем от холода, хотя ветер был довольно чувствителен, ночи очень холодны в тех местах; два матроса, которые вели алкада, не скупились на удары прикладами, чтобы подгонять его.

— Вы алкад?— резко спросил Медвежонок.

— Алкад,— последовал едва слышный ответ хриплым голосом.

— Завязать ему руки и пальцы перевить серными фитилями; при первом моем знаке зажечь фитиль.

Приказание было исполнено так быстро и ловко, что свидетельствовало о долголетнем опыте.

Алкид понял, в чем дело, и ужас его не знал меры.

— Теперь отвечайте и смотрите у меня, не обманывать, а то достанется,— с двусмысленною улыбкою произнес Медвежонок, указывая на его пальцы.

— Спрашивайте,— тотчас же отозвался алкад.

— Ваша деревня в моей власти, вы и все жители мои пленники, но можете выкупиться.

— Увы! Мы так бедны!

— Быть может; но у вас есть склады съестных припасов, где они?

— Клянусь спасением души, все склады пусты.

— Где они?

— Там,— указал алкад на два больших сарая из досок.

— Посмотреть,— коротко приказал Медвежонок.

Человек двадцать флибустьеров бросились туда и через четверть часа вернулись с отчетом, что сараи пусты.

— Других нет?— спросил Медвежонок.

— Нет,— пробормотал пленник.

— Наверно нет?

— Клянусь спасением души...

— Хорошо, хорошо,— перебил капитан,— это мы знаем. Берегитесь.

— Но клянусь же вам, что нет,— осмелился повторить алкад, начиная успокаиваться.

Однако вдруг отступил на шаг.

— Это что за дьявол!— вскричал он, увидев лоцмана, который до тех пор скрывался в толпе Береговых Братьев.

— Человек этот обманывает вас, ваша милость,— с живостью вскричал лоцман,— и обманывает заведомо.

— Объяснитесь.

— Склады пусты, это правда; но потому, что он захватил, несмотря на законных владельцев, все товары, сложенные в магазинах, и перенес их в свой склад, чтобы продать в свою пользу.

— Правда это?— спросил Медвежонок, обращаясь к толпе, стоявшей поодаль.

Когда жители удостоверились, что флибустьеры не имеют злого умысла собственно против них, они понемногу осмелились выйти из своих домов, и скопление народа увеличивалось с каждою минутою.

— Правда, ваша милость,— ответили они в один голос.

— Так этот человек, который должен бы, по положению своему, быть вашим покровителем и защитником, напротив, грабит и притесняет вас?

— По миру пускает, все берет, что мы накопим; если же кто посмеет жаловаться, того он тотчас подвергнет пытке.

— Где склады этого человека?

Алкад было застонал.

— Молчать, презренная тварь!— грозно вскричал Медвежонок.

— За его домом,— сказал лоцман,— они набиты битком, ваша милость, не только вяленым мясом, соленою свининою и зерновым хлебом, но и вином, и водкою.

— Хорошо; он будет наказан по заслугам. Слушайте все: я мог бы взять с вас выкуп, да не хочу; требую я только вашей помощи, чтобы переправить на мое судно припасы, в которых я нуждаюсь; но так как вы бедные люди, я не хочу обижать вас, отнимая то, что вам принадлежит. Итак, во-первых, я предоставляю вам ограбить этот дом; во-вторых, вы получите от меня пять тысяч пиастров, которые поделите между собой.

Оглушительные крики радости ответили на эту речь; чуть ли не громче всех закричали солдаты, которые подошли было с грозным видом под командою поручика; однако, услышав в чем дело, немедленно бросили оружие и разбежались, оставив офицера ведаться с неприятелем, как знает.

Поручик был храбрый офицер, трусость солдат возмутила его и вызвала краску на лице.

С минуту он оставался неподвижен, нахмурив брови и глядя с презрением на своих подчиненных, которые так и рассыпались при слове грабеж; но колебание его длилось всего один миг.

Он гордо поднял голову и подошел твердыми шагами к Медвежонку.

Тот глядел на него с доброю улыбкою на губах.

— Сеньор капитан или какое ни было бы у вас звание, кабальеро,— обратился к нему офицер с надменною вежливостью,— я пришел не сдаваться вам.

— Зачем же вы пришли, если так?— спросил Медвежонок, и взор его сверкнул.

— Один я не могу оказать сопротивления,— холодно продолжал поручик,— я пришел протестовать от имени Испании против невиданного нападения, жертвою которого мы сделались; а шпагу мою,— заключил он, выхватив из ножен и взмахнув ею над головой...

— Постойте, поручик,— сказал флибустьер, спокойно взяв у него шпагу и вложив опять в ножны, пока офицер

стоял неподвижно в сильнейшем изумлении,— вы храбрый воин; если б правительство, которому вы служите, имело много таких, как вы, быть может, мы не были так могущественны; оставьте при себе свою шпагу, если б вы сломали ее, мне пришлось бы ее заменить, а признаться, я очень дорожу своею.

Слова эти произнесены были тоном такого сердечного добродушия, что тронули офицера.

— Что же вы за люди?— пробормотал он.

— Мы люди,— ответил Медвежонок с особенным ударением,— но уйдите, поручик; здесь произойдет то, что вам не подобает видеть.

— Капитан, неужели этот бедняк?— начал было офицер умоляющим голосом, указывая на алкада.

— Не занимайтесь им, не просите за него,— поспешно перебил Медвежонок,— это подлец; он осужден.

При этих словах у алкада вся кровь прихлынула к сердцу.

Поручик понял, что всякое заступничество будет напрасно; он медленно удалился в задумчивости и вскоре скрылся за поворотом улицы.

Между тем все население деревни принялось за дело с усердием, которое свидетельствовало о желании заслужить обещанную награду и как можно скорее избавиться от дерзких победителей, которые держали их под огнем своих пушек и ружей.

При виде отрядов Олонца и Польтэ, которым Медвежонок приказал стянуться, когда увидел, что сопротивления опасаться нечего, усердие жителей Гвантамано удвоилось от убеждения, что одна полная покорность может спасти их.

Все они были рыбаки; каждый имел по лодке; пока одни таскали припасы на берег, другие складывали их в лодки, а третьи, наконец, перевозили на фрегат.

Пьер Легран просто был поражен множеством разных припасов, которые складывались на палубу; это было настоящее наводнение; он едва успевал убирать.

Менее чем в три часа все было доставлено на фрегат и убрано в трюм; судно оказалось снабжено съестными

припасами на целых шесть месяцев: это было баснословно!

Командир присутствовал спокойный, холодный и невозмутимый при погрузке.

Когда, наконец, отвезен был последний тюк и ничего не осталось более в складах несчастного алкада, который присутствовал с видом растерянным при своем окончательном разорении, Медвежонок созвал жителей звуком труб.

Народ шумно затолпился вкруг флибустьеров.

— Вы до сих пор работали на меня,— обратился к жителям начальник экспедиции,— благодарю за это; теперь работайте на себя: разграбьте этот дом; я отдаю его вам.

Испанцы не заставили повторить себе этого. Они ринулись в дом, и мигом он наполнился ожесточенными грабителями, которые не оставляли целою ни одной мебели, даже стены и перегородки разбивали.

Когда же, наконец, от дома остались лишь четыре стены, его подожгли по приказу Медвежонка, и так как построен он был из кедрового дерева, то вскоре запылал веселым огнем.

Между тем Железная Голова принял из рук флибустьера тяжелый кошель, за которым посылал на фрегат, и, вручая этот мешок с золотом одному из именитых граждан, сказал:

— Вот вам плата; я ведь все исполнил, что обещал?

Вопрос этот, произнесенный громким и твердым голосом, он сделал окружавшей его толпе.

— Не все, капитан,— ответил тот, кому он отдал мешок с деньгами,— вы не сдержали одного обещания.

— Какое?

— Правосудия не оказали нам.

— Правосудия?

— Да, капитан; ведь вы слово дали.

— Я не понимаю вас.

— Человек этот, так долго бывший самым страшным притеснителем нашим,— продолжал испанец, указывал на алкада,— этот презренный негодяй, который истерзал нас прижимками, обирал нас бесстыдно и мучил по своей прихоти, разве вернете вы ему свободу, чтобы после вашего ухода он поднял опять голову и заставил нас искупить

жестокими притеснениями те действия, которые происходили здесь сегодня под гнетом вашей военной силы? Разве может это назваться справедливостью? Скажите сами, капитан. Мы верим вашему слову, как вы положились на наше; мы честно исполнили наш долг; теперь ваша очередь исполнять свой.

— Хорошо,— ответил Медвежонок, и в голосе его звучало глубокое чувство,— но он не может умереть таким образом; его надо судить; вы сами будете его судьями.

— Пусть кровь его падет на наши головы.

— Вы твердо решились?

— Твердо,— крикнула толпа.

— Так отвечайте же мне теперь, какие преступления вы приписываете этому человеку?

— Жадность, доведенную до жестокости, продажность и обман.

— Считаете вы его виновным?

— Утверждаем это.

— Какого наказания заслуживает он?

— Смерти!— заревела в один голос взволнованная ненавистью и гневом толпа.

— Да будет по-вашему; этот человек умрет; молитесь за его душу, чтобы Господь сжалился над нею.

Но взрыв криков, ругательств и проклятий ответил на эти последние слова.

Медвежонок сделал знак.

В несколько минут на берегу была воздвинута виселица против дымящихся еще развалин сгоревшего дома.

Несчастный алкад был схвачен, связан и вмиг с петлею на шее; но он уже не сознавал, что с ним происходит, и одна полумертвая масса была вздернута на виселицу при криках радости всего населения.

По приказанию Медвежонка Железная Голова на груди казненного висела надпись по-испански и по-французски для объяснения грозного смысла смертельного приговора:

«ПОВЕШЕН НЕ КАК ИСПАНЕЦ, НО КАК ВОР.
Медвежонок Железная Голова».

Когда тело после предсмертных судорог приняло неподвижность, из которой не суждено ему было выходить более, начальник флибустьеров поклонился жителям Гвантамано и направился к берегу.

Спустя немного флибустьеры уже были на фрегате.

Когда фрегат вышел из гавани, Медвежонок позвал к себе лоцмана.

— Этот край для вас уже небезопасен,— сказал он ему,— следуйте за мною; по окончании моей экспедиции, я высажу вас, куда вы захотите, и вы будете богаты на остаток дней ваших. Согласны ли вы на это предложение?

— С одним условием.

— Каким это?

— Что вы доставите мне средства переехать во Францию; в Америке и в Испании моя жизнь в опасности.

— Хорошо, даю вам слово; служите мне честно, и вы не раскаетесь в условии, заключенном между нами.

— Я предан вам, командир.

Фрегат при попутном ветре не замедлил потерять из вида высокие берега острова Куба и направился, весь окрыленный парусами, к Картагене, которой командир судна жаждал достигнуть с таким нетерпением.

VIII

КАК БЕСЕДА МОЛОДЫХ ДЕВУШЕК КОНЧИЛАСЬ РЫДАНИЕМ

Из всех городов Нового Света Картагена — один из счастливейших по своему положению.

Вообще говоря, испанцы наделены были редкою сметливостью и верным глазом при выборе местности для городов, основанных ими в своих колониях на берегах Америки. За исключением нескольких незначительных ошибок, почти все эти мимоходом, в погоне за золотом —

единственною целью их смелых экспедиций — набросанные основы селений, ныне цветущие и могущественные города, расположены на том же самом месте, несмотря на перемены всякого рода, которым подвергались.

Картагену основал в 1533 году дон Педро де Гередиа на песчаном острове в проливе, образованном в своем устье рекою св. Магдалины. Город этот имеет одну из прекраснейших и самых безопасных гаваней во всей Америке; и долго она служила убежищем галионам, нагруженным богатствами Тихого океана, которые перевозились на лошадях через Панамский перешеек и не были безопасны в Порто-Бело, особенно после того, как первая Панама была разорена и разграблена Береговыми Братьями и вновь отстроена на Рио-Гранде по всему берегу Карибского моря.

Подобно всем испанским городам Старого или Нового Света, вид Картагены мрачен, хотя улицы широкие, прямые и освежаются бесчисленными фонтанами. Этот мрачный вид происходит от длинных, на низких и тяжелых колоннах галерей, словно тюрем, окаймлявших с обеих сторон улицы, и далеко выдающихся террас, которые заслоняют свет и солнце.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, население Картагены доходило до тридцати тысяч жителей; город и порт защищались пятью фортами, из которых самый значительный, Бока-Чика, вооружен был шестьюдесятью орудиями.

Испанский гарнизон состоял из пяти тысяч двухсот старых солдат под командою бригадира — чин, соответствующий новейшему бригадному генералу; в случае нужды можно было в несколько часов присоединить к этому войску три тысячи пятьсот человек милиции, хорошо вооруженной и тем храбрее, что люди эти на самом деле отстаивали бы родные пепелища.

Этот-то сильно укрепленный город, расположенный так выгодно, задумал взять Медвежонок Железная Голова, имея всего один фрегат с экипажем в семьсот двадцать три человека.

Правда, эти люди были цвет флибустьерства, а капитан Железная Голова утверждал, что обнимаемое глазом флибустьера принадлежит ему, стоит только, чтоб он захотел; и сам он всегда доказывал это на деле.

Но еще никто из флибустьерских начальников не предпринимал такой смелой экспедиции, особенно с такими слабыми силами.

Пользуясь теперь свободой, которая всегда признавалась за романистами,— перелететь по желанию на крыльях фантазии и в несколько взмахов не крыльями, но пером перенестись через громадные пространства, мы оставим «Задорный» и его храбрый экипаж в Антильском море, спустя немного часов после смелого нападения на Гванта-мано, и, попросив наших читателей последовать за нами, одним прыжком перемахнем в Турбако...

Это прелестная деревушка в семьсот или восемьсот душ, построенная на зеленом склоне холма в нескольких лье от Картагены и прислоненная к величественному, почти непроницаемому лесу, дальние окраины которого примыкают к самому берегу реки Святой Магдалины.

Для богатых городских жителей и европейских испанцев, еще не освоившихся с климатом, деревушка эта, расположенная в шести-восьми лье от моря, служит убежищем от невыносимой жары и болезней, свирепствующих летом на побережье.

Вид деревни поистине волшебный. Она точно выходит из исполинского букета зелени и возвышается амфитеатром до самой вершины пригорка; издалека видны ее большие и красивые дома, построенные из бамбука и крытые пальмовыми листьями.

Прозрачные ручейки вытекают из множества известковых скал, покрытых ископаемыми гнездами полипов и осененных глянцевитою листвою анакардов, которые действительно придают скалам оригинальный вид.

Анакард — колоссальное дерево, которому индейцы приписывают свойство привлекать издали пары, носящиеся в атмосфере; справедливость этого факта мы не осмелимся утверждать.

Так как деревня возвышается более чем на сто пятьдесят сажен над уровнем океана, ночи там очень холодны, а днем бывает удушливый жар.

Мы, стало быть, в Турбако и, сделав несколько шагов по большой улице, миновали монументальный фонтан с одним недостатком — всегда быть сухим, и вошли в один из главных и самых красивых домов.

Дом этот, разделенный на два корпуса громадным и очень густым садом, полным тени и мглы, почти прилегает задним фасадом к большому лесу, тогда как лицевой фасад обращен к фонтану, о котором мы уже упоминали.

Было около половины четвертого пополудни; дневной жар немного спал; опустевшие с одиннадцати часов улицы начинали снова оживляться редкими прохожими, двери понемногу раскрывались, жители стряхивали полуденный сон и жизнь принимала опять свой обычный ход.

В гостиной, довольно кокетливо меблированной, со стенами из бамбуковых палок, укрепленных на небольшом расстоянии одна от другой, но обтянутых тонким холстом, дабы, пропуская воздух, ограждать от нескромных взоров, две молодые женщины или, вернее, девушки сидели в креслах и тихо беседовали, куря пахитоски, от которых благовонный дым поднимался спиралью к потолку.

Эти две молодые девушки, одаренные тою чистою, величественною и вместе наивною красотою, которая изобличает хороший род и сама себя не сознает, были донна Эльмина и донна Лилия, уже представленные нами читателю.

В ту минуту, когда мы входим в гостиную, донна Эльмина с досадой отбросила далеко от себя только что закуренную пахитоску.

— Что с тобой?— спросила подруга с изумлением.

— Что со мной?— возразила донна Эльмина содрогаясь,— я страдаю, я несчастна, а ты, злая, вместо того, чтоб сочувствовать моему горю и пожалеть меня, смеешься, поешь и чуть не насмехаешься надо мною.

— О! о!— вскричала донна Лилия, приподнимаясь и

слегка нахмурив брови,— это неожиданное сильное нападение; верно, ты очень страдаешь, Эльмина, если говоришь таким образом со мною, твоею кузиною, твоим другом, твоею сестрою.

— Прости мне, Лилия; я действительно несправедлива, но если б ты знала...

— Что? Отчего не говорить со мною откровенно, Эльмина? С месяц уже как я замечаю в тебе совершенную перемену; ты бледна, мрачна, постоянно взволнована, со слабыми глазами; порой я подмечала на твоих щеках следы едва стертых слез; разве ты полагаешь, что я слепа или равнодушна к тебе? Нет, нет, дорогая моя, все я видела с первого же дня; после продолжительного разговора с отцом ты вдруг сделалась такая.

— Правда,— пробормотала донна Эльмина, опустив голову.

— Но дружба прежде всего должна быть скромна, и я молчала; я видела, что ты горе свое заключала в своем сердце и по гордости, быть может, не хотела открывать мне ничего; я ждала, чтоб твое сердце переполнилось и ты искала бы облегчения от тяжелого гнета грусти, разделив ее со мною.

— Спасибо, Лилия, ты добра и любишь меня.

— Да, люблю, Эльмина, и гораздо более, чем ты полагаешь. Что же касается веселости, в которой ты упрекаешь меня...

— Я ни в чем тебя не упрекала,— с некоторою живостью перебила донна Эльмина, между тем как легкая краска покрыла ее прелестное личико.

— Веселость, в которой ты упрекаешь меня, просто поддельная; притворяясь веселою, я хотела вызвать на твои губы мимолетную улыбку; мне не удалось, стало быть, я неправа. Прости мне, Эльмина; впредь уже смех мой не оскорбит твоего горя.

Последние слова эти были произнесены Лилией с таким выражением нежного сочувствия и искренней дружбы, что Эльмина вдруг вскочила и кинулась в объятия подруги, заплакав навзрыд.

Водворилось продолжительное молчание; обе девушки плакали.

— Ты права,— продолжала Эльмина,— я жестоко страдаю; сердце мое надрывается, ты угадала часть моей тайны; так выслушай же меня, ты узнаешь все.

— Одни ли мы здесь?— спросила Лилия.— Подожди.

Она поднесла к губам золотой свисток, который носила на шее на золотой цепочке, и свистнула.

Прошло несколько минут, и тяжелые шаги раздались на паркете; дверь отворилась, и негритянка лет сорока появилась с улыбкой на пороге.

Негритянка эта, должно быть, очень была хороша смолоду; ее умное лицо дышало кротостью и добротою с примесью твердости.

— Мама Кири!— ласково сказала ей Лилия,— мы с кузиной Эльминой должны переговорить о важном деле, но боимся, чтобы нас не подслушали; будьте добры и покараульте, чтоб никто не подходил сюда.

— Не беспокойтесь, милушки, никто близко не подойдет, я позабочусь об этом, только постарайтесь, Лилия, выведать наконец тайну Эльмины, не хорошо для молодой девушки держать таким образом на сердце свое горе.

— И то стараюсь,— со смехом ответила Лилия,— изо всех сил стараюсь, мама Кири.

— Хорошо, девочки, щебечите без боязни, словно птички Божии; и те не чище и не невиннее вас, я покараулю.

Негритянка вышла с доброю улыбкою на лице.

Кузины следили за нею глазами, пока она не затворила за собою двери.

— Любезная Лилия,— начала тогда Эльмина,— обещай мне не смеяться надо мною; ты услышишь скорее историю моих личных впечатлений, чем изложение важных событий, способных опечаливать меня или тревожить.

— Говори, друг мой! Разве я, так сказать, не половина тебя самой?

— Правда. Слушай же. Ты знаешь моего отца, дона Хозе Риваса де Фигароа, мне, стало быть, не нужно

описывать тебе его надменный нрав, суровую заносчивость и непреклонную волю, перед которой все должно склоняться. Моя бедная мать умерла, когда я появилась на свет; первое детство мое было грустно и заброшено, я оставалась на руках невежественных и злых невольниц. Как скоро я развилась настолько, чтоб понимать, что происходило вокруг меня, эти несправедливости, эти вспышки гнева без причины, эти строгости, которые ничем не оправдывались, я ужаснулась в душе, что наклонности мои, все стремления были извращены; сознаться ли тебе, Лилия, моя дорогая? Я боюсь, что не люблю отца!

— Ах! Эльмина, какая страшная мысль! Этого быть не может!

— Увы! Напротив, совершенно справедливо; напрасно я силилась побороть роковое впечатление моего раннего детства, все напрасно: я боюсь отца; один взгляд его приводит меня в трепет. Несколько времени после нашего переезда с Кубы на Сан-Доминго, когда корабль наш был захвачен в плен флибустьерами с острова Черепахи и мы, словно чудом, спаслись от страшного рабства, благодаря великодушию капитана Железная Голова — как видишь, я не забыла имени нашего избавителя,— заметила она, улыбаясь сквозь слезы,— ты надеюсь, помнишь, что отец мой был назначен губернатором в Картагену, тогда как твой отец, дон Лопец Альдоа де Сандоваль, произведен был в бригадиры и должен был принять командование над гарнизоном этого же самого города. Спустя две недели, после нового назначения своего, наши отцы отправились вместе с нами в Картагену. Когда высокие горы на Сан-Доминго стали стушевываться на небосклоне, сердце у меня внезапно сжалось, слезы выступили на глазах и я заплакала. Ты спросила причину моей грусти; я не могла объяснить, сама ее не зная; едва несколько дней провела я на Сан-Доминго, ничто не привязывало меня к этому месту; жизнь я вела там самую скучную и бесцветную. Отчего же такая грусть? Не предчувствие ли это было, внушаемое иногда Господом в своем милосердии тварям своим.

— Что ты хочешь сказать?— вскричала с изумлением Лилия.— Я не понимаю тебя.

— Поймешь сейчас. Верно, ты помнишь церемонию водворения моего отца губернатором в Картагене; именитые граждане явились во дворец представиться дону Хозе Ривасу, эти именитые граждане, все богатые купцы, были в числе тринадцати, тринадцатого звали дон Энрико Торибио Морено; это был богатый мексиканский купец, прибывший из Веракруса, всего за несколько дней до нас.

— Дон Торибио Морено, закадычный друг твоего отца?

— Он именно.

— У него какое-то угрюмое лицо,— заметила девушка задумчиво.

— Не правда ли? Знаешь ли, на кого он похож, и поразительно, так что я просто остолбенела в первый раз, когда увидела его?

— Нет, не знаю.

— Уверяю тебя, он походит точь-в-точь на презренного разбойника, рабами которого мы сделались в Порт-Марго вследствие случайностей азартной игры.

— Странно,— пробормотала Лилия.

— О, очень странно!— вскричала кузина с лихорадочным жаром,— несмотря на его бороду, подстриженную теперь по-испански, на андалузское произношение и мнимо добродушный вид, которым он как бы замаскировывает свое лицо, я ни минуты не введена была в обман, и с первой встречи поняла, что человек этот мне будет гибелен.

— Однако...

— Дай мне договорить, ты увидишь, обмануло ли меня предчувствие. Впрочем, дон Торибио Морено отличается изяществом в одежде, в обращении и судя по наружности, по крайней мере, обладает несметным богатством; он так и сыплет золотом.

— Прибавь, что это страстный игрок и в придачу счастливый.

— Именно к тому я и веду речь. Отец мой не богат, как тебе известно, однако страстный игрок, и каждый вечер

в доме его идет высокая игра; нередко ставки достигают значительной суммы.

— Игра — бич Америки, она погубит испанские колонии!

— Погубит и поселенцев с их семействами. С месяц назад отец мой неожиданно приехал сюда, велел позвать меня и заперся со мною в этой самой комнате. Он посадил меня возле себя и пристально смотрел несколько минут, после чего заговорил сурово:

«Ты хороша, Эльмина; тебе восемнадцать лет; пора выдать тебя замуж. Я выбрал тебе супруга; он богатый человек и мой закадычный друг; готовься принять его ласково; я дал ему свое слово, а решения своего, как тебе известно, никогда не изменяю, особенно если связан еще словом. Два месяца перед тобою, чтоб готовиться к этому браку; через два месяца, день в день, считая с этой минуты, епископ Картагенский благословит ваш союз в церкви Богоматери Милосердия. Тот, кого ты с этой минуты невеста, Эльмина, дон Энрик Торибио Морено».

Тем и кончил.

— А ты что ответила отцу?

— Ничего. Что ж мне было отвечать на такое положительное объявление воли его? Я была ошеломлена, почти лишилась чувств и не в состоянии произнести слова. С первого же вступления я по тайному безотчетному внушению почувствовала или, вернее, угадала, что отец кончит разговор именем этого человека. Дон Хозе Ривас встал, долго смотрел на меня и вышел, не простившись, так же холодно, как и вошел. Когда дверь затворилась за ним, я упала на пол без чувств; подняла меня кормилица моя. Ровно месяц, как разговор этот происходил между мною и отцом, Лилия.

— Что ты намерена сделать?

— Не знаю; одно только верно, я не буду женою этого человека.

— Но из-за чего же должен состояться этот брак? Как допускает его отец твой. Он так горд своим дворянством!

Донна Эльмина улыбнулась горько.

— Отец разорился, Лилия; у него не остается, быть может, ни единого мараведиса; все состояние его принадлежит теперь дону Торибио. Понимаешь?

— О, это ужасно!.. Какая же надежда остается тебе?

— Господь!— вскричала Эльмина, воздев к небу умоляющий взор.— Господь! Он не оставит меня, когда нигде нет для меня опоры.

В эту минуту дверь отворилась и вошла негритянка.

— Ваш батюшка идет,— сказала она,— с ним дон Торибио Морено!

— Ни слова!— грустно шепнула молодая девушка кузине, приложив палец к губам,— ни слова, умоляю тебя, Лилия.

— Не унывай, Эльмина,— ответила та, целуя ее.

IX

ДОН ЭНРИК ТОРИБИО МОРЕНО ПОКАЗЫВАЕТСЯ В ВЫГОДНОМ СВЕТЕ

Дон Хозе Риверс де Фигароа, властью его католического величества, короля испанского, губернатор города Картагены, был роста высокого, хорошо сложен, лет сорока восьми, хотя на вид казался годами пятью, шестью моложе; походку он имел величественную, обращение изысканное; черты его не отличались красотой, но теми крупными правильными линиями, которые встречались только в древних родах; его живые, черные глаза сидели глубоко во впадинах и выражали высшую степень надменной смеси и насмешливого презрения.

Личность, которая сопровождала дона Хозе Риваса и называла себя доном Энрико Торибио Морено, слывя за мексиканца, составляла с ним самый разительный контраст.

Черты самые простые, серые мигающие глаза с морщинами по углам, напоминавшие глаза хищных ночных птиц,

русые, почти белокурые волосы, рост не выше среднего, сложение неуклюжее и тяжелое придавали ему с первого взгляда скорее вид матроса нормандского или британского, чем испанского дворянина; но взор его был так тонок, такая природная сила изобличалась в его мускулистых членах, что невольно должны были признавать в нем человека недюжинного.

Впрочем, обращение его вполне имело отпечаток светского образования.

Кузины поднялись со своих коек, чтоб принять посетителей; услыхав, что дверь отворяется, они встали.

У дона Хозе Риваса брови были нахмурены, насмешливая улыбка мелькала у него на губах; он казался очень не в духе.

— Здравствуйте, цыпочки,— с иронией приветствовал он девушек,— я приехал, как нежный отец, навестить вас.

— Милости просим, батюшка,— дрожащим голосом ответила донна Эльмина.

Донна Лилия подвинула стулья.

— Я осмелился,— продолжал дон Хозе все тем же насмешливым тоном,— привести с собой доброго друга моего, дона Торибио Морено, который сделал мне честь просить вашей руки.

— Батюшка...

— Прошу не перебивать меня, цыпа.

Девушка замолчала, вся дрожа.

— Извините, сеньорита,— обратился к ней мексиканец с почтительным поклоном,— ваш батюшка не успел договорить, что, осмеливаясь добиваться высокого счастья быть вашим супругом, я положил при этом условие.

Донна Эльмина подняла голову и поглядела на дона Торибио с изумлением.

— Правда,— сказал дон Хозе сердито,— как ни глупо условие это, я только что намеревался передать его в двух словах: дон Торибио Морено просит вашего разрешения ухаживать за вами, сударыня.

— Ведь вы не все передали, уважаемый дон Хозе,— прибавил любезно мексиканец.— Действительно, сеньори-

та, я добиваюсь чести быть иногда допущенным к вам, потому что, при всем страстном желании сделаться вашим супругом, я хочу, чтоб вы знали меня, прежде чем отдадите мне свою руку; все мое честолюбие в том именно и заключается, чтоб счастьем своим я был обязан вашей собственной воле.

— Благодарю, о! Благодарю вас,— вскричала девушка, в душевном порыве протянув крошечную руку, к которой мексиканец почтительно прикоснулся губами.

— Браво!— вскричал дон Хозе Ривас с холодною иронией,— это прелестно! Клянусь вечным блаженством, мы просто вернулись к самым цветущим временам рыцарей Круглого Стола и двора короля Артура или императора Карла Великого. Ей-Богу! Я совсем умилился.

Молодая девушка опустила голову, покраснев от стыда, и прошептала голосом едва слышным от внутреннего волнения:

— Я исполню вашу волю, батюшка.

— Разве о моей воле говорится, цыпа?— продолжал он со сдержанным гневом.— Я имел глупость обещать вашему любезному рыцарю, что вы вольны принять или отвергнуть его предложение, и клянусь, вы будете совершенно свободны действовать; никакого влияния, даже моего, не станет между вашим робким поклонником и вами; бросьте же, прошу покорно, этот вид притесненной жертвы; он вовсе не у места; повторяю, вы свободны.

— Слышите, сеньора,— вскричал дон Торибио Морено с почтительным поклоном,— ваш батюшка подтверждает мои слова.

— Приходится, ей-Богу!— отозвался дон Хозе, презрительно пожав плечами.— Желаете вы сказать моей дочери еще что-нибудь?

— Ничего, мой друг, разве только повторить смиренную просьбу позволить мне являться к ней.

Донна Эльмина молча наклонила голову.

— Ну, довольны вы теперь?— грубо вскричал дон Хозе.— Становится поздно; пойдемте, дон Торибио; пусть девочки вернутся к своим игрушкам и куклам.

— Я к вашим услугам, друг мой.

— Прощайте, цыпочки.

— Разве вы не поцелуете меня на прощание, папа?— спросила девушка, робко подходя к нему.

Дон Хозе холодно поцеловал ее в лоб, глядя в сторону.

— Пора ехать,— повторил он.

Мексиканец почтительно раскланялся с двумя девушками.

Посетители вышли.

У наружной двери человек двенадцать всадников, вооруженных копьями с развевающимися значками, под командою унтер-офицера, стояли неподвижно как статуи.

Губернатор сделал знак, и черный невольник подвел двух великолепных лошадей в кокетливо роскошной сбруе, употребляемой в испанских колониях.

Мужчины сели на лошадей и стали во главе отряда, который тотчас двинулся вслед за ними.

Когда отъехали шагов на сто от дома, дон Торибио Морено спросил:

— Вы в Картагену возвращаетесь, дон Хозе?

— Куда ж вы хотите, чтоб я ехал?— изумился губернатор.

— Откровенно говоря, я не ожидал, что мы так скоро вернемся в город; я полагал, что ваше посещение дам будет продолжительней и что пока вы отдыхаете, я буду иметь время съездить на ферму, здесь поблизости.

— Правда, я и забыл, если верить слухам, вы купили прелестное поместье в расстоянии двух-трех выстрелов от деревни.

— О! Это полуразвалившаяся жалкая лачуга,— вскричал с живостью дон Торибио,— потому-то я и попрошу позволения оставить вас. Там делаются некоторые поправки, я и не прочь был бы нагрянуть на моих работников невзначай.

— Я не спешу; хотите, мы поедем вместе?

— О нет, как можно!

— Это почему?

— Во-первых, я должен поддерживать свою славу

богатства, друг мой, и не желаю вовсе лишиться ее; а во-вторых, признаться ли вам, я не знаю, куда положить вас, там все вверх дном. Итак, мой любезный дон Хозе, лучше послушайтесь меня и продолжайте путь к городу, а меня отпустите к моим делам.

— Пусть будет по-вашему! Но вы знаете, что я рано жду вас в правлении; у нас сегодня большое собрание.

— Я не замедлю явиться.

— Обедайте у меня без церемоний, что будет проще.

— Не отказываюсь; подождите меня до семи часов. Быть может, я представлю вам еще кого-нибудь.

— Кого же?

— Капитана моей шхуны «Санта-Каталина», которая пришла сегодня утром из Веракруса.

— Это человек хорошего общества?

— Моряк; но очень приличный и прекрасно играет.

— Так постарайтесь привести его мне; особенно если он богат,— сказал со смехом дон Хозе.

— Надеюсь привести; во всяком случае, подождите меня до назначенного часа.

— Хорошо.

И они разъехались.

Дон Хозе Ривас рысью отъехал от деревни со своим конвоем, тогда как дон Торибио вернулся в нее, то есть повернул назад к Турбако, но, проехав несколько шагов в этом направлении, сошел с лошади и тщательно поправлял с минуту мундштук, в котором нечего было поправлять, потом снова вскочил в седло, сперва, однако, удостоверившись, что граф и его конвой скрылись за поворотом дороги и что куда бы ни досягал глаз, по всем направлениям, не было видно ни одного человеческого существа.

Тогда дон Торибио круто свернул вправо, немного погодя опять вправо, очутился на опушке леса и поскакал по глухой дороге, окаймленной с обеих сторон частыми деревьями, густая листва которых образовывала над его головой непроницаемый свод.

Спустя четверть часа он достиг жалкого шалаша из переплетенных ветвей, как устраивают их лесные наезд-

ники, охотники и деревенские жители для ограждения от солнечного зноя и страшных ливней.

Рослый детина с бледным лицом, изможденным нищетою и лишениями, но с огненным взором, выражения мрачного и энергического, при стуке конских копыт внезапно появился у входа шалаша.

Человек этот, в силе лет, гордо драпировался в гадкие лохмотья неопределенного свойства; за поясом у него были заткнуты длинный нож и топор; опирался он обеими руками на дуло буканьерского ружья, которое поставил перед собою, и насмешливо поглядывал на приближавшегося дона Торибио.

Мексиканец остановил лошадь перед самым шалашом.

— Ты войдешь?— спросил по-французски, вместо всякого приветствия, хозяин шалаша.

— Войду,— ответил дон Торибио на том же языке,— если только найдется у тебя место, где бы спрятать мою лошадь; я вовсе не имею охоты оставлять ее таким образом на виду, средь дороги.

— Не беспокойся насчет этого,— возразил другой, взяв лошадь под уздцы,— сходи и ступай в шалаш.

Дон Торибио повиновался; странный же собеседник его увел лошадь и скрылся с нею в чаще леса.

Внутренность шалаша была, если возможно, еще беднее наружного вида. В одном углу ворох сухой травы служил постелью; в середине яма с тремя камнями заменяла очаг, два-три черепа быков исполняли должность стульев, старый совершенно пустой матросский сундучок без крышки, чугунный котелок и две-три деревянные чашки или скорее тарелки — вот и вся обстановка.

Вероятно, давно уже ознакомленный с нею, дон Торибио Морено бросил на нее равнодушный взгляд и сел на бычий череп; потом он достал сигару из сигарочницы, закурил ее и преспокойно стал курить в ожидании хозяина.

Тот появился почти немедленно.

— Черт возьми! Аромат-то какой!— посмеиваясь сказал вошедший,— ты славные сигары куришь! Вот что значит быть богатым!

— Возьми!— небрежно подал свою сигарочницу дон Торибио, Морено.— А лошадь моя?

— На мягкой подстилке по горло и с вязанкою корма перед собою.

Он выбрал сигару, закурил ее от сигары дона Торибио, потом возвратил сигарочницу и сел против него.

Настала минута молчания.

Эти два человека исподтишка наблюдали друг за другом, но, видя, что гость упорно молчит, хозяин шалаша решился наконец заговорить.

— Давно ты не был в этой стороне.

— Я завален делами.

— Бедный друг! И все же ты вспомнил старого товарища.

— Разве не были мы братьями-матросами?

— Правда, но так давно, и совершилось после того многое; ведь было это в экспедицию Монбара-Истребителя в Маракаибо. Помнишь?

— Еще бы!

— Однако ты, вероятно, не для того приехал, чтоб говорить со мною о временах прошлых? Скорее полагаю, ты имел в виду потолковать о настоящем, если не о будущем?

— Ага! Ты отгадал это, Бартелеми?

— Не надо быть колдуном,— с презрительною улыбкою возразил другой,— чтоб угадать, что когда ты приезжаешь ко мне, то, вероятно, имеешь во мне надобность.

— Ну, я буду откровенен с тобою, старый дружище, да, ты мне нужен.

— На все согласен, брат; скучаю я до смерти без дела; но предупреждаю, дешево тебе не станет.

— Назначай свои условия,— холодно ответил дон Торибио.

— Дело стоит ли того?

— Стоит.

— Слушай же, ты всегда был человеком тайных козней и скрытых замыслов; когда испанское судно, на котором я был пленным, встретило тебя среди моря вплавь, ты

объяснил свое странное положение весьма смутно; вдобавок ты выдал себя за мексиканца и я притворился, что не узнаю тебя.

— Я не забыл этой услуги.

— Гм! Это было естественно между флибустьерами, особенно братьями-матросами; но менее естественно то, что случилось со мною в Сан-Франциско; ты не помог мне, как я имел повод ожидать, но бросил меня, хотя был свободен и пользовался почетом у испанцев; подозреваю, что некоторый удар ножом, который мне нанесли в одну темную ночь в гавани, отчасти происходил от тебя.

— Можешь ли ты думать это, старый дружище?

— Ведь не знаю же я тебя, брат! Словом, я разбил цепи, которыми был скован, как дикий зверь, и бежал; после многого, чего и не перескажешь, я сам не знаю, как достиг этого острова и нашел прибежище здесь в лесу. Однажды случай свел нас; ты был богат, я беден; ты мог оказать мне помощь, но не сделал этого.

— Ты забываешь, друг...

— Что ты предложил мне быть твоим слугою, это правда; но я отказался, мне, капитану Бартелеми, знаменитому флибустьеру, быть слугой такого... словом, бросим это; только,— прибавил он немного погодя с насмешливой улыбкою,— я должен отдать тебе справедливость, что ты не выдал меня за плату.

— О!

— Я не благодарю: выдав меня, ты сгубил бы себя самого. Ты очень хорошо понимал, что я не колеблясь открыл бы твое настоящее имя; испанцы же знают его и, вероятно, несколько более, чем для тебя приятно. Теперь вдруг, после трех месяцев, что ты ни разу не побеспокоился задать себе вопрос: жив я или мертв, ты как с неба свалился в мой шалаш и говоришь мне: «Я нуждаюсь в тебе». Разумеется, я вывел заключение, что дело должно быть очень нужное. Я сообразился с условиями и сказал себе: дешево не станет.

— А я ответил: согласен.

— Хорошо же! Приступим к делу, я ничего другого не желаю. Дай мне еще сигару.

— Бери.

И дон Торибио в другой раз достал ему свою сигарочницу.

Бартелеми открыл ее и выбрал сигару, покачав головой.

Достойный капитан сильно не доверял своему другу; он знал его с давних пор. Конечно, его настоящее обращение после того, как он не думал о нем столько времени, казалось очень непонятно.

Итак, куря сигару, он в душе давал себе слово быть настороже и не давать маху.

X

КАК ТОЛКОВАЛИ ДВА МАТРОСА И ЧТО ИЗ ТОГО ВЫШЛО

Скажем в немногих словах, что это было за новое лицо, которое мы так внезапно вывели на сцену; ему предназначено играть довольно значительную роль в этой истории.

Капитан Бартелеми пользовался громкою славою за свою храбрость и отвагу; флибустьеры на острове Черепаха рассказывали о чертовски баснословной смелости; кроме того, он был отличный моряк и слыл между друзьями, но в особенности врагами своими, удивительно счастливым во всех предпринимаемых им экспедициях.

Много было и справедливого в рассказах о капитане Бартелеми. Одаренный большим умом, храбростью неодолимою, невозмутимым хладнокровием и беспримерным присутствием духа, как ни плохо было бы положение, в которое он внезапно попадал вследствие каких-либо случайностей, всегда ему удавалось выйти из него целым и невредимым, способами, которые для всякого другого были бы недоступны.

Кроме того, он отличался честностью, которая в пословицу вошла, и ни за что на свете не согласился бы изменить данному слову.

Вот каков был человек, которого дон Торибио — мы сохраним ему это имя на время — отыскал в жалком шалаше, дабы предложить то, что он называл делом.

Пока флибустьер губами приглаживал кончик своей сигары со всею развязностью настоящего дворянина, мнимый мексиканец пристально всматривался в него украдкой, думая, с какой бы стороны ему приступить, чтоб вернее поколебать его наружное равнодушие.

— Посмотрим же,— вскричал он наконец весело,— какие твои условия, дружище?

— Сперва ты предложи свои; купцу следует показать свой товар; я буду судить по образчику,— посмеиваясь возразил Бартелеми.

Дон Торибио понял, что ничего не поделаешь, а дело вести надо начистоту.

— Ты расседлал мою лошадь?— спросил он.

Внезапный вопрос ни с того ни с сего показался капитану так удивителен и неуместен, что он вытаращил глаза.

— Что с тобою?— вскричал он.

— То, что знай я, где моя лошадь, тотчас отправился бы за чемоданом, который ты верно заметил за седлом.

— Еще бы не заметить; он довольно тяжел.

— Очень хорошо; знаешь, что в чемодане?

— Как мне знать?

— Во-первых, полный для тебя богатый и изящный костюм, какой приличен дворянину; сверх же того, сто пятьдесят унций золота, которые я прошу тебя принять, не обязывая ни к чему, просто как бывший брат-матрос.

— Тьфу, пропасть!— засмеялся Бартелеми,— если ты даешь мне богатую одежду и двенадцать тысяч потому только, что я был твоим братом-матросом, что ж ты дашь мне, когда я буду твоим соучастником?

Дон Торибио попробовал улыбнуться, но вышла одна гримаса.

— Ступай за чемоданом,— сказал он,— пока ты станешь одеваться, я объясню тебе, в чем дело.

— Разве ты рассчитываешь взять меня с собой?

— Конечно.

— Но ведь я буду смешон донельзя.

— Отчего?

— Как же ты мне прикажешь пешком, что ли, бежать за тобой в богатом наряде.

— Не заботься, маловерный,— смеясь возразил дон Торибио,— когда настанет время, мы лошадь найдем.

— Ну, ты, видно, обо всем подумал. Канальство! Дело должно быть нешуточное; оно возбуждает мое любопытство и воображение заставляет работать.

— Дай обоим волю, я удовлетворю их; только торопись, время уходит.

Бартелеми вышел и вскоре возвратился с чемоданом.

Дон Торибио отпер его, вынул одежду и разложил ее с самодовольством.

Действительно, костюм был великолепный и в лучшем вкусе. Штаны, камзол, полукафтан, сорочка, шелковые чулки, башмаки, штиблеты для езды верхом, шляпа, портупея, дорогие золотые вещи и наконец множество безделушек, в то время необходимых человеку хорошего тона, все тут было.

— Одевайся,— сказал мексиканец.— Вот зеркало, гребенка, мыло, что только нужно. А некоторые вещицы, которые тебе еще понадобятся, они будут у тебя вместе с лошадью.

— Пожалуй, и одеться можно; а ты говори тем временем.

И действительно Бартелеми принялся за свое превращение.

Это можно бы назвать настоящим превращением червя в бабочку.

— Тебя зовут доном Гаспаром Альварадо Бустаменте,— начал дон Торибио.

— Что за чертову кличку навязываешь ты мне?

— Это твое имя на время, ты капитан шхуны в двести

пятьдесят тонн «Санта-Каталина» из Веракруса, которая пришла сегодня утром в Картагену прямо из Мексики с грузом европейских товаров на имя сеньора дона Энрика Торибио Морено.

— А это что за молодец?

— Я сам.

— Ты?

— Ну да; разве тебе это неприятно?

— Ничуть. Продолжай; это походит на волшебную сказку,— со смехом ответил Бартелеми.

— Сегодня вечером я представлю тебя здешнему губернатору, дону Хозе Ривасу, с которым на короткой ноге, и дону Лопецу Альдоа де Сандовалю, командующему здешним гарнизоном.

— Я не настаиваю на этом.

— Но я настаиваю.

— Очень хорошо. Дальше.

— Это все.

— Как, все?

— Да, на первый случай.

— Если я понимаю хоть что-нибудь... клянусь честью, я готов провалиться в тартарары!

— И понимать тебе не нужно,— перебил дон Торибио.— Когда твое положение будет ясно определенно в глазах всех, ничто не может быть легче, как беседовать, когда вам заблагорассудится, наши торговые дела доставят нам самый естественный предлог.

— Правда, наши торговые дела, черт возьми!— вскричал флибустьер со смехом.— Но при всем том, я жестоко трушу, осмелюсь доложить.

— Чего?

— Чтоб все эти замысловатые выдумки не повели к заключительной катастрофе.

— Объяснись.

— Я полагаю, что губернатор дон Хозе Ривас, так, кажется, ты назвал его?

— Ну да.

— Дон Хозе Ривас должен знать, что делается в городе.

— Разумеется.

— Капитан над портом, верно, рапортует ему о входе и выходе каждого корабля.

— Без сомнения.

— Стало быть, шхуна «Санта-Каталина»...

— Она пришла в порт сегодня утром.

— Из Веракруса?

— Из Веракруса.

— С европейскими товарами...

— На мое имя.

— Так ты действительно богат?

— Только миллионер.

Авантюрист посмотрел на своего приятеля невыразимо насмешливо.

— Ага!— пробормотал он почти шепотом,— убийство мексиканцем богатого торговца алмазами и похищение всего состояния его — эта история, которую рассказывали в Сан-Франциско-де-Кампеш, когда мы находились там, видно, имела основание?

Дон Торибио помертвел.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты слыл за мексиканца уже в Кампеше.

— Что ж из этого? Разве я не француз?

— Правда и даже нижнебретанец,— продолжал авантюрист со странною улыбкою.— К тому же в Кампеше, в то время, немало было мексиканцев и без тебя; не станем же углубляться в вопрос и положим, что я рта не разевал.

— О, я ничего не боюь!

— Мне ли не знать, черт побери! Впрочем, это касается одного тебя, а нам лучше вернуться к общему делу. Решено, что шхуна существует в действительности, что пришла она из Веракруса с грузом, принадлежащим тебе, что утром она стала на рейде и называется «Санта-Каталина».

— С удовольствием вижу, что ты не забыл ничего.

— Прекрасно, но пришла же шхуна не одна из Веракруса, полагаю, на ней был экипаж, наконец, капитан?

— Само собой! Шесть человек экипажа и капитан.

— Куда же они девались? Уж не сбежали ли все разом; и матросы, и капитан?

— Увы! Мой бедный друг,— вскричал мнимый дон Торибио Морено, с добродушно-покровительственным видом,— мы все смертные.

— Поговорка мудрая и справедливая.

— Вот что случилось.

— Я слушаю.

— Вчера шхуна завидела берег так поздно, что нельзя было решиться войти в узкий пролив; и так вынуждена была лавировать час ночи, чтобы войти в порт на рассвете. Около полуночи, при повороте судна, капитан упал в море.

— Бедный капитан!— сказал Бартелеми чрезвычайно серьезно.— И его не вытащили?

— Пробовали.

— А!

— Но ведь такое роковое стечение обстоятельств! Спустили лодку; четыре человека сели в нее и, как свинец, лодка и люди пошли ко дну. От страшного зноя растаяла смола, которою залиты были швы тесен, разумеется, вода побежала мгновенно, и все потонули.

— Все четыре человека?

— Все без исключения. Ночь была темная, море бурно; на шхуне оставалось всего два человека, как могли они оказать помощь товарищам?

— Вот что называется несчастьем! И еще в виду гавани!

— В двух лье всего-то. Будь светло, их увидели бы.

— В том-то и дело, что ночь была темная,— заметил авантюрист по-прежнему насмешливо,— ты должен сознаться, что два человека, оставшиеся на шхуне, находились в большом затруднении.

По счастью для них и для «Санта-Каталины» шхуну завидели еще до заката, так как я ждал ее с нетерпением. Зная, с каким грузом она идет, я хотел удостовериться в причине, почему она не вошла в канал с вечера. Тотчас я отправился к ней в лодке с шестью человеками и часам к четырем утра причалил к судну, которое стояло в дрейфе перед входом в порт, ожидая помощи.

— Это просто внушение свыше.

— Ты совершенно прав. В ту самую минуту, когда я ставил паруса, корабль вышел из Картагены, чтоб отправиться в Кадикс.

— В самом деле! Что значит случай-то.

— Единственные два матроса, которые остались в живых на шхуне, до того были поражены ужасною катастрофою в ночи, что стали умолять меня отпустить их на тот корабль, который выходил из порта.

— Разумеется, ты сжалился над этими бедняками и согласился.

— Действительно, так и было. Я заплатил им что следовало, даже прибавил маленькое вознаграждение, чтоб утешить в несчастной гибели их товарищей, и отвез на испанское судно, капитан которого несколько был знаком мне и согласился принять их.

— Как все соединяется, Боже мой!— вскричал Бартелеми, воздев очи горе.— И ты...

— Я тотчас нанял шесть человек, которых привез с собою. Они ровно ничего не знали о том, что происходило на шхуне: к тому же еще, прежде чем выехать в море, я сказал им, сам не знаю зачем — так мне мысль вдруг пришла в голову,— что капитан накануне съехал на берег скорей известить меня о приходе шхуны, которую между тем оставил у входа в гавань.

— Что и было причиной, что они не удивились, увидав всего только двух матросов накануне; про капитана же думали, что он на берегу.

— Как видишь, все это очень просто.

— Разумеется, любезный друг; и нарочно бы не лучше сделать.

— Что ты хочешь сказать?— несколько надменно спросил дон Торибио.

— Я? Ровно ничего!

— Ты, право, так странно толкуешь вещи...— невольно бледнея, возразил собеседник.

— Толкую, как следует толковать; я удивляюсь, насколько счастье тебе благоприятствует; кажется, естествен-

нее быть ничего не может. Ты волен перетолковывать мои слова по-своему, но помни одно: я нисколько не ответственен в твоих действиях и словах, не ответственен, благодарение Богу! И в чистоте твоей совести. Следовательно, все это до меня не касается, и я умываю руки.

— Так-то лучше.

— Я только все хотел знать в подробности, чтоб не делать ошибок и промахов, всегда достойных сожаления в назначенной тебе трудной роли, относительно комедии, которая очень может перейти в трагедию, если будет продолжаться, как началась. Теперь я знаю, что мне следовало знать; можешь быть спокоен, тебе не придется упрекать меня в чем-либо. Я готов, что мы теперь будем делать? Но прежде всего посмотри на меня.

Дон Торибио осмотрел его с величайшим вниманием.

Превращение было полное; от странной личности, появившейся с час назад на пороге шалаша, не оставалось ровно ничего.

Авантюрист, как человек, получивший прекрасное образование, вовсе не был стеснен своим костюмом, он имел вид очень приличный.

Мексиканец пришел в восторг, он крепко пожал ему руку.

— Ты, ей-Богу, бесценный малый!— вскричал он с жаром.

— Не бесценный,— возразил Бартелеми со своим ироническим хладнокровием,— но я стою дорого, ты скоро убедишься в этом,— прибавил он, спокойно опуская в карман кошелек, данный ему прежним братом-матросом,— повторяю, что мы теперь будем делать?

— Мы поедем.

— Хорошо, дай мне только спрятать мое ружье, любезный друг. Это Желех, которым я, признаться, очень дорожу. Я приду за ним, если не завтра, то очень скоро.

Пока авантюрист тщательно прятал свое ружье под сухими листьями, так долго служившими ему постелью, дон Торибио запер чемодан, вышел на дорогу, окинул

внимательным взглядом и свистнул два раза особенным образом.

Ему почти мгновенно ответили таким же свистом.

Он вернулся в шалаш.

— Спрятал?— спросил он у авантюриста.

— Да, я готов,— ответил тот.

— Так потрудись привести сюда мою лошадь... А! позволь еще слово.

— Говори.

— Помни, что с этой минуты ты дон Гаспар Альварадо Бустаменте, командир шхуны «Санта-Каталина», пришедшей из Веракруса.

— А ты дон Энрик Торибио Морено, богатый мексиканец, мой поставщик товаров.

— Очень хорошо, только смотри не проврись как-нибудь; и будем всегда говорить по-испански между собою при посторонних.

— Разумеется. Если тебе нечего более говорить мне, я приведу твою лошадь.

— Веди.

Минут пять авантюрист был в отсутствии и вернулся со стороны дороги.

— Лошадь готова,— сказал он.

В эту минуту раздался топот лошадей, скачущих во весь опор.

Товарищи вышли из шалаша.

Это скакал верхом негр, ведя другую лошадь под уздцы.

Он остановил лошадей перед шалашом и почтительно поклонился мексиканцу.

— Сеньор дон Гаспар,— сказал дон Торибио,— я думаю, вы напрасно будете ждать долее того человека, о котором вы говорили, он наверно не придет.

— Я разделяю ваше мнение, сеньор,— тотчас ответил Бартелеми, отважно входя в свою роль,— да и мне невозможно оставаться здесь долее, я должен ехать на шхуну.

— Я к вашим услугам, сеньор. Прошу вас взять лошадь, которую я приготовил для вас, и принять эту шпагу вместо той, которую вы сломали.

— Тысячу раз благодарю вас, кабальеро.

Все это было сказано на чистейшем кастильском наречии.

Оба вскочили в седло и поскакали к Картагене, куда они прибыли без малого в пять часов пополудни.

Негр, невольник дона Энрика Торибио, следовал за ними на почтительном расстоянии, даже не стараясь уяснить себе, что произошло в его присутствии.

XI

КАК ВСТРЕТИЛИСЬ «ЗАДОРНЫЙ» И «САН-ХУАН-БАТИСТА»

Мы оставили «Задорный» с убранными главными парусами, между тем как его раскачивало во все стороны разъяренными волнами, исполинские гребни которых то и дело заливали палубу.

Ураган длился двое суток; все усиливаясь, он наконец достиг таких размеров, что были вынуждены убрать все паруса до единого и оградить все снасти, какие только можно, от действия бури: случай весьма редкий в морском деле; корабль только и держался, что на руле, которым едва могли управлять четыре человека, самых сильных из всего экипажа.

«Задорный» так и подбрасывало; на палубе нельзя было держаться от волн, которые ежеминутно бешено стремились через нее. Измученные матросы стали глухо роптать, и начальникам стоило величайшего труда сдерживать это неудовольствие.

Экспедиция начиналась крайне несчастливо; уже поговаривали о роковом тринадцатом числе, и, благодаря суеверному легковерию матросов, ропот грозил принять очень серьезные размеры.

Один командир Медвежонок Железная Голова и по-

мощники его, Олонец, Польтэ и два-три человека еще, оставались холодны и спокойны, обратив взор на небосклон, они с уверенностью выжидали конца урагана.

На третьи сутки, в восемь часов утра, буря как будто стала стихать, ветер заметно спал, хотя море еще бешено взбрасывало свои волны на необъятную высоту и стремительно обрушивалось на корабль; в девять часов уже можно было воспользоваться ветром, а в полдень «Задорный» уже шел быстрым ходом.

В первый раз по прошествии трех суток на «Задорном» могли наблюдать по солнцу степень широты и определить положение судна!

Оказывалось, что оно находится против св.Христофора на самом пути европейских кораблей, которые идут к острову или возвращаются от него.

Экипаж снова повеселел; с обычною беспечностью моряков матросы сами подтрунивали над паникою, которая было овладела ими, между тем как готовили оружие к бою и вновь водворяли на корабле порядок и чистоту, разумеется, упущенные из вида во время шторма; теперь у этих людей только и речи было, что о доле добычи, на которую они рассчитывали, и тех богатствах, которые они захватят.

Часам к четырем пополудни Пьер Легран стоял на вахте и расхаживал между ютом и грот-мачтою, то наблюдая за парусами, то глядя на море, которое стихало все более и более, и по временам бросая взгляд на море, когда вдруг часовой на верху фок-мачты крикнул:

— Корабль!

Пьер Легран кинулся на бак.

— Эй, часовой!— крикнул он, образовав руками нечто в виде рупора.

— Есть,— ответил матрос.

— Где видишь корабль?

— От штирборта милях в четырех под ветром.

— Трехмачтовое судно, что ли?

— Нет, чистенький бриг с низким верхом.

— Предупреди командира, товарищ,— обратился стар-

ший капитан к Александру, стоявшему возле него с боцманским свистком в руках.

Александр передал приказание матросу, который тотчас исчез в люке на юте.

— Куда направляется бриг?— продолжал расспрашивать Пьер Легран.

— На нас идет,— ответил часовой,— он уже завидел фрегат.

— Ты уверен, что завидел?

— Точно так; он привел к ветру на два румба.

— Видно, испанец.

В это мгновение на палубу вышел командир с длинной подзорной трубой через плечо.

Он пристально поглядел на ту точку небосклона, где должен был находиться замеченный корабль, потом, не говоря ни слова, быстро влез на грот-марсель, а с него поднялся на вершину брам-стеньги, приставил подзорную трубу к глазу и стал смотреть.

Весь экипаж стоял на палубе молча и неподвижно.

Волшебное слово: корабль! Точно гальванический ток оживил самых ленивых и беспечных: корабль, это означает добычу, поживу, быть может богатство; наверно же бой с непримиримыми врагами. Разумеется, жадное нетерпение флибустьеров было велико, пока командир хладнокровно рассматривал замеченное судно во всех подробностях.

Прошло несколько минут; наконец Медвежонок Железная Голова медленно спустился на палубу.

— Господа,— сказал он, сняв шляпу,— это судно испанский бриг; он сейчас повернул на другой галс, но с Божьею помощью мы догоним его до заката, он далеко не так легок на ходу, как мы. Г-н лейтенант, распорядитесь, чтоб пуститься за ним в погоню.

Маневр был исполнен с необычайным усердием и быстротою.

В несколько секунд «Задорный» покрылся парусами и вскоре прорезывал волны со стремительностью морской чайки.

Удостоверившись, что приказание его вполне было

понято, командир вернулся в свою каюту в сопровождении Польтэ и Олонца.

«Задорный» был едва ли не лучшим на ходу из всех французских, английских, голландских или испанских судов, которые в эту эпоху бороздили Атлантический океан по всем направлениям.

И в этот раз он не ударил лицом в грязь; несчастный бриг, за которым он гнался, как ни хитрил, как ни переменял галс, вертелся и поворачивал, ничто не помогло: он был вынужден признать себя побежденным.

Вскоре он уже показался на небосклоне белым пятнышком с величину крыла чайки; потом пятно это стало расширяться, выступили на вид паруса, затем корпус, и часам к шести вечера бриг находился не более как в полумиле от грозного корсара.

Впрочем, сознавая невозможность спастись от когтей хищника, бриг покорился своей участи с тем героическим спокойствием, которым во все времена отличались испанцы, фаталисты по природе, пропитанные духом Востока вследствие восьмивекового рабства под игом мавров.

Бриг убрал все паруса, которые распустил было сначала, и храбро продолжал свой путь под малыми парусами.

Медвежонок опять появился на палубе и, поднявшись на шканцы, взял в руки рупор.

— Все на места для боя,— скомандовал он.

— Все готовься к бою!— повторил Олонец.

Немедленно на палубе и в батареях произошло большое движение; гренадеры и самые искусные стрелки влезли на мачты; потом все затихло, и мертвое молчание водворилось на фрегате.

— Командир,— сказал Олонец,— все готово, каждый на своем месте.

Пьер Легран с фитилем в руках стоял неподвижно у пушки на баке, устремив взор на командира.

Тот сделал знак, и Пьер Легран поднес фитиль.

Грянул выстрел, и в то же мгновение флибустьерский флаг величественно взвился в воздухе над фрегатом.

Флаг этот, как удостоверяют все сочинения о флибу-

стьерстве, голубой, белый и красный, имел совершенно одинаковое расположение полос с нынешним национальным французским флагом.

Только на белой полосе командир «Задорного» велел изобразить черную, естественной величины, медвежью голову, пользуясь преимуществом флибустьеров помещать, если им заблагорассудится, герб, изъясняющий их имя на флаге собственного судна.

Пушечный выстрел был только угрозой; никакого ядра не пронеслось над волнами; однако угрозу вполне поняли на бриге: большой испанский флаг мгновенно поднялся на корме, и радостное «ура!» экипажа «Задорного», как погребальный звон, раздалось в ушах испанцев.

Между тем погоня все продолжалась; вскоре «Задорный» выиграл ветер и очутился рядом с бригом на расстоянии голоса.

— Эй! Судно!— крикнул Медвежонок в рупор.

— Гей!— отозвались тотчас с брига.

— Ложись в дрейф или потоплю!

Приказание флибустьера исполнили на бриге с быстротою, похожею на волшебство.

Фрегат шел вперед еще несколько минут и так же лег в дрейф.

Два судна находились на расстоянии неполного ружейного выстрела.

Тут Медвежонок приступил к продолжению на минуту прерванного разговора.

— Название брига?— спросил он.

— «Сан-Хуан-Батиста» в триста пятьдесят тонн.

— С каким грузом?

— Индиго, кофе, слитками серебра и разбитой серебряной посуды[1].

При этом блистательном исчислении богатств, заключавшихся в бриге, радостный трепет, словно электрический ток, побежал по рядам флибустьеров.

---

1 Серебряную посуду, как то: вазы, блюда, тарелки и кубки разбивали ударом молота, так как пошлина на них в этом виде была самая ничтожная.

— Откуда идете?— спросил Медвежонок.

— Из Картагены в Кадикс прямым путем.

При упоминании о Картагене командир едва удержался от движения удивления.

— Сколько времени вы в пути?

— Одиннадцать дней назад вышли мы из Картагены.

— Пришлите лодку с капитаном.

Этот маневр бы исполнен гораздо медленнее первого. Испанцы страшно боялись флибустьеров, которых буквально считали исчадиями ада; однако приходилось покоряться.

На воду спустили шлюпку, в нее сошло несколько человек, хотя с очевидным неудовольствием; потом они отчалили от брига и направились к корсару, отдаляя всеми возможным мерами минуту страшной встречи с противниками.

Командир «Задорного» обратился к свому экипажу со словами:

— Пусть каждый остается на своем месте; ни криков, ни ропота; я хочу, чтобы на фрегате царствовали величайший порядок и глубокая тишина во все время, пока на нем оставаться будет испанский капитан. Боцман,— продолжал Медвежонок,— поставьте четырех человек у трапа на штирборте; покажем этим гордым испанцам, что мы знаем морские обычаи; да быть наготове бросить канат, как скоро подойдет шлюпка.

Несмотря на преднамеренную медленность, за которую всякий другой флибустьерский начальник заставил бы поплатиться дорого, шлюпка с испанского брига наконец достигла фрегата.

Капитан, который правил рулем, был человеком лет сорока, с кроткими и ничем особенно не выдающимися чертами; выражение грусти и глубокого уныния разлито было на лице его.

Он один взошел на фрегат; ему отдали военные почести; он ответил улыбкой, исполненной горечи, и направился к командиру фрегата, который со своей стороны спустился с шканцев и шел ему навстречу.

— Э!— вскричал Медвежонок с выражением дружеского

удивления,— да это кажется дон Рамон де ла Крус, если не ошибаюсь.

— Увы! Благородный командир,— ответил тот со смиренным поклоном,— опять я.

— Опять? Уж не укор ли это, капитан?

— Он относится лично ко мне, командир; видно, судьбой так определено, что я не могу совершить ни одного переезда, не быв вами захвачен в плен. Жалуюсь я на судьбу, не на вас.

— Действительно, мы встречались чуть ли не раза три.

— Четыре, командир.

— Вы думаете?

— Увы! Очень уверен,— со вздохом ответил дон Рамон.

— Положим, четыре! Итак, в уважение старого знакомства я прошу сказать мне, что могу сделать для вас.

— Только одно, командир.

— Отдать вам ваше судно, не так ли?

— Увы!

— К несчастью, это невозможно; но Бог мне свидетель, что я желаю сделать вам угодное. Постойте, кажется, я придумал средство. Есть ли на корабле что-нибудь, принадлежащее лично вам?

— Увы! Все мое состояние.

— Как так?

— Индиго и кофе — моя собственность.

— Какая неосторожнсть!

— Теперь я сам это вижу.

— Впрочем, кто знает! Сколько стоила вам покупка этого индиго и кофе?

— Пять тысяч пиастров, все мое достояние.

— Гм! Сумма крупная; все равно; что сказано, то сказано; я покупаю у вас индиго за шесть тысяч пиастров от своего имени и товарищей моих; сверх того, я уполномачиваю вас взять две лодки, в которые вы сложите все ваши собственные вещи и те, которые принадлежат людям вашего экипажа. Сколько их?

— Четырнадцать, благородный командир,— ответил

капитан с видом растерянным,— да еще два матроса, которых я взял пассажирами при выходе из Картагены.

— Стало быть, шестнадцать человек; возьмите еще пресной воды и съестных припасов на восемь дней, десять ружей, восемь пистолетов и сто пятьдесят зарядов пороха, чтобы иметь возможность защищаться в случае нужды; вы находитесь среди Антильских островов, стало быть, если не достигнете испанских владений, то уж решительно судьба против вас. Впрочем, для большей верности, на случай, что вы наткнулись бы на кого-нибудь с острова Черепаха или из Порт-Марго, я снабжу вас пропуском. Довольны вы теперь?

— О! Командир!— вскричал бедный капитан со слезами в голосе, целуя руки флибустьера, несмотря на его сопротивление,— я навек остаюсь у вас в долгу. Чем могу я заплатить вам?

— Говоря вашим соотечественникам, любезный дон Рамон, что флибустьеры вовсе не такие дьяволы, какими кажутся, что у них и сердце есть, как у других людей. А теперь послушайтесь моего совета.

— Я готов все сделать.

— Постарайтесь не попадаться мне более.

— Говоря по правде,— наивно возразил дон Рамон, не то со смехом, не то со слезами,— если уж суждено мне быть захваченным в плен в пятый или, вернее, в шестой раз, я желаю, чтобы это было сделано вами, чем другим кем.

— Благодарю; пока будут переносить вашу поклажу на лодки, пойдемте закусить в мою каюту, капитан, и потолкуем.

— К вашим услугам, командир.

— Олонец, ты слышал?— обратился Медвежонок к младшему капитану,— посмотри, чтобы все было исполнено, как я решил.

— Будь покоен, я беру это на себя.

Медвежонок и капитан брига дон Рамон сошли в каюту, где приготовлена была закуска.

Оба моряка сели.

Флибустьер, как известно, не пил вина, но это не мешало ему быть любезным и приятным хозяином.

Когда дон Рамон выпил два-три стакана вина, Медвежонок вынул из небольшого кожаного мешочка, который надет был у него на стальной цепочке, довольно крупный алмаз; он подал его капитану.

— Знаток ли вы?— спросил он.

— Немножко,— ответил испанец,— одно время я торговал ими.

— Так взгляните на этот и оцените его.

Капитан взял алмаз, очень внимательно осмотрел его, поворачивая во все стороны, и наконец сказал:

— Он стоит по меньшей мере одиннадцать тысяч пиастров.

— То есть пятьдесят тысяч франков,— заметил Медвежонок, отстраняя руку испанца, который возвращал ему драгоценный камень,— оставьте его на память обо мне, любезный капитан. Мы теперь с денежными делами покончили; побеседуемте, если вы ничего против этого не имеете?

— Однако,— возразил дон Рамон,— этот алмаз...

— Что ж, это плата за ваше индиго и кофе; вы продали мне их с прибылью сто на сто, вот и все. Я же даю вам алмаз, потому что его удобнее иметь при себе, чем золото; уберите его, и бросим разговор о нем. Скажите-ка лучше, кто теперь губернатором в Картагене?

— Дон Хозе Ривас, граф де Фигароа, предостойный дворянин, у которого очаровательная дочь.

— Ага! У него есть дочь. Ребенок, верно?

— Нет, любезный командир; донне Эльмине лет шестнадцать, насколько я мог судить по виду.

— Дочь губернатора зовут Эльминой?— вскричал Медвежонок, слегка содрогнувшись.— Она прекрасна, по вашим словам; верно, за ней сильно ухаживают?

— Этого я, право, не сумею сказать; только то я знаю, что речь шла о ее браке, когда я уезжал.

— Донна Эльмина выходит замуж!— вскричал Медвежонок помертвев.

— Говорят так, по крайней мере,— ответил спокойным тоном дон Рамон, который не подозревал, какое значение имели его слова.

— А кто счастливый смертный?

— Признаться, любезный командир, мне это счастливец кажется довольно гаденькой личностью, между нами будет сказано; это мексиканец, который в один прекрасный день, словно с неба, свалился в колонию. Никто не знает, кто он и откуда. Он слывет страшно богатым, живет открыто и ведет большую игру; последнее качество и открыло двери дома губернатора, с которым он теперь в самых коротких отношениях, таких коротких даже, что на днях женится на его дочери, бедняжке!

— Вы жалеете эту бедную девушку?

— От всего сердца жалею, командир; я уверен, что ею жертвуют; любить она не может этого человека, о котором ходят странные, даже гнусные слухи.

— Расскажите-ка мне их.

— Я уже говорил вам, командир, что я при выходе из Картагены принял на берег двух матросов пассажирами.

— Помню.

— Ну-с, эти два матроса привезены мне были самим доном Торибио Морено.

— Доном Торибио Морено?

— Да, так зовут мексиканца.

— Ага! Очень хорошо. Продолжайте.

— Представьте себе, этот дон Торибио Морено ждал свою шхуну «Санта-Каталина», из Веракруса. На шхуне было семь человек всего, включая и капитана. Ну-с, мексиканец так ловко подстроил дело, что при входе в Картагенский порт потонуло четыре матроса и сам капитан. Дон Торибио Морено сам приехал на шхуну с новым экипажем спустя немного после того рокового случая, но два матроса, оставшись в живых, охвачены были жестоким ужасом от всего, что произошло на их глазах, и, во что бы то ни стало, хотели сойти со шхуны. В это самое время я выходил в море. Сеньор Морено, который, вероятно, ничего более не желал, как избавиться от

стесняющих свидетелей, предложил мне взять их на бриг, на что я согласился.

— И теперь они у вас?

— Как же; им это темное дело известно в подробностях. Только одного я не пойму, какая выгода может быть дону Торибио Морено в этом потоплении?

— Я доберусь,— пробормотал себе под нос флибустьер.— Хотите уступить мне этих двух людей, капитан?— спросил он вслух.— Даю вам слово, что им не будет сделано вреда, напротив.

— Как вам угодно, любезный командир; но позвольте узнать...

— Любопытство, капитан, одно любопытство. Вот вам пропуск,— прибавил он, подавая бумагу, на которой написал несколько слов и подписался внизу.— Пойдемте теперь.

— Ах! Командир,— вскричал капитан, пряча драгоценный листок,— я, право, не умею выразить...

— Полноте, мы старые друзья, и я не хочу, чтоб с вами случилось несчастье; идемте же.

Они вышли на палубу.

Олонец буквально исполнил приказание командира: две самые большие лодки с брига нагружены были сундуками и всем имуществом экипажа. Сами матросы были размещены по лодкам с запасом воды, съестных припасов и оружия. В лодке, которая была побольше и назначалась для самого капитана, сложены были его собственные вещи; человек десять флибустьеров перешли на время на бриг, чтобы караулить его.

Два испанских матроса с радостью приняли предложение Медвежонка и поспешно поднялись на фрегат.

Кроме личных сведений, которые командир экспедиции надеялся получить от них, два человека своим знанием местности и порта, куда шли, могли быть весьма полезны для общего дела; разумеется, флибустьеры поняли цель начальника и с удовольствием увидали это приращение к их числу.

Капитан дон Рамон де ла Крус, простившись с

командиром Железная Голова и осыпав его благословениями, сошел в свою шлюпку, и две лодки помчались на всех парусах к острову Куба, которого могли достигнуть менее чем в трое суток, если бы все дул свежий ветер.

Медвежонок Железная Голова отобрал сто пятьдесят человек, которых перевел на бриг; кроме того, он вооружил его восемнадцатифунтовыми орудиями, которых с дюжину имел в трюме фрегата, и переименовал свой приз «Бунтовщиком», назначив Олонца командиром. Вслед за тем на обоих флибустьерских кораблях подняли паруса, и они вместе пошли к Картагене.

XII

КАК ДОННА ЛИЛИЯ НЕСКОЛЬКО ОБОДРИЛА СВОЮ КУЗИНУ

Когда двери залы затворились за доном Хозе Ривасом и его приятелем, донна Эльмина опустила голову, и две слезы тихо скатились по ее щекам, а вздох вырвался из груди.

Донна Лилия тихо подошла, села на табурет возле нее, нежно пожала ей руку.

— Бедная сестра!— шепнула она ласково.

Донна Эльмина не ответила; она сидела неподвижная и грустная, устремив в пол рассеянный взор.

— Эльмина, душечка,— продолжала молодая девушка, целуя кузину в лоб,— не унывай; приди в себя, вооружись бодростью против горя, не поддавайся отчаянию, опомнись, твое несчастье велико, но могущество Божье беспредельно.

— Нет, Лилия! Нет, моя дорогая! Сам Господь не может спасти меня. Я в могучих когтях тигра, а тигр неумолим, как тебе известно; я должна умереть.

— Умереть, ты!

— Да, Лилия, лучше смерть, чем страшная жертва, которой требует от меня отец.

— Тебя ли я слышу? Всего два часа назад не была ли ты исполнена твердости, отваги и надежды!

— Я надеялась, это правда; на что? Сама не знаю. Всегда надеешься, увы! Когда страдаешь, а я сильно страдаю, Лилия.

— Бедный, милый друг; приди в себя, повторяю, не поддавайся горю. Что произошло во время посещения твоего отца, не должно было удивить тебя; ведь ты знала все. Так ободрись же и вернемся к нашей беседе, прерванной куда как не кстати; докончи признание, на которое едва намекнула...

— Не настаивай, любезная Лилия,— с живостью перебила ее донна Эльмина, подняв голову,— все это один бред распаленного воображения. Я погибла; я чувствую это. Ничто не удержит меня на краю пропасти, в которую я готова низринуться.

— Не говори таким образом, Эльмина, умоляю тебя; напротив, ты должна мужаться против отчаяния.

— Мужаться!— повторила она с горечью,— к чему пытаться вступить в невозможную борьбу? Увы! Моя судьба решена безвозвратно.

— Кто знает, Боже мой! Разве не может случиться чего-нибудь необыкновенного?

— Не старайся, любезная Лилия,— возразила Эльмина, качнув головой,— вселять в меня надежду, которой сама не имеешь.

— Полно, милочка Эльмина, будь же немного бодрее; забудь, если можешь, хоть на минуту, свое горе или скорее развлеки его чем-нибудь; поговорим душа в душу; открой мне тайну, которая гнетом лежит у тебя на сердце, а ты все упорствуешь носить его одна, скрывая от всех.

Донна Эльмина задумалась; бледная улыбка мелькнула на ее губах и наконец, невыразимо грустным тоном, в котором звучало глубокое смирение, сказала:

— Впрочем, милая Лилия, я и не вижу причины хранить молчание с тобою, моим единственным другом. Признание, которого ты требуешь от моей дружбы, я сделаю в двух словах: я люблю. Тот, кого я люблю, не знает о моей

любви; он далеко, очень далеко от меня; никогда я не увижу его более; он едва знает меня и хотя бы любил, что немыслимо, союзу нашему препятствуют такие неодолимые преграды, такая бездна разделяет нас, что я никогда не смогу принадлежать ему! Эта любовь — просто безумная мечта.

Донна Лилия выслушала кузину с величайшим вниманием, порой покачивая головой и очаровательно надувая крошечные губки.

— Эльмина,— шепнула она, когда та замолчала,— фрнцузы говорят, что слова «невозможно» не существует на их языке; почему бы не допустить этого и на испанском?

Донна Эльмина пристально поглядела на нее.

— С какой стати говоришь ты мне про французов?— спросила Эльмина, и голос ее слегка дрогнул.

Донна Лилия улыбнулась.

— Французы — люди с душой,— заметила подруга вкрадчиво.

— Некоторые из них доказали нам это,— ответила Эльмина, подавив вздох.

Донна Лилия склонила голову к плечу кузины.

— Не знаю, заметила ли ты,— продолжала она,— но дон Торибио в нашем присутствии как будто прикидывается...

— Ни слова более об этом человеке,— вскричала с живостью донна Эльмина,— умоляю тебя!

— Как хочешь, но пока он говорил с тобою, я пристально вглядывалась в него и как ты...

— Как я, не правда ли? Нашла, что лицо его очень тебе знакомо,— перебила донна Эльмина с нервным содроганием во всем теле.

— Это, право, он, буканьер, разбойник с Сан-Доминго!.. О! Никогда не бывало удивительнее сходства!..— продолжала донна Лилия,— а между тем тот, о котором мы говорим, не может быть жив.

— Разве злой дух выхоит из пучины?

— Но если это он, надо предупредить твоего отца, Эльмина; все сказать ему.

— Что же все?— возразила дочь дона Хозе Риваса, с унынием качая головой,— что мы знаем? Ровно ничего. К тому же человек этот совершенно овладел моим отцом, который видит только его глазами; доказательства же мы, к несчастью, никакого привести не можем.

— Как знать?— быстро ответила донна Лилия.

— Что ты подразумеваешь под этим?

— Выслушай меня, Эльмина; ты знаешь, какая я сумасбродка и как люблю бродить одна по лесам и полям; ты сама часто ставила мне в укор мои бродяжнические наклонности.

— Правда,— прошептала донна Эльмина, улыбаясь сквозь слезы.

— Так именно этой моей страсти к одиноким странствиям мы, пожалуй, будем обязаны единственной помощью, на которую можно рассчитывать.

— Объяснись.

— В одно утро, недель шесть назад, я выехала верхом из деревни и скакала по лесу без определенной цели, только находя наслаждение в том, чтобы вдыхать свежий и легкий воздух и чувствовать, как утренний ветерок играет в моих волосах. Вдруг лошадь моя как бросится в сторону, едва я удержалась в седле; смотрю, поперек дороги лежит человек в лохмотьях, с длинной бородою и осунувшимся лицом, он имел самый жалкий вид. Я сошла с лошади и наклонилась к нему; глаза его были закрыты, и глухое хрипение вырывалось из его груди. С трудом я привела его в чувство; несчастный умирал с голода. Я бросилась в деревню и привезла ему кое-что поесть. Когда же он пришел немного в силы, то сознался мне, что он француз, флибустьер, чудом спасшийся из испанской тюрьмы. Зная, что безжалостно будет убит, если попадется в руки врагов своих, он добрел до леса и скитался в нем несколько дней, питаясь кореньями и дикими плодами; ружье свое он сохранил, но пороха не имел, следовательно, ни охотиться, ни защищаться не мог. Я дала ему нож и топор, которые захватила с собой из деревни, и высыпала все деньги, какие были у меня в кошельке, на траву возле него.

— Это хорошо, душечка Лилия.

— Он сказал мне только: «Вы спасли мне жизнь, она принадлежит вам».

— И ты виделась с ним после того?

— Часто. Он рассказал мне свою историю: по-видимому, это знаменитый флибустьер с острова Черепаха; я говорила с ним о...

— О ком?

— О том, кого ты знаешь,милушка,— улыбаясь возразила донна Лилия,— он знает его и любит; мне и пришла одна мысль,— прибавила она нерешительно.

— Какая?

— Видя тебя такою страждущею и не зная, каким способом помочь твоему горю, я с месяц назад спросила у Бартелеми — человека этого зовут Бартелеми, — нельзя ли ему доставить письмо на Сан-Доминго.

«Очень это важно, сеньорита?»— осведомился он.

«Вопрос жизни или смерти»,— ответила я.

«Хорошо,— сказал он,— я сам еще не знаю как, но клянусь вам, доставлю письмо, давайте его».

«Я привезу завтра».

— И письмо это?— вскричала донна Эльмина задыхающимся голосом.

— Я отдала на следующий день Бартелеми. В письме заключалось три слова всего: «Картагена. Сейчас. Опасность». Однако надо было, чтобы тот, к кому посылалось извещение, узнал, от кого оно. Тут я вспомнила про кольцо, которое ты постоянно носила на груди в ладанке из пахучей кожи. Я тайком сняла его с тебя, пока ты спала, и, каюсь, отважно приложила печать вместо подписи.

— Ты сделала это, Лилия?

— Признаться, сделала,моя душечка. Ты находишь, что я была неправа?

— О,Лилия, моя дорогая Лилия!— вскричала донна Эльмина, бросившись к ней на шею,— спасибо тебе, спасибо тысячу раз!

— Спустя три дня Бартелеми, которого я нигде не могла

отыскать, хотя изъездила весь лес вдоль и поперек, сам пришел ко мне сюда.

«Письмо отправлено,— объявил он мне,— оно дойдет, самое позднее, в десять дней».

— О! Только бы он получил его!— пробормотала дочь дона Хозе.

Лилия улыбнулась.

— Недели две назад,— продолжала она,— Бартелеми сказал мне в одно утро:

«Капитан получил письмо, он будет; зорко наблюдайте; и я со своей стороны буду смотреть в оба».

— Так он уже в пути?

— В пути. Довольна ли ты теперь, милочка?

— О, Боже мой! Неужели ты сжалишься надо мною?— воскликнула донна Эльмина и зарыдала.

Две молодые девушки крепко обнялись, вместе и плача, и улыбаясь.

XIII

ЗДЕСЬ ДОН ТОРИБИО И ЕГО ПРИЯТЕЛЬ БЕСЕДУЮТ О КОЕ-КАКИХ ДЕЛАХ СВОИХ

Прошло несколько дней со времени представления капитана Бустаменте губернатору города Картагена дону Хозе Ривасу де Фигароа.

Знаменитый флибустьер так искусно сыграл свою маленькую рольку, как говаривал кровавой памяти король Карл IX. Мнимый капитан «Санта-Каталины» говорил таким чистейшим кастильским наречием, изъявил такое глубокое отвращение к грабителям с островов Черепаха и Сан-Доминго, а в особенности с такою очаровательной непринужденностью выигрывал пиастры и квадруили своих новых приятелей, что все лица, находившиеся на вечерах губернатора, с первого же раза признали его за старого

христианина и чистокровного испанца старой Кастилии.

Заметим мимоходом, что в испанских колониях Америки и даже в самой Испании название старого христианина — настоящий титул и присваивается только тем, к роду которых никогда не примешивалось ни индейской крови в Америке, ни мавританской в Испании.

Дон Хозе Ривас прельстился таким чудным игроком и почувствовал к нему безотчетное влечение; он радушно отворил ему настежь двери своего дома.

Итак, все улыбались авантюристу: он был богат, в почете и, вдобавок, имел прелестное судно.

Однако капитан Бартелеми не был счастлив; на ясном небосклоне его оказывалась темная точка, едва заметная, правда, но подобная тому, как в степи на берегу Буэнос-Айреса черная точка на горизонте в несколько мгновений может разрастись до громадных размеров и превратиться в ураган.

В этот день, около семи часов утра, достойный капитан сидел задумчиво в каюте на своей шхуне «Санта-Катали-на», облокотившись о стол и подперев руками голову, трагически смотрел на громадный стакан глинтвейна, стоявший перед ним.

— Это не может длиться таким образом,— пробормотал он,— я просто не человек более и не принадлежу себе; черт меня побери, если я не превратился в вещь, которую ворочают и вертят как хотят; надо положить этому конец так или иначе; надоело мне.

Он встал, залпом осушил стакан и вышел на палубу.

— Спустить мою шлюпку,— приказал он вахтенному, который расхаживал взад и вперед.

Приказание исполнили немедленно.

Через несколько минут шлюпка отчалила от шхуны и направилась к берегу.

Едва капитан занес ногу на первую ступень пристани, как вдруг увидел перед собой фигуру своего короткого приятеля дона Торибио Морено.

Мексиканец улыбался.

Капитан, напротив, нахмурил брови.

Он знал своего приятеля: улыбка его не предвещала ничего хорошего.

— Куда ты?— спросил дон Торибио, протягивая ему руку.

— На берег,— лаконически ответил капитан, не взяв руки.

— Видно, у тебя замысел какой есть?— продолжал расспрашивать дон Морено, нисколько не обидевшись.

— Нет.

— Так пойдем завтракать вместе.

— Есть не хочу.

— Голод придет, если приняться за еду.

Капитан сделал движение.

— Да что с тобой сегодня?— спросил дон Торибио, пристально глядя на него.

— Не знаю, я раздражен. Пусти меня.

— Куда ты идешь?

— За ружьем своим, если тебе непременно надо знать.

— Уж будто ты так дорожишь им?

— Разумеется, дорожу.

— В таком случае все складывается как нельзя лучше, мы вместе поедем; я отправлюсь на мою ферму в Турбако.

— Я предпочитаю идти один.

— Быть может, но я имею надобность переговорить с тобою, любезный друг.

— После переговорим.

— Нет, сейчас; то, что я должен сказать тебе, очень важно и не терпит отлагательства.

— Ага!— вскричал авантюрист, останавливаясь, и в свою очередь посмотрел прямо в глаза собеседника.— Что такое делается?

— Еще ничего, но скоро, пожалуй, что-нибудь и произойдет.

— Что же именно?

— Узнаешь. Поедем.

— Поедем, есди ты так настаиваешь.

Держа в поводу двух оседланных лошадей, черный

невольник стоял неподвижно в нескольких шагах. Дон Торибио сделал ему знак; он подвел лошадей.

Бартелеми и приятель его вскочили в седло.

Через пять минут они скакали в поле.

Видя, что спутник упорно молчит, дон Торибио наконец решился вступить в разговор.

— Ведь ты принял на шхуну десять человек, которых я прислал к тебе четыре дня тому назад?— спросил он.

— Принял, признаться, хотя вовсе не понимаю, на что тебе понадобился экипаж в шестнадцать человек на судне, которым легко управлять четырьмя.

— Тебе какое дело?

— Никакого; только предупреждаю тебя, если ты с намерением делал выбор, то он удачен: это сущие разбойники.

— Ба! Ты усмиришь их; стоит только суметь взяться, а мне тебя не учить. Кстати, ты ведь принял также порох и четыре орудия?

— Все тщательно убрано в трюме.

— И ты готов сняться с якоря?

— При первом знаке. Целых двое суток я стою на большом рейде, и снасти наготове.

— Очень хорошо.

— Ты доволен, тем лучше.

— И ты будешь доволен, когда узнаешь, что я хочу сделать.

— Какую-нибудь гадость, вероятно?

— Великолепную штуку. Ты знаешь, что у губернатора дочь?

— На которой ты женишься.

— Какой дурак насказал тебе такого вздора,— вскричал дон Торибио, пожимая плечами,— я уже десять лет как женат в Вилекье, дружище. Черт возьми! Я не хочу быть двоеженцем.

— Чего ж ты хочешь?

— Немногого; сегодня ты ведь обедаешь у губернатора?

— Ну да.

— За десертом ты пригласишь губернатора с семейством, дона Лопеца Сандоваля, командующего гарнизоном, и всех присутствующих на вечер, который дашь на своей шхуне перед уходом из Картагены, чтобы отблагодарить за оказанное тебе радушное гостеприимство; понимаешь?

— Очень мало.

— Все принимают твое приглашение с радостью, а ты даешь пир. Пока гости твои веселятся, играют, пьют и танцуют в каюте на корме, ты тихонько снимаешься с якоря и выходишь в открытое море; милях в двух или трех от рейда мы берем с гостей наших выкуп, и шутка сыграна.

— А богатство-то твое ты бросаешь, что ли?

— Мой бедный Бартелеми, ты век свой останешься простаком,— возразил дон Торибио, опять пожав плечами и глядя на сообеседника с насмешливой улыбкой.— Сколько бочонков принял ты на шхуну?

— Тридцать,черт возьми! Точно ты сам не знаешь?

— Счет верен; ну, двенадцать из них с золотом; я потихоньку превратил все свое состояние в деньги под предлогом больших закупок земель, домов и т.д. Теперь все мое богатство на «Санта-Каталине», понимаешь?

— Еще бы!

— Что же скажешь о моей мысли?

— Это порядочная гнусность!— отчеканил капитан.

— Ба! С испанцами, любезный друг, разве не все поволено?

— Быть может; а молодая девушка?

— Молодые девушки, хочешь ты сказать; их две и очень хорошенькие.

— Две молодые девушки?

— Да, да, и очень хорошенькие, приятель.

— Ага! Что ж ты с ними сделаешь?

— Не знаю еще, погляжу,— самодовольно ответил мексиканец.

Уже несколько минут всадники взбирались на довольно высокий пригорок, с вершины которого далеко видно было море, в ту минуту тихое и глубокое.

Вдруг флибустьер вскрикнул.

— Что с тобой?— спросил дон Торибио с изумлением.

— Со мной? Ничего, лошадь моя вдруг споткнулась, вот и все; что ж со мною может быть!— холодно ответил капитан Бартелеми, всматриваясь тревожным взором в крайнюю черту небосклона, где только что появилсь едва заметное, с крыло чайки, белое пятнышко.

— Какой ты жалкий всадник,— иронически сказал дон Торибио.

— Что ж мудреного, когда я моряк.

— А потому плохой ездок, не правда ли?

— Сознаюсь, а дальше что?— с некоторой грубостью спросил он.

— Уж не сердиться ли ты намерен?

— Я нисколько не сержусь, но считаю, с твоей стороны, нелепым подтрунивать надо мной.

— Не знал я за тобой такой щекотливости, брат.

— Что ж, прикажешь ли мне переодеться? Надо брать меня таким, каков я есть.

— Тьфу, пропасть! Ты сущий терновник с иглами! Не в духе ты, видно, сегодня!

— Может быть,— согласился Бартелеми, который во что бы то ни стало хотел отвлечь внимание товарища и не дать ему взглянуть на море, где почти незаметная сперва белая точка быстро росла.

— Полно, не сердись, брат, я был не прав.

— Счастливо, что ты сознаешься в этом,— ответил Бартелеми угрюмо.

— Вернемся к нашему делу.

— К какому?

— О котором мы сейчас говорили, провал тебя возьми!

— А, хорошо.

— Итак, решено, не правда ли? Ты пригласишь сегодня.

— К какому дню?— осведомился флибустьер, не отрывая глаз от моря.

— Сегодня пятница,— начал дон Торибио.

— Несчастный день,— заметил Бартелеми с насмешливым выражением.

— Эх ты, суеверный! Пригласи своих гостей к будущему вторнику.

— Пожалуй. Если тебе нечего более говорить мне, то прощай или, вернее, до свиданья вечером. Мы у самого Турбако.

— До вечера.

Они повернули в разные стороны.

Находились они против узкой тропинки, которая вела к шалашу, прежнему жилищу Берегового Брата.

Дон Торибио тихо продолжал путь свой и въехал в деревню, а капитан направился к лесу.

— Как скоро он мне более нужен не будет, я сумею избавиться от него,— пробормотал мексиканец, посмотрев вслед товарищу, который скрылся за деревьями.

— Разве долго еще Господь будет терпеть этого подлеца на земле и попустительствовать его злодеяниям,— пробормотал в свою очередь капитан Бартелеми, углубляясь в чащу леса.

XIV

КАПИТАН БАРТЕЛЕМИ ПРИСТАВЛЯЕТ ГЛАЗ К СКВАЖИНЕ, ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ВИДЕТЬ, А УХО ПРИКЛАДЫВАЕТ К ПЕРЕГОРОДКЕ, ЧТОБЫ ЛУЧШЕ СЛЫШАТЬ

Спустя минуту после того, как он разъехался с доном Торибио Морено, капитан Бартелеми, сделав круг по лесу, вернулся на прежнюю дорогу и осторожно стал следить за мнимым мексиканцем на таком расстоянии, что не мог быть примечен им.

Он увидал, что вместо того, чтобы направиться к своей ферме или, вернее, даче, как заявил это капитану, он, напротив, повернул к кабаку, пользующемуся очень дурною

славою, где обыкновенно собирались бродяги и мошенники, которыми испанские колонии с первого дня их существования, как бы по особенному преимуществу, кишмя кишели.

Дон Торибио Морено сошел с лошади и без малейшего колебания направился в кабак, с видом человека, вполне освоившегося с этим более чем подозрительным заведением.

Мы забыли упомянуть, пока капитан Бартелеми оставил его одного, достойный мексиканец перед въездом в деревню, без сомнения, спрятавшись за кустом, воспользовался совершенным уединением, которое царствовало вокруг, чтобы переодеться и так изменить свой наружный вид, что никто не узнал бы его, кроме флибустьера, одаренного зорким и проницательным глазом и сильно заинтересованного вопросом личным.

Подъехав несколько позднее к кабаку, капитан остановил лошадь.

С минуту он колебался; очевидно с первого же шага, который он сделает в общей приемной, взгляд товарища его прямо попадет на него, и он будет узнан.

Именно этого он и хотел избежать.

К несчастью, флибустьер находился перед одним из тех затруднений, которые порой возникают случайно и разрушают самые тщательно обдуманные планы, не представляя никакой возможности обойти их.

Но капитан Бартелеми был из числа тех энергичных людей с железной волей, которые, захотев что-нибудь сильно и приняв решение, дадут убить себя на месте скорее, чем отступятся от него.

— Ба!— пробормотал он про себя, выразительно пожав плечами,— кто ничем не жертвует, ничего и не получает; как он ни хитер, все же не от него мне учиться хитрости. К тому же,— насмешливо засмеялся он,— я заслужил от Бога это вознаграждение!

Он поднял лошадь на дыбы, чтобы привлечь внимание, но когда никто не вышел, крикнул громко:

— Эй! Кто там, кабатчик! Придешь ли ты, мерзаец, черт тебя побери!

Почти мгновенно на пороге появился субъект в жалких лохмотьях, сухощавый, худосочный, кривобокий и горбатый, с лицом в виде треугольника и с голодным выражением, но серые глаза которого, круглые, точно буравом просверленные, светились тонким умом.

Этот прелестный образец индейской расы — человек этот был индеец — взял в руку замасленную шапку, украдкой лукаво взглянул на путешественника и решился наконец подойти.

— Что прикажете,ваша милость?— сказал он, низко кланяясь и взяв лошадь под уздцы.

— Желаю,— ответил капитан,— чтобы ты отвел мою лошадь на конюшенный двор, а мне подал водки.

— Здесь?— хитро спросил индеец.

— Нет,— с живостью возразил капитан,— в общей приемной, или, если б там было очень много народа, в особенной комнате; я заплачу, что следует.

И он сделал движение, чтобы сойти с лошади.

— Вам будет отлично в общей приемной, ваша милость; посетители не обеспокоят вас.

— Это отчего?— спросил капитан, спрыгнув наземь.

— Потому что нет ни души и во всем доме пустота.

Капитан взглянул пытливо на индейца, но тот вынес взор его, не опуская и не отворачивая глаз.

— Это другое дело, любезнейший,— ответил капитан, положив ему руку на плечо,— хочешь заработать унцию золота?— прибавил он, слегка понизив голос.

— Гм! Ваша милость, я предпочел бы две,— не задумавшись, ответил индеец и выразительно прищурил глаз.

— Я вижу, что мы можем поладить.

— Ваша милость, такой бедняк как я, который в год не зарабатывает более восьми пиастров, когда ему случайно выпадает на долю счастье получить другое вознаграждение, кроме палочных ударов, всегда сладит дело с господами, которые удостоят его своего доверия и покажут ему свои унции золота.

Слово «покажут» произнесено было с ударением, в котором капитан ошибиться не мог.

Он достал из кармана длинный красный кошелек, сквозь шелковые петли которого блестело золото, и, захватив правою рукою с математической точностью две унции золота, между большим и указательным пальцами, сверкнул им перед заблиставшими от жадности глазами нищего индейца.

— Что ты сделаешь, чтобы заработать это золото и даже вдвое, если я останусь тобой доволен?— спросил капитан с улыбкой.

— Увы! Ваша милость,— ответил индеец с выражением, которого нельзя передать,— у меня отца нет, иначе я бы сказал... но, за неимением его, я весь к вашим услугам. Что мне делать? Я принадлежу вам и душой и телом.

Капитан спрятал золото в руке.

— Где конюшенный двор?— спросил он.

— Там за домом, ваша милость; вы отсюда можете видеть его.

— Очень хорошо; слушай: вот тебе пять минут, ни секунды более, чтобы отвести мою лошадь на конюшенный двор и вернуться ко мне; если ты кому-либо скажешь слово в это время, уговор наш уничтожен. Понял? Ступай!

— Ай! Ваша милость, я буду нем, как рыба.

Он увел лошадь.

Через три минуты он уже вернулся.

— Я доволен тобою,— продолжал капитан,— теперь вслушайся хорошенько в то, что я скажу тебе: с четверть часа назад к этому дому подъехал всадник; ты отвел его лошадь на конюшенный двор, как сейчас свел туда мою лошадь; я хочу, чтоб ты поместил меня на таком месте, где я могу видеть этого всадника и слышать все, что он скажет, между тем как он не будет подозревать моего присутствия. Если ты в точности исполнишь мое требование, я заплачу тебе не две, а четыре унции золота. А чтоб ты вполне был уверен, что я не обманываю тебя, вот тебе две унции задатка.

Он опустил золото в дрожащую руку индейца.

Тот спрятал его с таким проворством, что капитан не мог понять, куда оно девалось.

— Кстати, чуть не забыл, мне надо предупредить тебя, для твоей же пользы,— прибавил Бартелеми, нахмурив брови,— что при малейшем подозрении в измене я застрелю тебя как собаку.

И, приподняв край своего плаща, он показал индейцу полновесные рукоятки двух пистолетов, заткнутых за его шелковый пояс.

— Ваша милость,— с величавым достоинством возразил индеец,— если б я имел честь быть вам известным, вы знали бы, что Тонило не изменник. Хозяин мой теперь отдыхает после обеда; стало быть, я один распоряжаюсь в доме, и клянусь вам тою долею блаженства, которую надеюсь вкусить в раю, что вы услышите все, что скажут люди, которых вы хотите подкараулить. К тому же это и дрянные потребители,— прибавил он тоном насмешливого презрения,— они сидят с добрый час и не спросили еще ничего, ни на один реал; и прежде всего я должен соблюдать выгоду заведения.

— Это справедливо!— посмеиваясь, согласился капитан.

— Пойдемте,— сказал индеец.

Капитан пошел за ним вслед.

Тонило, так звали индейца, не вошел в общую приемную, но обогнул угол дома и направился через конюшенный двор к двери, не запертой на ключ; он ввел капитана в какой-то подвал, где сложено было несколько бочонков с водкою и вязанок сорок корма для лошадей.

Тонило осторожно отодвинул вязанки, прислоненные к стене, и указал капитану довольно широкую щель в перегородке.

— Здесь вам будет очень удобно,— сказал он.

— Хорошо; можешь идти,— ответил флибустьер.— Смотри, чтоб не увидели моей лошади, и когда эти люди соберутся уехать, вернись сюда.

Индеец отвесил почтительный поклон, вышел из подвала и затворил за собою дверь.

Тогда капитан очутился в глубоком мраке.

Единственный свет, которым освещался подвал, происходил из широкой щели, указанной индейцем.

— Ведь я вперед знал,— пробормотал себе под нос

капитан свойственным ему насмешливым тоном,— я был уверен, что Господь никогда не покидает честных людей.

И, пристроившись как можно удобнее, он приложил глаз к скважине.

Взору его представилась одна из тех живописных картин, которые наш бессмертный Калло уже тогда принялся гравировать в своих странствиях с цыганами.

В зале, довольно обширной, но едва освещенной узкими окнами, в которых тусклые стекла покрыты были паутиною и где табачный дым густыми облаками стлался под потолком, поглощая почти весь свет, находились человек двадцать сущих висельников, если судить по лицам с низкими лбами, выдающимися, как клюв, носами, коварными взорами и усами, дерзко кверху закрученными, будто готовыми проткнуть небо.

Люди эти, буквально в отрепьях, однако драпируясь в них с искусством, которым владеют одни испанцы, в случае нужды способные составить себе живописный наряд из одной бечевки, сидели, лежали или стояли вокруг столов в самых причудливых положениях.

Все были отлично вооружены.

У них не только висели на боку длинные шпаги с рукоятками в виде раковин, но еще все до одного имели пистолеты за поясом и широкие кинжалы с роговыми ручками за голенищем правого сапога.

Капитан с минуту отыскивал глазами приятеля своего среди этой пестрой толпы бродяг и разбойников.

Он вскоре увидел его на единственном стуле, который был в зале; прислонившись к спинке и закинув назад голову, мексиканец, по обыкновению своему, курил превосходную сигару.

В ту минуту, когда флибустьер наклонился к скважине, дон Торибио Морено держал речь; разбойники слушали его с величайшим вниманием.

— Господа!— небрежно говорил он, пуская огромные клубы дыма ноздрями и ртом,— я не понимаю вашего колебания. В чем же дело, наконец? Ведь проще, ей-Богу, ничего не может быть.

— Проще!— подхватил хриплым голосом рослый детина отвратительной наружности, кривой на правый глаз и косой на левый,— гм! Вашей милости, видно, угодно шутить; я не нахожу это дело таким простым.

— Черт тебя побери! Любезный Матадоце,— возразил дон Торибио заискивающим тоном.— Ты вечно находишь затруднения в пустяках.

Достойный Матадоце, судя по виду, между прочим будь сказано, вполне заслуживающий свое прозвище, которое буквально означает по-испански: «тот, кто убил двенадцать»,— ответил невозмутимо:

— Я потому возражаю, ваша милость, что честный человек и добросовестно исполняю дело, за которое возьмусь, чтобы не заслужить укора. Что касается девочек, дело просто: петля, притянутая более или менее крепко — и все тут! Ребенок возьмется за это. Бедненькие голубки! Они не подумают защищаться... да наконец мы же в море будем, далеко от нескромных глаз; никто не посмеет прервать нашего дела... Вопрос в том, что это еще не все.

— Да, да,— ответил дон Торибио, посмеиваясь,— я знаю, где у вас больное-то место.

— Черт побери! И даже очень, ваша милость; я видел знаменитого капитана Бустаменте, как вы изволите называть его, и клянусь, мне он кажется вовсе не таким, чтобы легко было с ним справиться.

— Да вас-то ведь двадцать!

— Велика важность! Послушайте-ка: не далее, как дня три назад, нас засело человек двенадцать поджидать его, когда он выйдет от губернатора; говорят, он счастливо играет, и признаться, мы хотели избавить его от части выигрыша в этот вечер. Темно было, хоть глаз выколи. Подходит он, и мы накидываемся на него со всех сторон разом. Другой немедленно сдался бы и просил помилования, Не правда ли?.. Как бы не так!.. Что делает этот черт? Обнажает большую шпагу, которая одна только и была при нем, и не говоря ни слова, не подав даже голоса, как бросится на нас, так менее чем в три минуты искрошил пятерых, двух-трех поранил и ушел, показывая нам кукиш.

Нет, нет, ваша милость, это не легкое дело; наконец, как сам человек военный, я полюбил его; это молодец; мне он мил, клянусь честью, и менее как за тридцать унций я не убью его; вот и весь сказ!

— Вот и весь сказ!— хором подхватили остальные разбойники.

— Как угодно, ваша милость, менее мы не возьмем,— повторил Матадоце.

Дон Торибио задумался.

— Пусть будет так!— вскричал он спустя минуту с гримасой, которою имел притязание изобразить улыбку,— надо делать по-вашему, упрямцы, но я балую вас, честное слово! Каждый из вас получит по тридцати унций; только в этот раз, надеюсь, вы уже убьете его наконец.

— Без честности дело нельзя вести, ваша милость,— с достоинством ответили разбойники.— Мы с товарищами, благодаря Богу, известны за людей благородных и всегда добросовестно заслуживаем свои деньи.

— Никогда не сомневался в вашей честности и вашем благородстве,— подсмеиваясь, возразил дон Торибио,— так как все теперь кончено между нами... ведь кончено, кажется?

— Кончено, ваша милость,— ответили разбойники хором.

— За исключением задатка,— вставил Матадоце вкрадчиво.— Каждый из вас сейчас получит по десяти унций, остальное после дела. Только помните, что вы всегда должны быть у меня под рукой. Я отправлю вас на шхуну только в самую последнюю минуту.

Капитан Бартелеми нашел, что слышал довольно; он выбрался из своей засады.

Спустя пять минут он уже отдал честному Тонило две унции золота и удалялся на всем скаку от кабака.

— Тьфу, пропасть!— бормотал он сквозь зубы,— животное ядовитее, чем я полагал. Я не жалею, что подкараулил его и подслушал. Это признаться единственное средство слышать верно! Как, однако, хорошо питать недоверие!

XV

КАПИТАН БАРТЕЛЕМИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ЗА СВОИМ РУЖЬЕМ

Капитан Бартелеми скакал, не сдерживая аллюра лошади, во все время — не продолжительное, разумеется, пока ехал по деревне.

Проскакав еще на расстояние ружейного выстрела от Турбако, он пустил лошадь во весь опор и, достигнув узкой тропинки в лесу, не колеблясь углубился в чащу.

Тропинка эта вела к шалашу, в котором так долго жил капитан, где мы видели его в первый раз в другом совсем виде, чем в настоящую минуту, и перед которым он проехал с час назад.

Еще не доехав до шалаша, он издали увидел у входа негра верхом, который держал другую лошадь в поводу.

— Слава Богу!— шепотом сказал себе капитан,— она имела терпение дождаться меня.

Он тронул шпорами в бока лошади, и та помчалась стрелою.

Топот от этой бешеной скачки вызвал на порог шалаша прелестную молодую девушку.

Это была донна Лилия.

В мгновение ока капитан подскакал, спрыгнул наземь, бросил повод негру и почтительно раскланялся со своею очаровательной гостьей, вслед за которой вошел в шалаш.

— Вы долго заставили себя ждать, сеньор,— сказала донна Лилия, пленительно надув губки.— Разве вы не получили моего письма? Или, может быть, вы забыли, что в нем заключалось?

— Вы этого не думаете, сеньорита; напротив, вы наверно убеждены, что одно ваше слово для меня — приказание, которому я готов повиноваться с радостью.

— Только не с поспешностью,— поправила девушка, усмехаясь.

— Сеньорита, я ехал прямо сюда, когда очутился, нежданно-негаданно, нос к носу с достопочтенным моим

другом сеньором доном Торибио Морено. Вот уже несколько дней, как он, прости Бог, точно задался мыслью не отходить от меня ни на шаг. Он так упорно вертелся около меня, что я едва высвободился из его когтей с час назад в немногих шагах отсюда.

— Ха, ха, ха!— засмеялась девушка,— и вам понадобился целый час, чтоб доехать? Перемените свою лошадь, любезный капитан; бедное животное, должно быть, страшно разбиты ноги.

— Смейтесь, смейтесь, сеньорита!— ответил капитан с видом обиженным,— доброе же у вас сердце, когда вы так радуетесь всем моим невзгодам!

— Полноте, вот вы уже и сердитесь, капитан! Это одна уловка, чтоб как-нибудь вывернуться.

— Нисколько, сеньорита, и в доказательство я скажу вам все: я ездил в кабак.

— Выпить чарочку?

— Нет, подсмотреть кое-что.

— Выпить, верно, хотите вы сказать?— насмешливо заметила девушка.

— Шутите сколько угодно, сеньорита, но тем не менее я вовсе не весел, могу вас уверить. Я пробрался в отвратительноый сарай, приложил глаз к щели в перегородке и увидел и услышал такие вещи, от которых содрогнулся бы алкад, и даже алгвазил, люди не робкого десятка по природе.

— Что же такое, капитан?— с любопытством вскричала донна Лилия.

— Этого я, видите ли, сказать не могу,— ответил капитан, покачав головой.

— Стало быть, вы рассказываете мне ни дать ни взять тарабарщину.

— Я? Это как?

— Еще бы! Когда вы пронизаны от головы до пят таинственностью.

— Увы!— воскликнул Бартелеми,— разве моя вина, сеньорита, что жизнь наша вся сложилась из тайн? Идем мы куда или возвращаемся, спим или бодрствуем, все

вокруг нас тайна! Отовсюду охватывает нас таинственный мрак; он парит над нашей головой, глухо рокочет под ногами!

— Вы не с ума ли сходите, любезный капитан?— с изумлением сказала девушка, пристально заглянув ему в лицо.

— Я?

— Разумеется, вы.

— Насколько мне известно, нет; я только отвечаю вам, сеньорита.

— Ах! Вы называете это отвечать?

— Когда же я говорю вам, сеньорита, что тайна...

— Довольно, капитан, ради Бога!— перебила она поспешно,— не повторяйте снова!

— Как вам угодно.

— Видно, мне приходится отказаться от того, чтобы узнать что-либо от вас.

Бартелеми молча и почтительно поклонился очаровательной собеседнице.

— О, какой дурной! Ничего и говорить не хочет! Знаете ли вы по крайне мере, что делается?

— Делается много разных разностей, сеньорита.

— И между прочим одна в особенности.

— Какая же именно?

— Брак моей кузины с сеньором доном Торибио Морено назначен в будущий четверг. Что вы на это скажете?

— Что ж сказать? Это смешно.

— Злой человек! Вы так-то принимаете эту страшную весть?

— Позвольте, сеньорита, прошу не смешивать одного с другим. Если б брак этот, вполне основательно ненавистный вашей пленительной кузине, должен был бы свершиться, вы видели бы меня в отчаянии, но так как ему вовсе не суждено сбыться когда-либо, то известие это просто смешит меня.

— Послушайте, капитан, вы, право, стоите того, чтобы я выцарапала вам глаза.

— Мне!.. Вот тебе на! За что?

— Я приезжаю сюда с отчаянием в душе, чтобы от вас почерпнуть утешение и поделиться с вами горем, а вы только одно и твердите, что брак этот не состоится. Не вы ли помешаете ему?

— Гм, гм!.. Как знать?— заметил насмешливо капитан,— пожалуй, что и помешаю. Во всяком случае, если не я остановлю его, то другой кто, кого я знаю.

— Да, ваш знаменитый капитан Железная Голова?

— Именно, сеньорита.

— Который все едет, да не приезжает!— с досадой сказала девушка.

— Ошибаетесь, сеньорита, он приехал.

— Он?

— Как нельзя вернее.

— Медвежонок Железная Голова?

— Он сам, сеньорита.

— Вы видели его?

— Признаться, нет еще.

— Что ж вы мне толкуете?

— Позвольте.

— Я горю нетерпением, а вы как нарочно мучаете меня!— вскричала девушка, с гневом топнув крошечной ножкой.

— Можете ли вы говорить это, сеньорита, когда я все исполняю, что вы приказываете?

— Кончите вы или нет?

— В двух словах дело вот в чем, сеньорита: сейчас въезжая на пригорок, в обществе моего почтенного приятеля дона Торибио Морено... вот кому, между прочим, я готовлю хороший сюрприз!

— Да продолжайте же, капитан, продолжайте ради всего святого!

— Ну-с, сеньорита, я увидел два больших корабля, фрегат и бриг, которые начинали показываться на горизонте.

— И это единственный признак?

— Для меня он вполне достаточен, сеньорита, и вот почему: фрегат идет со взятым на гитовы грот-брамселем и распущенным красным брамселем.

— Вы должны знать, что я вас не понимаю вовсе.

— Подозреваю, сеньорита. Это для меня означает так же ясно, как будто написано буквами в шесть футов, что Медвежонок Железная Голова на фрегате.

— Ах, Боже мой!— вскричала донна Лилия, вся побледнела и пошатнулась.

— Что с вами? Уж не ужалила ли вас змея?

— Меня, капитан? Ничуть не бывало; это только волнение.

— Я предпочитаю это, сеньорита; по крайней мере, опасности нет.

— Да и вы сообщаете известия так внезапно!

— Ну вот! Не говорю я, грозит выцарапать мне глаза; говорю, падает в обморок. Прекрасное мое положение, нечего сказать!

— Молчите!

— Очень охотно.

— Отвечайте же!

— Как!! Опять?

— Когда должен быть капитан Железная Голова?

— В эту ночь, по всему вероятию.

— Можете вы сообщаться с ним?

— Мог бы, то есть... нет, не могу!

— Не объясните ли вы мне этого противоречия?

— Очень легко, сеньорита. Я мог бы, если б имел лодку, какую-нибуь ладью или выдолбленное бревно, что бы ни было; не могу же потому, что не имею ни малейшего из вышеозначенных способов плавания и при всем моем желании, не в силах проплыть три или четыре мили по меньшей мере, не говоря об акулах, которые, вероятно, цапнули бы меня мимоходом, так как имеют дурную привычку постоянно шнырять вокруг берегов.

— Стало быть, вы нуждаетесь в лодке?

— Боже мой! Я всем буду доволен, лишь бы сесть можно было туда.

— Если б я достала вам индейскую пирогу, можете вы ею воспользоваться?

— Это как раз было бы мне на руку.

— Что такое?

— Все равно, я так сболтнул, я просто хотел сказать, что для меня ничего не может быть удобнее.

— Пирогу я вам достану.

— В самом деле?

— Да.

— Сейчас?

— Почти что. К какому времени она вам нужна?

— Позвольте, сеньорита... Солнце заходит часов в семь или в половине восьмого; прежде восьми не стемнеет совсем; мне нужна эта ладья, или пирога что ли, к половине девятого, но не позднее.

— Это почему?

— Взяв в соображение, сколько времени понадобится, чтоб пирогу привести в то место, откуда я должен отчалить... потом кратчайший срок на переезд... я не могу попасть на фрегат ранее полуночи.

— Не поздно ли это будет?

— Нет, сеньорита; напротив, самое лучшее время. Месяц всходит только в одиннадцать часов, а я уже буду так далек от берега, что меня не увидят.

— Это уж ваше дело, капитан; вы лучше меня знаете.

— Да, да, сеньорита, будьте покойны, я все устрою, положитесь на меня.

— Капитан, вы премилый человек, я вас очень люблю.

— Ах, если б это была правда!— вскричал он с трагикомическим видом.— Но все равно, ветер подул с другой стороны; я предпочитаю его прежнему.

— А капитана Железная Голова когда мы увидим?

— Кого? Медвежонка?

— Да, капитана Железная Голова.

— Знаю, знаю. Когда же вы видеть-то его хотите?

— Разве вы не понимаете, что кузина будет рада увидеть его чем скорее, тем лучше?

— Так постойте-ка!

— Что такое?

— Позвольте рассчитать.

— Вечно все только рассчитываете!

— Правда, но ведь это единственное средство не ошибаться. Можете ли вы в какой бы час ни было выходить в ваш сад?

— Кто же нам запретит? Мы с кузиной совершенно свободны.

— Хорошо; извольте же сегодня часа в три утра прогуливаться вдвоем, как ни в чем ни бывало, близ калитки, которую вы знаете.

— Которая в самом конце сада со стороны леса?

— Именно.

— Дальше что?

— А то, что, вероятно, некто, отчасти известное вам лицо, постучится в эту калитку...

— Ах! Капитан, если вы это сделаете, то я...

— Что?— с живостью перебил он.

— Повторяю вам, вы будете премилым человеком, и я очень буду любить вас.

— Так решено, я привезу вам Медвежонка, живого или мертвого.

— Кузина предпочла бы первое.

— Понятно; да и он также, надо полагать. Вы ничего более не желаете спросить у меня, сеньорита? Не стесняйтесь.

— Нет, ничего.

— Так я попрошу у вас мою пирогу.

— Я сейчас уеду; следуйте за мною на расстоянии; я укажу вам место, где она находится. Смотрите, не забывайте вашего обещания.

— Скорее умру, чем обману вас.

— Вот моя рука; до свиданья, капитан.

— До свиданья, сеньорита,— ответил он, целуя протянутую ему крошечную ручку.

Молодая девушка с пленительнейшею улыбкой грациозно поклонилась и вышла из шалаша.

Спустя минуту на окрепшей от засухи земле раздался лошадиный топот, который быстро удалялся.

Оставшись один, капитан подозрительно осмотрелся вокруг, наклонился к куче сухих листьев в углу и,

порывшись в них, достал буканьерское ружье, спрятанное несколько времени назад, когда он уезжал с доном Энриком Торибио Морено.

— Вот мой Желен,— сказал он весело,— хорошо быть предусмотрительным; если встречусь с моим славным товарищем, то я докажу вам, что я не обманщик.

Часам к десяти с половиною капитан Бартелеми сел в пирогу и стал грести к буканьерской эскадре, завиденной им днем.

Для большей предосторожности, чтоб какой-нибудь невидимый соглядатай не подкараулил его, он обернул весла шерстяной материею, и плеска воды не было слышно.

XVI

КАК КАПИТАН БАРТЕЛЕМИ ВСТРЕТИЛ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Ночь была темная, ветер целых двое суток свежий; флибустьерская эскадра находилась уже в виду Картагены, но не смела подходить близко к берегу, пока не соберет верных сведений о том, что там происходило; она потому и лавировала в открытом море в пяти милях от рейда.

Вахтенный у руля на «Задорном» пробил четыре склянки, то есть десять часов; то же повторилось на «Бунтовщике», бриге, который следовал за фрегатом.

В эту минуту на палубе «Задорного» появился человек.

Он был тщательно закутан в большую шинель, капюшон которой, наброшенный ему на голову, не давал рассмотреть лица.

Увидев его, вахтенный офицер отдал приказание вполголоса. Судно немедленно сделало поворот, матросы бросились исполнять маневр; на фрегате убрали грот-марсель.

Легли в дрейф.

Человек в толстой шинели молча сошел в спущенный на воду баркас, где уже находилось человек двенадцать Береговых Братьев, хорошо вооруженных; тихо оттолкнулись, обвернули весла и баркас отъехал от фрегата, который опять стал лавировать.

Как уже сказано, ночь была темная, волнение сильное; высокие снасти фрегата и менее значительной высоты снасти брига не замедлили исчезнуть во мраке, и баркас очутился среди моря один, направляясь прямо на берег, который простирался громадною черною линией на небосклоне.

Двое сидели на корме баркаса, Олонец и человек в шинели, сам Медвежонок Железная Голова.

— Положите весла, ребята,— приказал Олонец немного погодя.— Поставьте мачту и поднимите парус.

Спустя пять минут баркас мчался по верхушкам волн, кокетливо наклонившись на правый борт, точно он силился коснуться их пенистых гребней.

Протекли два часа; на баркасе царствовало глубокое молчание, только изредка раздавалась команда Олонца.

Берег рос, так сказать, на глазах.

Уже баркас приближался к земле, потому что, несмотря на темноту, легко было отличить ее прихотливые очертания.

Два Береговых Брата совещались с минуту шепотом, потом Олонц велел убрать парус, опустить мачту и взяться за весла.

Вдруг, пока исполнялся этот маневр, красноватая точка появилась на небольшом расстоянии от баркаса и хриплый голос крикнул по-французски:

— Эй! Лодка, слушай!

— Гей!— тотчас отозвался командир.

— Что бы это было?— пробормотал Олонец,— странно, голос мне как будто знаком.

— И мне тоже,— ответил Медвежонок Железная Голова,— впрочем, вот сейчас увидим.

Он приложил к губам руки в виде рупора и крикнул:

— Кто едет?

— Береговой Брат!— немедленно ответили несомненно радостным голосом.

— Какое судно?— спросил Медвежонок.

— Индейская пирога с одним человеком.

— Причаливай!

— Будьте наготове.

Предостережение оказывалось лишним: любопытство флибустьеров было возбуждено странною встречей, и все они стояли настороже.

Вскоре две лодки поравнялись и, не ожидая приглашения, приехавший на пироге легко перепрыгнул на корму баркаса.

Тотчас же Олонец открыл потайной фонарь.

— Бартелеми!— вскричал он с изумлением.

— Олонец! Медвежонок!— радостно ответил тот.— Вот счастье-то, ей-Богу! Доро пожаловать братья!— прибавил он, протягивая им обоим обе руки, которые флибустьеры дружески пожали.

— Ты разве узнал нас?— спросил Медвежонок.

— Еще бы! Со вчерашнего дня наблюдаю за вами; как назло, я только в ночь выехать и мог.

— Да как же ты попал в эти края?— полюбопытствовал Олонец.

— Это длинная история, теперь не расскажешь.

— Мы считали тебя мертвым,— прибавил Медвежонок.

— Чуть было не пришел мне карачун, но теперь я жив и здоров и весь к вашим услугам, товарищи.

— Мы этим воспользуемся,— сказали в один голос два флибустьера.

— И ты, если имеешь в нас нужду, говори прямо,— прибавил Медвежонок.

— Очень охотно,— ответил Бартелеми,— а вы теперь куда идете?

— Ищем удобного места, где бы пристать к берегу, не возбудив внимания, и собрать необходимые для нас сведения.

— В таком случае пусти меня к рулю, Олонец. Весла на воду, ребята,— обратился он к матросам,— в четверть часа мы будем у цели.

— Зачем же нам ехать дальше, когда ты можешь дать все необходимые для нас сведения?— заметил Олонец.

— Я действительно могу снабдить вас всеми сведениями, но все равно, братья, поверьте, вам лучше сойти на берег.

— Так вперед, и да хранит нас Бог!

Гребцы склонились над веслами, которые, словно ивовые пруты, погнулись в могучих руках, и баркас понесся по морю, как чайка; один из матросов перешел в легкую пирогу капитана Бартелеми и плыл в кильватере баркаса.

— Теперь, скажи мне...— начал было Медвежонок Железная Голова.

— Тс!— повелительно остановил его Бартелеми,— мы переговорим на берегу; теперь я должен пустить в ход всю свою сметливость, чтоб не сделать ошибки.

Уже некоторое время баркас шел в тихой воде; вскоре над ним раскинулся лиственный свод и он очутился посреди корнепуска; последовал легкий толчок, что-то заскрипело, и баркас был у цели.

Он стал неподвижно.

— Мы приехали,— сказал Бартелеми,— здесь вы так хорошо скрыты, что вас не увидали бы целых две недели; впрочем, и берег-то этот весь пустынный. Прикрепите баркас к стволу дерева, оставьте одного человека караулить его и следуйте за мною.

Флибустьеры повиновались и шли ощупью: так было темно; но вскоре почувствовали землю под ногами. Олонец передал свой фонарь капитану Бартелеми.

— Да мы чуть ли не в гроте?— вскричал Олонец,— это превосходно!

Действительно, они находились в натуральном гроте.

Пройдя несколько поворотов, они увидели вдали мелькнувший огонь.

Флибустьеры приостановились в нерешимости, не зная, благоразумно ли идти дальше вглубь.

— Не бойтесь; это я развел огонь перед выходом в море,— сказал Бартелеми,— погрейтесь, товарищи.

Флибустьеры не заставили повторять приглашения: ночной воздух леденил.

Между тем Бартелеми ничего не упустил из вида, что относилось к обязанностям гостеприимства; Береговые Братья с радостными восклицаниями увидели несколько корзин со съестными припасами и напитками, которым, по приглашению хозяина, не замедлили оказать должную честь.

— Теперь же, братья,— сказал Бартелеми,— пейте, ешьте и спите без страха, здесь вы в безопасности.

Он обратился к Медвежонку.

— Ты сейчас спрашивал у меня сведений, брат,— прибавил он,— я готов дать их.

— Говори, товарищ,— ответил Медвежонок.

— Не здесь; что мне следует сообщить тебе, должно быть сказано с глазу на глаз.

Медвежонок поднял на него изумленный взор.

— Следуй за мною; ты вскоре объяснишь себе мои слова.

Дав вполголоса наставления Олонцу, Медвежонок взял свое ружье и сказал Бартелеми:

— Я готов идти, брат.

— Так пойдем.

Они вышли из грота и почти мгновенно очутились у подножия горы, на вершине и откосах которой лепились амфитеатром домики очаровательной деревушки.

— Прежде чем идти далее,— вдруг заговорил буканьер, остановившись,— я должен сделать тебе несколько вопросов; расположен ты отвечать на них?

— Разумеется, товарищ; я знаю, что ты душа честная и настоящий Береговой Брат.

— Спасибо; получил ты с месяц назад в Порт-Марго записку из трех слов с печатью внизу, которую ты один знаешь?

— Получил, брат.

— Твое прибытие сюда имеет ли связь с получением записки, или один случай привел тебя в эти места?

— Едва получив записку, я снарядил экспедицию и направился к Картагене.

— С какой целью?

— С той, чтоб, не теряя времени, явиться на зов к особе, которая прибегала ко мне за помощью, и если понадобится, пожертвовать жизнью, чтоб спасти ее,— с чувством произнес Медвежонок.

— Хорошо, брат; я знаю теперь, что мне было нужно; следуй за мною.

— Куда мы идем?

— Будь тверд, товарищ. Я веду к той, которая писала записку по ее приказанию; и я доставил тебе ее.

— О! Если это справедливо, брат?..— вскричал капитан.

— Разве ты сомневаешься в моих словах?

— Нет, нет; извини, брат; я с ума схожу; пойдем скорее!

Они пошли быстрыми шагами по тропинке к деревне.

Было два часа утра.

XVII

МЕДВЕЖОНОК ЖЕЛЕЗНАЯ ГОЛОВА ИСПЫТЫВАЕТ ПРИЯТНУЮ НЕОЖИДАННОСТЬ, БЛАГОДАРЯ СВОЕМУ БРАТУ-МАТРОСУ

Флибустьеры шли большими шагами; разумеется. они в несколько минут достигли деревни.

Улицы были темны, безмолвны и пустынны.

Кое-где только собака, потревоженная приходом чужих людей, приветствовала их продолжительным лаем и снова засыпала.

Бартелеми обошел дом губернатора и через несколько минут остановился перед низенькой калиткою в садовой стене, полускрытой ползучими растениями, которые падали с высоты стены зелеными спиралями почти до земли.

— Вот мы и пришли, любезный друг,— сказал он спутнику.

— Войдем,— с живостью ответил Медвежонок.

— Спешить не к чему; та особа, которая должна ввести

нас, не будет за этой калиткой прежде, чем через четверть часа.

— Стало быть, нас ждут?— осведомился Медвежонок с тайным биением сердца.

— Ждут меня, брат, но твоего прибытия не смеют ожидать так скоро. Пойдем в эту беседку из лимонных и апельсинных деревьев; там мы будем ограждены от любопытных взоров и можем на свободе потолковать о наших делах.

Медвежонок молча последовал за товарищем; когда же оба расположились на траве, Бартелеми продолжал тихо:

— С какой целью пришел ты сюда на двух судах и, вероятно, с большим числом людей?

— Я отвечу тебе коротко и ясно, брат, и правдиво, по моему обыкновению. Я люблю донну Эльмину; она не знает о моей любви, однако,когда расставался с нею, то поклялся, что жизнь моя принадлежит ей, если б когда-нибудь ей понадобилось, и что я по первому ее призыву явлюсь к ней на помощь. Она призвала меня, и я тут.

— Ты знаешь, что отец хочет выдать ее замуж?

— Да, за мексиканца.

— Знаешь ты этого мексиканца?

— Как мне знать его?

— Это правда. Когда ты исполнишь задачу, которою задался, какой награды ожидаешь ты за свою преданность?

— Никакой, брат,— ответил капитан, грустно покачав головой,— я ни на что не надеюсь, не смею оглянуться на самого себя, ни спросить своего сердца; я с ума схожу, люблю, страдаю и все тут.

Бартелеми пожал ему руку.

Водворилось долгое молчание.

— Кстати,— вдруг сказал буканьер,— куда девался твой бывший хозяин?

— Пальник?

— Он сам.

— Советом флибустьеров осужден был на смерть и брошен на Акуловом острове.

— Ты уверен, что он умер?

— Разве ты имеешь повод предполагать противное?

— Ничего не предполагаю, брат; сохрани меня Боже! Только, по моему мнению, не довольно раздавить голову змеи, надо еще оторвать ее от туловища, чтоб вполне убедиться, что она убита.

— Что ты хочешь сказать?

— Теперь не могу говорить яснее; я обещал молчать, а ты знаешь, Медвежонок, что я никогда не изменяю своему слову. Не расспрашивай же меня более, но прими последний совет: что бы ты ни предпринимал, будь осторожен.

— Спасибо, брат.

— Теперь встанем и пойдем; нас, должно быть, ждут.

Они немедленно поднялись с травы и подошли к калитке, в которую Бартелеми слегка постучал.

Нежный голос произнес одно слово:

— Вера!

— Надежда,— ответил сейчас Береговой Брат.

Калитка приотворилась; флибустьеры проскользнули в отверстие.

— Вы не одни, капитан?— с изумлением, почти с испугом вскричала донна Лилия.

— Успокойтесь, сеньорита,— почтительно сказал флибустьер,— я обещал вам и привожу Медвежонка Железная Голова.

— Вы очень добры, благодарю вас, сеньор,— продолжала молодая девушка с чувством и, грациозно поклонившись двум мужчинам, прибавила.— Следуйте за мною, сеньоры; Эльмина не смела надеяться на такое счастье. Не опасайтесь, чтоб кто-нибудь вас увидел; все в доме спят.

Флибустьеры склонили голову в знак согласия и последовали большими шагами за молодою девушкой, которая весело, почти бегом шла впереди них.

Вскоре все трое были у входа в беседку, где донна Эльмина, встревоженная, бледная, стояла неподвижно, нагнув вперед голову и пристальным взором как бы стараясь проникнуть во мрак и уяснить себе смутный шум, уже несколько минут долетавший до ее ушей.

— Это вы!— воскликнула она с глубоким чувством при виде капитана.

Тот остановился, стал на одно колено и почтительно снял шляпу.

— Вы позвали меня, сеньорита,— сказал он,— и я тут.

Молодая девушка приложила руку к сердцу и прислонилась к переплетенной ветвями стене беседки.

Донна Лилия бросилась поддержать ее, но кузина кротко отстранила ее помощь и протянула руку Медвежонку.

— Встаньте, сеньор,— сказала она ему дрожащим голосом,— такое положение прилично только тому, кто молит, не избавителю; сердце не обмануло меня, я надеялась на вас.

Медвежонок встал, почтительно поцеловав руку молодой девушки и склонив голову перед нею, сказал:

— Располагайте мною, сеньорита; только откройте мне, что я могу сделать для вас. Как бы ни были велики препятствия и опасности, клянусь, я избавлю вас от врагов ваших во что бы то ни стало; Господь поможет мне!

— У меня только один враг, сеньор,— с грустью ответила девушка,— но увы! Враг этот всесилен в Картагене.

— Я полагал, что отец ваш единственная власть в городе.

— Это правда, сеньор, но тот человек, или, вернее, демон овладел моим отцом до такой степени, что дон Хозе Ривас видит только его глазами и думает так, как хочет он; не далее месяца тому назад, в этом самом доме, где мы теперь находимся, он обещал ему мою руку.

— А вы человека этого не любите, сеньорита?— с живостью спросил Медвежонок.

— Люблю ли?— с содроганием вскричала девушка,— я ненавижу его; он ужас на меня наводит; скорее смерть, чем принадлежать ему.

Капитан поднял голову и оглянулся вокруг молниеносным взором.

— Успокойтесь, сеньорита; вы не будете за ним; он осужден и умрет. Ведь он мексиканец?

— Слывет за мексиканца.

— Разве вы полагаете...

— Он похож как две капли воды на другого.

— А этот другой кто?

— Вы знаете его.

— Я?

— Помните страшную партию вашу с буканьером, которого я была пленницею?

— Ведь буканьер этот умер, сеньорита.

— Действительно ли умер? Вы уверены в том?

— О! Капитан,— робко вмешалась донна Лилия, со страхом прижимаясь к своей подруге,— это он, непременно должен быть он; подобное сходство невозможно.

Мрачное облако легло на лицо капитана Железная Голова. Он медленно повернулся к Бартелеми, который стоял в двух-трех шагах позади него, опираясь на свое ружье.

— Брат,— протягивая ему руку, сказал он с грустью,— ты должен знать правду; отчего же не говоришь ты ее?

При этом внезапном и прямом вопросе флибустьер вздрогнул, нервный трепет пробежал по телу его, он побледнел, и, стукнув оземь прикладом ружья, сказал хриплым, едва слышным голосом:

— Зачем спрашивать меня, Медвежонок, когда ты знаешь, что я не могу отвечать?

— Прости, Бартелеми; я виноват,— откровенно сознался капитан,— но теперь знаю достаточно, чтоб принять меры. Сеньорита,— обратился он к донне Эльмине,— как зовут этого человека?

— Дон Энрик Торибио Морено.

— Так и есть!— пробормотал Медвежонок Железная Голова.— А когда назначен брак?

— Окончательно время еще не назначено, но он должен совершиться скоро.

— Повторяю, успокойтесь, сеньорита; браку этому не бывать, клянусь вам честью!

— Увы! Что можете вы сделать против такого количества врагов в чужом краю и почти один? Я неправа была, призвав вас на помощь; предоставьте меня моей печальной

участи; не затевайте этой страшной борьбы, капитан, умоляю вас.

— Когда человек, подобный мне, дает клятву, сеньорита, никакая человеческая власть не помешает ему сдержать ее.

— Но вы подвергаете опасности свою жизнь из-за меня, посторонней вам, и еще и враждебной нации.

— Я так мало ценю жизнь, сеньорита, что не считаю нужным беречь ее, когда речь идет о вашем счастье.

— А если я хочу, чтоб вы берегли ее?— вскричала донна Эльмина с отчаянием во взоре.

— Господь решит это, сеньорита,— с унынием сказал капитан,— клянусь, что спасу вас или умру. Да хранит вас Бог! Позвольте мне теперь проститься с вами; вскоре, как полагаю, я буду иметь счастье видеть вас опять; надейтесь, сеньорита.

Он почтительно раскланялся с молодыми девушками и быстро ушел в сопровождении Бартелеми; донна Лилия пошла за ними вслед, чтоб указывать дорогу.

Оставшись одна, донна Эльмина с минуту стояла неподвижно, потом вдруг упала на колени, сложила руки и, воздев к небу глаза, полные слез, воскликнула:

— Сохрани его, о Боже, Боже мой! Ведь я люблю его!

И она упала на землю без чувств.

XVIII

ДОН ТОРИБИО МОРЕНО НАЧИНАЕТ ТРЕВОЖИТЬСЯ

Однако сеньор дон Энрик Торибио Морено смутно беспокоился.

Несмотря на щедро розданные им деньги и меры предосторожности, которые он принял, чтобы упрочить успех своего смелого замысла, бывший буканьер находился под влиянием безотчетного предчувствия, которое никогда

не обманывает; ему так и сдавалось, что небосклон вокруг него все суживается и на него мало-помалу набегают грозные тучи.

Между тем ничто по-видимому не изменилось вокруг него.

Приятели так же были внимательны, знакомые кланялись с таким же корыстным подобострастием, губернатор и начальник гарнизона встречали его с прежней улыбкою.

Дважды он навещал донну Эльмину, и оба раза молодая девушка, отбросив обычную холодность, приветствовала его улыбкой и беседовала с ним почти дружески.

Что же происходило? Отчего дон Торибио Морено невольно волновался смутными опасениями?

Он сам не мог бы сказать этого.

Предположить подобного человека способным испытывать угрызения совести было бы совершенно ошибочно.

Дон Торибио Морено, по природе дикий зверь во всем смысле слова, был из тех свирепых натур, созданных для злодеяний, которые, по счастью, реже встречаются, чем полагают, у которых не существует нравственного сознания даже в зародыше и которые зло делают по инстинкту, почти с наслаждением, не сознавая даже, какие преступления совершают, так они представляются им действиями обыденными.

Дон Торибио не доверял никому по убеждению.

Против воли вынужденный прибегнуть к помощи Бартелеми, чтобы достигнуть цели своих мрачных происков, он, однако, не полагался на верность Берегового Брата, зная, сколько зла делал ему не раз.

Он сильно желал избавиться, чем скорее, тем лучше, от соучастника, который мешал ему, и мы видели выше, какие меры им уже были приняты на этот счет.

Но он боялся, что тот предупредит его; чем ближе подвигалось время, назначенное для похищения молодых девушек, тем внимательнее он наблюдал за своим соучастником, по возможности не теряя его из вида.

Страх измены капитана Бартелеми один причинял беспокойство дону Торибио.

Поучительный страх этот был предчувствием.

Однажды, часов в пять пополудни, он отправился на шхуну «Санта-Каталина», стоявшую, как уже было сказано, на большом рейде.

В ту минуту, когда он подъезжал к правому борту судна, лодка, которую он рассмотреть не мог, внезапно отъехала от левого борта, и капитан Бартелеми, обменявшись безмолвным знаком соглашения с людьми, сидевшими в ней, поспешно прошел на другую сторону палубы и бросился ему навстречу.

Все это способно было возбудить подозрение дона Торибио; поспешность друга, который, как ему было известно, менее кого-либо на свете подчинялся требованиям этикета, разумеется, показалась ему подозрительна.

Он слегка нахмурил брови.

— Что ты там делал?— спросил он с равнодушным видом, однако подозрительно озираясь вокруг.

— Там? Где же это, любезный друг?— изумился флибустьер.

— Нагнувшись над левым бортом.

— Я прощался с лейтенантом судна, которое ты видишь там на якоре в двух кабельтовых от нас. Оно пришло ночью; это береговое судно из Веркаруса. Чтобы легче стать на фертоинг, они закинули на нас кабель.

Дон Торибио поглядел в ту сторону.

— Странно,— сказал он задумчиво,— корабль мне как будто знаком.

— Нет ничего удивительного,— заметил Бартелеми,— не в первый раз он приходит в Картагену. Что привело тебя сюда? Не имеешь ли ты чего сообщить мне?

— Ровно ничего; я просто приехал повидаться с тобой.

— Только-то?

— Да,— ответил дон Торибио рассеянно и прибавил как бы про себя:— решительно корабль этот мне знаком.

Флибустьер улыбнулся.

— Прекрасная у тебя была мысль приехать сюда,— сказал он,— я ждал тебя с нетерпением.

— А!

— Тебе, видишь ли, нечего говорить, но мне нужно о многом побеседовать с тобою.

— Говори, но коротко.

— Что я должен сказать тебе, очень важно, товарищ; никто не должен нас слышать; ступай за мной в каюту.

Дон Торибио поглядел флибустьеру прямо в глаза; тот улыбался.

— Так действительно очень важно?— пробормотал мексиканец.

— Очень; так важно даже, что не явись ты сам на шхуну, любезный друг, я был бы вынужден съехать на берег сегодня же, чтобы повидаться с тобою.

— Ого! В чем же дело?

— Пойдем, и ты узнаешь.

Дон Торибио, хотя и неохотно, однако решился наконец последовать за капитаном в каюту, бросив последний долгий взгляд на неизвестное судно, вид которого казался ему все более подозрителен без особенной причины, в которой он мог бы дать себе отчет.

Капитан Бартелеми подвинул стул своему гостю, достал из шкапа бутылку рома и налил два стакана.

— За твое здоровье,— сказал он.

— За твое.

Бартелеми набил себе трубку, закурил ее и откинулся на спинку стула со словами:

— Теперь поговорим.

— Пожалуй,— ответил мексиканец.

Водворилось продолжительное молчание.

Капитан словно забыл совсем про своего приятеля.

Тот ждал терпеливо несколько минут, но когда собеседник совсем углубился в свои мысли и, по-видимому, не думал более о нем, он вскричал, стукнув кулаком по столу:

— Ну же!

— Что?— холодно возразил капитан.

— Говори то, что должен был сообщить мне важного.
— Разумеется, буду говорить. Об этом и думаю.
— И дело очень важно?
— Сам будешь судить, товарищ.
— Так сообщай же скорее.

Капитан устремил на него насмешливый взгляд и тем ироничным тоном, который всегда принимал, разговаривая с прежним братом-матросом, он наконец сказал:

— Готов к услугам. Дело наше все еще должно состояться?— прибавил он, окружив себя густым облаком дыма.

— Конечно.
— И послезавтра?
— Послезавтра; но к чему этот вопрос?
— К тому, любезный друг,— ответил Бартелеми еще насмешливее,— что пора бы нам и счеты свести.
— Свести счеты!! Какие?— вскричал другой в изумлении.
— Да наши счеты. Не воображаешь ли ты, чего доброго, что я буду служить тебе с завязанными глазами, не зная, что это принесет мне? Ведь я сказал, что дешево тебе не обойдусь. Дело в том, любезный друг, что ты втянул меня в такие неблаговидные проделки, что я не могу не принять мер предосторожности.
— Если ты привел меня сюда для этого только,— посмеиваясь, возразил дон Торибио,— то очень жаль, товарищ; у меня пропасть хлопот сегодня, я никак не могу оставаться долее; в другой раз, завтра пожалуй, я весь буду к твоим услугам.

Он осушил стакан и встал.

— Как хочешь,— ответил Бартелеми, не трогаясь с места,— но честное слово, я думаю, что ты неправ, любезный друг.
— Ба!— возразил дон Торибио и сделал шаг к двери.
— До свиданья, товарищ. Ах! Кстати, меня предупредил вчера ловец жемчуга, который возвращался из открытого моря, что сильная флибустьерская эскадра крейсирует в виду берега.

— Что такое?— вскричал мексиканец весь бледный и кинулся назад к капитану.— Что ты говоришь, Бартелеми? Сильная флибустьерская эскадра?

— Ну да.

— Ты уверен?

— Еще бы, когда видел! Ты понимаешь, надеюсь, что обстоятельство это очень важно для меня, и потому я тотчас удостоверился сам, справедлив ли слух. Но что же ты, любезный друг, смотришь так растерянно, вместо того, чтобы радоваться?

— Я смотрю растерянно?— вскричал дон Торибио, стараясь возвратить себе наружное хладнокровие,— ты с ума сошел, товарищ; с какой стати я буду смотреть растерянно? Но скажи, пожалуйста, не подозреваешь ли ты намерений Береговых Братьев?

— Не только подозреваю, но знаю отлично. На эскадре по меньшей мере тысяча пятьсот человек, избранных из самых храбрых между нашими товарищами; они просто хотят овладеть Картагеной.

— Овладеть Картагеной, какой вздор! — вскричал, подпрыгнув от изумления мнимый мексиканец.— Это чистое безумство!

— Твоего мнения не разделяют Братья, уверяю тебя, товарищ; напротив, они надеются иметь успех.

Дон Торибио опустился опять на стул и дрожал всем телом; лицо его было зеленовато-бледно.

Бартелеми прикинулся, будто не замечает состояния своего друга.

— Это смелое предприятие, не правда ли, брат?— сказал он, раскуривая трубку, которой дал погаснуть.

— Очень смелое, правда, но как же ты знаешь все это?

— О! Чрезвычайно просто, любезнейший друг: я виделся с начальниками. Ведь ты же понимаешь, надеюсь, что заброшенный более года в этот край, где почти пленник, я не могу упустить счастливого случая, который мне представляется, чтобы вырваться на свободу. Я преспокойно отправился ночью на судно командира экспедиции.

— Продолжай же.

— Ах! Ты не хочешь более уезжать? Видно, разговор становится для тебя интересен?

— Очень даже.

— Начальники, между прочим будет сказано, все старые друзья мои, приняли меня с распростертыми объятиями и, разумеется, стали отбирать у меня разные сведения, которые я и доставил им очень охотно.

— А кто начальники эти? Можешь ты назвать мне их?

— Конечно, любезный; во-первых, Олонец, потом Польтэ, Пьер Легран и два-три еще.

— Медвежонок тут?

— Какой Медвежонок? Железная Голова?

— Именно.

— Не знаю; я не видел его.

Дон Торибио легче перевел дух.

— Продолжай,— опять повторил он.

— Я почти кончил; мы потолковали вместе; они спросили меня, могу ли я быть им полезен, и ты понимаешь, что я ответил утвердительно. Я вполне отдался в их распоряжение, чтобы со своей стороны способствовать успеху их предприятия; я даже прибавил, что нас здесь двое Береговых Братьев, способных по положению своему оказать им пользу; хорошо ли я сделал?

— Так они знают, что я здесь?

— То есть им известно, любезный друг, что нас в Картагене двое Береговых Братьев, я и другой еще.

— Но другой-то, тысяча чертей! Ведь это я?

— Конечно, что ж из этого?

— Если им удастся, я разорен.

— Разорен, ты? С ума, что ли, ты сходишь? Никто не знает тебя в Картагене; да и ты так вошел в свою роль мексиканца, что...

— Здесь в Картагене это возможно, но они — флибустьеры... Береговые Братья... Наши товарищи наконец...

— Что ж такое? Они тебя также не знают. Не воображаешь ли ты, чего доброго, что я был таким олухом и прямо объявил твое имя, не будучи еще уверен в успехе их предприятия?

— Это правда,— вскричал дон Торибио, схватив за руку капитана в порыве радости.— Они не знают моего имени?

— Вовсе не знают.

— Слушай, старый дружище,— совсем растерянно заговорил мнимый мексиканец,— все это до того поражает меня, что я сам не знаю, что говорить; дай мне время подумать, я отвечу тебе сегодня вечером. Знай только одно: ты сейчас желал свести счеты со мною, не правда ли? Даю тебе слово, если ты будешь мне верным и добрым товарищем, награда превзойдет все твои желания.

— Спасибо,— с усмешкой ответил капитан.— Я принимаю обещание.

— Но и ты со своей стороны...

— Буду нем, это решено.

Дон Торибио выбежал как полоумный из каюты, спустился в свою лодку и поспешно удалился от шхуны, не простившись даже с капитаном.

— Все прекрасно,— посмеиваясь, пробормотал флибустьер, как только остался один,— но вдвойне предосторожность лучше одной; я не потеряю из вида этой ехидны; необходимо достаточно остерегаться ее.

XIX

ПЛАН АТАКИ

После свидания с донной Эльминой Медвежонок долго говорил со своим другом и тогда только вернулся к товарищам.

Там же, в пещере, состоялся совет.

В качестве Берегового Брата Бартелеми был приглашен принимать в нем участие.

Конечно, не шуточное было дело мгновенно овладеть таким городом, как Картагена; хорошо укрепленный, он защищался многочисленным и храбрым гарнизоном.

Но самые затруднения воспламеняли дух отваги флибустьеров и побуждали их настаивать на своем намерении.

Бартелеми, давно уже находившийся в краю вследствие жизни, которую был вынужден вести, знал его как нельзя лучше на десять миль в окружности и сообщил драгоценные сведения о военных силах города, о слабых пунктах его и средствах захватить врасплох.

Все эти сведения оказались точными и были дополнены лоцманом, привезенным из Гвантамано, и двумя матросами с «Санта-Каталины», которые все трое отлично знали город.

Картагена, как и все испано-американские города в ту эпоху, защищена была только со стороны моря.

Действительно, с одной этой стороны и можно было ожидать нападения; никаких неприятелей не предвиделось изнутри страны. Итак, город был просто обнесен деревянною, местами очень ветхою стеной, футов в десять высоты и три толщины; в стене этой находились четверо ворот, которые не затворялись никогда.

По совету Бартелеми решили самое сильное нападение произвести с этой стороны.

Вот на чем остановились.

Триста человек самых искусных стрелков под командою Олонца высадятся на берег; снабженные съестными припасами, они должны были скрываться в пещере до той минуты, когда произведется атака.

Пещера находилась не более как в двух милях от Картагены.

Сто Береговых Братьев, под командою Польтэ, должны были войти в город один за одним в сопровождении Бартелеми, который мало-помалу разместит их в обширных складах для товаров богатого мексиканца дона Торибио Морено, которыми располагал; эти сто человек будут наготове действовать при первом сигнале.

Двадцать флибустьеров с Александром, данником Медвежонка, во главе засядут в лесу и тщательно станут наблюдать за доном Хозе Ривасой.

В минуту атаки эти двадцать флибустьеров займут дом

и там запрутся, чтоб охранять донну Эльмину и донну Лилию; а в случае, если экспедиция не удастся, девушки послужат заложницами для Береговых Братьев.

Бриг «Сан-Хуан-Батиста», которому на это время придадут его невинный и мирный вид, войдет в самый порт и станет в двух кабельтовых от «Санта-Каталины».

Он будет находиться под командою Пьера Леграна с экипажем в сто пятьдесят человек, из которых пятьдесят пересажены будут на шхуну и спрятаны до поры до времени в трюме.

Наконец, Медвежонок Железная Голова на «Задорном» силой станет пробиваться в канал.

И пока фрегат стоять будет на шпринге под огнем первого форта, второй и третий будут брать высадившиеся отряды, чтобы все три форта одновременно подверглись нападению и не могли поддерживать друг друга перекрестным огнем.

Этот смелый план, который мог удаться только по крайней смелости своей, заставив испанцев потерять голову, был предложен флибустьерским начальником Медвежонком Железная Голова, который первоначально составил его в главных чертах с Бартелеми.

Береговые Братья с восторгом приняли этот план и по единодушному решению совета немедленно приготовились исполнить его.

Еще более товарищей своих Медвежонок Железная Голова горел нетерпением приступить к безумно отважной попытке.

Когда все было условлено и определено, Медвежонок и Бартелеми дружески простились, и флибустьеры вернулись на фрегат, куда прибыли незадолго до восхода солнца.

Капитан Бартелеми, со своей стороны, расставшись с товарищами, тотчас направился к дому в Турбако, где жила дочь дона Хозе Риваса со своею кузиной.

Достойный капитан не терял времени, пока Медвежонок Железная Голова разговаривал с донной Эльминой.

Сад ему давно был известен, так как он не раз уже пробирался в него тайком; обширный и очень тенистый,

он кончался со стороны полей деревянной беседкой, в которую никто никогда не входил.

Капитану и пришла мысль, что гораздо лучше будет спрятать двадцать человек флибустьеров с Александром во главе именно в этой беседке вместо того, чтобы они скрывались в лесу, где случайно могли быть открыты.

Беседка была массивным зданием, но почти разрушенным; два окна с решетками и балкон, закрытый наглухо в виде ящика по обычаю испанцев, выходили на поле на высоте пятнадцати футов от земли.

Осмотревшись вокруг, чтобы удостовериться, что он совершенно один, флибустьер взял длинную веревку, обмотанную вокруг его пояса.

К одному из концов он привязал довольно тяжелый камень и закинул его на балкон, чтобы камень попал в одну из железных спиралей решетчатых ставень и упал опять к его ногам.

Так и случилось; веревка, ловко закинутая вместе с камнем, проделась в железный завиток и упала назад на землю.

Бартелеми тотчас взялся за нее и, удостоверившись, что она держится крепко, он вмиг поднялся по ней и очутился у балкона.

Тогда он вложил в замок кончик своего кинжала, и замок отворился без малейшего труда.

Флибустьер прыгнул внутрь беседки.

Место было взято.

Немедленно же оно подверглось тщательному осмотру.

Беседка состояла из единственной, довольно большой комнаты, меблированной стульями, столами, скамейками и шкапами, отчасти ветхими, но еще способными служить.

Два широких окна выходили в сад; они были затворены, но сквозь решетчатые ставни все было видно.

Бартелеми посмотрел в сад.

Он был пуст.

Флибустьер весело потер руки. Потом он отворил дверь, находившуюся против балкона, и очутился на площадке лестницы.

Капитан спустился вниз, отворил другую дверь и вошел в комнату, почти такую же, как наверху, но заставленную более верхней всякого рода хламом.

С трудом пробравшись между ними, Бартелеми удостоверился, что дверь в сад заперта на ключ.

Для большей предосторожности он припер ее сверх того изнутри двумя толстыми кольями, потом опять вернулся наверх, вышел на балкон, затворил за собой решетчатый ставень, соскочил на землю, выдернул веревку и весело направился к Картагене, куда пришел часам к восьми утра, не быв замечен решительно никем.

Со следующей же ночи началась высадка флибустьеров.

В тот день, когда дон Торибио приехал на шхуну «Санта-Каталина» и с другом своим имел вышеприведенный занимательный разговор, план Медвежонка Железная Голова уже отчасти был приведен в исполнение.

Мина была подведена.

Флибустьеры ждали одного сигнала начальника, чтобы начать атаку.

Сигнал не заставил себя ждать.

XX

ЗДЕСЬ ДОН ТОРИБИО ЗАМЕЧАЕТ, ЧТО ПРЕДЧУВСТВИЕ НЕ ОБМАНУЛО ЕГО

Едва достигнув пристани, дон Торибио отправился во дворец губернатора.

Доверенный камердинер дона Хозе Риваса де Фигароа тотчас вышел доложить мексиканцу, что барин долго ждал его, но предположил, наконец, что он был задержан кем-нибудь, и решился отправиться в свой загородный дом, куда просил и сеньора дона Торибио Морено приехать как

можно скорее, потому что должен сообщить ему весьма важную весть.

Дон Торибио Морено велел оседлать себе лошадь и тотчас поскакал вслед за доном Хозе в надежде догнать его, так как, по словам камердинера, он не более двадцати минут назад выехал из Картагены.

Между тем мексиканец все думал.

Какие бы это были важные вести, которые дон Хозе желал сообщить ему?

Неужели он уже прослышал о прибытии флибустьеров к картагенскому берегу?

Он мчался во весь опор; невдалеке от Турбако дон Торибио был вынужден несколько умерить аллюр лошади на крутом подъеме пригорка и машинально поглядел на море, которое простиралось направо от него обширною голубою равниной до крайних пределов небосклона. Вдруг он вскрикнул от изумления и остановился весь бледный, растерянный, дрожащий.

В трех пушечных выстрелах от берега великолепный фрегат шел под всеми парусами.

Одного взгляда было достаточно прежнему буканьеру, чтобы узнать его.

— «Задорный»!— пробормотал он с ужасом, стирая пот, выступивший на его бледном лбу,— «Задорный», фрегат Медвежонка Железная Голова! Бартелеми обманул меня! Это Медвежонок Железная Голова, он сам начальник экспедиции! Разве он знает, что я здесь? О, мои предчувствия! Колебаться нечего более, надо во что бы то ни стало опередить их. Я погиб, если не погублю их!

И, с яростью вонзив шпоры в бока лошади, которая заржала от боли, бывший буканьер понесся во весь дух.

Как быстро, однако, ни мчался, он доскакал до загородного дома губернатора, не догнав его.

Входя во двор, он увидел несколько лошадей, которых негры держали под уздцы.

Дон Торибио соскочил наземь.

— Паломбо,— спросил он невольника,— здесь сеньор губернатор?

— Здесь; сейчас приехал с сеньором полковником доном Лопецом Альдоа.

— И полковник тут?

— Точно так, сеньор.

— Странно,— пробормотал дон Торибио Морено про себя.— Где они, Паломбо?— спросил он вслух.

— В гостиной барышень.

Мексиканец бросил поводья чуть не в лицо негра и опрометью кинулся к дому.

Он только что отворял дверь гостиной, когда почувствовал на плече руку.

Быстро оглянувшись, он вдруг увидел склоненное к нему насмешливое лицо Бартелеми, которого никак не подозревал в такой близости от себя.

— Ты здесь?— вскричал он.

— Почему же нет, когда ты тут?— возразил буканьер.

— Что я тут, понятно, но ты? Объясни мне...

— Сейчас, любезный друг, сейчас,— ответил Бартелеми, все подсмеиваясь,— но что же нам стоять у двери; входи, много есть нового.

— Вот тебе на! Видно, сегодня у всех есть новости.

— Должно быть,— равнодушно сказал Бартелеми.

И, не дожидаясь более дона Торибио, он сам растворил дверь с двусмысленной улыбкой на лице, которая имела свойство наводить дрожь на мнимого мексиканца.

Они вошли.

Среди комнаты стояли губернатор и начальник картагенского гарнизона, дон Лопец Альдоа; они разговаривали с Эльминой и Лилией.

По-видимому, разговор был очень оживлен; в нем даже слышались угрозы.

При виде дона Энрика Торибио Эльмина быстро обернулась к нему.

— В присутствии этого человека,— вскричала она,— когда случай или, лучше сказать, Господь привел его сюда, я объявляю вам, батюшка, что никогда не соглашусь быть его женой!

— Берегись!— с гневом топнув ногой, перебил ее дон Хозе.

— Сеньорита, умоляю вас!— прошептал дон Торибио Морено,— да что же тут происходит?.. Я сейчас только прискакал... Мне ничего не известно...

— Молчите!— крикнула на него девушка в порыве негодования.— Как вы смеете возвышать здесь голос?

— Довольно, донна Эльмина!— вскричал дон Хозе,— вы будете женою дона Торибио, я так хочу.

— Нет, батюшка,— вскричала Эльмина еще смелее,— умру скорее, чем сделаюсь женою этой презренной твари!

— Сеньорита!— опять вскричал дон Торибио, совсем озадаченный внезапным нападением и не зная, как ему себя держать.

Бартелеми смеялся исподтишка жалкому виду приятеля.

Донна Лилия старалась ободрять кузину и защищать ее от гнева отца.

При последних словах Эльмины дон Хозе пришел в такую ярость, что чуть не бросился на дочь.

— Несчастная!— вскричал он,— и ты осмеливаешься не покоряться моей воле?

— Не хочу идти за этого человека,— возразила она разбитым от скорби голосом.

— Ты выйдешь, говорю тебе, или...

— Убейте же меня на месте!— вскричала она в невыразимом отчаянии.

— Повторяю тебе,— вскричал дон Хозе, сильно сжимая ее руку,— ты выйдешь за дона Энрико Торибио Морено!

Внезапно дверь гостиной с шумом распахнулась и на пороге появился человек в сопровождении двух громадных собак и двух кабанов.

При виде его у присутствующих вырвался крик изумления и вместе ужаса.

Это был Медвежонок Железная Голова.

В своем буканьерском костюме он держал ружье в руке.

Сделав два шага вперед, он сказал спокойным голосом:

— Вы ошибаетесь, сеньор, донна Эльмина не выйдет за этого негодяя.

Все остолбенели на мгновение.

При входе Медвежонка Бартелеми как бы случайно встал у двери, чтобы заградить проход.

— Флибустьер, грабитель, здесь?— вскричали оба испанца и взялись за эфесы шпаг.

— Прошу без криков, без угроз,— продолжал Медвежонок Железная Голова все так же невозмутимо.— Сеньор дон Хозе Ривас, знаете ли вы человека, которого выбрали себе в зятья?

— Кажется...— пробормотал было испанец, невольно подчиняясь твердости и прямодушию Берегового Брата.

— У вас, видно, короткая память, кабальеро,— строго возразил тот,— я скажу вам, кто этот человек, который бесчестною игрою отнял у вас состояние и теперь прикидывается, будто хочет вступить в брак с вашей дочерью. Между тем он обманывает вас и давно женат на родине.

— Прежде всего,— надменно и с обычным хладнокровием сказал дон Хозе, который уже вполне овладел собою,— не угодно ли вам будет сказать, кто вы-то сами, сеньор, и по какому праву вошли в мой дом.

— Кто я?— холодно сказал Медвежонок,— флибустьер, как вы сами сказали, тот человек, сеньор, которому вы на Сан-Доминго были обязаны своей свободой и сохранением чести вашей дочери. По какому праву я здесь? По праву каждого благородного человека ограждать слабость от притеснений тех самых лиц, которые должны бы служить ей покровителями.

— Такая дерзость не останется безнаказанною, сеньор!— вскричал в бешенстве дон Хозе,— я сумею отплатить по заслугам...

— Полноте попусту грозить и важничать, кабальеро, а вы, сеньориты, уйдите, пожалуйста, в ваши комнаты. Не бойтесь, донна Эльмина, вы теперь под моею охраной; я сумею вас защитить от всех и каждого, даже отца вашего.

Знаменитый Береговой Брат низко поклонился молодым девушкам, которые, ответив на его поклон, медленно вышли из комнаты, не говоря ни слова.

Дон Хозе бросился было вперед, чтобы загородить дочери выход. Но перед ним словно вырос Бартелеми.

— Позвольте, сеньор,— сказал он,— поверьте, вам лучше послушаться капитана Железная Голова; дело стоит того, клянусь душой!

Это обстоятельство вынудило Бартелеми отойти на несколько мгновений от двери, которую он заграждал собою.

Дон Торибио не дремал, хотя совсем уже отчаивался спастись; увидев лазейку, открытую ему по счастливой случайности, он мигом юркнул в нее и ударился бежать сломя голову.

Почти немедленно вслед за тем раздался топот лошади, удалявшейся во весь опор.

Это мнимый мексиканец рассудил обратиться в бегство, так как очевидно попал в положение безвыходное.

Побег его произошел так стремительно, что пораженные изумлением присутствующие не успели воспротивиться ему.

Куда он ускакал, читатель узнает вскоре.

Теперь же мы предоставим беглецу свободу скакать что было духу.

— Доброго пути!— засмеялся Бартелеми.

— Господа,— продолжал с достоинством Медвежонок Железная Голова,— Картагену теперь атакуют и с моря и сухим путем; идите стать во главе ваших солдат, я не нарушу законов гостеприимства, задержав вас пленниками в вашем собственном доме; одной донне Эльмине вы обязаны, что я поступаю с вами таким образом.

— Презренный!— вскричал дон Хозе в бешенстве,— я отомщу за такую гнусную измену!

Медвежонок презрительно улыбнулся.

— Изменил вам тот,— сказал он,— которого вы хотели сделать своим зятем, ваш прежний хозяин в Сан-Доминго, бывший буканьер, которого товарищи осудили на смерть, а злой дух спас,— Пальник, словом!

— Пальник!— вскричал дон Хозе с грозною иронией.

— Кровь смывает все вины, кабальеро; будьте мне благодарны, что я даю вам средство умереть смертью воина.

Дон Хозе колебался с минуту; жгучая слеза сверкнула на его ресницах и тотчас же высохла.

— Дочь моя!— вскричал он.

— Что бы ни случилось, я возвращу вам ее после сражения; она и подруга ее находятся под охраною моей чести.

— Итак, до встречи на поле битвы; дай Бог, чтобы я нашел там смерть.

Вдруг дверь отворилась, и молодые девушки вбежали в комнату.

— Батюшка! Батюшка!— вскричала донна Эльмина, падая к ногам дона Хозе.

Тот как будто мгновение был в нерешимости.

— Батюшка!— повторила молодая девушка голосом, исполненным тоски,— сжальтесь надо мною!

Но гордость взяла уже верх в душе надменного дворянина; демон победил доброго ангела; дон Хозе поглядел на бедное дитя со странным выражением и, наклонившись к ней, спросил вполголоса тоном убийственной иронии:

— Если я прощу тебя, покоришься ты моей воле?

— О, батюшка!— воскликнула она с раздирающей тоскою.

Он поднял голову; горькая усмешка мелькнула на его бледных губах.

— Прочь!— крикнул он, грубо отталкивая Эльмину,— прочь, я не хочу тебя знать!

И он быстро вышел.

Дон Лопец сделал было движение, чтобы последовать за ним, но любовь к дочери поборола его волю; он остановился, прижал ее к сердцу и, толкнув в объятия капитана Железная Голова, вскричал с невыразимой скорбью:

— Охраняйте ее!

Он выбежал с глухим рыданием, закрыв руками лицо.

Обе девушки лежали в обмороке.

— Александр!— крикнул Медвежонок.

Тот немедленно явился на зов.

— Ты мне ответишь головою за обеих,— сказал он ему.

— Это решено, командир,— хладнокровно ответил Александр.

— А мы куда?— спросил Бартелеми.

— Мы идем победить или костьми лечь вместе с товарищами.

Через несколько минут Береговые Братья в свою очередь выходили из дома.

XXI

ДОН ХОЗЕ РИВАС ДЕ ФИГАРОА ИСПОВЕДУЕТСЯ ДОНУ ЛОПЕЦУ АЛЬДОА САНДОВАЛЮ

Два испанца вихрем мчались к Картагене на превосходных лошадях.

Бледный, нахмурив брови, сжав губы, без шляпы, с обнаженною шпагою в руке, дон Хозе то и дело гнал своего коня.

— Осмеян!— бормотал он,— выдан, брошен всеми! Одной жалости презренного флибустьера быть обязанным, что умру смертью солдата!

— Человек этот вовсе не презренный, вы сами это знаете, мой друг,— возразил дон Лопец Альдоа, пожав плечами.

Дон Хозе быстро обернулся.

— И вы, вы также против меня!— вскричал он с гневом и вместе с грустью.

— Я не против вас, дон Хозе, когда возле вас и готов умереть с вами. Отчаяние ослепляет вас.

— Правда! Я с ума схожу! Я неправ!— вскричал он с горечью,— простите мне, друг мой; но вы не знаете, вы не можете знать, как я страдаю.

— А я-то разве не страдаю, дон Хозе? Разве честь моя как воина не запятнана так же, как и ваша? Разве я не

отец, как и вы? И Богу известно, дорога ли мне моя дочь, моя бедная, кроткая девочка! Клянусь же вам честью, друг мой, я убежден, что донна Лилия не более подвергается опасности под охраною этого человека, как если бы она была со мною.

— Уж не воображаете ли вы, что я не знаю этого так же хорошо, как и вы?— вскричал нетерпеливо дон Хозе Ривас.

Дон Лопец поднял на него изумленный взор.

— Если так, то я не понимаю вас, мой друг,— сказал он.

— Вы и не можете понять меня, любезный дон Лопец,— пробормотал с горькою усмешкой губернатор.

Они продолжали скакать так же стремительно, но молча.

Вскоре два испанских сановника очутились в виду Картагены; городская стена была всего в нескольких сотнях шагов от них.

Везде царствовала тишина. Несмотря на слова флибустьера, который полагал, что говорит правду, атака города еще не начиналась.

Всадники миновали довольно густой лесок, который почти примыкал к городской стене, очень ветхой, как уже сказано, и с большими брешами там и сям.

По всем направлениям, так далеко, как простирался взор, не было видно ни души; мертвое безмолвие царило над природою, обыкновенно такой оживленной.

Дон Хозе сошел с лошади.

Спутник его также остановился и глядел на него с изумлением, не понимая, что он имеет в виду.

— Дадим отдохнуть лошадям,— мрачно сказал губернатор,— нечего спешить: неприятель еще далеко.

Дон Лопец Альдоа молча кивнул головой и в свою очередь сошел с лошади. Лошадей привязали к стволу дерева.

Губернатор, бледный как мертвец, опустился на землю и несколько мгновений оставался неподвижен, с тусклым взором, искаженными чертами, холодным потом на лбу и как бы ничего не сознавал вокруг себя; его побороло жестокое душевное страдание, против которого он, несмотря на все усилия воли, устоять не мог.

— Что с вами, дон Хозе?— спросил с участием дон Лопец,— вам дурно?

— Нет,— сказал он, качая головой,— дух страдает. Выслушайте, любезный друг, мою предсмертную исповедь.

— Вашу предсмертную исповедь?— с изумлением вскричал дон Лопец.

— Да; вы мой единственный друг, вас я назначаю исполнителем моей последней воли.

— Однако...

— И вы отказываетесь?— вскричал дон Хозе с вспышкою гнева.

— Я далек от подобной мысли.

— Так дайте мне говорить, дон Лопец Альда; времени остается мало.

— Друг мой...

— Не перебивайте меня,— мрачно остановил дон Хозе.— Предстоящее сражение будет для меня роковым; я предчувствую это. Не хочу уносить в могилу тайну, которая убивает меня и которую так долго хранил в душе. После смерти моей поступайте как найдете лучшим, или скорее, я в том уверен, как предпишет вам честь. Дайте мне говорить, как для меня легче будет высказаться; иначе я никогда не соберусь с духом покаяться вам в том, что для меня убийственно. Я все скажу в немногих словах. Две неумолимые ненависти терзали мое сердце целых двадцать лет: я ненавижу флибустьеров, ненавижу Эльмину.

— Вашу дочь?— вскричал дон Лопец.

— Донна Эльмина мне не дочь,— сухо возразил дон Хозе Ривас.

Он говорил хрипло, отрывисто, поспешно, точно торопился скорее свалить с души странную исповедь, к которой, в глубине души, быть может, уже раскаиваясь, что приступил.

Дон Лопец Альдоа слушал его с оцепенением, почти в ужасе.

— Мне было тогда двадцать пять лет,— продолжал дон Хозе немного погодя,— три года я был женат против воли моих родителей. Вы знаете, что род наш принадлежит к

высшему дворянству Испании; жил я с женою и двухлетней дочерью в маленьком городке Сан-Хуан-де-Гуаява на острове Сан-Доминго; городок этот находится, как вам, быть может, известно, на испанской границе. В одну ночь буканьеры завладели городом и сожгли его. Мой дом был взят приступом только после отчаянного сопротивления; все мои слуги безжалостно были умерщвлены разбойниками; одним чудом успел я убежать сквозь огонь и пламя; жена моя и дочь сгорели.

— Это ужасно!— вскричал дон Лопец.

— Не правда ли? Слушайте дальше, я не кончил еще. Я люблю деньги, не для них самих, но для наслаждений, которые они доставляют; для меня деньги — все. По условию брачного контракта, состояние моей жены должно было возвратиться в ее род, если б она умерла бездетная. Состояние это доходило до двух миллионов пиастров с лишком. Как младший сын, я ничего не имел, кроме дворянства; смерть дочери делала меня нищим, а я жаждал богатства, жаждал во что бы то ни стало сохранить состояние своей жены, когда для него только и женился. В суматохе, пока город был предан огню и мечу, я выбрался из него незаметно. Увидев пьяного буканьера, который спал у подножия дерева, я подошел, убил его, снял с него платье и надел вместо своего. Вслед за тем я пошел куда глаза глядят, без определенной цели, останавливаясь, когда усталость сломит меня, питаясь Бог знает как; я не помнил себя от отчаяния. На третий день я вошел в город; впоследствии я узнал, что это был Порт-Марго. Под одеждою моею я так хорошо был скрыт, что никто не обратил на меня внимания. Мои предки родом из Наварры, почему я и говорю по-французски почти так же свободно, как на родном языке. Машинально я остановился у первого встретившегося мне дома и просил приюта; мне дали его. Хозяин был бедняк бретанец, недавно прибывший на Сан-Доминго с женою и дочерью: слышите, дочерью совершенно одного возраста с моею, которой я лишился таким ужасным образом...

— Итак, донна Эльмина...

— Дочь приютившего меня хозяина; вот как это сделалось. Спустя несколько дней после моего водворения в доме Гишара — моего хозяина, который был очень беден,— он нанялся матросом на корабль знаменитого Монбара и ушел в экспедицию, поручив мне жену и дочь. Оставшись хозяином в доме, я поддался искушению — злой дух вселил в меня ужасную мысль. В первую же ночь по отъезде Гишара я около полуночи пошел крадучись в комнату хозяйки. Она спала; я приблизился к колыбели ребенка.При шуме шагов моих мать проснулась; зачем просыпалась она? Я не хотел ей зла. Увидав меня, она, вероятно, по предчувствию, которое никогда не обманывает сердца матери, заподозрила мое намерение и с криком бросилась ко мне, призывая на помощь; я убил ее, потом хладнокровно закутал девочку в свой плащ и бежал. В четыре дня я достиг Сан-Хуан-Гуаявы. Пора мне было вернуться,— продолжал дон Хозе с резким смехом, в котором не слышалось ничего человеческого,— наследники уже делили мое состояние. Неожиданным своим появлением я совсем поразил их; жена моя умерла, но дочь осталась в живых; итак, я сохранил богатство. Спустя месяц я уже продал все свое недвижимое имущество и был на пути в Мексику.

— О, это страшно!— вскричал дон Лопец Альдоа с движением ужаса.

Дон Хозе продолжал, не обратив внимания на возражение, которого, может быть, и не слышал.

— И что же, друг мой! Несмотря на все, что я сделал для нее,— прибавил он с невыразимой горечью и негодованием,— девочка никогда не любила меня; безотчетное чувство всегда удаляло ее от меня и точно будто говорило, что мы не одной крови; она почти невольно стремится душой к этим презренным грабителям.

— А что же сталось с отцом ее?— спросил дон Лопец Альдоа, против воли увлеченный странным рассказом.

— Никогда о нем не слыхал; впрочем, вы должны понимать, что я не добивался известий о нем; какое мне было дело до этого человека, вероятно, убитого в какую-

нибудь экспедицию? Вот тайна, которую я решился открыть вам перед смертью.

— Бедное дитя!— грустно сказал полковник вполголоса.

Дон Хозе Ривас засмеялся презрительно.

— Не жалейте ее,— возразил он с горечью,— если захочет, она легко отыщет своих родных. Кто знает, может быть, я ошибаюсь и родители ее живы еще? Кстати, я забыл упомянуть, что флибустьеры по образу жизни, который ведут, часто бывают внезапно разлучены со своими семействами на долгий срок и потому приняли обыкновение отмечать детей разными знаками. У донны Эльмины на правой руке голубой знак величиной с реал. Теперь, надеюсь, вы поймете мою ненависть к флибустьерам, этим врагам, которые вечно становились мне на дороге и вечно побеждали меня; вы понимаете, сколько я должен был страдать от геройского великодушия презренного разбойника, который избавил меня на Сан-Доминго от позорного рабства и с час назад в моем собственном доме разыграл роль покровителя и с таким пренебрежением дал мне уйти, когда я находился в его власти!

При этих словах дон Хозе быстро встал и отвязал свою лошадь.

Полковник шел за ним машинально, находясь под впечатлением невыразимого ужаса.

Страшная исповедь ошеломила его.

— Еще одно слово, друг,— сказал дон Хозе.

— Говорите.

— Я узнал гнусного негодяя, за которого насильно хотел выдать донну Эльмину!— с демонскою усмешкой вскричал губернатор.— Брак этот был моею последнею и окончательною местью!

— О, довольно! довольно!— воскликнул полковник,— это чудовищно!

Дон Хозе разразился адским смехом, вонзил шпоры в бока лошади и отдал поводья.

Всадники понеслись во весь дух.

Едва они успели отъехать, как среди кустарника медленно поднялся человек, который лежал там притаив-

шись. С минуту он глядел им вслед со странным выражением.

— Ей-Богу! Иногда хорошо подслушивать!— вскричал он, весело потирая руки.— Как хорошо я сделал, что гнался за этими достойными испанскими сановниками! Какой злодей этот достопочтенный испанский дворянин! Честное слово, мой превосходный друг Пальник невинный агнец перед ним!

Говоря таким образом, свойственным ему насмешливым тоном, он вернулся в лес за лошадью, которую там оставил, вскочил в седло и ускакал во весь опор по направлению к Картагене.

Читатель, вероятно, узнал в нем капитана Бартелеми.

XXII

РАЗВЯЗКА

Несмотря на решение совета, Медвежонок Железная Голова предводительствовал высадным войском, предоставив Олонцу командование фрегатом.

Никому Медвежонок не хотел доверить заботы об охране донны Эльмины.

Фрегат «Задорный», недостаточно поднявшись по ветру, не мог подойти к каналу в условленное время; он был вынужден сделать поворот, отчего и произошло замедление.

Однако, когда наконец подошли флибустьеры и завязался бой, испанцы, которые не имели возможности так быстро приготовиться к обороне и захвачены были, так сказать, врасплох, почти не сопротивлялись, увидав себя окруженными со всех сторон.

Город был взят без боя, если б губернатор и командующий гарнизоном не успели запереться в форте Сан-Хуан с лучшим войском и не воодушевляли солдат своим

присутствием, решившись защищаться до последней крайности.

Там сражались упорно, с ожесточением; если б везде оборона была такая же энергичная, никогда флибустьерам не удалось бы овладеть Картагеной.

Форт был ключом к городу; взять его следовало во что бы то ни стало.

Десять раз буканьеры, раздраженные сопротивлением, ожесточенно бросались в атаку, их все отражали с высоты укреплений.

Однако день клонился к вечеру; надо было покончить с этим.

Медвежонок Железная Голова соединил вокруг себя самых храбрых своих товарищей и вместе с Олонецом, Польтэ и знаменитейшим из флибустьерских начальников решился на последнюю отчаянную попытку.

Но перед тем, чтобы подать сигнал к атаке, он подозвал Бартелеми.

— Ну что?— спросил он.

— Ничего.

— Надо отыскать этого человека; он, наверно, замышляет последнюю измену.

— Я боюсь этого,— покачав головой, ответил Бартелеми.— Он вернулся в Картагену, где собрал негодяев, завербованных им для шхуны, и с ними скрылся куда-то.

— Этот Пальник мой злой гений,— пробормотал Медвежонок в задумчивости,— послушай, Бартелеми, возьми человек пятьдесят, садитесь на лошадей и скачите в Бутаку. Он должен быть там.

— Ты прав!— вскричал Бартелеми, ударив себя по лбу,— он там и нигде более; сейчас поскачу,— прибавил он со вздохом сожаления.— А ведь мне очень хотелось участвовать в последнем приступе. Атака будет великолепная.

— Еще бы! Они защищаются как львы; почем знать, однако, не ожидает ли тебя и там блистательный бой?

— Как бы ни было, когда ты приказываешь!

— Прошу, товарищ. Обнимемся, и да наставит тебя Господь!

— Прощай, брат, желаю успеха!

Когда Бартелеми удалился очень не в духе, он услыхал команду Медвежонка:

— За мной, братья! На штыки! Надо кончить!

— Вот счастливцы-то!— проворчал Бартелеми.

Он мигом собрал вокруг себя небольшой отряд всадников, стал во главе их и марш-маршем понесся к деревне.

Спустя час они показались в виду Турбако, словно мчавшийся вихрь.

Едва дон Торибио Морено, или, вернее, бывший буканьер Пальник, так как пора называть его настоящим именем, обратился в бегство из загородного дома губернатора, как мы упоминали выше, он бросился стремглав к кабаку, где нанятые им Матадоце и достойные товарищи его скрывались в ожидании его распоряжений.

Пальник вбежал в питейную. Наемщики его курили, пили водку и играли, вовсе не занимаясь тем, что происходило в городе, и нисколько не скучая бездействием, в котором оставлял их тот, кому они запродали свои услуги.

По приказанию бывшего буканьера они встали, взялись за оружие и вмиг приготовились следовать за ним.

Их было пятнадцать; остальные, отправленные два дня назад в Картагену, перевезены были на шхуну, как уже сказано.

Пятнадцать разбойников вышли из кабака поодиночке и направились к лесу, который примыкал к дому Хозе Риваса, где и спрятались в кустарнике выжидать, когда настанет минута действовать.

Предписав им величайшую осторожность, мнимый мексиканец поскакал в Картагену за остальными разбойниками, которые находились на шхуне.

Ненависть придавала ему крылья; менее чем в два часа он слетал туда и обратно и примкнул с подкреплением к Матадоце и его товарищам.

Теперь он очутился во главе пятидесяти человек отчаянных висельников, которые не остановились бы ни перед чем и по знаку его не колеблясь совершили бы величайшие злодеяния.

Увидав, что узнан и не может более уйти от мести Береговых Братьев, он смело сбросил маску, и если смерть была неизбежна, по крайней мере, решился умереть, отмстив за себя.

Он раздал своим клевретам довольно крупную сумму денег, дал им свои инструкции в немногих словах и приготовился сыграть свою последнюю игру.

Вот в чем состояла она: пробраться в дом, который считал не защищенным, и, завладев молодыми девушками, запереться там, приняв все меры для обороны. В душе он не сознавался в успехе флибустьеров и глубокое питал убеждение, что их смелая попытка увенчается победой. Итак, он намеревался выдержать целую осаду и сдаться только на выгодных условиях при том, что донна Эльмина и донна Лилия будут в его руках заложницами.

Он рассчитывал на любовь Медвежонка к донне Эльмине и вообще на великодушие и благородство знаменитого флибустьера.

План составлен был хорошо; исполнив его с надлежащей смелостью, можно было рассчитывать на успех.

Итак, Пальник напал на загородный дом губернатора.

Сперва он велел пробить садовую калитку, через которую два дня назад тайком входили ночью Бартелеми и Медвежонок. Разбойники ринулись с яростными криками в сад.

На несчастье Пальника, шайка его с первых же шагов наткнулась на флибустьеров под командою Александра, данника Железной Головы.

Стычка произошла ожесточенная; испанцев было вдвое числом против флибустьеров, но последние твердо решились не отступать ни на пядь.

Завязался бой и вскоре принял чудовищные размеры.

Доскакав до деревенского фонтана, капитан Бартелеми остановил на мгновение свой отряд и с напряженным вниманием стал вслушиваться.

Сильный ружейный огонь раздавался со стороны губернаторского дома.

— Я слышу звук ружей!— вскричал Бартелеми.—

Медвежонок был прав! Нападают на наших. Вперед, товарищи, с Богом вперед!

Отряд немедленно двинулся вскачь и влетел во двор дома.

Там все было тихо. Сражение происходило в саду.

— За мной, ребята!— крикнул Бартелеми и соскочил с лошади.

Буканьеры последовали его примеру. Сад был усеян мертвыми телами.

Посреди обширной лужайки, в центре которой росло дерево, стояли вокруг, спиною к стволу, Александр и уцелевшие, из двадцати более или менее раненых, восемь человек буканьеров; они защищались как львы, доведенные до крайности, от двадцати испанцев, которые с яростью наступали на них со всех сторон.

— Стрелять, ребята, а там на ножи!— вскричал Бартелеми.

Раздался страшный залп, и буканьеры ринулись на испанцев со своим грозным воинственным криком.

Произошла страшная свалка.

Испанцы, захваченные между двух огней и видя, что бегство невозможно, дали убить себя до последнего.

Ни один не спасся.

— Эй, ты! Постой минутку!— вскричал Бартелеми, прицеливаясь в субъекта, который старался проскользнуть в кустах,— так не расстаются с товарищами.

Раздался выстрел, и беглец упал наземь безжизненною массой, испустив болезненный крик, скорее походящий на рев дикого зверя.

Бартелеми бросился к нему.

— Эге! Ты, видно, хотел изменить нам, достопочтенный Пальник!— сказал он с обычною усмешкой, крепко скрутив его веревками и сдав под надзор двух товарищей.

Пленник бросил на него грозный взгляд, но не возражал.

Бартелеми раздробил ему пулею правую ногу — он не хотел убить презренного негодяя, но, узнав его, когда он бросился в бегство, только имел в виду помешать ему уйти, что ему и удалось.

Приставив к Пальнику надежный караул, Бартелеми вернулся к Александру, занятому перевязкой двух довольно сильных ран, полученных им,— в правую руку и в голову.

— Где девушки?— спросил он.

— Здесь,— ответил Александр,— под этим ворохом листьев и сухих ветвей.

— Они целы и невредимы?

— Да, но тебе пора было подоспеть, брат.

— Вижу.

— Как ты думаешь, будет доволен мною Медвежонок Железная Голова?

— В восторге, черт возьми! Трудно бы и не быть!

— Так все идет отлично!— весело вскричал Александр.

— Однако ты ранен?

— Ба! Вздор.

И он снова принялся за свою перевязку.

Молодые девушки так хорошо были спрятаны в ворохе сухих ветвей своими защитниками, что не получили ни одной царапины, но были полумертвы от страха.

Медвежонок Железная Голова верно рассчитал, предположив, что Пальник нападет на дом, где находились девушки, и попытается захватить их.

Еще несколько минут, и низкий негодяй успел бы в своем гнусном замысле.

Не теряя ни минуты, Бартелеми принял все меры, чтоб вернуться в Картагену как можно скорее и молодых девушек увести с собою.

— А мой отец?— вскричала донна Лилия.

— Вы вскоре увидите его, надеюсь,— ответил буканьер.

— Видели вы его?

— Издали видел; он храбрый воин.

— Вы ничего не говорите про моего отца, сеньор,— в волнении спросила донна Эльмина.

— Вашего отца, сеньорита, я не знаю.

— Как! Вы не знаете дона Хозе Риваса?

— Знаю, сеньорита.

— Так что же?

— Что?

Буканьер остановился; он заметил, но слишком поздно, что у него с языка сорвалась глупость.

— Ради Бога, говорите все!— с горестью вскричала донна Эльмина,— не ранен ли он, о Боже мой?.. Вы не отвечаете... одно слово, умоляю вас... он не умер?

Буканьер сделал усилие над собой и храбро принял решение.

— Ба!— пробормотал он,— лучше все сказать.

— Господи! Я вся дрожу от ваших слов.

— Успокойтесь, сеньорита.

— Он, верно, ранен?

— Не знаю я этого, сеньорита, но вот что мне известно, потому что слышал, как он сам говорил, что он вам не отец, даже не сродни, а вы дочь храброго Берегового Брата; вот что!

— Дон Хозе мне не отец?— вскричала Эльмина, всплеснув руками.— Боже, Боже мой! Что ж это значит? Я ослышалась вероятно, я с ума схожу...

И, пошатнувшись, молодая девушка упала без чувств.

Бартелеми поглядел на нее растерянно.

— К черту женщин!— вскричал он, трсснув себя кулаком по лбу так, что быка впору бы свалить,— а я-то воображал, что сообщаю хорошую весть!

— Вы глупец, сеньор!— засмеялась донна Лилия.

— Начинаю думать это,— ответил буканьер с глубоким убеждением.

Бартелеми вернулся в Картагену часам к восьми вместе с молодыми девушками и товарищами Александра.

Флибустьеры уже заняли город.

Последний приступ увенчался победой; после упорной схватки грудь с грудью защитники форта, сознавая бесцельность дальнейшего сопротивления, наконец увидели себя вынужденными сложить оружие.

Против обыкновения, Берсговые Братья на этот раз не запятнали своей победы позорными неистовствами, благодаря энергичности и твердости предводителя.

После геройского сопротивлсния дон Лопец Альдоа отдал свою шпагу самому Медвежонку Железная Голова.

Тот вынудил его взять ее обратно и в то же время вернул ему дочь.

Что же касается дона Хозе Риваса, то он сам произнес над собою суд, всадив себе пулю в лоб, не желая попасться живым в руки врагов.

В тот же вечер испанский полковник рассказывал начальникам флибустьеров историю донны Эльмины.

Береговые Братья тотчас признали ее приемной дочерью.

В награду за его храбрость при защите дома в Турбако Медвежонок объявил Александра свободным от всякого обязательства и равноправным Береговым Братом.

Занятие Картагены длилось восемь дней, после которых экспедиционное войско вернулось на Сан-Доминго с громадным количеством добычи.

Напрасно командир разыскивал и лично и через других родственников сироты; бедный Гишар едва показался на Сан-Доминго и не оставил никаких следов своего кратковременного пребывания.

Пришлось покориться невозможности приподнять кончик завесы, которая скрывала эту непроницаемую тайну.

Спустя месяц Медвежонок Железная Голова женился на Эльмине.

Свидетелями невесты были д'Ожерон, губернатор Сан-Домингской колонии, и Монбар-Истребитель.

Благодаря размену заложников, испрошенному д'Ожероном от имени короля французского, донна Лилия и отец ее были на свободе.

По просьбе дочери дон Лопец Альдоа поселился в Порт-Марго.

Через четыре месяца капитан Бартелеми был счастливым супругом донны Лилии.

Что же касается Пальника, то он также совершил переезд из Картагены на Сан-Доминго, только способом не совсем приятным, то есть повешенный на фок-рее фрегата «Задорный».

Говорят, добродетель рано или поздно всегда вознаграждается; в подкрепление и мы скажем, что Бартелеми

наследовал богатство своего бывшего приятеля и прелестную шхуну «Санта-Каталина»; но капитан наш не возгордился, тем более, что спустя полгода все перешло в цепкие руки барышников Порт-Марго.

Только шхуну он сохранил, благодаря которой несколько раз еще богател, чтоб вновь разоряться, да прелестную жену, которая все заменяла ему, чего он лишился, говорил он шутливо.

К концу царствования Людовика XIV донна Эльмина появилась при дворе в Версале, где была представлена королю самою маркизой Монтенон; но тогда муж ее носил уже свое настоящее имя и титул.

Конечно, никто не узнал бы тогда в изящном и гордом дворянине грозного буканьера Медвежонок Железная Голова, который так долго наводил страх на испанцев в американских морях.

СОДЕРЖАНИЕ

Золотая Кастилия

I. Лодка 7
II. Три человека и пятьсот аллигаторов 15
III. Флибустьеры 22
IV. План кампании 31
V. Шхуна «Мадонна» 39
VI. Помещение 47
VII. Дуэнья 54
VIII. Прогулка по морю 64
IX. Отъезд 72
X. Родственники 80
XI. Прибытие 89
XII. Гостиница 98
XIII. Объяснение 107
XIV. Обед у д'Ожерона 117
XV. Маркиз дон Санчо де Пеннафлор 124
XVI. «Тигр» 133
XVII. Совет флибустьеров 143
XVIII. Агвир 151
XIX. Кабильдо 160
XX. Вяхиревый островок 169
XXI. Маракаибо 178
XXII. Гибралтар 186
XXIII. Монако 196
XXIV. Добыча 207
XXV. Семейная сцена 216
XXVI. Лицом к лицу 226

Медвежонок Железная Голова

Вступление 239
I. Здесь автор знакомится с капитаном Медвежонком Железная Голова 261
II. Как играли в кости прежний данник и хозяин его и что последовало 271
III. Каким образом капитан Медвежонок Железная Голова употребил богатство, выигранное у прежнего хозяина ... 282
IV Как флибустьеры нашли Польтэ, который один-одинешенек оцеплял пятьдесят испанцев 290
V. Что произошло в саванне между испанцами и Береговыми Братьями и как они расстались 298

VI. Как «Задорный» снялся с якоря и какой разговор о разделе добычи капитан Медвежонок Железная Голова заставил экипаж скрепить присягой 309
VII. Каким образом Медвежонок Железная Голова купил у испанцев припасы, в которых нуждался, и как достал себе проводника 326
VIII. Как беседа молодых девушек кончилась рыданием 341
IX. Дон Энрико Торибио Морено показывается в выгодном свете 350
X. Как толковали два матроса и что из этого вышло 358
XI. Как встретились «Задорный» и «Сан-Хуан-Батиста» 367
XII. Как донна Лилия несколько ободрила свою кузину 378
XIII. Здесь дон Торибио и его приятель беседуют о кое-каких делах своих 383
XIV. Капитан Бартелеми приставляет глаза к скважине, чтобы лучше видеть, а ухо прикладывает к перегородке, чтобы лучше слышать 389
XV. Капитан Бартелеми отправляется за своим ружьем 397
XVI. Как капитан Бартелеми встретил своих друзей 404
XVII. Медвежонок Железная Голова испытывает приятную иеожиданность благодаря своему брату-матросу 409
XVIII. Дон Торибио Морено начинает тревожиться 414
XIX. План атаки 421
XX. Здесь дон Торибио замечает, что предчувствие не обмануло его 425
XXI. Дон Хозе Ривас де Фигароа исповедует донну Лопецу Альдоа Сандоваль 432
XXII. Развязка 438

Эмар Густав

ЗОЛОТАЯ КАСТИЛИЯ

Клуб «Золотое перо»

Редактор Н. М. Федоренко
Художественный редактор А. Б. Романова
Технический редактор А. Б. Кольчик
Корректор А. И. Асланянц

Подписано в печать 11.05.93. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2.
Печать высокая. Тираж 60 000 экз. Заказ № 7934. С 4.

Фирма «Топикал» Ltd. 109390, Москва, 1-я ул. Текстильщиков, 8.
Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати Российской Федерации. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм
«Целлофот»

